

ЛАНА КАМИНСКАЯ

Сердце
ДРАКОНА

КНИГА II

Annotation

Со стороны кажется, что у хозяина юга, Гайларда Стернса, есть всё: земли, армия, титул, громкое имя и заманчивое будущее. Вот только это кажется со стороны. А что делать, если внутри всё давно умерло и ночи стали кошмарами? Можно превратиться в равнодушного агрессора, можно влюбиться, можно даже бросить вызов древним пророчествам. Но что, если твоим соперником будет дракон? Непростой дракон...

- [Глава 1. Репей и роза](#)
 - [Глава 2. Случайные неслучайности](#)
 - [Глава 3. Ключ](#)
 - [Глава 4. На большой дороге](#)
 - [Глава 5. Разыграть карту](#)
 - [Глава 6. Городская стена](#)
 - [Глава 7. Хранящая тайны](#)
 - [Глава 8. Колокола](#)
 - [Глава 9. Соперники](#)
 - [Глава 10. Хозяин Торренхолла](#)
 - [Глава 11. Паучиха](#)
 - [Глава 12. Когда кричит филин](#)
 - [Глава 13. Хозяйка Торренхолла](#)
 - [Глава 14. Сэм](#)
 - [Глава 15. Васильки и крапива](#)
 - [Глава 16. В тупике](#)
 - [Глава 17. Мышиная сила](#)
 - [Глава 18. Меж двух огней](#)
 - [Глава 19. Аптекарские дела](#)
 - [Глава 20. Тень зверя](#)
 - [Глава 21. Третий лишний](#)
 - [Глава 22. Меч короля](#)
-

Глава 1. Репей и роза

Он выглядел омерзительно. Настолько отвратительно, что Мириан не выдержала и перевела взгляд с родного брата на завешенную гобеленами стену, и сделала глубокий вдох. Попробовала вновь посмотреть на Итора и снова не смогла вынести всего того уродства, к которому за долгие годы вроде как привыкла и до поездки в Нолфорт даже не замечала. Возможно, и вчера не заметила бы, если бы не острое словцо в адрес Стернса, которое Итор поспешил выплюнуть сестре, стоило той выскочить к брату навстречу, а ему самому — спешиться.

Процессия из Ллевингора прибыла рано утром. И в тот же день, но уже после заката солнца, вернулся хозяин.

Мириан которую ночь мучалась бессонницей, и услышать, как скрипнули ворота, как заржали кони, и как затопала сапогами стража, труда не составило. Но факелов во дворе было зажжено мало, а потому разглядеть что-либо во тьме через окно с высоты третьего этажа оказалось сложно, как бы Мириан ни старалась и к каким бы окнам ни подходила. Однако наделанного шума оказалось достаточно, чтобы понять, кто именно въехал через главный вход, тем более и прислуга, ничуть не смущаясь, что разбудит гостей, повыскакивала из комнат, отведённых ей в самом дальнем крыле замка, и не успокаивалась ещё долго, то стуча и скрипя разными дверями, то снуя туда-сюда с тёплыми полотенцами, чистыми простынями и наскоро подогретыми кушаньями.

Но прошло время, и возня прекратилась, а Мириан, забравшись обратно в кровать и натянув одеяло чуть ли ни до подбородка, так и не заснула и с первыми лучами солнца уже встала, кликнула служанку, чтоб та помогла ей одеться, долго выбирала платье и укладывала волосы, фыркая, что тот или иной локон вечно топорщится, и с замиранием в сердце принялась ждать первой встречи.

Но встреча откладывалась, и Мириан уже была готова провалиться сквозь землю от позора, и провалилась бы, если бы вместе с ней в комнате, окнами выходящей на юг и пышно цветущий сад, не находился сейчас её брат. Некогда горячо любимый, но сейчас

раздражающий как своим присутствием, так и своей безобразной внешностью.

— Я удивляюсь твоему спокойствию. — Губы Итора искривились столь сильно, что лицо стало ещё более уродливым, чем было раньше.

— А я удивляюсь твоей сварливости.

Мириан продолжала скользить взглядом по гобеленам, словно видела их впервые, хотя за последние дни успела уже досконально выучить каждый узор.

— Ты изменилась, сестра, — вкрадчиво начал Итор, но был тут же безжалостно перебит.

— Ты ошибаешься.

— Ты провела в чужом доме около пары недель, а уже оправдываешь заносчивость Стернса и его безразличное к нам отношение? Не забывай, ты здесь не гостья на одну ночь, ты уже практически здесь хозяйка.

— Ты забыл, какую цену мы заплатили?

Итог беззвучно пошевелил губами.

— Чего бы нам это ни стоило, с нами должны обращаться почтительно, а не указывать каждый час, что наше место возле свинарника!

Мириан не выдержала и перевела взгляд с гобеленов на брата. Тот ходил из угла в угол, сильно хромая, и был красным, как варёный рак.

— Прекрати!

— Скажи это своему будущему муженьку.

— Тому, что мы не были приглашены к завтраку, есть своё объяснение. Стернс почти всю ночь провёл в дороге, завтракал поздно и, вероятнее всего, в своей спальне.

— А как тебе то, что он успел перекинуться парой слов уже со всеми в этом замке, кроме нас? Даже с этими вечно скучающими Талайтами.

— Тоже вполне понятно.

— Да?

— Представь себя на его месте. Будь ты уставшим и грязным, ты бы вышел к своей невесте вот так сразу, даже лица не ополоснув? Тем более если ты ту невесту никогда раньше не видел. Что может быть хуже испорченного на всю жизнь первого впечатления?

— Только вечная самовлюбленность и желание лишний раз унижить и без того растоптанных.

Мириан поморщилась.

— Не принимай всё столь близко к сердцу. Вот увидишь, не успеет солнце зайти за башни, как всё исправится, и ты будешь сильно жалеть, что позволил себе такие мысли, тем более слова.

Но старший брат только хмыкнул, покачал головой и опустился в кресло напротив сестры.

— Не надо было так под него прогибаться.

— Зато ты не потерял трон.

— Сейчас — нет, но я не уверен, что всё останется так, как есть, спустя пару лет. И самое мерзкое во всей этой истории, что расплачиваться за мою корону придётся тебе.

Мириан только вяло улыбнулась.

— Меня к этому готовили, разве ты не помнишь? Не Стернс — так другой. А в нашем с тобой положении Стернс — это лучшее, что только могло со мной случиться. Так что... мне остаётся только радоваться.

— Мириан...

— Тсс, — сестра в ответ лишь приложила палец к губам, умоляя больше не продолжать.

Брат был совсем на тем, с кем Мириан сейчас готова была обсуждать будущего мужа и свои будущие обязанности покорной супруги. Случись тот разговор год назад, она бы с удовольствием пооткровенничала, обсудила бы каждую ниточку на наряде жениха, высмеяла или восхитилась бы его манерами и говором, но война всё изменила и даже её отношение к Итору. Куда-то исчез тот образ, который Мириан всегда берегла в своём сердце. Растворился, рассыпался на песчинки. А всё потому, что в одночасье Итор стал другим. Былые храбрость и благоразумие оказались показными: верхний слой, считавшийся золотым, был влёгкую смахнут и на поверку оказался пылью, наружу выползла фальшивка, подчёркиваемая внешне уродливой оправой и сама по себе гнилая изнутри.

Война вывернула наружу правду. Сколько бы ещё продолжался тот сон, в котором Мириан видела брата уважаемым и заботливым правителем? А если маски сброшены, то какая, в конце концов,

разница, в чьей клетке томиться? Может, у врага и лучше, ведь тот, по крайней мере, не поёт сладких песен перед сном, а утром не оплачивает тобой свои проигрыши. Правды Мириан не знала, загадывать не смела, но всем сердцем верила, что то, что случилось, уж точно к лучшему.

— Кто там ещё? — недовольно отозвался Итор и повернулся в кресле, когда в дверь вежливо постучали. Так стучатся только слуги, но не мелкие сошки. — Войди! — распорядился брат, даже не поинтересовавшись у сестры, готова ли она принимать в своих покоях кого-либо либо, кроме него самого.

В дверях показался Риновар, лакей Стернса. Из-за его спины выглядывала милая на личико девчушка, по всей видимости, служанка.

— Миледи, — начал Риновар, закончив с приветствиями и учтивыми поклонами, — его светлость просили передать, что вы и ваш брат окажете ему большую честь, если сегодня вечером присоединитесь к торжественному ужину. Он состоится в большой зале, и если вам понадобится помощь с приготовлениями, то Тиа к вашим услугам.

Победная улыбка осветила лицо Мириан. Бросив укоризненный взгляд на брата, она поблагодарила слугу, медленно поднялась с кресла, в котором сидела, и поманила к себе девушку.

— Ты уложишь мне волосы и поможешь переодеться. Пойдём.

Одетая в скромное чёрно-серое платье длиной до щиколоток, с короткими рукавами и всего одним подъюбником служанка подошла к Мириан, сложила руки на переднике и потупила взгляд, принявшись разглядывать носы своих стоптанных башмаков. Но неловко девчонке стало вовсе не от мыслей, что этим днём ей придётся прислуживать почти королеве, и не от божественной красоты госпожи, а от того, что по-хозяйски развалившийся в соседнем кресле брат Мириан, закинув ногу на ногу и подперев подбородок кулаком, голодным взглядом скользил по тоненькому стану молоденькой служанки, ничуть не стесняясь останавливаться ни на едва заметной груди, ни на бёдрах.

Тиа слышала от кухарок, что подобным взглядом король Итор уже рассматривал дочь садовника, работающую при кухне и вчерашним вечером накрывавшую для Итора стол к ужину. Говорили, что его величество даже ущипнул девчушку за бок и прошептал что-то непристойное, но Тиа верила, что то были только слухи — сама дочь

садовника от всего отнекивалась и ни в чём не признавалась. Сейчас же, испытав на себе этот похотливый взгляд, Тиа была готова поклясться, что, окажись она и Итор одни в этой комнате, он бы непременно ущипнул и её и обдал горячим дыханием, добавив к нему пару пошлостей.

— Тогда увидимся, сестрёнка. — Итор тоже поднялся, чмокнул Мириан в щёку и направился к выходу. — Срази их всех наповал сегодня своей красотой.

— Непременно, — Мириан очаровательно улыбнулась, проводила взглядом брата, а когда за ним закрылась дверь, приказала Тие распустить ей волосы, принести гребень и шкатулку с тиарой, усыпанной бриллиантами и жемчугом. Первая встреча просто обязана пройти на высоте, а Мириан обязана на ней блистать.

* * *

— Ешь, говорю. — Кухарка брякнула о стол миской со второй порцией картошки с сушеными лисичками и неодобрительно покачала головой. — И откуда ты такая тощая взялась? Не больная хоть?

— Не больная, — буркнула Рики, схватив ложку.

— Кто такая? — шёпотом спросила кухарку её помощница, занимавшаяся разделываем крупного кочана капусты. — Вчера её у нас ещё не было.

— Я мало чего поняла. — Кухарка покосилась в сторону Рики — не подслушивает ли. — Она как с неба свалилась. Я утром на кухню захожу, ещё глаз протереть ото сна не успела да половник достать, а она уже тут как тут, для милорда чай из шиповника просит.

— Для самого? — Глаза помощницы округлились от изумления.

— Вот и я ахнула. Обычно он к себе никого, кроме Риновара, не подпускает, а тут какая-то пигалица, непонятно откуда нарисовавшаяся.

— Из Ланимора я, — помешала завистливому обсуждению шепотком Рики, и обе поварихи вздрогнули, тут же отпрыгнули друг от дружки и сделали вид, что ничего не было, и что обе заняты своим делом.

Картошка в миске стремительно исчезала. Облизнув ложку, Рики отодвинула тарелку от себя и довольно выдохнула: так, как сейчас, она за всю жизнь свою не ела. Так вкусно и много. Но Гайлард приказал топать на кухню и голодной не возвращаться. А чтобы незнакомой девчонке поверили, ещё и своего лакея приставил, предварительно наказав с Рики глаз не спускать.

Лакей почему-то бурного восторга не высказал. Всю дорогу от комнат Стернса до измазанного жиром царства кастрюль, сковородок и черпаков хмурился, на Рики поглядывал недовольно и свысока, временами зажимал нос и отворачивался, ничего не спрашивал и разговора вообще никакого не заводил. Рики тому была рада. Её пугал слишком суровый вид камердинера, а особенно его блестящая лысина, толстая шея, пухлые пальцы и нос, похожий на клюв хищной птицы. Именно такими Рики всегда представляла мясников, хотя вживую видела только одного на базаре на центральной площади Торренхолла. На остальных смотреть не стала — хватило того зрелища.

Отделаться от Риновара для Рики было в радость, но та была недолгой: место, где уютно пахло лавровым листом и говяжьим бульоном оказалось тем самым, где собирались сплетни, и откуда они расходились по разным углам, и Рики тут же стала главной мишенью скучающих поварих.

Неужели им больше делать нечего, как только шушукаться у неё за спиной и обсуждать её острые плечи, выпирающие на спине лопатки, худое личико и странное появление? Ведь если овощи уже давно томятся в печи и покрываются сырной корочкой, и делать нечего, то почему бы не выйти во двор и лишний раз не полюбоваться красотами Торренхолла, величественными стенами и башнями замка, крепким камнем и суровой архитектурой? Зачем тратить время за шепотками и ухмылками? Вот будь она на месте тех поварих, точно вышла бы на улицу! Правда, в этот момент Рики ещё не знала, что дверь из кухни вела напрямиком к скотному двору и амбару; из красот там были разве только свиные пяточки, если, конечно, были не в грязи, да аккуратно сложенное в сноп сено, если, конечно, последнее не раскидали вилами коровам и лошадям.

Для Рики же Торренхолл был сказочным местом. О казавшейся раньше пределом мечтаний городской стене и капитане Швидоу Рики ни разу не вспомнила — некогда было. Глаза только и успевали что

зыркать по сторонам, удивляться и восхищаться высокими потолками и свисающими с них люстрами в тысячу свечей, яркими гобеленами и строгими портретами на стенах, а также книгами, посудой, одеждами и даже запахами, которых в замке было не счесть, начиная от воздушно-цветочных (для напольных ваз в большой обеденной зале срезали много белых лилий) и заканчивая банальными сытными, доносившимися из глубоких чанов и кастрюль.

Да, замок предстал перед Рики именно таким, каким она себе его представляла. Она была готова излазить его весь и начать могла прямо сейчас, но ночью ей было велено выспаться, а утром её таскали туда-сюда, объясняя, как себя вести, как разговаривать, по каким коридорам ходить, а на какие лестницы никогда не заворачивать. Потом опять чего-то наговорили, из чего половину она запомнить так и не смогла, и отправили на кухню, приказав со всем управиться быстро, так как день обещал быть трудным и долгим. Ну, хорошо. С картошкой она управилась. И что же дальше?

— Да ты всё врешь. — Услышала Рики протяжное со стороны плиты и осторожно повернула голову на голос. Ага, поварихи снова придвинулись одна к другой и, делая вид, что замешивают соуса к мясу, опять перемалывают кости. Кому? Рики и без слов догадалась.

Сделав наивно-глупый вид, девушка скрипнула деревянной скамьей, вставая. Кухарки вдруг встрепенулись и пугаными птахами разлетелись каждая в свой угол. Скрипа что ли испугались? Трусихи! Рики довольно хмыкнула. Но дело было в другом: в кухню важно вошёл Риновар.

«Вот удивительный человек, — подумала Рики. — Сколько вчера ночью милорд его ни костерил, сколько раз за одним и тем же бульоном ни гонял (первый был холодным, второй — сильно перчёным, в третий залетела муха), ни один мускул не дрогнул на лице. Кукла, а не человек! Глаза, брови, рот есть, а эмоций ноль. И даже голос всегда ровный, и ни тебе ворчания, ни радости, ни иных признаков жизни. И если бы не та мясистая шея, не нос-клюв и не абсолютно лысая и гладкая, словно яйцо, голова, то Рики просто пожалала бы плечами и прошла мимо. Но, увы, внешность камердинера отлично располагала к тому, чтобы девушка начала его побаиваться. И боялась, как оказалось, не одна она.

— Этого будет мало, — оценил Риновар, нырнув носом в кастрюлю.

— Сделаем больше, — отозвалась одна из поварих, спешно смахнув со стола рассыпанную зелень.

— В два раза больше и в три раза быстрее. Меньше трещите, балаболки, и больше работайте.

Обе женщины кивнули, а Риновар окинул недовольным взглядом взъерошенную Рики.

— Я же говорил тебе помыться и почистить одежду...

Точно! Говорил! Но почему-то, когда это всё произносилось, Рики запомнила только про еду, а вот всё остальное как-то пролетело мимо ушей и напомнило о себе только сейчас.

— Сама будешь оправдываться перед милордом, что лицо до сих пор измазано и несёт от тебя навозом.

— Так я сейчас... Пойду с ведра себя окачу. Где здесь у вас ведро с водой?

Риновар обречённо покачал головой. Такой кошмар ему и во сне не мог присниться. Всех девушек, будь то горничная, убиравшая постель, или простая полотёрка, всегда отбирали с особой тщательностью. Смотрели на внешность, умение скромно себя вести, быть незаметной для хозяина, всегда выглядеть опрятно и не слишком вычурно. Но чудо, которое сейчас стояло перед опытным лакеем и смотрело на него искренне и бесхитростно, не поддавалось никакому объяснению, и причина, почему милорд так благоволил этой замарашке, была для старого и верного слуги таким секретом, к разгадке которого он больше всего на свете в данный момент мечтал подобрать ключик.

— Нет времени, — сухо бросил Риновар. — Милорд ждёт, а долго ждать он не любит.

— Не любит — это верно замечено. — И, поймав на себе удивлённый взгляд слуги, на полном серьёзе добавила: — На своей шкуре убедилась. Он велел меня позвать?

— Да.

— Что-то случилось?

— Нет.

— Тогда я бы всё-таки окатила себя из ведра...

— Я же сказал, нет времени.

— Но ведь не срочно!

— Мыться надо было, когда тебе было отведено на это время.

— Но хоть одежду почистить! Глина к сапогам присохла.

— Почистишь после. А теперь будь добра, помолчи немного. На этой лестнице сильное эхо — не стоит раздражать высоких гостей глупыми речами.

Молчать так молчать. Рики послушно плелась следом. К запаху от своей одежды она уже давно привыкла, той вони совсем не чувствовала, но вот не смотреть на засохшую грязь было трудно. А стоило о ней вспомнить, как та сразу стала заметна даже в тех местах, где раньше Рики её совсем не видела. И на локте есть, и даже на животе пятно! Действительно, кошмар. Риновар прав. И словно прочитав мысли девушки, а по правде просто проследив за её взглядом и расслышав едва уловимое «ох», слуга Стернса медленно произнёс:

— Милорд велел пошить тебе новую одежду. Портной ждёт тебя. У Стернса. Снимет с тебя мерки, и можешь быть свободна. Если, конечно, у милорда не будет никаких других распоряжений.

Рики остановилась перед высокой массивной дверью. Шарообразные металлические ручки на каждой створке были начищены до такого блеска, что в них можно было увидеть своё отражение. Вот только то было жалким, и Рики это прекрасно знала, поэтому просто вцепилась мёртвой хваткой в гладкий металл и потянула дверь на себя.

— Куда?! — Риновар не сдержался и всё-таки рявкнул. Не надолго хватило его терпения: ещё и сутки не пройдены. — Двери в комнаты милорда полагается открывать мне, — учил слуга, успокоившись. — Ты не королевских кровей, чтоб с ноги заходить, и не военный командир. Если его светлости будет угодно тебя видеть, то я разрешу тебе войти. А если милорд передумал, то невелика беда.

Рики недоумевала.

— Вы же сами сказали, лорд Стернс за мной звал. Рукава там замерять, и сколько кожи на сапоги потребуется...

Риновар недовольно пошевелил губами, понимая, что попытка указать пигалице на её место с треском провалилась, но рук с двери не убрал и не спешил ту открывать.

— А говорили, времени нет, — пожала плечами Рики. — Пока вы тут воротник поправляете и собираетесь с духом, чтобы переступить

порог, я бы уже в воду нырнула и два раза обсохнуть успела.

— Спешка нужна при ловле вшей, — спокойно вставил слуга. — А хозяин любит всё красивое, элегантное, как и подобает его статусу. Поэтому выпрями спину, поправь волосы... Хотя нет, лучше верни, как было, а то совсем уныло получилось.

— Да знаю, что не красавица.

— И откуда ты только на мою голову свалилась? — выдохнул лакей.

— Из Ланимора я, — в который раз за день повторила девушка, а Риновар уже заходил к Стернсу.

До Рики донеслись голоса. Сгорая от любопытства, девушка принялась топтаться за спиной камердинера и даже вытянула шею, чтобы хоть что-то разглядеть, но удалось слабо, зато уши поймали каждый звук и каждое слово. Один голос Рики без труда узнала; второй был незнаком и, вероятно, принадлежал портному.

— Тут я ушью, тут тоже. Это быстро. А вот тут придётся всё переделывать. Боюсь, что возиться буду около двух дней. Ох, милорд, где вы только были всё это время, что так сильно похудели?

— Объезжал террито... Тут не трогай!

— Спина? Помню, помню.

— ...территории. Захотелось лично проверить, всё ли спокойно.

— Ох, неудачная, видимо, оказалась затея, — посочувствовал портной. — И надо же, как вам с лошадьёю не повезло. Может, она листок какой в лесу ухватила да с того понесла? Говорят, сейчас какой-то новый сорт лопухов вдоль дорог расплодился. Все лошади, стоит им его попробовать, сразу мрут, как мухи.

— Может, и схватила... Я же просил спины не касаться!

— Простите, ваша светлость. Надо было заколоть в одном месте, чтобы не забыть, сколько потом убирать. Ещё пару раз потерпите? Надо вот тут сверху прихватить да с боков.

— Убери руки! — раздраженно приказал Гай и тут же добавил в разы спокойнее: — Сейчас явится девчонка, о которой я говорил. У неё пальцы тоньше. Будешь показывать, где и сколько прихватывать, а она будет выполнять.

— Давайте хоть так, — тут же согласился портной.

— Вот и она. Риновар! — Рики заметила, как слуга, стоило ему уловить на себе взгляд хозяина, тут же втянул живот и даже стал на

пару дюймов выше. Его лицу прибавилось важности, хотя та и так зашкаливала, а лысина стала блестеть ещё больше. Видимо, покрылась потом. Лакей открыл было рот, чтобы спросить разрешения пропустить в комнату девушку, как следующая фраза Стернса тут же перечеркнула все принятые нормы и правила поведения, и важности во взгляде камердинера заметно поубавилось. — Ты мешаешь ей пройти. Двинься в сторону, а лучше пойдёшь отсюда! Понадобись — позову.

Верный слуга такого никак не ожидал, застыл в секундном оцепенении, но вовремя сообразил, что стоять столбом перед милордом непозволительно, шагнул в сторону, попуская к нему Рики, и, поклонившись, остался по ту сторону дверей, аккуратно и тихонько их прикрыв.

С несколькими измерительными лентами через плечо и булавками, зажатыми в губах, портной порхал вокруг Стернса бабочкой, поправляя ткань то тут, то там, ставил черточки мелом и огорчённо качал головой, представляя масштаб работ, которыми будут заняты все его ближайшие вечера и ночи. Поманив к себе Рики рукой, на одном из пальцев которой был большой медный напёрсток, портной сделал несколько шагов к окну, внимательно осмотрел своё творение, что-то прикинул в уме и вновь приблизился к Стернсу.

— Вот тут и тут. — Булавка была вытащена изо рта и протянута девушке, указательный палец ткнул, куда надо, и Рики, дрожа от волнения, попробовала заколоть дорожную ткань.

Сквозь собственное сопение девушка слышала, как прошипел Стернс, но ни слова не произнёс. Значит, всё-таки коснулась раны. Надо быть осторожнее. Но какая же жёсткая материя! Серебристая, с вышитыми вензелями и лилиями, непослушная, выскальзывающая из рук, но роскошная и делающая Гайларда поистине королём, и лишний раз тыкающая Рики носом в ту пропасть, которая лежит и всегда будет лежать между ней и хозяином юга.

Девушка тряхнула головой, прогоняя ненужные мысли. Она в Торренхолле, она прислуживает тому, кому хотела, она рядом с ним настолько, насколько другим слугам, возможно, и не снилось. Что ещё нужно беспокойному сердцу, громко бьющемуся в груди? Опять тот ненавистный поцелуй вспомнила? А Стернс вот полез и тут же забыл, и больше с момента прибытия в порт Нолфорта о нём и не вспоминал.

Как будто ничего и не было. Да ведь и правда ничего не было. Просто вина было выпито немногим больше, чем нужно...

— Осторожнее, — тихо произнёс Гай и совсем не таким тоном, каким ворчал на грубые прикосновения портного. Не приказывал, а просил, отчего Рики сразу стало спокойнее, и работа пошла ровнее.

Но Стернс тут же умудрился всё испортить.

— Что за мерзкий запах? — поморщившись, спросил он, и Рики мигом всё поняла и покраснела.

— Это я сапогом в навоз угодила ночью, когда с лошади слезала.

— А почистить?

Рики шмыгнула носом.

— Не успела.

— Теперь этим запахом пропитаются все ковры, где ты успела наследить.

— Я их тоже почищу.

— Лучше следи за булавкой. Лечение иглами я не заказывал.

От услышанного портной удивлённо повёл бровями и подумал, что будет чего рассказать жене вечером, когда он решит передохнуть от работы над свадебными одеждами лорда и позволит себе чуток посплетничать с близким человеком.

Двери в комнату снова открылись, пропуская Дагорма. Тот спешил и шаркал ногами, как обычно, а в его руках были свёрнутые свитки, чернильница и перо.

— Ваша светлость, — начал старик, даже не обратив внимания ни на роскошный наряд, ни на Рики за спиной лорда, — вот всё, как вы просили. Вам нужно только подписать тут... — Дагорм развернул первый свиток, протянул его Стернсу, затем поставил чернильницу на круглый столик у окна, обмакнул в чернила перо и подал Гайларду.

Гай быстро пробежал взглядом по тексту.

— Вознаграждение хорошо бы увеличить.

— И так огромное! Народ за такие деньги землю руками будет рыть, но откопает вам пацанёнка.

— Я заплачу любую сумму, лишь бы его поймали и привели ко мне. Пусть ищут во всех домах и притонах, под землёй и в лесах. Да хоть в море и реки пусть ныряют. — Гай поставил размашистую подпись и вернул свиток советнику. — Убедись лично, чтобы все провинции получили самые подробнейшие приметы мальчишки. И

мне плевать, доставят его ко мне живым или мёртвым, лишь бы доставили. Что там ещё?

Гай взял другой документ.

— Это распоряжение для казначея выдать брату нашей девицы некую сумму золотом для нужд деревни, — ответил старик, и бумага тут же была подписана, и возвращена обратно. — А тут письменное удостоверение вашей неслыханной щедрости и дарование этой девочке годового содержания при условии её выхода замуж за капитана Швидоу.

— Это брось к остальным указам. Не горит, — спешно проронил Гай и отвернулся от Дагорма.

— Как пожелаете, — пожал плечами советник, в душе радуясь, что золото пока останется в казне. — Но тут у меня ещё стопка помилований и прочих прошений... Вы бы посмотрели да хоть на парочке бы ещё поставили свою подпись. Там всё сносно, денег много не тратится, и свобода дарована только самым мелким преступникам. Народ порадует, а ваша свадьба пройдёт на такой высоте, о какой ни один королевский род не слыхивал.

— Отложи до завтра.

— Хорошо, милорд. Кстати, стрелковый турнир мы перенесли на после обеда. Сами посудите, с утра будет церемония, потом поздравления, потом уже и животы хорошо бы набить, а то на голодный желудок лучники стрелять будут вяло, и удовольствие от зрелища гостям будет никакое.

— Мне всё равно.

— И вот ещё по рассадке на сегодняшний вечер. Положено, чтобы вы и ваша невеста сидели друг против друга, но я взял на себя смелость и решился предложить, чтобы...

— Раз положено, то пусть так и будет. Мы же не любим нарушать традиции, верно? — Гай вызывающе улыбнулся старику, а потом развернулся к Рики. Та давно закончила помогать портному и теперь сама выступала в роли жертвы последнего, а именно, стояла опоясанная лентами и тоскливо ждала, когда швейных дел мастер закончит возиться с замерами, и её мучения прекратятся. — Этим вечером будешь возле меня. Будешь следить, чтобы я не забывал пить эту гадость. — Стернс стрельнул взглядом в сторону склянки со

снадобьем, стоявшей на столике рядом с чернильницей. — Поможет стерпеть боль и не скрючиться прежде, чем подадут горячее.

От услышанного Рики и Дагорм застыли как вкопанные, а с пальца портного упал напёрсток и закатился под кресло.

Через открытое окно с улицы донёсся шум. Вначале небольшой, он вдруг резко перешёл в громкие крики, которые было уже ничем не заглушить. К крикам прибавились топот копыт и скрип колес.

Бросив бумаги на стол, Дагорм подскочил к окну и выглянул, и тут же стал белее манжет, которые предусмотрел для свадебного наряда Стернса портной.

— Ваш дядя, милорд! — выпалил старик и заметался по комнате, не зная, то ли бежать во двор, то ли вначале убрать бумаги, а затем бежать во двор. — Его величество король Риккард уже в Торренхолле.

— Найди Феррана! Срочно! И помоги мне спуститься.

— Только не в этом! — Портной молитвенно заложил руки, со слезами на глазах глядя, как после резкого движения Гайларда на пол полетели две булавки. — Я помогу вам переодеться.

— Только быстро! — заторопился Гай, спешно скидывая с себя приготовленные для торжества одежды и даже не обращая внимания на боль в теле. — Рики! — позвал он мимоходом.

— Да, милорд?

— До вечера посиди в комнатах прислуги. И смой с себя эту вонь, иначе за ужином ни у кого не будет аппетита.

— Да, милорд.

Рики стрелой вылетела в длинный коридор. Мысли в голове перепутались, сердце ушло в пятки, губы побледнели, а глаза заблестели. Бежать скорее и постараться в таком виде не попасться никому на глаза! Нырнуть с головой в ушат с тёплой водой, потом расчесать волосы, счистить щёткой грязь с сапог и попросить у прачек чистую тунику. Можно даже не по размеру. Поясом подвязаться — и готово. Только бы те прачки оказались сговорчивыми и согласились помочь. А то вдруг они такие же, как кухарки.

Порот налево, несколько ступенек вниз, прыжок, ныряние под арку и снова влево и на лестницу. Длинную, холодную, не устланную коврами. Быстро-быстро работать ногами по ступенькам, не стесняясь того шума, что творили каблуки. А затем вновь бежать вперёд, вначале протиснувшись между колонн, а затем завернув за угол... Ох!

...Со всего размаха девушка налетела на молодую женщину, тоже спешившую по длинному коридору, но только к той самой лестнице, с которой недавно слетела Рики.

— П-простите, — начала лепетать перепуганная до смерти девушка, напрочь забыв об ушибленном лбе и уставившись на дорогие ткани платья той, кого она только что чуть ни свалила с ног. По телу прошла дрожь. Это ж надо было налететь на знатную госпожу!

А госпожа была тем временем безумно красива: тёмные, вьющиеся волосы, со вкусом уложенные; мягкий взгляд ореховых глаз; губы, не в трещинках и чешуйках, как у Рики, а подобные лепесткам роз после дождя; длинное платье цвета янтаря; пояс, расшитый золотом и бледным жемчугом; кольцо на пальце с драгоценным камнем и ниточка жемчуга на шее в тон тому, что украшал одежды.

— С тобой всё в порядке? — И даже голос был мягкий и нежный, словно перьевые подушки, на которых Рики этой ночью спала первый раз в жизни. Но как же всё неправильно: это Рики должна переживать и спешить загладить свою вину, а она стоит, прилипнув к полу и потеряв дар речи, и вопросы задают ей, словно это её сбили и чуть не порвали рукав.

— П-простите, — только и хватило храбрости что разомкнуть губы и выдавить это слово во второй раз.

Ласковый взгляд скользнул по лисьему личику, взъерошенным волосам, перепачканным штанам и остановился на поясе, к которому был прикреплен зачехленный в дорожную кожу нож, подаренный Гаем на острове.

— Ты не служанка, — промолвили спокойно. — Но кто? Раньше я тебя здесь не видела.

Рики поймала взгляд госпожи и тоже посмотрела на нож.

— Я не украдала, — проронила девушка, а ноги стали ватными.

— Я верю, — ответ был неожиданным. — Но ты мне не ответила.

— Я прибыла ночью вместе с милордом...

— Ты дочь одного из его командиров?

Рики замотала головой.

— Но одета ты... совсем не так, как подобает девушке. И этот нож...

— Одета я вправду не так, как надобно, — тараторила Рики, заваливая красивую госпожу объяснениями, — но это временно, пока

не будет готова моя одежда. Раньше я мыла полы в казармах городских стражников и убирала комнату их капитана, а теперь вот служу у лорда Стернса. Правда, что именно надо делать, толком ещё не понимаю, но жду, когда милорд мне объяснит, а пока просто выполняю всё, что он прикажет. Хоть полотенце принести, хоть помочь подняться с постели.

— Лорд Стернс болен? — забеспокоилась госпожа.

— Упал с лошади, — соврала Рики, помня сочиненную перед воротами Торренхолла легенду, которую заучили наизусть все свидетели случившегося на острове и которую было велено неустанно повторять. — Та понесла, как бешеная, он сильно ударился о землю, а лошадь ещё и прошлась по нему копытами.

— Какой ужас!

— Да вы не волнуйтесь, милорд жив-здоров, все кости целы. Старикашка пичкает его разной отравой, от которой раны быстро затягиваются.

— Старикашка?

— Дагорм. Такой седой и очень старый.

— Кажется, припоминаю. Ну, а сейчас-то тебя за чем послали, что ты неслась, как на пожар?

— Так король ведь прибыл. Вы разве не слышали шума? За окнами такой гам и суета, что, чувствую, кого-нибудь ненароком задавят.

— Ах вот оно что... Тиа! — громко позвала темноволосая красавица.

На её крик хоть и не быстро, но вынырнула из комнаты неподалёку девчонка лет примерно таких же, как и Рики, с охапкой платьев в руках, которые норовили вывалиться при каждом шаге.

— Простите, леди Мириан, что я так медленно. Боюсь, за раз всё не унесу. Придётся возвращаться.

— Брось всё туда, откуда взяла, и проверь, что творится во дворе. Говорят, сам король Риккард прибыл.

— Сию минуту, госпожа.

Рики была готова провалиться сквозь землю. Ну, или хотя бы этажом ниже, ведь до земли было ещё о-го-го сколько. Имя будущей леди Стернс за последние часы произносилось уже столько раз, что не запомнить его мог только глухой. И надо же было так нелепо нарваться именно на ту самую, когда народа в замке хоть отбавляй.

Внезапно Рики почувствовала, как горят губы. Они, наверно, сейчас алеет клюквы и прямо кричат о том поцелуе, что Стернс так нагло урвал на корабле. Но почему стыдно ей, а не ему? Она-то не просила и к нему не лезла, но почему-то стоит сейчас перед будущей женой своего хозяина и краснеет, и пыхтит, вместо того, чтобы ещё раз извиниться и попросить не раздувать из случившегося скандал. Ведь, она и правда не нарочно наскочила. Впредь будет внимательнее. А поцелуй... что из-за него так переживать? Стернс повёл себя хозяйски нагло — она нашла в себе силы ответить. Стернс о случившемся забыл, а она вот до сих пор вспыхивает при каждом новом воспоминании. Но она никому не скажет и уж тем более этой роскошной красавице. А сама та никогда не догадается. И подумаешь, губы до сих пор красные. Может, это от холода... в такой-то тёплый день!

— Ты что-то хочешь мне сказать? — Мириан внимательно смотрела на Рики.

Девушка замотала головой.

— Тогда чего стоишь на месте? Беги. Милорд, явно, дал тебе какое-то поручение. Уверена, ты не захочешь, чтобы в итоге он оказался тобой недоволен.

— Вы позволите? — робко спросила Рики.

— Ступай, — улыбнулась Мириан. — И впредь будь аккуратнее на поворотах.

Глава 2. Случайные неслучайности

— Гайлард!

Король Риккард по-отечески распростёр объятия и крепко сжал племянника, не дав тому ни незаметно ото всех скорчиться от боли, ни просто вздохнуть. В завершение пытки, о которой даже не подозревал, король похлопал Гая по спине и, обняв одной рукой за плечи, не торопясь направился к входу в замок.

За ними покорно следовала Кхира, перед этим обменявшись с кузенком приветственными улыбками и протянув тому руку для поцелуя. Вот только коснулись ли губы Гая её бледных пальчиков? Ответить на свой же вопрос Кхира не смогла, так как прикосновения никакого не почувствовала. Тем не менее оба сделали вид, что безмерно рады видеть друг друга, ведь, решишь они показать характер, король был бы крайне недоволен.

Во двор выскочила прислуга и занялась вещами. Сопровождавшие процессию стражники спешили, передали лошадей конюхам и последовали за провожатым в те комнаты, которые им отвели в лабиринтах Торренхолла. Каждый был занят своим делом и торопился управиться быстро и ладно, чтобы не давать хозяину повода хмуриться и не подвести с началом важного ужина.

Библиотека встретила всех троих Стернсов тёплыми лучами закатного солнца, уже сильно опустившегося за макушки деревьев, уютным потрескиванием поленьев в камине, который только-только разожгли в предверии холодного вечера, и кувшином вина, принесённого из погреба.

Едва войдя в комнату, король тут же стянул с рук пыльные походные перчатки и небрежно бросил их на обитое дорогим, кровавого цвета, бархатом кресло; свои ажурные Кхира стянула медленно и подала следовавшей за ней девушке, которая, приняв от господ дорожные плащи, осталась в коридоре, порога библиотеки так и не переступив.

— Мне лестно, что ты всё же проявил уважение ко мне и отложил свадьбу до моего приезда, — довольно промычал король, глядя, как племянник самолично наполняет кубки вином. Однако рука Гайларда

вдруг странно дрогнула, и пара бордовых капель всё же проскочила мимо кубка и шлёпнулась на стол.

— Разве я мог поступить иначе? — машинально ответил Гай, только сейчас сообразив, что ему несказанно повезло вернуться к Торренхолл за день до прибытия дяди.

— Не буду играть с тобой в кошки-мышки, скажу прямо, — шёл напролом Риккард. — До меня доходят тревожные вести. О том, что ты стал слишком своеволен и рубишь сгоряча, не слушая никого, а то и вовсе не думая.

— Кампанию против Ллевингора вы одобрили лично, если вы об этом...

— Я не про Ллевингор — в этом гнилом королевстве давно было пора всех прижучить.

— Тогда я вас не понимаю.

— Читай.

На стол упал свиток, туго стянутый верёвкой. Развернув бумаги, Гайлард жадно глотал слово за словом, а когда прочитал, то только равнодушно пожал плечами и произнёс:

— Всего-то обсудил эту тему один раз с Дагормом. И дело было давно, и никакого продолжения не получило.

— Ты должен понимать, что военные кампании не могут вечно быть удачливыми. И прежде чем затевать ещё одну, хорошо бы вначале спросить на то моё мнение. Иначе воевать будешь только своей армией — на мою не рассчитывай.

Гайлард выдохнул — про сплав на Вороний остров дядя прозгать ещё не успел, а свиток содержал лишь рассуждения Дагорма о том, что после Ллевингора его господин может захотеть замахнуться и на других нерасторопных соседей.

— Простите, дядя.

— Когда займёшь моё место, тогда и будешь своевольничать, а пока запомни, я в этих землях король, решать мне, а ты всего лишь исполняешь то, что я одобряю, или навсегда забываешь о том, что мне не по душе.

— Да, ваша милость.

— Вот и славно. — Риккард одобрительно похлопал племянника по плечу, отчего тот сильно закусил губу, и мускулы лица расслабились только, когда рука короля скользнула с плеча к столу и сграбастала

кубок. — Как брат? — поинтересовался правитель, отхлебнув крепкого гранатового.

— Отец приходил в себя несколько недель назад и всего на пару часов. С тех пор опять лежит и никого вокруг не узнает. Ничего не помогает.

— Я зайду к нему позже.

— В любое время, когда пожелаете.

— Ну, а что твоя будущая жена? Давно здесь, ненавидит тебя или уже разделась? Да, ладно, племянник, не красней.

Риккард заботливо потрепал Гая по щеке и пояснил:

— Ни для кого не секрет, что все бабы по тебе сохнут. И нашенские, и других краев. Признаюсь, я в твои годы таким красавчиком не был. Видимо, поэтому мне и досталось убожество, а не жена. А ты молчи!

Окрик его величества предназначался дочери, которая всё это время стояла у стола, даже не коснувшись кубка, наполненного для неё Гайлардом. При упоминании о матери Кхира вздрогнула и приготовилась возразить отцу, но была предупредительно тем одернута и уже не посмела вмешиваться.

Секрета не было: отец мать никогда не любил. Женился, как и подобает, по расчёту и за всю жизнь так и не сумел найти в своей супруге ни одной мелочи, которой смог бы восхититься. На лицо королева была пресной, часто болела и по каждой болячке подолгу стонала, падала в постель и не вылезала из кровати сутками, нахлобучив на голову страшный колпак и с утра до ночи цедя вонючее снадобье. Даже с детьми у королевской четы не задалось: в то время как у младшего брата было уже два сына, у старшего подрастали лишь две дочери. Родилась и третья, но только умерла, не протянув и недели. Ничто не радовало ни глаз, ни души короля. Ссоры стали частым явлением, и виделись венценосные супруги крайне редко и только по случаям государственной важности.

Все эти мелочи были известны и Гайларду, но, видя, как побледнела Кхира, он быстро перевёл взгляд на короля и просто ответил:

— Сегодня за ужином и узнаю, что она из себя представляет.

Риккард чуть не поперхнулся вином.

— Погоди, уж не хочешь ли ты сказать, что до сих пор не потискал невесту в каком-нибудь тёмном углу и не ущипнул за ягодицы?

— Отец! — вскрикнула Кхира и залилась краской.

— А ты не слушай! — рыкнул король. — Закрой ручками свои нежные ушки, сядь и займи чём-нибудь голову. А я с племянником о деле потолкую, от тебя и твоей сестры ведь внука не дождёшься!

Кхира проглотила слова отца все до единого, мышкой юркнула в кресло, сдвинув королевские перчатки к спинке, и потупила взгляд, стараясь никого не слушать, хоть то было совсем невозможно.

— Мне советовали всё делать в соответствии с обычаями и традициями нашего мира, — нагло врал Гай.

— Какой идиот вбил это тебе в голову?

Гайлард кивнул в сторону свитка.

— Тот, кто донёс вам о моих неосторожных речах.

— А, — протянул Риккард, — нашёл, кого слушать. У старого хрыча всё давно отсохло, и в любовном деле дельного совета от него не жди. Слушай меня, мой мальчик. Обычай — это, конечно, хорошо, но много лучше будет, если ещё до ужина ты будешь знать, что за баба весь вечер будет мозолить тебе глаза. Будет ли от её вида стоять или тошнить. Поверь, лучше это знать заранее, чем потом бить себя по рукам и не касаться жареных потрошков, боясь, что вырвет.

— Если верить Дагорму, то принцесса — красавица.

— Для него и старуха Агрона — резвая козочка.

Гайлард оценил замечание дяди и впервые за вечер был с дядей согласен. Старуху Агрону он хорошо знал: она нянчила Риккарда и отца Гая в детстве, сейчас была уже дряхлой и горбатой, ничего не видела, слышала плохо и только всё время ворчала на молоденьких прислужниц, приносявших вместо двух капустных листов один. Листья те Агрона прикладывала к голове и клялась, что боли тут же проходят, самочувствие улучшается, и даже скидывается годок-два. Старухе мало кто верил, но, глядя, как вокруг от старости мрут все, кроме неё, начинали сомневаться и тоже бежали за капустным листом.

— А? Я прав? — задорно спросил король и снова похлопал племянника по больной спине, отчего тот был готов взвыть, но делать этого не стал, чтобы себя не выдать, а просто поспешил со всем согласиться.

Риккард в один глоток осушил свой кубок, прижал руку к носу, вдохнул дорожную пыль и тряхнул головой: гранатовое вино в этот раз получилось крепче обычного, но королю понравилось. Вдобавок племянник был сговорчив, запахи, витавшие в каждом уголке замка, обещали роскошный ужин, дочери не докучали, и вообще вечер обещал безудержное веселье и одни сплошные удовольствия. Для души, как минимум, а там, может, и до тела дойдёт.

* * *

Нежная жемчужина, оправленная золотом, никак не хотела крепиться к уху. Мириан пробовала вдевать серёжку раз десять, но пальцы словно окаменели. Они не хотели ни гнуться, ни крепко держать украшение, а только роняли его всякий раз то в шкатулку, то на столик.

— Дай, я, — нетерпеливо произнёс Итор и в один прыжок оказался возле сестры.

— Попробуй, — спокойно выдохнула Мириан, стерпев то, как грубо брат вырвал серёжку из её рук.

— Дрянь какая! — выплюнул Итор, после того как ничего не получилось. — Возьми другие.

— Другие не подходят к этому платью.

— Так сними его.

Брат и сестра вперились друг в друга гневными взглядами. Один смотрел, набычившись, потому что назначенный на определенное время пир уже был готов вот-вот начаться, и опаздывать на него было нельзя; другая — из-за тех вольностей, которые брат допускал в её отношении, а ведь она уже без пяти минут как супруга наследника трона великого государства.

В игре в гляделки Мириан сдалась первая, отвернулась к столику и тихо сказала:

— Лучше не смотри на меня, и у меня всё получится. От твоего взгляда мне жарко, и руки трясутся.

— Попроси служанку помочь.

— Я отправила её за лилией. Хочу, чтобы цветок был вдет мне в волосы.

— Ещё и лилия, — проворчал Итор, открывая входную дверь и высовывая нос в коридор.

— Эй, ты куда? — вскрикнула Мириан, оборачиваясь.

— Я буду ждать тебя у входа в трапезную. У той стены, что украшена нашими знамёнами. Смотрю на них, а на сердце тяжело. Словно издеваются те Стернсы, вывешивая наши лилии на первую линию. Смотрите все, вот они побеждённые!

— Я слышала, лилиями будет украшен и зал, где подадут яства. На мой взгляд, Стернсы делают всё, чтобы проявить к нам уважение, а не унижают нас.

— Много ты понимаешь, — хмыкнул Итор и вышел из покоев сестры.

Мириан осталась наедине со злополучной серёжкой.

Теперь можно было вздохнуть свободно, и неважно, что на спине платье стянуто так, что грудь ноет. Тянуть время слишком долго было нельзя, но как же не хотелось являться на торжественное пиршество в честь объединения двух домов рука об руку с братом. Все гости зайдутся жалостью, когда увидят её, статную красавицу, рядом с выразительным уродцем, которого и за короля-то принять противно. Если портреты не врут, и Гайлард Стернс хотя бы вполовину столь привлекателен, как его изобразил живописец, то Мириан несказанно повезёт, и, начиная со дня свадьбы, она будет окружена только прекрасным и роскошным. Если полотна врут, то она просто поменяет одного уродца на другого. Так пусть хоть первый не сопровождает её сегодня в обеденный зал, пусть она войдёт туда одна, как истинная королева, которой ей так хочется быть, справедливая, мудрая и заботливая. Красивая и сердцем, и лицом.

В теле Мириан томила бунтарка. Казалось бы, что такого в том, чтобы выскользнуть сейчас в длинный тёмный коридор, обогнать Итора и зайти в трапезную первой, заставив того лишь догонять и, выпучив глаза, тихонько ругаться про себя? Все взоры будут устремлены только на неё. Она будет плыть как лебедь, грациозно и медленно, ловя на себе восхищенные взгляды и очаровывая улыбкой того, кто будет сидеть в самом центре стола. И вокруг будут лишь шепотки восхищения, а не жалость и смешки, а брат... Он упустил Ллевингор, он только больше замыкается в себе, сея вокруг одно раздражение и недовольство. А она... Она сделает всё, чтобы своей

красотой околдовать того, кто оказался сильнее. Она растопит лёд в его сердце, если он там есть, и больше не допустит бездумного кровопролития из-за жёлтого металла или куска глины, на которой ничего не растёт.

Жемчужина продолжала капризничать и к уху не крепилась. Мириан аккуратно положила её на бархатную подушечку шкатулки, сняла вторую из другого уха и добавила к первой. Пройдёт пара часов — никто и не заметит, что в ушах ничего нет. Возможно, никто ничего не прознает и сейчас, особенно если высвободить из причёски по паре локонов с каждой стороны, что Мириан тут же сделала и уверенно поднялась.

Нужно было торопиться, но вместе с тем не спешить. Влетать в трапезную, запыхавшись, не подобает её статусу, только больше всех рассмешит и даст брату лишний повод поехидничать. Нужно ступать спокойно, подняв голову, расправив плечи, пусть даже без серёжек и нужной лилии в волосах. Свойственная ей с рождения грация и так сразит всех наповал, но цель Мириан — не все, а один единственный человек, давно захвативший её мысли и все эти дни живший там.

Тихонько притворив дверь, Мириан пошла по длинному коридору. Но не по тому, что был хорошо освещён и вёл к знаменам с белыми цветами, а по другому, не столь богатому на факела, не столь многолюдному и заканчивавшемуся у стягов с нолфортским медведем. Пусть такой путь длиннее и менее помпезен, зато на глаза брату Мириан точно не попадётся и в общий зал зайдёт одна, заставив своим появлением всех стихнуть и застыть в изумлении.

Коридор извивался как змея и никак не хотел заканчиваться. В какой-то момент Мириан показалось, что она обошла уже весь замок по два раза, а заветных флагов так и не было видно. Двери, арки, выходы на заросший плющом балкон, тоже длинный и пустой, опять двери, но чертога, где сытно пахнет жареной птицей и кружащим голову хмелем, до сих пор не было видно. А ведь его не пропустишь — там всё в огнях, всё блистает и светится.

Мириан взгляделась в темноту. Кажется, что-то промелькнуло вдалеке. Огонёк. Пусть тусклый, но всё же. Мириан заторопилась. Шаг стал шире, а выпущенные локоны принялись весело подпрыгивать и щекотать кожу.

Но огонёк никак не хотел разрастаться и превращаться в море света. По-прежнему едва колыхался и оказался не больше, чем просто факелом, воткнутым в стену, да парой свечей в крохотной комнате, дверь в которую была приоткрыта. В таких комнатках обычно ждут своей очереди просители или торговцы, давным-давно разгрузившие товар и жаждущие оплаты. Такие комнатки обычно людны в будние дни, а тёмными вечерами пусты, тем более, в дни, на которые запланировано грандиозное пиршество. Кто будет заниматься бытовыми мелочами, когда все собрались за большим столом, и есть шанс подобраться к самому хозяину юга и лично шепнуть ему на ухо какую-нибудь свою просьбу? Но если никого нет, то почему горят свечи?

В комнатке промелькнула чья-то тень. Высокий мужчина медленно ходил из стороны в сторону, и именно его силуэт выхватили из черноты тоненькие свечи. Сердце Мириан волнительно забилося. Прильнув к стене, принцесса перевела дыхание, стараясь успокоиться, и попробовала привести мысли в порядок. Выдохнуть удалось, но грудь странно заныла, словно пыталась о чём-то предупредить.

Ошибки быть не могло — это был он. Мириан слишком долго разглядывала его портреты в главных залах замка, изучала линию плеч, прикидывая примерный рост и манеру двигаться, и сделать сейчас неправильный вывод просто не могла. Очень часто, конечно, в ход шло буйное воображение, но ведь сошлось! Представляя Гайларда Стернса в своих мечтах, Мириан рисовала именно эту походку, уверенную в себе и неторопливую, и именно эти движения.

Но почему Стернс здесь, а не среди гостей? Хозяину положено быть в центре внимания, а не прятаться в полумраке. Или он кого-то ждёт? Не её ли? С ума сошла! Как он может знать, что принцессе Ллевингора вдруг захотелось почудить и заявиться в трапезную не в соответствии с правилами, а нарушив их все до последнего? С другой стороны, если именно сейчас и состоится то долгожданное знакомство, которое Мириан столь долго пестовала в душе, то что может быть лучше? Они выйдут на суд десятков пар глаз вместе, и никто больше не посмеет усомниться в благополучии их союза, даже самый заядлый скептик.

Мириан отпрянула от стены, поправила непослушный локон и, стараясь звучать спокойно и ровно, шагнула в комнату и громко

произнесла:

— Я рада, наконец, увидеть вас, милорд, но никак не ожидала, что первая встреча состоится именно здесь. Впрочем, это весьма романтично.

— Хотел бы я быть тем милордом, госпожа, но боюсь, разочарую вас раньше, чем вы произнесете следующее слово.

Мириан оробела. На неё смотрел совершенно другой мужчина. Не тот, которого она привыкла видеть на портретах, и которого при каждом случае нахваливала прислуга. Возможно, примерно такого же роста и телосложения, но другой. Без присущей Гайларду лёгкой степени высокомерия на лице и без взгляда завоевателя.

— Вы кто? — внезапно холодным тоном спросила Мириан, быстро сбросив с лица маску нежной невесты и натянув маску госпожи.

— Простите, ваша милость... светлость... — Молодой мужчина волновался и путался в словах. — Я даже и не знаю, как правильно к вам обращаться... Я, видимо, напугал вас. Но мне велели ждать тут, пока не принесут мои бумаги. Сказали, что здесь я никому не помешаю, а получилось, что... помешал вам.

— Это объяснение слишком витиевато, чтобы быть ответом на мой вопрос. Кто вы?

— Моё имя — Дален, — ответил мужчина, совсем запутавшись и не понимая, как полагается вести себя дальше. То ли следует скрестить руки впереди, то ли спрятать их за спину, то ли поклониться миледи, то ли ещё чего.

— И что вы здесь делаете, когда все на пиру?

Беседа напоминала разговор глухого с немым.

— Жду.

— Кого?

— Меня он ждет, — прокаркали за спиной принцессы, и из темноты коридора на свет свечей выплыл Дагорм. — Ваше высочество. — Старик поклонился в пояс. — Я, признаться, ожидал увидеть вас в этот час совсем в другом месте. Вы, чай, заблудились?

— Заблудилась, — соврала Мириан.

— Сейчас я вас провожу, — прошамкал беззубым ртом старик. — Только вот распоряжение лорда Стернса этому юноше вручу.

Дагорм протянул Далену свиток.

— Всё, как было обещано. Подпись милорда и его печать в самом низу. Печать даже ещё не до конца высохла.

— Но, — Дален был в замешательстве, — здесь только один документ. А где же обещанное для Рики?

Старик замялся.

— Лорд Стернс подпишет вторую бумагу завтра. Сегодня такой важный день, он торопится на важный ужин, а бумагами у него весь стол завален — разгрести несколько дней придётся. Да и сестрица твоя сейчас при нём. Завтра поутру милорд всё подпишет и девочке сразу вручит.

— Как-то всё это...

— Думай, юноша, прежде чем говорить, — резко осёк Далена Дагорм. — Ты не в лавке и не в игорном доме. Тут не обманут. Раз было обещано содержание твоей сестре, то оно будет дано. Лорд Стернс слов на ветер не бросает.

— Простите, — стушевался Дален и после небольшой паузы спросил: — Могу я перед отъездом увидеться с Рики?

Старик кивнул.

— Я передам ей, чтобы она сюда заглянула. — И, повернувшись к Мириан, заискивающе промурлыкал: — Идёмте, миледи, я покажу вам дорогу.

— Пожалуй, не стоит, — внезапно ответила Мириан, совсем не радуясь перспективе появиться перед гостями в сопровождении дряхлого старца. — Я вполне справлюсь сама.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Ну, как знаете. — Старик неодобрительно покачал головой и пригладил топорщившуюся бороду. — Пойду найду девочку, — проворчал он и исчез в темноте.

Раздражающее слух шарканье не прекращалось ещё долго. А когда растворилось, то Мириан протянула Далену руку для поцелуя и великодушно произнесла:

— Вам повезло попасть в милость к самому Гайларду Стернсу. Цените это.

— Непременно буду, — ответил Дален и пожал принцессе руку.

Наглое нахальство или элементарное незнание основ приличия? Мириан ответа не знала, но не повела и бровью, а только слегка

приподняла подол платья, развернулась и вышла из комнаты. Скандалы в этот день ей были не нужны, пусть и с простолюдинами. В конце концов, они тоже не виноваты. Не каждый день сталкиваешься лбом с королевской особой. А этот и подавно не планировал. Если бы... если бы не её безрассудство.

* * *

Гайлард пощупал неудобный воротник и поморщился.

— Мне кажется, мех тут лишний, — заметил Стернс в сторону суетившегося вокруг него портного, поправлявшего наспех подогнанный по фигуре наряд.

— Мех ни капли не лишний, милорд. Он придаёт суровости скулам и взгляду и показывает, кто в этих стенах хозяин.

— А без меха это непонятно?

— Швец дело говорит, — выдавил Риккард, который всё это время, вместо того чтобы переодеться из походного в праздничное и нацепить на грудь золотую цепь, хлестал из кувшина креплёное гранатовое и поучал Гая. — Покажешь той бабе сурового медведя. Пусть знает, что, как только официально будет дозволено, ты её сразу цап в пещеру и дела делать. Всю зиму, — добавил король и громко захохотал. — Пока пацана не заделаешь.

— Дядя, вы пьяны, — процедил сквозь зубы Гайлард.

— А ты сопляк ещё, чтобы меня одёргивать. Хочу — пью, хочу — изменников вешаю. А воротник оставь и на лицо важность напусти. А то стоишь и кислую мину корчишь. Думаешь, я не вижу? Я пить пью, но подмечаю каждую твою ухмылку.

От дяди несло так, что Гая начало воротить. Надо было прежде набить ему живот жареным мясом с протёртой клюквой, а потом вино подавать. Но кто знал, что по приезду желудок короля будет пуст, каким бывает пуст к концу зимы мешок с зерном у крестьянина, имеющего жену и десятерых детей и не позаботившегося о запасах осенью?

Предупредительный стук в дверь принёс в комнату Дагорма.

— Пора, милорд, — прошамкал старик, предварительно обменявшись горячими объятиями с королём и тоже поморщившись от

винного, вперемешку с чесночным, запаха. — Все гости собрались и ждут только вашего появления.

— И что? Там тухло и тихо, как на могиле утопленника? — язвительно поинтересовался Гай. — Все высоко задирают нос и говорят лишь по делу и только о степени прожарки индейки?

— Что вы! Там шум и гам, все жаждут зрелищ и винных рек и очень рады за вас.

— Винные реки — это хорошо! — причмокнул губами король. — А то племянничек поспешил, только три кувшина передо мной на стол поставил. И те крохотные, как вон напёрстки у этого ниточника!

Его величество ткнул пальцем в портного, отчего тот сразу вздрогнул и сильнее обычного нажал на иглу, которой зашивал слегка распоровшийся шов сбоку. Гайлард взвыл. Про себя.

— Где Рики? — только и смог спросить хозяин замка.

— Я наткнулся на девочку у дверей ваших комнат, милорд, — ответил Дагорм, — и отослал её проститься с братом.

— Что ещё за Рики? — булькая вином, любопытствовал король.

Гай ограничился кратким ответом:

— Моя служанка.

— С каких это пор ты помнишь имена своих служанок? — недоумевал Риккард.

Племянник столь же недоуменно повёл бровями, словно сам удивился шалости своей памяти, а потом перевёл тему:

— И Итор с сестрой подошли?

— Его величество короля Итора я видел у белых знамён, а вот на его сестру наткнулся в другом крыле, со стороны знамён медвежьих, — поведал старик.

— Вот как! — довольно воскликнул король и подскочил к Гаю. — Давай, мой мальчик, действуй. Не упусти шанса пощупать невесту до свадьбы и вдали от посторонних глаз. В общей едальне сделать это основательно не получится, а так будешь знать заранее, хватит ли у девки жира, чтобы выносить детей. Если какую чахоточную или дефектную тебе хотят подсунуть, то сделку расторгнем и товар вернём, не замаравшись клятвами перед богами.

— Блестящая мысль, ваше величество! Я о том, чтобы милорд вышел ко всем рука об руку с невестой. — Дагорм по-своему интерпретировал предложение Риккарда. — Лорд Гайлард, если вы

поторопитесь, то перехватите девицу до того, как она явится к стягам. Даже не исключая, что она до сих пор ещё в той самой комнатёнке, где я оставил её не так давно.

— Что ещё за комната? — спросил Гай.

— Та, где обычно ожидают просители. Её высочество забрели туда по ошибке, там я её и застал.

— А? Как тебе? — продолжал шуметь король. — Даже старик меня поддерживает! Так что ступай и морду кислую более корчить не смей. Понял?

Молодой Стернс всё отлично понял, а также понял и то, что с дядей лучше не спорить. Не тот день, не тот момент и не то состояние у обоих, чтобы затевать тяжбу, которую оба будут не в состоянии довести до конца, а, значит, Гайларду придётся неминуемо сдаться.

* * *

Тёмные стены слились в одну сплошную черноту без единого белого пятна. Какая же это была ошибка — рвануть с места, не захватив с собой даже свечного огрызка! Шарь теперь руками в темноте, страшась уткнуться лбом в доспехи какого-нибудь бутафорного рыцаря, поставленного сразу перед дорогой вазой. И неизвестно, что в момент столкновения будет страшнее: разбитый ли в кровь лоб или разлетевшаяся на несколько мелких кусочков дорогая вещь. К счастью пытка длилась не долго, и уже совсем скоро в дальнем углу коридора забрезжил тусклый свет. Рики заторопилась.

Дален был ещё на месте. Ходил туда-сюда, теребил в руках свиток и морщил лоб, усиленно о чём-то думая. Когда увидел сестру, то сразу посветлел лицом, обнял её ласково за плечи, чмокнул в макушку и прошептал:

— Я буду скучать.

— Я тоже, — пролепетала девушка, зарываясь носом в пропахший морем и порохом жилет. Вытащен тот был из мешка на корабле Стернса и подарен Далену лично капитаном Мортенером.

— Надеюсь, тебя здесь долго мучить не будут.

— А я бы задержалась тут на подольше...

— Рики, так нельзя. Ты должна думать о своём будущем.

— Я о нём как раз и пытаюсь думать, но все мои мысли разбиваются о твои решения.

— Просто я знаю, что для тебя будет лучше.

— Поверю, когда собственными глазами увижу, что ты счастлив с той, на ком женился.

— Я счастлив.

— А если честно?

Рики подняла голову и заглянула брату в глаза. Карие, те блестели в свете свечей.

Брат взгляда не отводил и, слегка улыбаясь, смотрел на сестру.

— Дурашка, — смешливым тоном вымолвил он, опять прижал Рики к себе, но на этот раз крепко-крепко, и отпустил только, когда та брыкнулась.

— Значит, до встречи, — сказал Дален, направляясь к выходу.

— До встречи, — пробормотала девушка, мечтая, чтобы эта встреча произошла уже завтра, и в то же время желая оттянуть её на несколько лет вперёд, чтобы никогда не случилось то, чего так жаждет брат.

В едва освещённой комнатке стало совсем одиноко и даже страшновато. Одна свечка догорела; осталась вторая, которая уже еле-еле дышала и трещала так, словно на неё лили воду тоненькой струей, хотели погасить, а она всё сопротивлялась и сопротивлялась. Эта свечка напомнила Рики саму себя. Брат так же усиленно пытается навязать ей выгодное замужество, даже поддержкой Стернса заручился, а она, маленькая тоненькая свечка, шипит и брыкается, при этом понимая, что рано или поздно сдастся или же сгорит полностью. Что выбрать? Рики поёжилась.

Глупые мысли в неподходящее время. Не о рыжих усах Швидоу надо думать, а том, как закрепиться среди окружения лорда Гайларда. Надо вцепиться зубами в любую, даже самую крохотную, возможность, не делать глупостей, как сегодня днём, внимательно слушать, по большей части молчать и чётко и своевременно исполнять распоряжения, будь то чистка сапог или простое мытьё головы.

А что будет, когда Сэма найдут? Об этом тоже думалось и гораздо чаще, чем о ненавистных усах. Вон как старик старается: во все уголки страны гонцов разослал, всем в округе объявил, денег пообещал немерено, теперь к воротам Торренхолла потащат всех, кто более

менее похож на пацанёнка. За такое богатство родной отец сына сдаст и, не моргнув, поклянётся, что белобрысый нахалёнок не его отпрыск, а именно тот, кого столь жаждет отыскать милорд. И как только среди тысячи подставных обнаружится истинный Сэм, Рики уже будет не нужна. Значит? Значит, надо сделать всё, чтобы оказаться к месту и после.

И Рики тут же всполошилась, осознав, сколько времени потратила за бессмысленными размышлениями в тёмной комнате. В конце концов, её сюда приняли не рассуждениям предаваться, а обеспечивать безопасность лорда Стернса. А она стаптывает в одной и той же точке сапоги и забивает себе голову всякой дрянью. А что если именно сейчас, именно в эту минуту милорду угрожают? Вдруг Сэм свалился с потолка и норовит расцарапать хозяину лицо?

Рики заторопилась к выходу. Но прежде суетливо покрутилась, задула последнюю свечу, а затем уже бросилась к дверям, чтобы вынырнуть в длинный коридор, поначалу освещаемый одиноким факелом, а после постепенно погружающийся во тьму. Через пару поворотов тьма рассеется, и глаза начнут слепнуть от буйства света и огней, а пока надо привыкнуть к черноте, чтобы идти быстро и не свернуть шею об очередного железного воина или не опрокинуть вазу, стоившую несколько сотен золотых. Шея что? За неё и гроша ломаного не дадут. А вот за вазу спросят в тройном размере.

Света факела хватило ненадолго, а вот мерцания сотен свечей в канделябрах и огромной люстре, привинченной к высокому сводчатому потолку, так и не было видно. Неужели свернула не в ту сторону?

Шершавая стена вдруг стала деревянной. Пальцы нащупали круглый металлический шарик. Дверь? Похоже на то. Навалившись с силой, Рики толкнула от себя деревянное препятствие и вывалилась на длинную, тянущуюся вдоль замковой стены и увитую плющом, террасу.

Ночной ветер ласкал кожу. Он был невероятно тёплый, пах влажной землёй, цветами и листьями. Мерцающие в чёрном небе звёзды и бледный лунный месяц бросали скудный свет на розовые кусты, от которых шёл такой бесподобный аромат, что у Рики закружилась голова. Так хотелось вцепиться руками в каменные перила, закрыть глаза и дышать, дышать розами, пока не надоеет или

пока не пойдёт первый снег. Слушать шелест листвы, такой волшебный и успокаивавший, что можно позабыть обо всём на свете, в забытьи перекувырнуться через перила и грохнуться прямо на землю, заодно сломав себе пару рёбер. От этой шальной мысли Рики даже повело, и она ухватилась за каменную перекладину крепче, ведь прощаться с жизнью девушка пока совсем не планировала, а вот насладиться пьянящим цветочным ароматом хотелось ещё хотя бы с пару ударов сердца.

Тоненькие холодные пальчики накрыла широкая и горячая ладонь. Рики всполошилась, открыла глаза, но ладонь сжала руку ещё сильнее. Со спины вдруг пошло такое тепло, словно хрупкую девушку обняли, желая согреть в прохладную ночь позднего лета.

— Я тоже люблю вечерами дышать садом, — слышалось над головой.

Рики даже вверх не понадобилось смотреть, чтобы узнать говорившего. Оттого внутри всё похолодело ещё больше, и тоскливее стало в два раза. Снова прокол — в этот момент она должна была быть совсем не здесь.

— Я забрела сюда случайно, — пискнула девушка. — Я торопилась в большой зал. Правда торопилась.

Но её слова были благополучно пропущены мимо ушей. Гайлард Стернс убрал свою руку, отпрянул назад и встал рядом с Рики, уже не грея её со спины, а просто облокотившись на перила.

— Моя мать очень любила розы, — продолжал говорить Гай, глядя вдаль, в черноту, туда, где звезды срывались с неба и падали на усыпанные шипами кусты. — Каждое утро садовник приносил ей свежесрезанную белую, а вечером ставили в вазу кроваво-красную или розовую. Так продолжалось из года в год, замирая лишь на зиму, но даже в заливаемые снежным дождём дни садовник всё равно находил способ порадовать мать. Как это ему удавалось — не знаю, но не помню ни одного послеобеденного чая, чтобы его подали без цветка у чашки. Потом, правда, всё резко прекратилось.

— Садовник умер? — робко предположила девушка.

— Умерла моя мать. — спокойно ответил Гай.

— Простите.

Неловкое молчание длилось недолго.

— Отцу было не до сада; все розы засохли, и только пара кустов выжили. Росли себе, дичали и даже наплодили бутонов, которые имели наглость распускаться из года в год. Я каждый день смотрел на них, на то, как бесстыдно они цветут, с каждым летом становясь всё краше, в то время, как моей матери этого уже не дано, и закипал к ним ненавистью. В один холодный день я взял лопату и...

— Выкопали их и вышвырнули, а потом пожалели? — выпалила Рики.

— ...перекопал, рассадил на места засохших и нанял нового садовника, наказав тому глаз с кустов не спускать. Теперь мой сад такой, каким он был когда-то прежде. Матери бы это понравилось.

— Обязательно бы понравилось, — впервые к месту поддакнула Рики, тронутая той нежностью, с которой всегда внешне холодный Стернс говорил о простых растениях. Девушка была уверена, что поверни он сейчас в её сторону голову, она увидела бы в его глазах слёзы. — От чего она умерла? — поинтересовалось Рики. — От болезни?

— А это уже не твоего ума дело, — Трогательную нежность как волной смыло; вернулся прежний хозяин. — Лучше скажи мне, что ты здесь делаешь, когда тебе было наказано всегда быть возле меня?

— Я...

Гайлард не дал договорить.

— Наш уговор был: я беру тебя к себе, а ты служишь мне и днём, и ночью, оберегая от своего клыкастого дружка. Так?

— Так.

— Я отпускал тебя помыться и почистить одежду, так?

Рики кивнула.

— И я смел надеяться, что ты выполнишь моё распоряжение быстро, и я уже не буду более беспокоиться о безопасности своей жизни. Но что я вижу? Ты просто стоишь тут и дышишь розами!

— Но, милорд, это же такие... такие... такие розы! — страстно выплеснула Рики, так и не сообразив, каким словом можно было описать всё то великолепие, которое сейчас сводило её с ума, дразнило, искушало, пьянило.

Гай улыбнулся. Нет, конечно, темень вокруг была страшная, и дальше кончика своего носа Рики с трудом видела, но месяц в небе в

тот самый миг вышел из-за пухлой тучи, и девушка заметила, как дрогнули губы на лице хозяина.

Гайлард был прекрасен. В чёрных одеждах, расшитых серебряной нитью ровно настолько, чтобы смотреться не вычурно и в то же время достойно наследника короля, Стернс выглядел величаво, и пропасть, и без того огромная и лежавшая между ним и Рики, вдруг на глазах у девушки увеличилась вдвое, а ведь всего минутой ранее Рики о ней даже не вспоминала. Во всём виноваты эти розы! Они свели с ума. Или месяц. Ведь именно он так некстати высунулся из-за тучи.

Прозвучал рог. Низкий звук донёлся не с улицы, а из-за стен. Такое могло говорить только об одном: его величество Риккард Стернс явился на ужин. Явился один. Без сопровождения хозяина башен Торренхолла и по совместительству племянника. И в лучшем случае тяжёлый стул за столом королю отодвинет Дагорм, а в худшем...

Гайлард выпрямился.

— Идём.

— Как? Я с вами?

— Мы, кажется, это уже обсудили.

Гай шагал широко и быстро; Рики едва поспевала.

— Может, я лучше постою за дверью?

— А жрать меня твой ненаглядный тоже будет за дверью?

— Прежде чем вас сожрать, ему надо будет в залу через те двери просочиться, а, значит, пройти мимо меня.

— Пролезет. Эта скотина, где хочешь, пролезет. Гнидой прикинется и в постель ко мне по балдахину скатится. Кстати, тебе уже подготовили комнату?

— Да, милорд. В том крыле, где кухня и где спят все...

— Я же велел рядом со мной!

— Может, я вас не так поняла?

— Вокруг меня одни болваны. И ты в их числе.

— Уж как получается, милорд. Я тут пока первые сутки — с непривычки всё путаю.

— Ты можешь ползти быстрее?

— Свои сапоги я почистила, но они развалились. Мне дали чужие, а те мне жмут. Сами понимаете...

— Расскажешь это моему дяде.

— Простите, милорд, но вы опоздали вовсе не из-за моих сапог.

— Я искал леди Мириан...

— Вашу невесту? — ахнула Рики, и как-то стало совсем не до сапог.

— ...а наткнулся почему-то на тебя.

— Я видела леди Мириан много часов назад, когда солнце ещё было высоко.

— Да? А мне передали, что её видели как раз в этом крыле и совсем недавно.

— Кроме меня и брата тут никого не было. Я вам не вру! Пустые коридоры, пустая лестница...

— И как она тебе?

— Лестница?

— Тьфу.

Гай резко остановился, и Рики налетела на него, ударившись лбом о плечо. Вокруг всё переливалось и блестело, глаза с трудом разлипались, привыкая к буйству огней, а из распахнутых настежь дверей, ведущих в огромную залу, доносился шум. Оттуда же шли и такие запахи, что у Рики сразу заурчало в животе. Но, отлично помня недавний разговор, девушка мигом взяла себя в руки, одёрнула на себе тунику и съехавший в сторону жилет, пару раз моргнула, привыкая к ярким огням, и смело шагнула за Гайлардом, успев услышать от него заветное:

— Запомни, ты всегда со мной. — И затем уже более прозаическое и возвращающее с небес на землю: — Стоишь за моей спиной и не зеваешь.

Глава 3. Ключ

В народе поговаривали, что у Нофлорта три сердца.

Холодное и расчетливое принадлежало северной столице королевства, величаво именуемой Эйрой, что в переводе в мёртвых языков означало «заснеженный форт». В тех местах часто было холодно, снег таял ближе к середине весны, люди говорили коротко и по делу, и меховые накидки были самым ходовым товаром на главном базаре.

Добродушным и гостеприимным было сердце второе. Числилось оно за землями срединными, богатыми на реки и озёра и находившимися под присмотром лорда Альгервильда. Что и говорить, места вокруг Папоротниковой впадины были любимы всеми. Любимы за полные дикого кабана леса, за тишь и умиротворение вокруг, за неспешные беседы за ломившимися от яств столами и за круглолицых крестьянок, что несли к ужину наломанный крупными кусками хрустящий хлеб или головку ноздреватого сыра.

Было ещё и третье сердце.

И если первое всегда билось ровно и на лишний удар было скупое, а второе своим стуком успокаивало и настраивало на разговор по душам, то третье разрывалось на части, частило и не щадило себя ни секунды, словно каждый прожитый миг был последним. Сгорая от страсти, то сердце купалось в лучах горячего южного солнца и наслаждалось жизнью. Такими были дни в Торренхолле, таким был и весь юг королевства, такими были местные закаты и рассветы, полные красок и запахов, будоражившие воображение и сводившие с ума.

В тот вечер третье сердце не унималось, стучало громко и затихать не собиралось даже на ночь. Слуги сбились с ног, едва успевая подавать к столу угощения. Вино лилось рекой, хлестало через край кубков и шлепалось бордовыми кляксами на деревянный стол. Вытирать кляксы никто не спешил — прислуга просто бахала поверх них очередное блюдо с уткой, обложенной печёной айвой, и навсегда забывала о въевшихся в дерево пятнах.

Шум стоял невероятный: обсуждались всякие мелочи, начиная с последних новостей о здоровье королевы Маргариты, правившей в

королевстве за морем, находившемся столь далеко, что никто не решился послать ей гонца с приглашением на свадьбу (королева всё равно бы не прибыла, а почтовые расходы были бы колоссальными), и заканчивая цветом пуговиц, популярным этим летом у нолфортских модниц. Затих шум только тогда, когда в дверях появился Гайлард. По обе стороны у входа в трапезную стояли стражники, и покорно следовавшая за Стернсом Рики всё боялась, что те сомкнут свои пики прямо перед её носом, а потому чуть ли ни прилипла к спине Гая, пару раз даже отдавив ему пятки.

Спрятаться за широкой спиной господина полностью, однако, не получилось. И пока глаза резало от свечного блеска, смешанного с блеском золота, алмазов, рубинов и таких драгоценных камней, названий которых бедная деревенская девушка до этого вечера никогда не слыхивала, её пристально рассматривали несколько десятков пар глаз. Рассматривали кто с недоумением, кто с жалостью, кто с негодованием. Гайларду на взгляды было плевать. Он быстро и уверенно пересёк половину залы, обменялся приветствиями со всеми, с кем было положено, и опустился в предназначенное ему кресло, в то время как вечно всё подмечавший Риновар предусмотрительно схватил Рики за руку и оттащил подальше от стола, иначе та сослепу врезалась бы прямо в одного из важных гостей.

— Я что-то не понял. — Король качнулся в сторону племянника и обдал того пареной репой, маринованной в изрядном количестве тёмного пива. — Я велел тебе явиться с принцессой, а ты приволок какое-то чучело.

— Я вам не собачонка, дядя, чтобы бегать, как чумной, за каждой костью, что мне бросают, — тихо парировал Гай, взглядом встретившись с Мириан, сидевшей на другом конце длинного и широкого стола. Та смотрела на молодого Стернса, слегка улыбаясь, но одновременно и внимательно слушала своего брата, который в тот момент что-то страстно шептал ей на ухо. Вероятно, гадости, так как от услышанного Мириан вмиг смутилась и бросила пару слов Итору в ответ, а тот в свою очередь взвинулся и недовольно засопел.

Король Риккард повернул голову в сторону стражи и слуг, покорно стоявших за спинками кресел своих хозяев, и поморщился. Гай тут же понял причину.

— Что, дядя, — хмыкнул он, выбрав с общего блюда пару кусков курятины и попутно выпачкав в жире манжету, — моё чучело своим видом портит вам аппетит? А вы не крутите головой, смотрите прямо. Я вот смотрю и глаз не могу отвести от красоты напротив. Даже сухое цыплячье крыло не встаёт поперёк горла, а идёт отлично. Особенно под вино.

Риккард проследил за взглядом племянника, и его красное лицо расплылось в довольной улыбке. Гайлард любовался Мириан, а та потупила взгляд, продолжая о чём-то горячо спорить с братом, и вертела в пальцах розовую виноградину.

— Хороша, а?

Король похлопал Гая по плечу и даже не заметил, как тот сразу зажмурился и стиснул зубы. Вечер не окончен, а, значит, муки продолжатся, и от ненавистной боли будет никуда не деться.

— Зубы белые, грудь большая, волосы длинные, — продолжал тем временем Риккард. — На такие прелести смотришь, и сразу желудочный сок начинает вырабатываться. А как голову назад воротить, то из желудка всё лезет обратно.

— А вы не оглядывайтесь, дядя, — съязвил Гай и отхлебнул столько вина из кубка, сколько последний раз пил на корабле в ту самую ночь, когда совсем потерял голову. — Если будет не хватать картофеля с печёным перцем, говорите мне. Я разберусь.

— Твоё дело сегодня не картошку считать, а бабу завести, — рыкнул себе в бороду король, но Гай услышал. — Впрочем, я заметил, как она на тебя смотрит. И скажу тебе, что ты будешь последним идиотом, если не поимеешь её прямо сегодня ночью.

— Вы забываете, ваше величество, что мы ещё не женаты.

Риккард едва не поперхнулся костью.

— Когда тебя это останавливало?

— Меня — никогда, но я не рискую отвечать за леди Мириан.

— Кто спрашивает бабу?

— Согласен, — на автомате ответил Гай, а перед глазами вдруг опять всплыла та ночь на корабле, когда он нагло и по-хозяйски, ни о чём не спрашивая, попробовал на вкус губы неопытной девчонки.

— Наконец-то узнаю тебя, — довольно промычал король. — А то ломаешься как девственница, словно и не родной мне. А теперь давай,

вели слугам разлить вино да скажи чего-нибудь приятного нашей красавице, а то она, смотрю, совсем скисла.

Стоявший в огромной трапезной гул, где из слов можно было разобрать только те, что говорил сосед рядом, на время стих. Два государства — победитель и побеждённый — обменивались любезностями, поднимая кубки за здоровье и счастье Гайларда и Мириан. Концовки речей подхватывали гости, громко радовались, пили до дна и требовали дать им слова, чтобы восхититься красотой молодой пары, а заодно и наплести с гору лести Риккарду Стернсу, развалившемуся в кресле ленивым львом и окончательно захмелевшему.

Гайлард вышел из-за стола. Стоявшая за его спиной Рики было рыпнулась следом, но Стернс щёлкнул пальцами, приказав девушке оставаться на месте. Рики ничего не оставалось как замереть и вытянуть шею, чтобы попытаться рассмотреть, что происходит в другом конце залы.

— Не стоит так напрягаться, — услышала девушка вкрадчивое рядом. Говорил Риновар — Рики отлично успела выучить за день его размеренный голос. — Прислуге не положено ни привлекать к себе внимание, ни самой пялиться на господ. Там, — Риновар кивком указал на дальние кресла, к которым спешил Гайлард, — не балаган, и хохму не покажут. Так что встань ровно, спину выпрями, руки опусти. Взгляд — в пол. Мышь должна быть более заметна, чем ты.

— Это легко, — ответила девушка. — Мышей в казармах всегда подмечали и сапогами в них кидались, а я могла часами на скамье сидеть и не дожидаться даже плевка в свою сторону. Но вот делайте со мной, что хотите, а не смотреть я не могу. Я в жизни никогда подобной красоты не видела, дайте наглядеться!

Слуга смилостивился, сам зыркнул в сторону леди Мириан и тяжело вздохнул. Его покойная жена даже отдаленно не была такой. Все поцелуи были пресными на вкус, и как бы ни хотелось добавить в жидкий суп острого перца, его попросту не было в закромах.

— Красоты вокруг и правда мало, — согласился Риновар и на шагжок подо двинулся к Рики, словно желал продолжения сплетен. — Дамы все собрались хоть и из высшего света, а на половину смотреть тоскливо. Видишь вон ту бледную и постоянно чихающую? С ней

рядом никто, кроме Дагорма, сесть не рискнул. Это Кхира, старшая дочь короля Риккарда.

— Королевская дочь, а вся зачахла... Его милость дочку совсем не кормит?

— Кхира долго и сильно болела — еле выходили. Теперь вот каждый час кашляет.

— Как бы старик не заразился!

— Дагорм-то? Его уже давно никакая гадость не берёт. Думаю, и помрёт он только тогда, когда голову отрубят.

— А высокая и худая кто?

— Леди Росанна Альгервильд. Её отец — владелец земель в Папоротниковой долине.

— Лицом ничего. Только брови слишком тёмные.

— Вчерашним днём она переборщила со смесью из свекольной ботвы и луковичной шелухи.

— Зачем?

— Видишь ли, некоторые дамы идут на любые ухищрения, чтобы заинтересовать хоть какого-нибудь мужчину.

— У неё есть имя и состояние. Разве этого мало, чтобы кого-то заинтересовать? Брови-то зачем ещё красить?

Риновар достал из нагрудного кармана платок и вытер им пот со лба. Не каждый день распорядителю лорда Стернса приходилось вести беседы о женских ухищрениях; подкованности в этом вопросе было мало, а вот сожалений о начатой теме уже слишком много.

— Видимо, потому и красит, что не всё гладко. Всем ведь хочется супруга познатнее и получше, а лучших давно расхватали.

— Надо же, — протянула Рики, — высший свет, а нравы, как у нас в деревне. За братом тоже все девицы увивались, потому что он помощник старосты и дом большой имеет, и внешне красавец. Ни шрамов, ни бородавок на лице нет.

— Вот, — поучительно заметил Риновар, — бьюсь об заклад, он выбрал такую, что глаз радуется.

Рики горестно вздохнула.

— Лучше бы он взял ту, что заикалась...

Глаза снова не удержались и выхватили из толпы напыщенных лордов и леди, всех в богатых нарядах и с украшениями на груди и пальцах, милорда. Гайлард беседовал с Мириан, мило ей улыбался и

получал такую же улыбку в ответ. Вот он вдруг взял из рук невесты кубок, потянулся за кувшином, сам лично наполнил тот кубок вином и протянул темноволосой красавице. А потом даже наклонился к ней близко-близко, почти пробуя губами мочку её уха, и что-то сказал. Видимо, приятное и волнующее, так как леди Мириан кокетливо улыбнулась. А Гай сделал глубокий вдох. Такой глубокий, словно вдохнул аромат своей будущей жены. Аромат ночных цветов и фруктового вина.

— Ты не слушаешь? — уловила Рики голос Риновара и вдруг поняла, что тот продолжал без усталости бубнить и теперь перешёл на следующих гостей.

— Конечно, слушаю, — мигом среагировала девушка и попыталась отгадать, о ком на это раз могла идти речь.

Задача оказалась не сложной. Взгляд Риновара был прикован к рыжеволосой молодой женщине, занявшей место в самом центре длинной части стола и сидевшей между важной пожилой дамой, чрезмерно напудренной и говорившей тоненьким писклявым голосом, и почтенного возраста мужчиной. Последний тоже выглядел важно и по степени напыщенности ничем не уступал самому королю Риккарду.

— Бьянка Талайт.* Роскошная женщина. Вроде не первая красавица, а сколько в ней шарма! Смотрю и облизываюсь. И не я один.

— Талайты, Талайты... — бормотала Рики, в уме прикидывая, какую из земель Нолфорта может представлять эта мушка над губой.

Риновар пришёл на помощь.

— Имил Даар. Восточное королевство. Живут на Белых скалах и вечно спорят о каждой рыбёшке с Дейерли. Но в Дейерли Вармунды, а пока живы и те, и другие, двум королевствам ещё долго не спать спокойно.**

— Они совсем не похожи.

— Кто? Талайты и Вармунды? Ещё бы! Это как сравнить курицу и орла!

— Да нет... Эта ваша Бьянка совсем не похожа на того господина. Ну, который рядом сидит. Ну, её отец. Не поняли?

Риновар посмотрел на Рики с сожалением. Недавнее сравнение с курицей сейчас оказалось бы кстати, только в роли орла будет выступать он сам, а роли безмозглой птицы... Неопытная девчонка ни

капли не представляла себе, с какими важными людьми она находилась в одной зале, каким великим персонам её выпала честь прислуживать, а только задавала глупые вопросы и даже не удосужилась вначале просто пошевелить мозгами.

— Леди Бьянка не дочь королю Талайту, а его невестка, — важно проронил распорядитель, чувствуя себя в этот момент чуть ли ни летописцем.

Лицо Рики вытянулось от удивления.

— Вот я ведь и говорю, что они совсем не похожи. А где сын короля?

Риновар кашлянул.

— Сын его величества мёртв. Увлечение охотой сыграло с ним злую шутку. Леди Бьянка — вдова.

— Но платье на ней совсем не траурное.

— Она и так носила траур во много раз дольше положенного; теперь пора и о жизни вспомнить.

— А она из какого королевского рода?

— Кто?

— Леди Бьянка.

Риновар фыркнул.

— Она вовсе не голубых кровей. Её прадед отхватил в своё время земельку домов на десять, развёл овец и начал стричь шерсть и продавать её по всем соседям. Так и сколотил капитал, и детей в свет вывел. Но леди Бьянку к королевскому двору привела её тётка. Видишь, рядом сидит? Леди Фианна Резй. Она по молодости выгодно выскочила замуж за одного из королевских советников, вот племяннице и повезло. Сумела вскружить голову самому принцу. А как не вскружить-то? Одна мушка над губой чего стоит. Гордон Талайт был от неё без ума. Да и король в невестке души не чает. Гляди, как смотрит. Так и готов пылинки сдувать.

— Но леди Мириан всё равно красивее, — обреченно заметила Рики, переводя взгляд с рыжей любимицы правителя Имил Даара на ллевингорскую принцессу.

— Согласен, — подхватил Риновар. — Роскошная роза. — И тут же уточнил: — Роскошная королевская роза. Милорд будет с ней счастлив.

Мириан и Гайлард вместе смотрелись идеально. Тихо беседовали, не сводили друг с друга взглядов, и в какой-то момент его рука даже легла поверх её руки. Легла точь-в-точь так же, как часом назад на террасе в саду. Рики отлично помнила, какой жар исходил от ладони Стернса. Грел сильнее костра в холодную ночь, придавал жизни и заставлял сердце биться чаще.

Внезапно Гай встал. Коснувшись губами руки принцессы, взял свой кубок и пошёл к своему месту. Знакомство свершилось и прошло идеально, король Риккард довольно хмыкал и цедил вино, Гай не спеша возвращался туда, где оставил дядю и Рики, а Мириан подняла голову, проводила Гайларда внимательным взглядом и вдруг посмотрела на Рики. Девушка вздрогнула. Взгляд миледи был таким пристальным, словно та нашла интересную книгу и сейчас решила прочитать её от корки до корки и выведать все секреты и тайны.

Сама не ведая, как это случилось, но Рики вдруг коснулась пальцами своих губ. Те горели и, вероятно, в тот момент были нездорово алыми. Мириан продолжала смотреть, и внезапно Рики показалось, что Мириан всё знает. Знает о террасе, о мерзком поцелуе на корабле... И от стыда захотелось провалиться сквозь землю или хотя бы поискать защиты у Гайларда. Вот только милорд ту стыдливость не разделял, на Рики даже не посмотрел, просто плюхнулся в своё кресло и получил от дяди очередное похлопывание по спине. На этот раз одобряющее.

— Высокомерие так через край и хлещет, — проскрипел Итор, кривя губы и выплевывая виноградные косточки. — Пока он тут торчал, я всё думал, что меня вывернет.

Мириан повернула голову в сторону брата.

— Ты преувеличиваешь. Лично я нашла Стернса милым, привлекательным и интересным. Его шутка о пережаренных каштанах была весьма к месту.

— Пресная, как и всё, что сейчас стоит на столе. Вино кислое, птица обугленная, а соус слишком холодный.

Мириан пожала плечами.

— Не ешь, раз не нравится. Потерпи до церемонии, а потом возвращайся в Ллевингор и жди, когда тебе подадут жёсткое мясо на ужин.

Но Итор продолжал кипятиться.

— А морду ты его видела? Весь вечер недовольная, словно ножом режут.

— Я же рассказывала тебе про лошадь. — Терпению Мириан можно было только позавидовать. — Слуги не станут врать про господина.

— Кто тебе ту чушь сболтнул? Пигалица, что у Стернса за спиной? Да эта соврёт что угодно, лишь бы тёплое местечко за ней оставили.

— Ты уверен?

— Выгораживает хозяина верная шавка, а сама на вид, как колючка от шиповника или сорняк. Таких моя собака давит, когда на волю вырвется. Сама подумай, какой должна была быть та лошадь, чтобы опытный всадник грохнулся с неё так, что крючится от каждого похлопывания?

— Я не знаю, — растерялась Мириан. — Но к чему ему притворяться?

— А чтобы иметь веский повод прилюдно кривить губы, стоит мне сказать хотя бы слово.

— А мне кажется, ты ошибаешься. Мне Стернс показался любезным.

— Пусть только посмеет обидеть тебя. Уж я...

Мириан теперь смотрела на Гая. И правда, каждое касание его плеч или спины миготом отражалось на его лице. Вот король Риккард шепнул племяннику что-то на ухо, вот немного потерял равновесие и проехался подбородком Гайларду чуть ли ни по шее. И того сразу перекосило. Вот король по-дружески дал кулаком чуть выше локтя, и Гай опять еле стерпел. Версия неказистой служанки казалась более правдивой, чем пьяный лепет брата. Узнать бы теперь, что правда на самом деле, а что больная фантазия, вызванная ревностью. Может, когда всё закончится, позвать девчонку к себе и за уютной болтовнёй по-женски выпытать всё про её господина? Слуги болтливы, а невзрачные — вдвойне. Главное, расположить эту колючку к себе...

Его величество король Риккард сильно захмелел. Сидел уже еле-еле, больше лежал, то откинувшись на спинку кресла, то на ещё трезвого племянника, сильно надавливая тому на раны. Смотреть на бесконечные пытки стало невыносимо, и Рики решила. Тем более и Риновара рядом не было — слуга отошёл проверить, несут ли пудинг.

— Ваше величество, — начала вполголоса девушка, приподнимая короля за локоть и заставляя того сесть прямо, — прошу меня простить, но у милорда эта сторона ещё не до конца зажила.

— Что? — Брови Риккарда сдвинулись так, как соединяются в ясном небе грозовые тучи, готовые вот-вот выпустить на волю молнию. — Ты кто такая?

— Рики... — Гай облизнул перепачканные вином губы и схватил девушку за руку.

— Рики, — бубнил король, едва соединяя звуки в слова. — Где-то я уже слышал это имя. Ты что ль его расцарапала, что он так морщится, стоит его пальцем тыкнуть?

И Риккард шутливо ткнул племянника мизинцем в грудь.

— Милорд упал с лошади, ваша милость, — страстно оправдывалась за Гайларда девушка.

— Чего? — ещё громче прорычал король, а брови уже почти заползли друг на дружку. — Этот жеребец и с лошади упал?

Рики покраснела, только сейчас осознав, что она натворила. Все гости смотрели только в её сторону и жадно ловили каждое слово. Кто-то попутно перешептывался с соседом, кто-то просто осуждающе качал головой.

Король поёрзал на месте и качнулся в сторону племянника.

— Про лошадь ты мне потом наедине расскажешь, не для всяких ушей разговор. А девку вели выпороть, и чтобы больше я её в Торренхолле не видел!

Гай притянул Рики к себе и, не глядя в её сторону, равнодушно процедил:

— Пошла прочь.

А потом выпустил её руку, успев перед этим незаметно для всех снять с цепочки, спрятанной в кармане одежд, жёлтый ключ и сунуть его девушке в кулачок.

Вся красная и в слезах Рики выскочила в коридор. Первый день в Торренхолле вместо сказки превратился в настоящий кошмар. Все вокруг над ней смеялись, все пинали и смотрели свысока, и даже лорд Стернс не выдержал и выгнал. И провожатых не дал — сама найдёт дорогу, отойдёт дверь ключом и выйдет на улицу, чтобы пойти куда глаза глядят. Вот только глядеть те никуда не глядели, а грязный

кулачок, от которого сильно пахло зажатым в нём металлом, смахивал с обеих щёк непрекращающиеся слёзы.

Навстречу несли розовый пудинг. Он качался на огромном блюде из стороны в сторону, внутри был полон ягод и пропитан ромом. Даже пудингу в тот вечер внимания было оказано больше, чем простой деревенской девчонке. Его ждали с большим энтузиазмом, над ним тряслись и боялись уронить и резали его аккуратно, по сторонам не разбрасывая ни капли.

Рики раскрыла кулачок и подбросила ключ на ладони. И тут промах — ключ перевернулся в воздухе, но вместо ладони упал на пол, громко звякнул, но быстро затих, так как был накрыт сапогом.

— Я провожу, — произнёс Риновар, убрал ногу и поднял ключ.

— Отдайте, — тяжело вздохнула Рики, еле выдерживая весь свалившийся на её голову позор. — Я сама.

— Моя работа заключается в том, чтобы следить, насколько вовремя и точно исполняются желания лорда Стернса. И если милорд желает видеть тебя сегодня ночью в своей постели, то не тебе и не мне ему в этом перечить.

Рики непонимающе смотрела на верного слугу.

— Это ключ от его спальни, — пояснил тот и, поманив девушку за собой, пошёл по длинному коридору.

В спальню Гайларда Рики ступила робко. Темнота здесь соседствовала с мёртвой тишиной и запахом можжевельника. Тяжёлые шторы были опущены и не пропускали ни лунного, ни звёздного света. Шкура огромного медведя на полу грела ноги, стоило те голые спустить с кровати, а сама кровать — высокая и широкая — стояла у дальней стены под синим пологом и была застелена вышитым покрывалом с пушистыми серебряными кистями по углам.

Всю дорогу до покоев господина Риновар и Рики молчали. Девушка совсем запуталась в правилах игры при дворе, а старый слуга вспомнил, что до высокой должности он дорос именно благодаря своему умению молчать, не вникать сильно в дела хозяина, если того не требуется, и уж тем более его не осуждать. Последнее временами давалась сложно, но с годами Риновар закалил в себе равнодушие и порой ловил себя на мысли, что, задумай Стернс на его глазах проткнуть пикой ребёнка, он не посмел бы перехватить руку милорда.

Сегодняшний каприз господина удивил: Риновар скорее сделал бы ставку на двух шлюх, чем на невзрачную девочку, с помощью которой хозяин собрался этой ночью утолить голод, но, возможно, страстные девицы с пышными бёдрами и выразительной грудью ему приелись, и захотелось чего-то свежего, невинного. С запахом ветра в волосах и покорным взглядом. Точного ответа Риновар не знал, но был уверен, что утро покажет. А стены всё услышат и расскажут.

В комнате зажгли свечи. Не много, но достаточно, чтобы найти застёжки на одежде и расстегнуть их, готовясь к ночи. Потом принесли глубокую миску, кувшин с тёплой водой и полотенцами. Служанка, поставившая всё на низкий столик, мимоходом взглянула Рики и про себя хихикнула. Самого смеха Рики не расслышала, но успела заметить, как предательски дрогнули уголки губ одетой во всё серое девчушки.

Зачем принесли воду, Рики догадалась. Пусть опыта в этих делах не было совсем, но месяц, проведённый среди мужланов в казармах Швидоу, дал о себе знать. Пошлых рассказов, когда смаковались даже самые мелкие детали, Рики успела наслушаться по десять за вечер. Богатые мужчины часто наказывали провинившихся слуг: одних пороли, с непокорностью других расправлялись иными способами. Но спуску не давали никогда и никому.

Мог ли Гайлард Стернс быть исключением из того вороха властных богачей, успешно и умело пользовавшихся слабостью женщин и бесправностью слуг? Вполне, если бы он того захотел. Но косой взгляд Риновара, закрывавшего за собой двери, говорил об обратном, а поджатые губы, с которых не слетело ни одного ответа ни на один вопрос, только подтвердили догадки.

Рики присела на краешек неудобного кресла у столика. Время шло, воспоминания о спокойных деревенских буднях, когда за неё всегда мог постоять брат, когда не надо было притворяться и молчать, а можно было говорить смело и всё, что думаешь, жгли сердце. Оно ныло нещадно и призывало пойти на поводу у страха, выбежать из комнаты и, пока никто не спохватился, бежать подальше из Торренхолла. В лес, к морю, к озеру. Куда угодно, где никто не найдёт. Ни Стернсы, ни Швидоу, ни даже брат. Но ноги почему-то как к полу прилипли и не решались даже на крохотный шаг. Один страх перевесил страх второй; Рики окончательно сдалась и всхлипнула.

Время шло, свечи догорали, месяц плыл по небу, а ветер колыхал макушки деревьев, подвывая в трещинах в камне замка. Глаза слипались. Несколько раз Рики ловила себя на том, что уже подложила руку себе под голову и даже покемарила минут пять-десять. Принесённая вода давно остыла. От мысли, что придётся гнать служанок за новым кувшином и ещё раз терпеть косые взгляды, по телу пошли мурашки.

За дверью слышались шаги. Кто-то не стеснялся громыханием сапог разбудить половину замка, при этом ещё громко говорил, отдавая распоряжения на завтра. Сообразить, кто это был, было несложно, и Рики поняла, что час расплаты настал.

Гайлард медлил и в спальню не входил. Рики даже заметила, как двинулась дверь, собираясь распахнуться, но не открылась. Дверную ручку крепко держали с той стороны и нажимать на неё со всей силы пока не собирались. Гайлард был не один. Рики прислушалась.

— Я бы внимательно тебя выслушал, Ферран, но не сейчас.

— Я понимаю, милорд. Сейчас, конечно, момент неподходящий. Но, может быть, завтра с утра? Чем раньше, тем лучше. Сами знаете, я просыпаюсь задолго до рассвета и буду у вас по первому же зову.

— Я подумаю.

Гай говорил сбивчиво. Рики так и представила себе, как он стоит, держась за ту несчастную дверную ручку, изнемогая от боли, которой сковало всё тело, и морщится.

— Это действительно важно, милорд. В замке крыса — я в этом уверен.

— Я предложил тебе вспороть ей брюхо, в чём проблема?

Ферран замялся.

— Крыса слишком крупная, чтобы разделаться с ней, не сообщив вам подробности.

— За окном глубокая ночь, а ты мне загадки загадываешь, — усмехнулся Стернс.

— Так вы уделите мне время утром?

— Я пришлю за тобой, когда буду свободен.

— Благодарю, милорд.

Ещё пара расшаркиваний, и «тёмный командир», как называла его про себя Рики, уйдёт. Девушка помнила Стендена. Ей хватило увидеть его всего один раз, подглядывая в дырку в стене в спальне подружки,

чтобы навсегда запечатлеть в своей голове образ угрюмого, молчаливого воина с цепким взглядом. Встретиться с ним один на один Рики не пожелала бы никому.

Когда открылась дверь, и Гайлард вошёл в комнату, Рики тут же подскочила в кресле.

— Света мало, — буркнул Стернс, прошёл к кровати и, еле сдерживая стон, повалился на покрывало, даже не сняв сапог.

Рики бросилась к столику, на котором стояли канделябры. Охапка свечей лежала неподалёку. Девушка вытащила из подсвечников догоревшие огрызки и вставила новые. В просторной спальне стало ярче, тени на стенах перестали сливаться в одно сплошное чёрное пятно, а заплясали весёлый танец.

— Подойди, — услышала Рики роковое.

На негнущихся ногах девушка подковыляла к кровати, встала, как столб, и, не решаясь поднять головы, смотрела на роскошное покрывало, безжалостно подминаемое нечистым сапогом.

Гайлард повернулся в сторону Рики, окинул девушку нетрезвым взглядом и хрипло спросил:

— Спала?

— Нет. Ждала вас.

— У тебя щека помята.

— Может, и уснула. Я не помню.

— Надо раздеться.

— Как скажете, милорд.

Рики потянула за шнуровку на своей жилетке. Ослабнув, та повисла длинными тощими червяками, ткань стала свободной, и Рики высунула сначала правую руку, потом левую. Оставшись в одной тунике на голое тело, боязливо поёжилась и принялась высвобождать её края из-под пояса. В голове вертелось лишь одно: только бы всё закончилось побыстрее, и боли было поменьше.

Гай нахмурился.

— Что ты делаешь?

Пальцы застыли на помятом куске ткани.

— Раздеваюсь, как вы приказали.

— Я сказал, что мне надо раздеться. С застёжками я ещё справлюсь, но дальше боюсь задеть раны.

— Я помогу! — радостно подхватила Рики, выдыхая от облегчения и стыдясь очередного промаха.

— Только вначале затянись. — Гай кивнул на распущенную шнуровку. — А то запутаешься.

Пальцы снова сбивались, засовывали за пояс края туники, затягивали верёвки на жилетке. Но если пару ударов сердца назад те пальцы были холодными, то теперь стали тёплыми, как свиные колбаски, вытащенные из погреба и слегка подогретые на углях. Страх отступил, беспокойство спало, а воспоминания о колбасках сразу напомнили о закончившемся пиршестве знати, на котором ни Рики, ни другим слугам не перепало ни крошки. Хотя за других слуг говорить не стоит: они, вероятно, сейчас сидят на кухне и лакомятся остатками, запивая всё хмельным пивом. Возможно, и Рики обсуждают.

Гайлард с трудом сел. С верхней одеждой справились не быстро: при каждом движении Стернс морщился, готов был ругаться, но молчал и просто поджимал губы, терпя боль. Дальше пошло ещё хуже.

— У вас тут кровь, — пробормотала Рики, взявшись за края натальной туники.

— Я так и думал, — прохрипел Гай. — Много?

— Пятно приличное. Самая глубокая рана начала кровоточить.

— За свечами стоит банка с мазью. Принеси.

Быстро справившись с просьбой, Рики вернулась к Стернсу. Тот, как и прежде, сидел на краю кровати, опустив ноги на пол, и смотрел на завешенную пёстрыми гобеленами стену.

— Снимай осторожно, — напомнил Гай Рики, но это было излишне. Бережно, вспомнив будни на корабле, девушка начала закатывать дорогую тонкую ткань.

Тело Гая горело. Ладони девушки холодными не были, но по сравнению с их теплотой спина и грудь хозяина казались огненными.

— Приложи руку, — выговорил Стернс, и Рики остановилась. Закатанная ткань хлынула обратно вниз волной, ладошки девушки нырнули под тунику и коснулись горячих плеч. Гай от удовольствия закрыл глаза.

— У вас жар, милорд.

— Пройдёт, — отмахнулся тот, наслаждаясь тем, какой приятный холодок шёл от девичьих пальцев, медленно проводивших от плеч к

пояснице, обходивших раны, которые от этих прикосновений даже ныть стали меньше.

— Позвать лекаря?

— Не нужно. Я видел на столе кувшин с водой... Вода холодная?

— Была тёплой, милорд, но давно остыла.

— Хорошо. Намочи пару тряпок и наложи мне на спину. Когда жар спадёт, обработаешь раны мазью.

— А где взять тряпки? Рядом с кувшином только грубые полотенца.

Гай ткнул пальцем в свою тунику.

— Рви.

— Это же дорогуший лён!

— Всё испачкано кровью. Рви.

— Как скажете.

Несколько наспех стготовленных ленточек были залиты в миске водой, выужены, выжаты и приложены к спине Стернса. Нездоровый жар начал потихоньку спадать, выступившая кровь была вытерта. Стоило коже подсохнуть, Рики принялась бережно обрабатывать глубокие порезы вонючей мазью. И когда из всех ран — крупных и мелких — осталась лишь пара царапин, девушка не удержалась и сказала:

— Простите, я вас сегодня подвела... Перед королем...

Гай усмехнулся.

— Я просто тыкаюсь тут, как слепой котёнок, — оправдывалась Рики. — Не понимаю, как себя вести, в какой момент молчать, в какой — бежать и спасать вас. В деревне всё было просто, в казармах у Швидоу — тоже. А тут... в замке...

— Привыкнешь, — отрезал Гайлард.

— Так вы не выгоните меня, как требовал его величество?

— Мой дядя завтра протрезвеет и о тебе забудет. Слишком много других забот, чтобы его голова думала о босячке из Ланимора... Ты закончила с мазью?

— Да, — ответила Рики, закрывая баночку.

— Тогда ложись и спи.

Девушка опешила.

— Прямо здесь?

— Нет, не прямо здесь, — проворчал Стернс, вытягивая ноги и указывая взглядом на свои сапоги. Рики всё поняла без слов, опустилась на колени и начала стягивать один за другим. — Можешь лечь на полу, но там холодно и жёстко, и может пробежать мышь.

— Я ещё никогда в жизни... — Рики замялась, отставляя снятые с хозяина сапоги в сторону, — ...никогда в жизни не спала с мужчиной.

В тот же миг сильные пальцы коснулись острого подбородка девчушки, крепко его сжали и приподняли. Гайлард впервые смотрел на Рики серьёзно, без той лёгкой издевки, к которой девушка успела привыкнуть за несколько дней на корабле. Таким же серьёзным, без тени насмешки, голосом Гай произнёс:

— Спать с мужчиной и лежать с ним на одной кровати только потому, что на полу крыса прогрызёт тебе сапог или штаны, — это разные вещи. Хочешь крысу — дело твоё, но утром не стони. Теперь иди и задуй свечи, а если услышу от тебя ещё хоть слово, точно выгоню.

Рики послушно вскочила на ноги, бросилась к подсвечникам и задула огоньки. Устроившись на полу на медвежьей шкуре, девушка то и дело ворочалась с боку на бок. Сон никак не шёл. И не потому, что слишком много всего произошло и мозг ещё всё не переварил. Нет. Думать о событиях дня Рики откровенно устала, а вот стать жертвой нападения крысы очень не хотелось.

Вздыхнув, Рики тихонько поднялась, сбросила с ног сапоги, которые натёрли пятки до мозолей, и прошлепала до кровати. Присела на краешек, потом аккуратно легла и замерла, боясь даже дышать. На всякий случай положила руку на рукоять ножа, не снятого с пояса — если Стернс всё же полезет, царапнуть его руку остриём всегда получится. Лишь бы рука поднялась. Но ровное дыхание Гая говорило о том, что тот крепко спит. А если притворяется и сейчас набросится на неё? Глупая! Ему пошевелиться-то больно, а ты вообразила себе... Да ты ему и здоровому не нужна: у него такая красавица есть!

— Нож рядом? — Внезапно услышала Рики и вздрогнула. Гайлард не спал.

— Да, — пискнула девушка.

— Хорошо. Не снимай, вдруг понадобится. Кто знает, где эта тварь сейчас бродит.

Рики облегченно выдохнула. Она уже и забыла о Сэме, нафантазив себе другие угрозы.

Кровать была безумно мягкой. Впервые Рики спала на такой. Тревоги исчезали, глаза закрывались сами собой, и казалось, что паришь в облаках. На душе стало спокойно и уютно, и Рики, ещё немного повздыхав, быстро уснула.

Глава 4. На большой дороге

Выехать, не дождавшись рассвета, уже не казалось блестящей идеей. И дело было вовсе не в страхах: бродить по тёмному лесу Далену доводилось и раньше. Но если прежними годами он пересекал буковые и дубовые заросли на своих двоих, то теперь пришлось это делать на четырёх лошадиных, а в седле, как Дален неожиданно выяснил для себя, он держался неважно.

Когда двигались от порта к Торренхоллу, Далену повезло: была свободна одна из повозок, и лошадь в упряжке попала тихая и понурая. Та же, которую выдал конюх, стоило брату Рики выйти от казначея, обменяв подписанный Стернсом свиток на увесистый мешочек золота, оказалась резвая и непокорная. Так и норвила любимыми путями сбросить всадника. А ведь конюх клялся, что кобыла — одна из самых смиренных.

Чуть впереди и по сторонам ехали трое провожатых. Об их присутствии тоже позаботился казначей, мудро заметив, что, не важно, день или ночь, а лес всегда полон опасностей и нечистых на руку и мысли людей, и пересекать его одному с таким количеством золота за пазухой неразумно. Что тут было возразить? Вес монет умолял вместо трёх провожатых попросить пятерых, но врождённая скромность помешала превратить простое немое желание в жёсткое требование. В результате вместе с Даленом отправились трое. Все трое были молоды, крепко сложены, с мечами и ножами у пояса и цепкими взглядами, способными разглядеть опасность задолго до того, как она возникнет. Их лошади были послушными, но быстрыми. Неслись, если было надо, быстрее ветра и преодолевали препятствия в один прыжок.

Сухая ветка больно задела плечо. Это лошадь опять взбрыкнула, неистово заржала, когда Дален её пришпорил, чтобы догнать остальных, далеко ушедших вперёд, и понесла, как одичалая, словно за ней гналась целая стая голодных волков, клацающих острыми зубами и роняющих слюну.

— Сто-о-ой! — вдруг услышал протяжное Дален. Всадники впереди останавливали своих лошадей. Дален тоже потянул на себя поводья.

— Привал, — громко объявил один из провожатых. Он был коренаст и темноволос. Широкие, чёрного цвета, брови почти срослись на переносице, подбородок был брит плохо, а глаза навывкате бегали из стороны в сторону, то ли высматривая в темноте местечко для костра получше, то ли выискивая зайца, чтобы того зажарить.

— Что у тебя с лошадьё? — выкрикнул второй из троицы, спешиваясь и наблюдая, как Дален пытается вытащить ноги из стремян. — Она дёргается всю дорогу из стороны в сторону, как от змеи бежит, и качается, как пьяная.

— Если бы я знал, — ответил Дален, ударившись каблуками сапог о землю. — Впервые такая дикая попалась.

Коренастый подошёл к фыркающей кобыле и заботливо похлопал её по морде. Почувствовав тепло его руки, лошадь сразу присмирела и затихла.

— До рассвета всего ничего, — заявил третий провожатый. Он был на голову лысый и с длинным шрамом на шее. — Лучше переждать, когда солнце вверх поползёт, не то ты точно об трухонь какую лоб расшибёшь. Пересидим тут, подремлем, листья пожуюм, а как посветлее станет, снова двинемся. Хоть будешь видеть, куда летишь.

Дален согласился. Угадывать, что перед ним — пустая ли чернота или сухой ствол дерева — надоело, а безрассудство могло стоить ему жизни. Рассвет скоро, сухостоя, чтобы разжечь костёр и погреться, полно, а там хочешь — дреми, хочешь — тихо беседуй себе ни о чём.

Коренастый чиркнул огнём. Искорки дружно прыгнули в сухой трут, и пламя быстро разыгралось. Подкинув в костёр веток, все четверо пододвинули к огню пару коротких поваленных деревяшек, уселись и вытянули ноги. У лысого на поясе была фляга с остывшей настойкой на болотных травах и ягодах. Прилично отхлебнув, он протянул флягу остальным и почесал затылок.

Вдалеке заухали совы. Резко поднялся ветер и принялся играть макушками высоких деревьев. Набежавшие тучи прыснули редким дождём и тут же умчались в сторону моря. В воздухе запахло палёной древесной корой и грибами.

— Первый раз в жизни вижу, чтобы столько чести оказывалось простому рыбаку из деревни, — протянул коренастый и скользнул недобрый взглядом по Далену.

— Сам удивлён, — ответил тот, предпочитая не вдаваться в подробности.

— Лорду Стернсу виднее, — пробубнил лысый, зажав между зубами травинку.

— Да кто же спорит?! — воскликнул коренастый. — Надо так надо. Наше дело — выполнять указания. Довезти его живым и невредимым до дома. А не выполним — голова с плеч.

— Прямо так и с плеч? — усомнился Дален. — Не советник ведь и армией не заведу, чтобы вас из-за меня казнили.

— Да я шучу! — были ему ответ и дружеское похлопывание по плечу. — Эй, Бруно! Пошуруди-ка угли. Совсем хилое пламя. А я дровишек поищу.

Второй из провожатых обхватил ладонью крепкую длинную ветку и завозил ею в костре. В разные стороны полетел пепел.

— Далеко не отходи! — обернулся в сторону напарника лысый. — Мало ли... Может, медведь уже проснулся и бродит.

— Не в первый раз! — бросил ему в ответ коренастый и подмигнул.

Тепло, исходившее от костра, совсем разморило. Ещё и пошло из фляги помогло. Дален думал, оно взбодрит, тяпнул с первого же раза прилично, но от пряной настойки только больше развезло. Из головы не выходил последний разговор с Рики. Как же щемило сердце, когда они прощались и она так нежно обняла его. В тот момент Рики была подобна первому весеннему цветку, пробившемуся сквозь ещё твёрдую землю и снег и колыхавшемуся на холодном ветру. Что даст ей Торренхолл? Ничего кроме слёз, Дален в этом был уверен. Хорошо там, где дом, а каменные стены владений Стернса никогда его сестре домом не станут.

Дом... Ланимор совсем близко, нужно только пересечь лес. И вместе с песчаной полосой вдоль моря пойдут поля, а там и дома, из труб которых вырывается дым, сопровождаемый запахами рыбы. Варёной, печёной, жареной. Скрипучий пол, пропахшая морем постель, перевязанные в пучки сушеные травы над столом, запах волос Адель и её нежные объятия... Уснуть вместе с любимой и вместе с ней же проснуться — вот оно счастье. Будет ли у Рики такое же?

Дален помнил, как радовалась мать, когда родилась девочка. Ему тогда было девять, он и отец ушли в море, а когда вернулись, то

услышали детский плач в доме. Повитуха потом призналась, что до последнего не верила, что девочка выживет — такой слабенькой она родилась. Да и все предыдущие дети выбрасывались из утробы матери уже мёртвыми. Малышка с годами окрепла, выросла, но дружна в деревне ни с кем не была. Могла сидеть сутками одна в доме, ждать брата. Немного сблизилась разве что только с дочкой старосты и то только на фоне того, что та была для своего возраста неприлично полной и оттого тоже чувствовала себя неуютно среди остальных.

Когда Рики сбежала из дома, Дален не спал несколько дней. Хотел уже ехать и искать её, но Адель остановила. Сказала, что девочке пора повзрослеть. Опека брата прилично затянулась по времени, сестре нужно выйти замуж и начать жить самостоятельно. И лучше места, чем Торренхолл, для этого не найти. Только вот сердце всё равно ныло. Хотелось бы уверенным, что комната, которую выделили сестре, хорошо отапливается ночью, что спит она не в сырости и не на жёстком сундуке, что успевает сытно поесть, и что всё закончится быстро, Стернс её отпустит, и Рики наконец сможет обзавестись семьей. В некрасивом сорняке расцветёт женщина, и жизнь пойдёт размеренно и спокойно.

Прямо за спиной хрустнула ветка. Дален вздрогнул, открыл глаза, но повернуть голову не успел. К голому, неприкрытому ни платком, ни воротником, горлу подставили холодное остриё и прошипели прямо над ухом:

— Давай-ка по-хорошему, парень. Мы все отлично знаем, что спрятано у тебя под курткой. Никто не будет просто так приставлять к деревенщине трёх стражей. Поэтому не рыпайся, давай деньги, и, может быть, я тебя даже не покоцаю.

Дален замер. Дрожащие пальцы попробовали нащупать нож на поясе, чтобы рискнуть, резко обернуться и полоснуть коренастого пучеглазого мерзавца, но тот был начеку и надавил на остриё сильнее. То прорвало кожу, и на шее Далена выступила капелька крови.

— Эй, Торос, так нельзя! — нахмурился Бруно, поднимаясь с бревна напротив.

— Замолкни, — рыкнули ему в ответ. — Или тебе не хочется на всю жизнь завязать с работой, уехать с женой и ребяёнком подальше и жить припеваючи?

— У этого парня могут быть свои жена и ребяёнок.

— А это уже не наши заботы.

Звякнула сталь, и Дален увидел, как в руках Бруно блеснул меч.

— Ты не понял? — Бруно говорил серьёзно. — Я сказал тебе, что так нельзя. Убери нож и отпусти парня. А если золото отшибло тебе мозги, то я вобью их тебе обратно.

Вместо того чтобы ответить на вызов, коренастый бросил лысому:

— Джед, наши с тобой взгляды не совпадают с мнением нашего приятеля. Объясни ему, кто тут прав.

Сталь звякнула ещё раз — лысый и со шрамом Джед вытащил свой меч и повернулся лицом к Бруно. Бросив на напарника хищный взгляд, обхватил рукоять покрепче и выдавил:

— Не лезь, и этот хлюпик останется жив. Разделим деньги по-честному на троих, накажем парню молчать, переплывём море и будем жить себе в удовольствие.

— Вы оба сбрендили. Те деньги этому простофиле явно не просто так дали.

— А то! — присвистнул коренастый. — Хочешь знать, как он их заработал? Ты разве от слуг не слышал? Целый вечер бабы на кухне и во дворе языки мозолили.

— Мне нет дела до глупых слухов, — сквозь зубы процедил Бруно, переводя взгляд с Тороса на Джеда и обратно.

— Сестру свою он продал милорду, — презрительно кинул Джед и плюнул в сторону Далена. — Та хоть и страшная, но девственница. Я сам видел, как перед девкой открыли двери в спальню хозяина.

— Ты всё врёшь, ублюдок, — злобно проронил Дален.

В шею кольнуло ещё раз — свежие капельки крови заалели на коже.

— На твоём месте я бы заткнулся. Давай золото и вали на все четыре стороны, пока жив.

— Убери нож, Торос, — настаивал Бруно, не выпуская меча из рук. — Что этот говнюк делает со своей сестрой, меня не колышет. Но ты сейчас не лучше его, раз приставляешь лезвие к его шее.

— Я столько золота в жизни никогда не видел, чтобы просто так взять и отдать неотёсанной деревенщине, — сцедил Торос.

— Тогда больше мне с тобой разговаривать не о чем, — ответил Бруно и подался вперёд, замахиваясь мечом.

Крепкий клинок наскочил на другой такой же — Джед вовремя развернулся, подставил меч под удар, защищая Тороса, напрягся и откинул Бруно на несколько шагов назад. От напора противника Бруно повело. Шатаясь, он попятился назад, задел каблуком сапога корень дерева, некстати выползший на поверхность земли, пошатнулся и чуть не упал. Джед этим воспользовался, ловко перескочил через бревно, замахнулся и полоснул мечом. Сталь просвистела на расстоянии пальца от живота Бруно. Отпрыгнув в сторону, тот выдохнул, переложил меч из левой руки в правую и с диким ором кинулся на Джеда. Удары посыпались один за другим. Джед едва успевал отбиваться.

Торос нервничал. Дален почувствовал это по тому, как дрогнула рука стражника, державшая нож. С каждым новым ударом Бруно отбрасывал Джеда всё дальше и дальше от костра, один раз вообще загнал его в дикий ракитник, в котором не замахнёшься и удар едва отобьёшь. Обоих было уже не остановить; из боя живым должен был выйти только один, и Торос сильно сомневался, что им будет Джед.

Слегка вымазанное в крови лезвие отделилось от шеи. Хватка Тороса ослабла, и Дален, недолго думая, вскочил на ноги. Но коренастый не дремал. Перехватил моряка за руку, дёрнул на себя, врезал коленом в живот и тут же вырубил, заехав рукоятью ножа по голове.

— Полежи-ка пока здесь, приятель, — прошипел стражник, глядя, как Дален распластался по земле. — А я разберусь с этим правильным и вернусь. За своим золотишком.

Прикрепив нож обратно к поясу и обнажив меч, Торос двинулся в сторону потных, измазанных в червях и травяном соке, Джеда и Бруно. Дален остался лежать у бревна.

Перед глазами было темно и всё плыло. В голове шумело, будто где-то далеко кузнец бил по раскалённому железу молотом. Шум нарастал: то ли кузнецов стало двое, то ли всё же был один, но бить он принялся с удвоенным остервенением. Под конец звенеть начало так, что медленно приходившему в себя Далену начало казаться, что он лежит на наковальне и это по его лбу стучат колотушкой.

Глаза еле разлепились — с ресниц тут же посыпалась земля, и во рту проступил привкус крови. Медленно приподнявшись на локте, Дален приложил пальцы к губам, а когда отнял, то те были кроваво-

красными. Противный лязг не утихал. Дален повернул голову в сторону и увидел, как примерно в ярде от него отбивался от Тороса и Джеда изможденный Бруно. Рука сама собой нырнула под куртку. Тяжёлый мешок был на месте. Времени на раздумья было мало. На собраться с силами — тем более. Начинало светать.

Встав на ноги, Дален тряхнул головой, прогоняя с глаз последнюю пелену. В голове снова загудело, пришлось обхватить рукой ствол тонкой осины, сделать глубокий вдох и выдох. Картинка перед глазами выровнялась, но теперь кольнуло в сердце, и по телу прошла неприятная, разрывающая изнутри, дрожь. Шаг в сторону леса — боль утихла, дрожь начала сходиться на нет. Ещё один шаг. Обогнуть весь в шипах куст, отвязать лошадь от дерева, запрыгнуть на неё — только его и видели. Но глупое животное неистово заржало и забрыкалось, словно опять почуяло зверя. Дален заозирался по сторонам — зверя никакого не было, только кусты слегка шевелились, так как с них только что слетела птица. Зато все трое стражников вдруг резко отскочили друг от друга и обернулись на истерику лошади.

— Он уходит! — рыкнул Торос, шагнул к замешкавшемуся Бруно и проткнул того мечом. Бруно выпучил глаза, открыл рот, лоя воздух, как выброшенная на сушу рыба, и повалился на землю, попутно ломая тоненькие колючие веточки дикого розовоцвета, так некстати разросшегося неподалёку.

Отвязывать и успокаивать лошадь не было времени. Крепко придерживая сокрытый под курткой мешочек с золотом, Дален рванул в чащу. Медленно поднимающееся к верхушкам деревьев солнце освещало дорогу ещё слабо, но этого было достаточно, чтобы в полутьме разглядеть, где пенёк, а где коряга, и вовремя те обогнуть или перепрыгнуть. Дждед и Торос гремели сапогами следом.

— Уходит скотина! — прокричал Торос Дждеду, видя, что расстояние между ним и жертвой увеличивается.

— Не уйдёт, — еле слышно проскрипел Дждед, а глаза налились кровью, и рука сама нырнула к поясу и выхватила из ножен короткий острый кинжал, давно не знавший крови, а резавший только окорок по выходным.

Ноги чуть не раздавили птицу-пеструшку, свившую по весне гнездо рядом с поваленным буком и тянувшую из-под земли неподдающегося червяка. Выругавшись, Дален взмахнул рукой, чтобы

ухватиться за сук или ветку, но то, что первым попало под руку, хрустнуло и переломилось. Дален не устоял и упал, но тут же поднялся, бросил быстрый взгляд назад. Торос не отставал, а вот Джеда совсем не было видно. Видимо, выдохся.

Куда бежать? Справа — один лишь бук, вытянувшийся чуть ли ни до небес, со стволами голыми снизу, но пышными на крону ближе кверху; слева — лишь бурелом и непролазные чащи следом. Застрясть в них проще простого, но и скрыться из вида легко. Достаточно нырнуть в небольшой овраг, сверху закиданный ветками и листьями, и переждать там, пока эти двое будут тыкаться по сторонам. Решение было принято — Дален сунулся в с трудом проходимые заросли.

Давно лишённые жизненного сока ветки ломались под ногами с громким треском. Чтобы не выдать себя, Дален с бега перешел на шаг, а потом и вовсе остановился. Чужих шагов слышно не было. Только совы ухали где-то далеко-далеко, и ёж прошуршал совсем рядом с сапогом. Отстали. Торос и Джед отстали. Он удачно затерялся среди всей этой беспорядочной коричнево-красно-зелёной каши; теперь оставалось лишь переждать. Выждать приличное количество времени, а потом идти, не торопясь, лучше через ту же чашу из поваленных деревьев, ступая медленно и постоянно прислушиваясь, не крадётся ли кто-то следом.

Просто так эти двое не отстанут. Слишком велик соблазн, слишком сильно манит к себе золото. Значит, будут искать. Будут прочесывать лес, пока не иссякнет терпение и они не выдохнутся. Но у Далена тоже есть терпение. И его точно хватит, чтобы пересидеть опасность в зарослях и высунуть нос только тогда, когда шансы попасться алчным стражам будут равны нулю.

Под сухими листьями нашлись грибы. Сырыми их есть Дален никогда не пробовал, но на худой конец и эти сгодятся, чтобы не протянуть ноги. По правую руку раскинулся островок с дикой низкорослой жёлтой малиной — тоже неплохо. По левую — только поломанные ветки и бревна. А спереди — облезлые кусты, некогда богатые на плоды животравника, а сейчас почти без листочков и без завязей. Шевелятся. То ёж усердствует и роет носом землю, изредка принюхиваясь. Или не ёж?

Внезапно кусты расступились, из них вывалился Джед и набросился на Далена, держа в руке отлично наточенный кинжал и

целясь жертве прямо в сердце. Успев увернуться, Дален до крови ободрал кисть правой руки, а Джед, пропоров кинжалом воздух, пролетел прямо и повалился на муравейник.

Не дожидаясь, когда противник очухается, когда отплюётся муравьями и вышвырнет последнего из-под воротника, Дален рванул через бурелом, прячась за широкими стволами. Далеко уйти, однако, не удалось. Джед потрянул лысой головой, вскинул руку с кинжалом, прищурился, прицелился и запульнул нож по прямой. Несколько раз перевернувшись в воздухе, тот пролетел с несколько футов и вонзился остриём Далену между лопаток, влёгкую продрав плотную куртку. Дален замер на месте, качнулся и рухнул в ворох сухих листьев. Последние поначалу взметнулись перепуганными пташками в небо, а затем закружились в медленном танце и начали не спеша оседать на тело моряка из Ланимора.

— Сдох? — выкрикнул Торос, подбегая к Джеду, склонившемуся над телом.

— Не дышит, — довольно промычал тот и, запустив руку под куртку, вытащил желанный мешочек. Внутри бряцали монеты.

Джед развязал завязки, перевернул мешочек вверх дном и потряс. Золотые кругляши посыпались прямо на землю; в глазах обезумевших стражников заплясали огоньки наживы.

— Сколько здесь? — сиплым голосом спросил Джед, облизываясь.

— Целое состояние, — ответил Торос, замороженно рассматривая золото.

Джед сгреб половину к себе и начал впопыхах распихивать монету за монетой по карманам.

— Ты что делаешь? — спросил его Торос, злобно шурясь.

— Забираю своё, — отрезал Джед, даже не взглянув на подельника.

— Уже разделил?

— Да. А тебе-то чего?

— Мне?

Пальцы Тороса осторожно скользнули к поясу и нащупали на нём чехол с ножом, который не так давно Торос приставлял к шее Далена. Едва слышный щелчок — чехол был расчехлен, а мокрая ладонь уверенно легла на холодную рукоять.

— Боюсь, моей половины мне не хватит, — выдал Торос, резво взмахнул рукой и полоснул Джеда ножом по горлу.

Кровь прыснула в разные стороны, заливая траву, землю, мешочек и золотые монеты. Джек вскинул руки к шее, сдавленно захрипел и, дергая ногами, повалился на траву. Торос даже не повернул головы в его сторону. Обтерев о штаны испачканное в крови лезвие, воткнул нож в землю по самую рукоять и принялся собирать разбросанные вокруг деньги, дрожа над каждой монетой и каждую ласково поглаживая кончиками пальцев.

Глава 5. Разыграть карту

— Сколько ещё? — нетерпеливо спросил Гайлард, обмакивая перо в чернила и готовясь поставить размашистую подпись на очередном свитке.

Солнце уже давно встало, в Торренхолле вовсю кипела жизнь, и подготовка к торжеству, намеченному на широко празднуемый на юге День радости, шла полным ходом. Продумывалась каждая мелочь, вплоть до цвета лепестков роз, которые будут бросать под ноги жениху и невесте, и уровня густоты праздничного киселя, который подают по обыкновению до обеда, чтобы и сытно было, и хмель не пристал.

Рики утром спала так крепко, что Гай её еле добудился. Пришлось даже трясти за плечо, прежде чем девчонка соблаговолила открыть глаза. В тот момент Гайлард усмехнулся. Те женщины, которые раньше проводили ночи в его постели, обычно просыпались всегда первыми. Приподнимались на локте и, прикрываясь лёгким полупрозрачным покрывалом, смотрели на спящего Стернса, на каждую черточку его лица, на линию его губ и мечтали, что когда он проснётся, то назовёт хотя бы одну из них навсегда своей. Стернс просыпался, платил щедро и в ту же минуту о проведённой ночи и угодливых девицах забывал, погружаясь в ежедневные дела. Одну и ту же во второй раз не звал, предпочитал пробовать новое, бывали дни, когда плевался, но никогда не терял голову настолько, чтобы влюбиться.

Эта ночь была другой. Была бессонной и странной, отличной пищей для сплетен слугам, если те всё прознают. Гай спал плохо, постоянно вздрагивал и просыпался, проверял, не сбежала ли девчонка и не ожили ли тени на стенах. Его всего крутило, раны на спине ныли, тело горело, лоб даже покрылся испариной. В какой-то момент Гай чуть не сорвался и не разбудил Рики — хотелось воды, а лучше льда, чтобы потушить в себе пожар, — но, слушая размеренное дыхание девчушки, передумал, встал сам, хоть и не с первой попытки, прошёл к столику со свечами, смочил водой куски разорванной туники и протёр мокрыми тряпками грудь и шею.

Ближе к утру жар спал. Дышать стало легче, и даже глаза закрылись, и сон наконец одолел. Только длился он недолго. Кто-то

что-то не поделил во дворе, завязался спор с криками, Гай вздрогнул и открыл глаза. А Рики всё дрыхла, и пушкой её было не добудиться. Даже рык не помог, который был предназначен горничной, принёсшей господину завтрак в постель. Воздушное создание в сером платье испугалось так, что чуть не уронило поднос с горой тарелок и яств, спешно зачастило ногами вниз по лестнице обратно на кухню, поставило поднос на стол и, тяжело дыша, поведало обо всём кухарке. Та понимающе хмыкнула и велела накрыть кушанья, чтобы те не остыли, и подать их немногим позже.

В итоге, завтрак состоялся позже обычного. Для Рики он оказался настоящим пиршеством. Пока Стернс затягивал и закреплял пояс, девчушка успела урвать с принесённого со второй попытки подноса хлеб и ветчину, быстро-быстро сунуть их себе в рот и начать методично жевать. Только вот Стернс именно в этот момент удумал спросить её о своих сапогах, один из которых стоял там, где был оставлен вечером, а второй куда-то исчез, и отвечать милорду пришлось с набитым ртом, тем самым себя выдав. Пропавший сапог был найден под кроватью, а вместо подзатыльника Рики получила второй кусок ветчины, пару скользких оливок и даже кружку тёплого отвара из ягод смородины и малины. С кружкой, правда, пришлось не совсем удобно. Она была одна, и Рики пришлось ждать, пока Гай сделает несколько глотков, а потом уже довольствоваться остатками.

Из спальни они вышли вместе. Под взгляды прислуги — в лицо равнодушные, а за спиной насмешливые — прошли по длинному коридору до библиотеки; Гай вошёл в комнату, где около стола его уже ждали беседующие между собой король и Дагорм, а Рики было наказано стоять у дверей и никуда не двигаться.

Его величество король Риккард никак не мог усидеть на одном месте. Вначале опустился в обитое бархатом кресло, потом вскочил на ноги и долго стоял у окна, отодвинув в сторону портьеру и выглянув во двор. Потом потоптался за спиной племянника, читая через плечо бумаги, которые тот подписывал. Последние были крайне неинтересны. Одни помилования, пожертвования и прочая, по мнению короля, лишняя трата денег. На одном из таких распоряжений Риккард даже неприкрыто зевнул. Взятое с вазы с фруктами спелое яблоко тоже не помогло от скуки, хотя было сладким и сочным. И взбодрился

король лишь, когда Гай в который раз промочил перо в чернилах, а Дагорм ответил на вопрос своего хозяина:

— Совсем немного, милорд. Несколько наград за верность и выслугу, распоряжение об организации широкой ярмарки на главной площади и бумага для Рики.

Старик протянул Гайларду свиток, который был отклонён вчерашним днем.

— Что ещё за бумага? — Его величество нахмурился, выхватил свиток из рук советника, развернул. Громко хрустнув надкусанным яблоком, Риккард пробежал глазами по лаконично сложенному тексту, затем смял свиток и швырнул на стол. — Выйди! — Приказ был отдан Дагорму, и старик, поклонившись, скрылся за дверью.

Следом за свитком на стол полетел яблочный огрызок. Тяжёлый кулак опустился прямо на него, выжимая последний сок, который тут же брызнул в разные стороны. Несколько капель попало на дублет Гайларда — теперь полдня будет вонять садом.

Пальцы второй руки короля впились племяннику в плечо и больно его сдавили. Риккард наклонился, дыхнул на Гая всем букетом вчерашнего выпитого вина и одержимо зашептал:

— Ты что, племяш, совсем рехнулся? Спишь с убогими девками, а потом раздаёшь им состояния?

— Этой девочке и её брату я многим обязан.

Но король ничего не хотел слушать и продолжал плевать недожёванным яблоком.

— Я слышан о твоих бабах, и ты прекрасно знаешь, что раньше я в это нос не совал. И лишь потому, что знал: утром тебе будет плевать, рыжая с тобой валялась или мулатка. Имён ты ни у одной никогда не спрашивал, и я был уверен, что, встретить ты хоть одну на улице, не узнал бы. Но сейчас ты зашёл слишком далеко. Это ж надо! Тратить деньги из казны на содержание шлюх!

— Рики не шлюха, — сцедил Гай, сверля раздражённым взглядом перепачканный яблочным соком стол.

Король оторвал руку от плеча племянника и схватил с вазы второе яблоко. Злость разыгралась и приглушить её жеванием было верным решением.

— Конечно! Не шлюха! А кто тогда?

— Я же сказал, я многим обязан этой девочке, и моё дело, как я с ней за её услуги расплачиваюсь.

Риккард свесился над сидевшим в кресле Гайлардом так, словно намеревался того раздавить. Яблоко, оказавшееся с червяком внутри, было отброшено в угол, а красное от гнева лицо раздулось, и губы размыкались лишь для того, чтобы выплеснуть новую порцию злости на упрямого племянника.

— Ты — мой наследник, Гай. И я всегда потакал тебе во всех твоих прихотях. Ты захотел золото Ллевингора — я дал тебе войско. Ты захотел болота на западе — я успокоил лордов-вассалов, что сделка взаимовыгодная и на тугодума Швидоу никто со стороны короны не давит. Тебе не кажется, что пора и тебе проявить уважение и сделать так, как того хочу я? Я не просто твой дядя, я — твой король, который, в конце концов, может запросто отрубить тебе голову.

Гай медленно повернулся в сторону Риккарда и с ухмылкой произнёс:

— Тогда вам некому будет передать корону, ваше величество.

Губы короля плотно сомкнулись. Слабое место династии Стернсов было известно многим, и король не любил болтать на эту тему. Разве что со стариком Альгервильдом и только тогда, когда оба прилично выпьют. Но Риккард не был бы королем, если бы позволял каждому, даже близкому человеку, пользоваться его слабостью, а потому, дождавшись, когда Гай в полной мере насладится своей мелкой победой, вымолвил:

— Я последний раз тебе говорю: женись на ллевингорской девке, заделай от неё сына, присоедини к себе их земли, а потом спи, с кем хочешь. Хоть с лошадьё. Пей, кути романы с красивыми женщинами... Или, если тебе нравятся тощие и уродливые, с тощими и уродливыми. Только вначале обеспечь меня здоровым наследником королевской крови. А нет — я раздавлю тебя, как клопа!

Гайлард поднялся в кресле и встал напротив короля.

— Не вы ли, дядя, всегда высказывали недовольство моими военными кампаниями? Не вы ли всегда ворчали, что я рискую своей жизнью, выезжая на поле боя? В меня летело много стрел, но все — мимо. Меня пытались убить много раз, и одной твари это почти удалось. А тут вы собственноручно хотите свернуть мне шею и лишить трон наследника?

— И лишу! Если он болван и вместо того, чтобы заботиться о законных наследниках, норовит наделать уродливых бастардов!

— Дядя, эта девочка для меня не более чем...

— Даже слушать не желаю! Неотесанная, грязная, уличная дешёвка!

— И всё же она будет рядом со мной столько, сколько мне это будет нужно. Взамен обещаю, что леди Мириан будет от меня рожать, как крольчиха: много и часто.

Король скривил губы, но возражать не стал, а только едко поинтересовался:

— И что же та девка тебе такого сделала, что ты теперь будешь содержать её пожизненно?

— Там есть условие, — ловко уклонился от ответа Гай. — Она должна стать женой капитана городской стражи, дядя.

— Про это недоразумение я тоже читал. Впрочем, они оба будут хорошо дополнять друг друга. Некрасивая безродная девка и больной на голову служака. Если честно, тебе её не жалко? — внезапно спросил король, и Гай вздрогнул.

Впервые для себя он представил Рики рядом с Дуоном Швидоу. Маленькая хрупкая девчушка, открытая и добрая, готовая пойти на всё ради своего господина, и вечно лебезящий перед Стернсами капитанишка с рыжими усами-щётками, заискивающей улыбкой и взглядом покорного пса. Весенний цветок и навозный жук, обхвативший тот цветок вонючими лапами. Такой цветок нужно оберегать от любого, пусть даже самого лёгкого ветерка, а он будет безжалостно сорван и раздавлен...

Гай пожал плечами.

— Любая деревенская девчонка хотела бы оказаться на её месте. Другого шанса у неё не будет.

— И то верно, — согласился король и, подозрительно щурясь, повторил недавний вопрос: — Всё же почему ты из-за неё так трясёшься?

— Я не трясусь, — Гай старался звучать равнодушно.

Его руки потянулись к скомканному свитку и расправили его на поверхности стола. Правая — крепко зажала в пальцах перо, предварительно освежив чернила; левая — надавила на край бумаги, чтобы тот не загибался. Широкая подпись была начертана быстро,

чернила начали сохнуть, а Гай вынул из нагрудного кармана свою личную печать, чтобы поставить оттиск.

Король за всем наблюдал внимательно, с замечаниями и вопросами более не лез, думал о своём и только изредка ухмылялся про себя, делая выводы, которыми пока не торопился ни с кем делиться.

Когда со свитком было покончено, Гай позвал старика.

— Передай это Рики. — Дагорм получил в руки бумаги. — Здесь гарантии того, о чем просил её брат. Я слово держу.

— Да, милорд.

— И позови сюда Феррана.

— Слушаюсь, милорд.

— Ступай.

— Позвольте, милорд... У меня не было ранее случая сказать вам...

— Что ещё? — Гай насупился, предвкушая недоброе.

— Сущий пустяк. Хотел предупредить, что до завтрашней ночи меня на будет.

— Ты-то хоть не по бабам шляться собрался? — озорно выкрикнул Риккард.

Старик замахал руками.

— Ваша милость, как вы могли такое подумать?

— А зачем тебе тогда, старый хрыч, целых два дня и ночь между ними, а? Говори, борода гулящая!

— Да всего-то трав лекарственных подсобрать, слизи да мух дохлых... То там листик, то тут... Сами знаете, наступит осень — всё зачахнет, и свежей зелени уже не сыщешь. А вдруг кто заболеет?

— Ступай, — отмахнулся Гай. — Только к церемонии не опоздай.

— Уж к церемонии я буду давно в Торренхолле, — довольно заулыбался Дагорм.

— Тогда иди. И Феррана позови.

— Помню-помню.

Свернутый в тоненькую трубочку свиток жёг руку. Рики и разворачивать его не стала, чтобы узнать, что внутри. Размашистая подпись и именная печать стояли сразу после букв, что удачно складывались в то самое счастье для деревенской девушки, о котором, по словам брата, старика да и каждого второго, кого ни спросишь, другие и мечтать не могли. Счастье... Лучше бы та подпись стояла ещё

на паре десятков пожертвований слепцам да убогим, чем на таком «счастье». Но вслух ворчать Рики не стала, просто приняла из рук Дагорма ненавистный свиток и сунула его себе за пояс. Интересно, а если ту бумажку разорвать, Стернс ещё на одну подачку расщедрится или посчитает, что второго снисхождения Рики не заслуживает? От этой мысли руки так и зачесались, и потянулись обратно к поясу за заветным документом, но завершить начатое не дали громкие торопливые шаги. По коридору к дверям, ведущим в кабинет Гайларда, спешил Ферран.

Рики вытянулась по струнке ровно так же, как сделали и двое молчаливых стражников с каменными лицами, занявших места по обе стороны от входа в комнату. Лучший способ быстро научиться, как себя вести, — повторять за теми, чью работу ты собираешься выполнять. Стражники стоят, не шелохнувшись, и ты замри. Стражники не моргают, и ты притворись статуей. Стражники пригвоздят ножом к стене шустрюю муху, и ты не зевай. Бей наравне с остальными, не сдавайся и докажи, что ты можешь не только Сэма остановить. Только вот куда тем мухам до Сэма?! Сравнила! Дышащую огнем тварь и поганое насекомое, ползающее в навозе... Рики вздохнула. Так-то оно, конечно, так, и молодцам с пиками не снилась и половина той опасности, с которой пришлось столкнуться обычной деревенской девчужке, только вот беда: про зверя всем не расскажешь, перед толпой не похвастаешь. Вот и докажи теперь, что ты ничуть не хуже остальных! О Сэме было приказано не болтать, а муху... муху Рики никогда не убить, как ни ловчись. И Рики ещё раз глубоко вздохнула.

— А, Стенден! — В восклицании короля Риккарда было столько неприкрытой радости, что любой Феррану позавидовал бы, но сам Стенден, напротив, отчего-то вздрогнул. — Вот кому я рад безмерно. Вот у кого всегда холодная голова и трезвые мозги. А? Иль я ошибся?

Командир учтиво поклонился его величеству и ответил:

— Вам виднее, ваша милость. Я просто делаю всё, что в моих силах, во благо Торренхолла и Нолфорта.

— И твоей службой я доволен, — причмокнул губами король.

— Благодарю. — Обескураженный Ферран отвесил ещё один поклон и перевёл взгляд на Гайларда. — Милорд, прошу меня простить, я думал, вы один...

— Ты так спешил сообщить мне нечто важное прошлой ночью, что я посчитал, дело не терпит промедления. Или терпит?

— Не терпит, милорд, — ответил Стенден и скрестил перед собой руки.

— Так говори, — приказал Гай. — От дяди у меня нет секретов. — И тут же поймал на себе вопрошающий взгляд своего командира. В одно мгновение раны на спине заныли, напоминая о тех событиях, о которых знали лишь избранные и ни в коем случае не знал король, а по телу пробежала неприятная дрожь. Ферран всё понял, отвёл взгляд, отдернул манжету на правом рукаве и начал:

— Ещё раз простите, если я не вовремя, но я бы хотел просить вас, милорд, пересмотреть назначение Гверна Нольвена на должность вашего советника.

Гайларда опередил король.

— А, так дело всего лишь в каком-то Нольвене... А я было уже напрягся и вообразил, что весь флот Дейерли стоит у наших границ. Или ещё хуже: вооруженный до зубов предводитель дикарей приставил лестницу из костей и черепов к башне Торренхолла и карабкается вверх. А тут... Нольвен. Кстати, Ферран, а кто это?

— Моя правая рука, дядя, — ответил за Стендена Гай. — Назначенный на эту должность весной как раз по личной рекомендации Феррана.

— Рекомендовав его, я совершил ошибку, милорд, — горько признал Стенден. — Теперь же тороплюсь её исправить, пока не стало слишком поздно.

— Я бы хотел узнать причину.

— Зачем тебе тратить время попусту и лезть в какие-то причины? — поморщился Риккард. — Мнению Стендена я доверяю больше, чем собственному. Раз он говорит, что некому Нольвену надо дать пинок под зад, то так и сделай!

— С тем же рвением, дядя, Стенден уговаривал меня принять Гверна на службу. Уверял, что тот не по годам смышлен, ручался за него чуть ли ни головой. Ведь так, Ферран?

Отпираться было бессмысленно.

— Всё верно, милорд, о чём сейчас я сильно сожалею.

— Ну и ладно, — равнодушно бросил король. — Подумаешь, ошибся в человечке. Принял червей в его голове за мозги. С кем не

бывает? Главное, вовремя разглядеть.

— Но причины разочарования мне так и не озвучили, — заметил Гай.

— А они нужны? — Королю совсем не хотелось вдаваться в детали отставки незнакомого ему человека. Застрявшее между зубов яблоко беспокоило Риккарда в тот момент гораздо больше, чем чья-то судьба. Да что говорить, яблоко мешало так, что даже судьба всего королевства в тот миг интересовала короля в последнюю очередь.

— Причины просты, — отчеканил Стенден, понимая, что ему никуда не деться от этого вопроса. И если его величество на многие вещи смотрел спустя рукава, то молодой хозяин порой бывал до мелочей дотошен, и переключить его внимание на что-либо другое удавалось с большим трудом. — Я наивно полагал, что Нольвен окажется ответственным и работающим на опережение событий помощником лорда Стернса, что он будет внимателен к мелочам и строг с подчиненными. На деле же он оказался безвольным, слабохарактерным лентяем. В начале лета по его вине мои депеши доходили до лорда Гайларда с большим опозданием, но мы ему это простили, сославшись на отсутствие опыта и первые шаги. На самом деле, простили лишь потому, что я позаботился продублировать свои донесения. Как чувствовал, что Гверн подведёт. А если бы мы доверились ему одному, то кто знает, чем бы обернулся нам поход на Ллевингор.

— Вот же дрянь, — протянул король, закончив ковырять кончиком языка в зубах, и смачно сплюнул на пол.

Оба — Ферран и Гайлард — в тот момент молча смотрели на Риккарда, и каждый не решался спросить, о ком или о чём его величество столь звучно заявил. Стенден готов был биться об заклад, что о Гверне; молодой Стернс подозревал яблоко.

— Я вот что скажу, — промышчал Риккард в сторону племянника, языком ощупывая зубы, чтобы узнать, осталось между ними что или нет. — Нольвена я вашего никакого не знаю, а Стендену привык доверять. Поэтому делай, как он говорит, и закроем эту тему. А если будешь часами искать причины, то за время, которое ты на это пустое дело потратишь, у тебя пол королевства растащат. Запомни, с людьми нужно не договариваться и не пытаться их понять, а держать их в страхе и повиновении. Люди — это всего лишь колода карт, а ты —

игрок, который теми картами может выиграть, а может и проиграть. Не везёт с валетом треф? Просто вытащи его из колоды и вышвырни в окно. А вместо него положи такого, который всегда будет приносить тебе удачу. Верно я говорю, Стенден?

— Всё верно, ваша милость. Вот и Нольвена хорошо бы заменить, как того валета. Не пошёл он в нашей партии, совсем не пошёл.

— Узнаю партнера в вист, — довольно присвистнул король. — Холодная голова, трезвый ум, цепкий взгляд и только правильные решения, хоть иногда и болезненные. Хвала богам, не для меня, — ехидно заметил его величество и хрустнул шеей.

— Я в вист слабый игрок, — проронил Гай, барабаня пальцами по столу, — и прежде чем забиваться с кем-то на партию, лишний раз подумаю. Когда я принял Гверна, то руководствовался только рекомендацией Феррана. Рекомендация была крайне положительная. Молодой, сообразительный, исполнительный. Я брать мальчишку не сильно хотел, но Ферран настоял. Почему?

И Гайлард повернул голову и посмотрел на своего военного командира. Тот замялся.

— Почему, почему... — ворчал его величество. — Сдались тебе эти «почему»?

— Я отвечу, почему, — внезапно произнёс Стенден. — Об этом мальчишке меня просила его мать. Так получилось, что я хорошо знал её. Мы много общались, какое-то время я даже находил её привлекательной. Умирая, она просила позаботиться о её сыне, обеспечить ему достойное будущее. Я не смог отказать и пообещал сделать всё, что в моих силах.

— А ты ему отец, что ли, чтобы давать такие обещания? — хмыкнул король.

Стенден вяло улыбнулся.

— Ни в коем случае, ваша милость, но его отца знал хорошо. Как и мать.

— Про мать мы уже слышали. Хороша была собой, а? Признавайся.

Стенден равнодушно пожал плечами.

— Белокурая, высокая, с вечно раскрашенными алым цветом губами и дюжиной браслетов на руках.

—Шлюха, что ли?

— Уличная актриса.

— Невелика разница. А отец кто? Я что-то не припомню ни одного солдата с фамилией Нольвен ни в наших рядах, ни у противника.

— Фамилия у Гверна по матери, а его отец — довольно известный в кругах мечников Брендан Лейс.

— О нём я слышал, — довольно хмыкнул Риккард. — Только ему же брюхо, кажись, по пьянке вспороли, все кишки наружу выворотили, и он долго вонял в переулке, пока его не нашли.

— Так и было, ваша милость, — кивнул Ферран. — Брендан был моим лучшим другом. Потому я и взялся позаботиться о его жене и сыне. Но кто же знал, что сын окажется тупорогим болваном, не способным даже уснувших на службе стражников выпороть?

— По поводу спящей на посту городской стражи предъявляй претензии Швидоу, а не Нольвену, — раздраженно оборвал Феррана Гай. — Когда ты заявился ко мне ночью, я наивно полагал, что дело действительно серьёзное и в стенах моего замка завелся предатель. На деле же оказалось, ты просто хочешь свести счёты с мальчишкой, которого недолюбливаешь. Неравный бой, ты так не думаешь?

— Недолюбливаю за дело, ваша светлость. Уж простите, но когда на одной чаше весов находится ваша безопасность, а на другой — моё обещание какой-то там актриске, хоть и жене моего покойного друга, то я даже выбирать не хочу. И кстати, по поводу уснувших стражников, я говорил о тех, что охраняли лодки в Ланиморе... Надеюсь, вы поняли.

Лицо Гая посерело.

— Я ничего не понял, — мотнул головой Риккард, а рука сама собой потянулась к столу в надежде нащупать там кувшин с вином, которое могло бы сейчас прекрасно освежить закипавший мозг короля, но кувшина не было.

— Старая рыбацкая лодка просто дала течь, — Гайлард чеканил каждое слово, не сводя с Феррана взгляда.

— А если её всё-таки повредили умышленно и тем самым лишили вас дополнительного десятка крепких рук? Узнать правду не у кого — стража крепко спала и сейчас ничего не помнит.

— Откуда ты знаешь?

— Нольвен сам мне всё рассказал. Не сразу, конечно. Пришлось гаркнуть на него как следует.

— И всё же то была просто течь.

— И мне хотелось бы в это верить...

— Кто-нибудь из вас двоих объяснит мне, о чём речь? — нетерпеливо выплюнул король. — Или я вам обоим сейчас животы вспорю, как тому Лейсу в переулке.

Гайлард развернулся к дяде.

— До того, как я упал с лошади, — начал он, стараясь не обращать внимания на ехидный блеск в глазах короля, — я осматривал свои территории. В одной из деревень пришлось заночевать, а на утро ко мне явилась целая толпа рыдающих рыбаков, наперебой рассказывающих, что одна из двух рыбацких лодок пошла ко дну. Я пообещал им помочь и выделил деньги на новую лодку.

— А стража-то тут причём? — недоумевал Риккард, всё отчетливее понимая, что без глотка вина он уже ни в чём сегодня не разберётся.

— На той лодке мы должны были отправиться до следующей деревни. А пришлось вот ехать верхом, а тут...

— Лошадь! — закончил за племянника король и довольно выдохнул. — Вот сейчас я понял. А теперь, дорогой племяш, пойдёмка смочим горло, а то моё уже горит — скоро в дракона превращусь! А Нольвена этого гони в шею, раз охрану лодки обеспечить не смог. Ведь, кто знает, окажись та лодка целой и невредимой, тебе не пришлось бы падать с лошади, а? Верно? — задорно спросил Риккард и подмигнул Феррану.

— Так и есть, ваша милость, — ответил Стенден и облегчённо выдохнул. С королём разговор всегда складывался проще, чем с молодым хозяином. — Мне позвать Гверна, милорд, чтобы вы могли сообщить ему о своём решении?

— Сам сообщишь, — ответил Гай. — Твой человек — твои и заботы. А меня больше в эти дела не впутывай.

— Да, ваша светлость.

Ферран учтиво поклонился и, улыбнувшись уголками губ, вышел в коридор. Теперь надо было найти Нольвена.

Глава 6. Городская стена

С улицы доносился сильный шум. Галдели так, что мёртвый не выдержал бы, поднялся и, доковыляв до окна, свесился наружу и внимательно слушал, покачивая обглоданной черепушкой. Дуон Швидоу мёртвым не был, как не был и любознательным, а потому со стула так и не встал, а только тяжело вздохнул, потёр пальцами подбородок, на котором выросла жидкая щетина, скомкал листок пожелтевшей бумаги и швырнул его на усыпанный белыми и чёрными крошками стол. Вслед за листочком на стол полетел и крохотный уголёк, на одном конце заточенный, а сам капитан откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Сидел Швидоу так не долго. Не успела гарнизонная собака тявкнуть три раза, как Дуон открыл глаза, подался к столу, схватил ранее брошенную на него бумажку и, страстно сопя, развернул её. Бережно разглаживая пальцами каждый уголок, положил перед собой и, приторно улыбаясь, залюбовался тем, что было на том листочке намалёвано.

С помятой бумажки на капитана смотрело худенькое девичье личико, начерченное в несколько движений углём: вытянутый подбородок, чуть задиристый нос, большие глаза, почему-то испуганный взгляд. Лисье личико Рики, которую Швидоу уже отчаялся увидеть, а отправиться за ней в деревню до сих пор никак не решился. Причина была в страхе. Том самом страхе, когда ищешь дорогого сердцу человека и на земле, и в небесах, и под водой, находишь и получаешь в ответ равнодушную гримасу, понимая, что искал зря.

— Что там ещё? — раздраженно проронил Дуон после того, как визг одной из кухарок, тоже высыпающих на улицу, заставил капитана вздрогнуть. Пальцы скользнули по листочку, и ненароком надорвали его в верхней правой стороне, где в два штриха Швидоу умело прорисовал задорный девчачий вихор.

Пройдя к окну, Дуон осторожно, прикрываясь шторкой, чтобы не заметили, выглянул на улицу. Там, прямо под окнами его каморки, среди недожёванного лошадьми сена и деревянных кадок с водой, лежал человек в одежде, пропитанной кровью. Рядом толкались

спешившиеся всадники из солдатни и невысокого роста пузан с лысой головой, двойным подбородком и пухлыми руками, которыми он размахивал перед открывшим ворота Брассом, и что-то без устали тараторил.

Однако на Брасса поток слов произвёл обратное впечатление. Схватив коротышку-пузана за шиворот, стражник потрянул простолюдина с такой силой, что у того из карманов посыпалось всякое барахло, насчитывающее несколько грошей, горсть сухарей, два небольших заострённых камушка, которым хорошо кощели на базаре в толпе резать, кусок верёвки, по толщине смахивающей на дождевого червя, и заплесневелый сыр, есть который было уже невозможно, и вонь от которого тут же разошлась на несколько футов во все стороны. Солдаты спешно зажали носы, а Брасс разжал хватку, но тут же заломил пузану руки за спину и подтолкнул того к дверям. Процессия направлялась в каморку к капитану.

Отскочив от окна, Дуон засуетился. Сгрёб в одну стопку изрисованные за последние две недели листки, принялся пихать их в шкаф. В том места было мало, и бумажки залазить не хотели, громко хрустели и местами снова рвались. Спрятав половину, Швидоу схватил остатки, юркнул за ширму, за которой стояла незаправленная скрипучая кровать, швырнул всё на пожелтевшую от старости простыню и накрыл тонким одеялом. На обратном пути наступил на ненароком сброшенный со стола на пол уголёк и нечаянно раздавил его. Для новых рисунков придётся точить уголь заново.

На лестнице уже слышались шаги. Поднимался Брасс и следом за ним двое солдат. Толстяка, видимо, тащили силой, так как шли медленно и кто-то постоянно пыхтел.

Дуон рванул к стулу. Нужно было сесть, успокоиться, сделать важный вид. Можно было даже для пущей солидности усы подкрутить, но щипцы надо было греть, а, где те валялись, Швидоу совсем забыл. С того самого дня, как уехала Рики, он не пользовался ими ни разу. И если подумать, они и сейчас были ни к чему.

— Войдите! — гаркнул капитан, как только почувствовал, что вот-вот в дверь постучат.

Опередить действительно получилось — в каморку завалились все разом. Неряшливо одетого коротышку в комнату впихнули: тот изо всех сил упирался, кричал, что не виноват, и норовил удрать. Но то ли

отёкшие ноги не дали ему этого сделать, то ли хватка Брасса была стальной, но в итоге толстяка быстро прижали к стенке и приставили нож к горлу, чтобы перестал рыпаться.

Дуон кашлянул, спешно рванул со стола последний, непонятным образом забытый, листочек, на котором был в пять штрихов нарисован бутон розы, перевернул его незамазанной стороной вверх и, придав лицу сердитый вид, приготовился слушать.

— Поймали, капитан, — задыхаясь, начал один из солдат. — Я и мои товарищи. Убийцу поймали. В лесу. Грабил и своих жертв в опавшие листья закапывал. Те там и гнили, что потом не найти и не узнать.

— Враки всё! — пропищал толстяк, но Брасс надавил на нож, и коротышка замолчал.

— А теперь по-порядку, — кивнул Дуон в сторону второго солдата, внешностью хоть и одутловатого, но располагающего большим количеством сил, чем его напарник.

— Мы возвращались в Торренхолл, капитан. Хорошо, что шли медленно, иначе проскочили бы и не заметили. Слышим, хрустят ветками да сильно хрустят. Вначале подумали, медведь. Хотели уже лошадей пришпорить, а потом разглядели этого толстого среди деревьев. Мы его окрикнули, а он — драпать. Еле нагнали. Думали — вор. Украл чего у честных людей да закопал, а оно вон чего вышло. Выгляните во двор — там покойник лежит.

Дуон поёжился. Мертвецов он откровенно побаивался — старая нянька, воспитывавшая юного капитана, любила стращать малыша историей о вечно живом карлике, который продал свою душу в обмен на вечную жизнь. Убить того карлика было невозможно: сколько ножей в него ни втыкали, сколько раз на виселице ни вешали, сутки пройдут, а он снова глаза открывает, встаёт и идёт по своим делам или же своим убийцам мстит. Парень, которого привезли солдаты, на карлика не походил, но всё равно было страшно. А вдруг среди ночи подыметесь да всех тут перережет?

— Не покойник он! — снова взвизгнул щекастый коротышка. — Клянусь вам, что не покойник. И не моих рук это дело. Я же говорил вам, я просто вышел за грибами — ночью влажно-то как было, чай, сейчас всё вокруг мелкими шляпками под листьями усыпано. Я и не

помню, как забрёл в те заросли да чуть не наступил на него. Свесился над ним, начал слушать, живой али мёртвый, а тут вы подоспели.

— С такой мордой, как у тебя, да по грибы? — усмехнулся Брасс.

Швидоу внимательно посмотрел на толстяка. Действительно, отёкшие глаза бегали слишком шустро и подозрительно для простофили, пальцы — хоть и пухлые, а ловкие, и весь пузан такой скользкий и склизкий, словно жиром обмазанный. С какой стороны ни хватай — вывернется.

Дуон тяжело вздохнул. Желания копаться в этой истории не было совсем. Впрочем, того желания вообще ни на что не было и уже которую неделю. И всё из-за какой-то пигалицы.

— Что ещё нашли при нём? — спросил Швидоу и тряхнул головой, чтобы отделаться от навязчивого русоволосого образа перед глазами. — Ножи, золото?

— Да какие там ножи и золото? — вскрикнул толстяк. — Всё моё богатство вон там на дворе валяется!

— У этого в карманах действительно больше ничего не было, — подтвердил солдат. — Зато у покойничка нож между лопаток торчал, а золото можно и спрятать было успеть. Листьев сколько опало с деревьев — хоть сундуки в них зарывай!

— Этого повесить, а покойника бросить в общую яму, — коротко распорядился Швидоу, не желая больше тратить время на эту ерунду. Одним вором и убийцей в лесу станет меньше — это хорошо. Можно даже лорду Стернсу о таком успехе доложить — милорд в долгу не останется, похвалит.

— Да не мёртвый он! — не унимался толстяк. — Когда ко мне в лесу подскочили, я как раз над этим пареньком склонился. У того хоть и нож в спине, а сердце стучит. Клянусь вам! Сам слышал! Слабо, но стучит.

— Это ты, поди, со стуком дятла перепутал, — ехидно заметил Брасс и обратился к капитану: — У покойничка вся одежда кровью пропитана. После таких потерь не живут.

В голове снова яркой вспышкой пронеслись истории о вечно живом карлике. По телу пробежали муравьиным роём мурашки, а Дуон порадовался, что одет был с головы до ног и его страха никто не смог разглядеть.

— Парень действительно был жив, когда мы толстяка схватили, — внезапно подтвердил один из двух солдат. — Потому сюда его и приволокли. Надеялись, что, может, свезёт ему да не окачурится, пока до Торренхолла доберёмся. Капитан, у вас же есть лекарь. Пусть глянет.

Швидоу потёр переносицу. Слишком суетный выдался день. Мало того, что эти четверо ворвались к нему и нарушили покой, так ещё и прекращаться это не собиралось. Теперь вот за лекарем надо посылать, терпеть того, ждать, что скажет. Хорошо, если бы парень действительно сдох, а лекарь смог то быстро подтвердить. А то, если живым окажется, забот на несколько дней будет.

— Конечно, пусть глянет, — поддакнул толстяк. — А как парень придёт в себя, то скажет, что я его и пальцем не трогал, чтобы меня вот так взять и на виселицу сразу волочить.

— Позови лекаря, — выдохнул Дуон в сторону Брасса. Тот кивнул, передал коротышку солдатам и выскочил из каморки.

Одетый в сильно пропахший кошачьей травой кафтан лекарь явился, когда все уже устали ждать. Мальчуган, которого за ним послали, говорил, что лекарь долго не мог выбраться из погреба: ноги никак не попадали по деревянным палкам, служившим ступеньками в криво сколоченной лестнице. Вероятно, лекарь пил, потому что помимо кошачьей травы от него ещё сильно разило анисовкой. Когда он всё-таки приковылял во двор, то вокруг мёртвого Далена не стоял разве только самый ленивый. Даже Дуон Швидоу спустился, хотя желание на всё махнуть рукой, остаться у себя, вытащить сокровенные рисунки и продолжить предаваться мечтаниям было очень сильно.

— Ну, — пробасил Брасс, которого подвыпивший лекарь, решивший вдруг проявить дотошность при осмотре лежавшего среди соломы незнакомца, сильно раздражал, — что там? Чего так тянешь-то? Так и скажи, сдох ваш приятель, тащите в яму.

— Ты руку-то его тронь, — прошептал Брассу на ухо Хейм, тоже подоспевший к собравшимся. — Она же тёплая. Удивительно, как парень ещё держится.

— Так и есть, — заявил лекарь, — жив. Сердце стучит, хоть и очень медленно.

— А ведь даже не дышит, — протянул кто-то со стороны. — И бледный. На вид мертвец мертвецом.

— И будет таким, если не поторопиться. — Лекарь разогнулся. — Моих снадобий и знаний не хватит, чтобы его выводить.

— Ну, значит, не жилец, — развёл руками Швидоу.

— Надо послать в замок за стариком, — вымолвил лекарь. — У него нужных пиявок больше, может сотворить чудо.

— За стариком лорда Стернса? — чуть не поперхнулся слюной Швидоу. — Беспокоить милорда накануне важного для него события по такой мелочи?

— Другого выхода нет, — беспокойно сглотнул лекарь.

— Нет у меня людей, чтобы до замка бегать и милорда отвлекать, — махнул рукой Дуон.

— Давайте я, капитан? — раздался из толпы звонкий мальчишеский голос. — Мне всё равно туда надо. Заодно и старика найду, а если сам не сыщу, то отец поможет. Отец у меня... никто против него и тьякнуть не посмеет. Не успеете моргнуть — старик будет тут.

Швидоу обернулся и уставился на Эларана, протиснувшегося через плотную стену из зевак.

— Можно? — Мальчугану не терпелось сорваться с места и оказаться хоть чем-нибудь полезным.

Дуон согласно кивнул.

* * *

— Куда прёшь?

Дорогу Эларану преградила наклоненная в сторону пика. Пик удерживал сурового вида стражник, облачённый во всё чёрное и в железных доспехах, прикрывавших грудь и спину.

Пересечь крепостную стену и попасть на территорию замка можно было в нескольких местах. Эларан знал все, но решил пройти именно главными воротами, где стража хоть и злее, но зато и до лорда Стернса бежать быстрее, а не обходными путями красться.

— Убери тыкалку, — выпалил паренёк и поспешил вперёд.

— Эгей, стой! — Стражник совсем опешил от такой наглости и схватил Эларана за руку.

— Пропусти его, — внезапно кинул караульному его напарник, пристально разглядывавший прущего напролом нахалёнка, прежде чем решиться открыть рот. — Это сынок командира Стендена. Упадёт с него хоть один волос — ответишь своей головой. Я тебя покрывать не буду.

Первый стражник совсем растерялся, но руку Эларана тут же выпустил, а свою пику приподнял, открывая дорогу.

— Вот нарвался бы, — пробубнил стражник, как только мальчишка скрылся из виду.

— Ага, — ответили ему. — С одним из наших так было в прошлом году. Этот шалопай свалился в реку, порвал штаны да заявился в них, дырявых, сюда. Его, само собой, тут же попутали с попрошайкой и начали гнать. А он не уходит. Схватили за ухо, дёрнули со всей силы, а тут — командир. Досталось всем, сам понимаешь.

— Вот же не свезло кому-то, — вздохнул стражник, решив впредь быть аккуратнее.

Вымощенная камнем дорожка заканчивалась на широком, таком же каменном, пятачке, куда обычно подавали экипаж и откуда начинался парадный вход. В отличие от последней шумной ночи сейчас тут царил тишина. На террасах было пусто — только стража время от времени делала обходы и садовник копался в кустах с розами.

— Я к отцу! — выдохнул Эларан, зачистив ногами по ступенькам. Этого оказалось достаточно, чтобы вся последующая охрана, встречавшаяся ему на пути, разводила пики и пропускала вперёд, не задав ни одного вопроса.

Однако в нужных комнатах командира Стендена не оказалось. Не видел его и служка, убиривший остатки перекуса со стола. На вопрос о старике Дагорме служка тоже недоуменно пожал плечами. О Гайларде Стернсе Эларан спрашивать уже не стал: без отца, один, мальчуган к милорду ещё никогда не врвался. Правда и в замок никогда не прибежал ради того, чтобы спасти жизнь абсолютно незнакомому человеку.

Чувство собственного могущества уступило место лёгкой панике. Пообещав привести помощь, Эларан только и делал что тыкался из одного коридора в другой, пытаясь разыскать хоть кого-то из знакомых ему людей, но навстречу попадалась одна прислуга, мало что

соображавшая и делавшая круглые глаза, когда Эларан называл нужное имя.

Пришлось действовать напрямую. Про себя отсчитав ступени, мальчишка вскарабкался на одну из самых высоких башен и робко постучал в дверь. Никто не отворил. Подёргав ручку, мальчуган лишний раз убедился, что дверь плотно закрыта. Старика в своей каморке тоже не оказалось. Оставалось тяжело вздохнуть и начать обратный отсчёт ступеней. Одно хорошо — это было легче, чем перебирать ногами наверх.

Вылетев на длинную террасу, Эларан свесил голову вниз и осмотрел сад. И тут тишина — только птицы щебечут. От птиц радости не было никакой, и Эларан, совсем потеряв надежду, спустился к розовым кустам, медленно побрёл к выходу и даже не заметил, как приковылял к тем самым воротам, в которые поначалу влетел столь нахально и без тени сомнений в своём успехе.

— Чего-то ты быстро, — заметил стражник, ранее узнавший в мальчугане сына военного командира.

— Отца на месте не оказалось, — вздохнул Эларан и пнул ногой небольшой серый камушек.

— Странно. — Стражник почесал небритый подбородок. — Я не видел, чтобы командир Стенден покинул замок.

— Как будто в замке только один выход, — с видом знатока фыркнул Эларан.

— Но-но, — возразил парень с пикой, — ходов-то, может, и много, но привычки твоего отца я хорошо изучил. Не будет он, въезжая в замок при полном параде, ускользать из него через щели в стенах.

— Да мне и не отец был нужен, — сознался Эларан. — Просто думал, что через него быстрее найду...

— А кто же? — насупили брови оба охранника, заподозрив неладное, и в душе тут же пожалели, что пропустили наглеца.

— Старик есть один у лорда Стернса. Лекарь он хороший. Нужен очень капитану Швидоу к городским воротам.

— У капитана Швидоу своих пиявочников навалом.

— Там случай тяжёлый. Чуть ли ни мертвеца из лесу приволокли.

— А зачем мертвецу лекарь?

— Так ведь и не мертвец он, а чуть ли ни мертвец.

— Чего?

Мозг стражников с трудом переваривал замысловатые реплики Эларана; паренёк это понял, поэтому резко умолк, а когда разомкнул губы, то по-простецки и прямо в лоб спросил:

— Дагорма где искать?

Первый охранник покачал головой.

— Вот ты за кем, значит... Только старик уехал из замка ещё до того, как ты сюда вломился.

— Как уехал? Надолго?

— А пёс его знает. Он как глазищами зыркнет, так сразу вся охота пропадает его о чём-либо спрашивать.

— Даже желать ему приятного пути охота пропадает, — согласился с первым второй.

— Но он ведь должен вести церемонию! — Эларан явно знал больше, чем эти двое.

— Значит, скоро вернётся, — тут же предположили напарники. — А ты давай выбирай, либо по эту сторону шагай и дожидайся своего старикашки или отца ищи, либо шуруй отсюда, а то стоишь и нам тут видимость загораживаешь. Никак кто увидит, нам же выговор сделают — не тебе.

Эларан выбрал первое. Ноги опять повернули в сторону, где должен был быть отец. В любой другой день Эларан с удовольствием бы побродил по замку, тем более, сколько раз он тут ни был, у него никогда не было возможности всё основательно облазить и на всё поглазеть. А так хотелось. Но сейчас взгляд упорно игнорировал и роскошь убранств, и богатство красок вокруг; перед глазами стояла лишь обagrённая кровью одежда незнакомца, вытащенного из леса, и такого же цвета солома вокруг.

Под высокими сводами длинного коридора гулким эхом раздавались чьи-то поспешные шаги. Кто-то сильно торопился и шёл навстречу Эларану. Мальчишка приободрился. Если то не отец, то, возможно, человек из его окружения. Подойдёт любой, кто хотя бы приблизительно может знать, где командир, и может его позвать.

Эларан нырнул под арку, всмотрелся вперёд и облегченно выдохнул. Ему действительно повезло: шаги принадлежали одному из советников лорда Стернса. Кажется, отец того советника не сильно жаловал, но какая разница, если помочь он может в сотню раз больше,

чем какой-нибудь служка, который знает только, как господские сапоги натирать.

— Командир Нольвен! — с волнением в голосе крикнул Эларан.

Гверн остановился.

— Это я, командир Нольвен! — вновь прокричал мальчишка и рванул к молодому советнику. — Эларан Стенден. Помните меня? — И, подскочив к Гверну, зачастил: — Вы ещё в начале лета давали мне пару советов по тому, как лучше затачивать самодельные деревянные стрелы. Знаете, я попробовал. Хотел вам показать, но так и не получилось с вами встретиться...

Эларан запнулся: он ведь не о стрелах собирался Нольвена расспрашивать.

Гверн стрелы помнил хорошо, а вот паренька с задиристым подбородком совсем подзабыл. Наморщил лоб, пытаясь вспомнить, действительно ли у того «зелёного» стрелка было так много веснушек и столь криво были стрижены волосы, но так и не вспомнив, спросил:

— И с чем в этот раз нужна помощь? С луком? Прости, но у меня мало времени.

— Нет-нет, — поспешил обнадежить Нольвена Эларан, — как раз времени у меня тоже мало. Я всего лишь искал лекаря лорда Гайларда, но стража сказала, Дагорм уехал из замка. Ещё я пытался найти отца, но тоже мимо. А мне позарез нужен хоть кто-нибудь, кто способен не только пиявку приложить, но ещё и кровь пустить, чтоб человеку полегчало. Хотя... крови напущено там уже больше, чем нужно.

Гверн развёл руками.

— Лекарями я не заведу и за твоим отцом тоже не слежу.

— Но надо же спасти человека! — в голосе мальчугана нарастало отчаяние. — А наш чудила при гарнизоне совсем пьян и даже болтанку не в состоянии намешать.

— Так поищи в другом месте. Или во всём Торренхолле только два лекаря: на стене и в замке?

— В замке ведь самый лучший! Он бы сразу сообразил, что надо делать.

Гверн тяжело вздохнул. Прилипчивый пацанёнок не давал пройти, и проще было ему помочь, чем ещё неизвестно сколько слушать раздражающие стенания.

— Пойдём. — Нольвен поманил за собой Эларана.

Они шли длинными коридорами и мраморными лестницами, проходили мимо мощных колонн и статуй красавиц: где поющих, где с бубном, а где просто с цветком розы. В какой-то момент Эларан поймал себя на мысли, что началось крыло, в котором он никогда не бывал. Здесь было светлее обычного: оконные проёмы были шире, а gobелены на стенах — светлее. Встречалась даже вышивка шёлком. И цвета были подобраны нежные, как на рассвете, когда ещё прохладно и росы кругом столько, что хватит лицо умыть.

— Эта половина принадлежала покойной королеве, — пояснил Гверн, глядя, как Эларан затормозил, чтобы рассмотреть хотя бы часть из того великолепия, что было вокруг. — До приезда леди Мириан все комнаты стояли закрытыми, и открыть их лорд Стернс велел только по случаю скорой церемонии.

— А куда мы тогда идём? — растерянно пробормотал Эларан. — Не к покойной королеве же...

— К леди Мириан.

— Вот это да...

— Я слышал, её высочество прибыла в Торренхолл с личным лекарем. Будем верить, он так же опытен, как и наш старикашка. И ещё надеюсь, что этой просьбой мы не сильно потревожим миледи.

Стайка юных девушек, громко щебетавших в одной из комнат, заваленной воздушной вуалью, белыми и серебристыми кружевами, бобинами шелковых нитей и гладкими лентами, встрепенулась, завидев заглянувшего к ним Нольвена, и тут же умолкла. Швеи-мастерицы сделали вид, что заняты стежками, склонили головы и принялись тыкать иголками, нанизывать жемчужные бусины на длинные нити и пришивать к шлейфу для свадебного платья.

— Где я могу увидеть леди Мириан? — не выдержал и спросил Гверн, как только понял, что заговаривать с ним никто из девушек первой не собирался.

— Как о вас доложить?

Со стороны потайной двери, прятанной за спинами мастериц, к Нольвену подошла одна из самых близких служанок ллевингорской принцессы, прибывшая вместе с госпожой в чужую страну.

— Гверн Нольвен.

— Командир Гверн Нольвен, — серьёзным тоном поправил выглянувший из-за спины Гверна Эларан. — А лучше сообщите, что

личный советник лорда Гайларда пришёл по очень важному делу. Очень важному!

Девушка бросила скептический взгляд на Эларана, но ничего не ответила, только поджала губы и ушла исполнять поручение. Из покоев леди Мириан она вышла не сразу, но когда показалась, подозвала к себе обоих незваных гостей и попросила следовать за ней и сильно не шуметь.

В большой и светлой комнате, выполненной в бледно-жёлтых тонах с примесью весенней зелени, уютно пахло лавандой. Часть стен была завешена вышивками, на которых разноцветными шелками с примесью золотых нитей были изображены затейливые цветочные узоры. У распахнутого окна стоял круглый стол на резных ножках. У стола — несколько стульев. Через спинку одного из них была переброшена кипа воздушной, полупрозрачной ткани; на двух других лежали цветастые подушки. Неподалёку стояла скамеечка из слоновой кости со сложной и искусно выполненной резьбой. Вечерами комната освещалась десятком восковых факелов в позолоченных подсвечниках, а днём солнце только и делало что прорывалось игривыми лучами сквозь плотные портьеры и светило так ярко, что иногда приходилось зажмуриваться.

Мириан сидела на стуле с самой высокой спинкой. Когда отдыхала, то вытягивала ноги на скамеечку, но после того как служанка сообщила о топтавшихся за дверью, приосанилась, скрыла ноги под юбками платья, сложила руки перед собой, как учили, приготовилась одну протянуть для поцелуя, а другой, когда потребуется, незаметно подать знак прислуге, что время просителей истекло. К первому жесту Мириан прибегала часто, на второй ни разу за всю жизнь не осмелилась.

В покои будущей хозяйки Торренхолла Нольвен вошёл уверенным шагом, сразу поклонился и коснулся губами тёплой руки, после выпрямился, шагнул назад и сухо произнёс:

— Советник лорда Стернса Гверн Нольвен, ваше высочество. Я не успел представиться вам вчерашним вечером, но собирался сделать это до церемонии. Поверьте, никак не думал, что в итоге придётся делать это прямо сейчас, отвлекая вас от важных дел.

Мириан мягко улыбнулась.

— Полагаю, что дело, которое вас ко мне привело, не менее важное, чем все мои, иначе к чему вы так спешили?

— По правде говоря, с просьбой к вам не я, а он. — Гверн ступил в сторону, предъявляя Мириан Эларана, который робко топтался у Нольвена за спиной. — Это сын командира Стендена, и он вам всё расскажет. Ну? — Гверн сурово посмотрел на мальчишку, наказывая, чтобы тот сам поведал её высочеству, по какому поводу её побеспокоили.

— Срочно нужен хороший лекарь! — выпалил Эларан, даже не удосужившись поклониться принцессе, зато не растерялся и тут же опередил напрашивающийся вопрос: — Нашего сейчас нет в Торренхолле.

Лицо Мириан даже не дрогнуло в ответ на полное отсутствие манер. Гверн для себя это отметил. С Гайлардом Стернсом подобное не прокатило бы — милорд просто швырнул бы в просителя всё, что первым попало бы ему под руку, и разговор окончен.

— И кому? — тихо спросила Мириан, а в сердце закралась тревога. Вспомнилось искривлённое лицо Гайларда за ужином. Раны были серьёзными, и Мириан это сразу поняла: как бы Гай ни шутил и обворожительно ни улыбался, Мириан сумела разглядеть усталость за маской приветливости, боль во взгляде и сходявшее на нет терпение. — Кому понадобилась срочная помощь?

Но Эларан развеял страхи.

— К нам на городскую стену привезли раненого. Наш лекарь только руками развёл, велел мне бежать за Дагормом. Я прибежал, а старика в замке нет. Наверно, пока я бегаю, тот бедняга совсем очурился. Вы бы видели, сколько там крови.

Мириан передёрнуло. Видом крови её было не испугать: посмотрелась и на раненых, и на раны. Но именно сейчас почему-то стало не по себе.

— С вами ведь прибыл лекарь из Ллевингора? — вежливо спросил Гверн, смягчая напористую нахальность Эларана. — Если бы вы могли отпустить его до вечера в гарнизон... Пусть посмотрит раненого и характер ран.

— Я действительно велела Майринду прибыть вместе с моим братом на церемонию, — поспешила ответить Мириан. — Он много знает и многих поднимал на ноги, но, увы, сейчас помочь он вам тоже

не сможет. Утром я отпустила его по каким-то неотложным делам. Полагаю, это как-то связано со сбором лекарственных трав или чем-то ещё. Что бы то ни было, вернётся он только завтра, а в вашем случае, думаю, это будет уже слишком поздно.

Блеск в глазах Эларана потух. А так хотелось прослыть на стене героем, спасти чью-то жизнь, пусть и самую никчёмную и ни на что в этом мире не влияющую. Но последняя надежда разбилась вдребезги о суровое стечение обстоятельств: найти кого-нибудь, кто был бы столь же опытен и умён, как лекари при замке, было уже нереально.

— Тогда мы просим ещё раз простить нас за беспокойство. — Гверн поклонился леди Мириан и подтолкнул Эларана к выходу, а заодно незаметно заехал рукой мальчишке по спине, чтобы тот тоже согнулся в уважительном поклоне хотя бы на прощанье, если уж забыл о приличиях при приветствии.

— Мне очень жаль, что так вышло. — В голосе Мириан слышалась неподдельная печаль. — Проводи. — Приказ был отдан служанке, тут же бросившейся открывать двери.

По длинному коридору Эларан шёл уже один. С Нольвеном они расстались сразу, как только покинули пропитанные лавандовым запахом комнаты. Теперь можно было не спешить: помощи ждать было неоткуда, и завезённый на стену незнакомец был обречён на смерть. С такими ранами, как у него, никому не протянуть долго. Не успеет и солнце сесть за горизонт, как ещё одного мертвеца скинут в общую яму и сверху чуть присыплют землицей.

Эларан даже не заметил, как стражники у ворот разомкнули пики, пропуская мальчишку на длинную, вымощенную камнем дорожку, ведущую с холма вниз, к домикам, шумным тавернам, заваленным товаром лавкам, а затем и к стене, окружающей Торренхолл и заканчивающейся там, где начинались обрывистые скалы, на которых и стояла неприступная крепость Гайларда Стернса.

Закрутившаяся с детьми и домашними хлопотами хозяйка плеснула Эларану под ноги целую лохань воды, в которой плавали картофельные очистки. В любой другой раз паренёк бы выругался, но сейчас просто перепрыгнул через лужу и даже не смахнул с сапога картофельную шкурку, прилипшую к коричневого цвета коже. Так и шёл дальше, не обращая ни на что внимания, пока женский визг, детские крики и топот копыт за спиной не заставили оглянуться и

податься в сторону. Быть покалеченным несущейся прямо на него лошастью совсем не хотелось, но не замечавший никого вокруг всадник, поравнявшись с Элараном, вдруг потянул на себя поводья, остановился и скинул с головы капюшон. Во всаднике Эларан узнал Нольвена, и лицо мальчугана сразу озарила лёгкая, но красивая, улыбка.

— Садись. — Гверн протянул Эларану руку. — Быстрее. Мне надо успеть вернуться в замок до того, как меня хватится лорд Стернс.

— Если вы из-за меня, то не стоит, — нескладно начал паренёк. — Это я просто до Безымянного тупика медленно шёл, а дальше добегу быстро.

— Садись, — приказал Нольвен, и что-то внутри Эларана подсказало, что лучше не спорить. — Гляну, что у вас там за мертвец такой, что ради него пришлось перед леди Мириан расшаркиваться.

— Да простой мужик, — отмахнулся Эларан. — Просто жалко его стало. Столько кровищи из него вытекло, а сердце всё не сдавалось. Вот и решили: вдруг повезёт. Но сейчас уже слишком поздно.

— Держись крепче и голову пригни, — бросил Гверн. — Тут переулки узкие, смотри за выступы на зацепись. Не хватало мне ещё одного калеки.

И Гверн пришпорил лошадь.

* * *

— Времени прошло столько, что можно было отобедать, поспать и ещё раз отобедать, а пацана всё нет, — проворчал Брасс и прибил ладонью муху. — Этот, в кровищи, скоро вонять начнёт. Зачем с ним возимся? Не велика птица — проще сразу в яму бросить.

Хейм потёр переносицу.

— Проще. Таракан так бы и сделал. Я видел, он раздражён не на шутку. Прячуть зубами в солдатню не вцепился за то, что те создали ему лишние хлопоты.

— Может, намекнуть ему, а? Эти шумные давно уехали, народец разошёлся, а пузан ничего не скажет. — Брасс кивнул в сторону полного человечка, которого приволокли из леса вместе с Даленом. —

А если сболтнёт, то и его до общей могилы дотащим, ногой в зад толкнём да пару взмахов лопатой сделаем.

Хейм сплюнул на землю.

— Взмахнули бы уже давно, но пацан всё испортил. Не будь он сыночком Стендена, никто и слушать не стал бы. Но раз такое дело... А ну как приведёт нам сейчас пивочника, а мы парня закопали? Прикинь, какой ор подымет. Разболтает папаше — таракану мигом голову открутят. А таракан открутит нам. Такая вот чехарда...

— Верно говоришь, — согласился с приятелем Брасс. — И откуда ты такой умный выискался?

— Наблюдательный просто. — Хейм повёл бровями. — Чем дольше Эларан в замке околачивается, тем нам лучше. Мы ждём, этот полудохлый совсем выдыхается, время идёт — всё работает на нас. Хотя... если на чистоту, то по мне так пусть пацан вообще не является. Лучше бы вместо командирского сынка в гарнизон наша уродинка вернулась. Помнишь? По которой таракан вздыхал?

Брасс и не думал забывать. О Рики из караульных не забыл никто: больно понурый вид стал у командира на городской стене, слишком часты стали его необоснованные вспышки гнева и реже появления на людях. Всё охотнее Швидоу закрывался у себя и гремел бутылками, а потом срывался на первом попавшемся под горячую руку новобранце, приказывал того выпороть, снова запирался у себя и выходил только к вечеру весь обросший и неухоженный.

Но Рики никто не осуждал. Все понимали, что на её месте от Швидоу сбежала бы любая. Однако в глубине души каждый хотел, чтобы девчонка вернулась и жизнь при гарнизоне стала прежней.

— Едут! — прикрикнул Брасс, услышав топот копыт и завидев лошадь. — Только это не лекарь, — пробормотал он, прищурившись.

Хейм вытянул шею.

— Это Нольвен, — выпалил он, а по телу сразу пробежал холодок. — Нашёл, кого приволочь. Он бы ещё отца позвал, гаденыш этакий! Хватай метлу, — бросил он Брассу, — да живо уברי солому за кадки! Увидит Нольвен, что во дворе беспорядок, конец нам всем. А я — за тараканом.

Хейм спешил, перескакивая за раз через три ступеньки. Даже стучать не стал, сразу толкнул от себя дверь и влетел в комнату

капитана, заставив того вскочить со стула и засуетиться, переворачивая угольные наброски картинкой вниз.

— Ты! — выдохнул Швидоу и чуть не покраснел от гнева. — Да как ты смел?!

— Капитан, — задыхался Хейм. — Там... внизу... Нольвен. Вместе с Элараном.

Швидоу вмиг побледнел. Забыл про простенькие изображения милой сердцу девчушки, дёрнул пряжку на поясе, проверяя крепко ли тот затянут, и выскочил на лестницу, а затем и на улицу. Успел вовремя — советник лорда Стернса как раз заезжал во двор.

Громко ударяя копытами, лошадь никак не могла остановиться: бесилась и дёргалась, пока Гверн не наклонился вперёд и не похлопал заботливо ту по морде.

— Тихо-тихо, — успокаивал он животное, измотавшееся на многочисленных поворотах и узких улочках Торренхолла. И как только лошадь присмирела, а Эларан спрыгнул на землю, деловито спросил: — Что здесь у вас? Где раненый?

— Я отведу, — вызвался мальчишка, опередив вытянувшихся по струнке Швидоу и Хейма, а вместе с ними и Брасса.

До брошенного на солому Далена отмерили шагов двадцать. Вид мертвеца в окровавленных одеждах, со слипшимися волосами и перемазанным грязью лицом у Нольвена отторжения не вызвал. Опустившись на колени, Гверн внимательно осмотрел тело, прощупал пульс, коснулся пальцами шеи и произнёс толкавшемуся в сторонке Швидоу:

— Сердце ещё бьётся. Надо его унести отсюда. Комната у вас свободная имеется?

— Выгоним караульных, если надо, — правильно среагировал Дуон. — Брасс, Хейм, берите парня. Тащите на первый этаж в самую дальнюю. Там сейчас мало хлама валяется. — А когда два крепыша подхватили Далена за ноги с одной стороны и за плечи — с другой, повернулся к Гверну и нерешительно заметил: — Ничего не выйдет, милорд. Парень не жилец, это видно. Не проще ли...

— Не проще ли вам заткнуться и принести мне воду и чистое полотенце? И не мешать. — процедил Гверн, снимая с рук пыльные перчатки и передавая их Эларану. — И я не милорд.

— Конечно, милорд, как прикажете. — Швидоу побледнел сильнее любого мертвеца, которого видел на своём веку.

Комнатка, куда завалились Брасс и Хейм, служила Дуону Швидоу кладовой. В ней было пыльно и темно, кровати не было, зато на полу лежало несколько пустых холщовых мешков. По ночам в них любили зарываться крысы и искать зёрна и сухари. Ещё в кладовой валялись затупившиеся наконечники для стрел, деревянные палки-колотушки, поеденный молью тулуп из овчины и свечные огрызки. До последних крысы тоже мечтали добраться, но Швидоу засунул их так высоко, что было не достать. А скользкие серые стены оказались не по когтям цепким крысиным лапкам.

— Мне нужен свет. И побольше, — рыкнул Гверн в сторону Брасса, снял плащ, скомкал его и бросил в угол.

— Вы раньше это делали? — боязливым тоном спросил Эларан, глядя, как умело и ловко Нольвен разрывает ткань одежд Далена, обнажая рану.

— Ни разу. — Гверн поставил один из принесённых подсвечников рядом с собой. — Но много раз видел, как это делал один грузный вонючий цыган, который вечно приставал к моей матери. За это я его ненавидел. Одновременно, правда, им восторгался, потому что так стрелять по переспелым ранеткам из самодельного арбалета, как он, не умел никто. Смочи полотенце.

Эларан послушно исполнял всё, о чём его просили.

— Не знал, что цыган в королевские стрелки берет.

— Стрелки? — Гверн поморщился. — Та волосатая обезьяна всего лишь управлял уличным театром, в котором жила и работала моя мать. Я за кулисами того театра родился, вырос, там и обрёл первых учителей и первый опыт с девушкой. Там же и подсмотрел, как вытащить из живой плоти сунутый по самую рукоять нож и в то же самое время не заставить бедолагу испустить дух. Встань-ка теперь справа и поддержи.

Гверн передал Эларану перепачканное в крови полотенце, расстегнул верхние пуговицы своего дублета, сунул руку во внутренний карман и достал вытянутую колбочку с беловато-жёлтым порошком внутри.

— Что это? — Эларан заводил носом, когда Нольвен осторожно подцепил ногтем пробку и откупорил стекляшку. — Пахнёт так

странно. Даже воняет.

— Как и тот цыган, — кивнул Нольвен. — Только ему одному известно, что тут намешано и перемолото. Я сам понятия не имею. Протяни руку.

Эларан вытянул правую и повернул внутренней стороной ладони вверх. Аккуратно постучав пальцем по колбочке, Гверн высыпал на ладонь мальчишки немного странного порошка.

— Какой ваш цыган, однако, заботливый: всем раздал по колбе.

— Раздал? — Гверн подцепил крохотную щепотку порошка и посыпал им края раны. — Да я просто залез к нему в шатёр, когда он стрелы у реки точил, и взял одну склянку.

— Чтобы спасти таких раненых, как этот? Сколько в вас благородства!

— Чтобы спасти самого себя, если приспичит, — спустил Гверн Эларана с небес на землю. — Народу у нас было много, и все пришлые, с улицы. Так что нередки были случаи, когда один уличный актёришка затаит злобу на другого — кто-то из-за денег, кто-то из-за бабы — да прямо на спектакле вместо бутафорного ножа пырнёт беднягу настоящим. Смерть наступает не сразу, и вот тут-то и пригодится скляночка и человечек, который не откажет помочь.

Гверн высыпал на рану весь порошок, который был на ладони Эларана. Вытащенный из спины нож валялся неподалёку, весь перепачканный кровью.

— Теперь перевяжем грудь и спину этим куском рубахи и будем молиться, чтобы парень оказался крепким.

— Вы точно уверены, что это его спасёт?

— Нет, но какая, ко всем собакам, разница? Или спасёт, или окончательно сведёт с могилу, а он в ней и так уже одной ногой стоит. Зови Швидоу и тех двух толстолобых, — распорядился Гверн, вытирая руки. — Хотя нет, толстолобых не надо. Только капитана.

— Конечно, милорд, — выпалил Эларан, восхищаясь мастерством Нольвена, и рванул из кладовой, даже не закрыв за собой дверь.

Гверн поморщился. Он не был лордом или хозяином каких-либо земель, не была таковой и его мать. Про отца он мало что знал, но если бы тот был из благородных, это бы всплыло. С другой стороны... Нольвен покрутил на пальце левой руки перстень с крупным чёрным ониксом. Такие украшения простолюдины не носят, а мать так и не

призналась, откуда оно у Гверна. Сказала лишь, что почти с рождения. Возможно, любовничек какой задарил, а, может, и сам цыган. Про наличие у мальчишки перстня тот знал и этому не противился, и даже отнять не пытался. А ведь, если перстень продать, выйдет целое состояние.

Швидоу зашёл в каморку с тем же пресным видом, что и раньше. Покосился в сторону Далена, кучу перепачканных в крови тряпок, розового цвета воду в миске, уже остывшую, и нож, лежавший неподалёку, вздохнул и сиплым голосом произнёс:

— А я так надеялся... Прикажете забирать?

— Забирайте, — согласился Гверн. — Если продолжит здесь лежать, то заражение крови будет обеспечено. И согласитесь, такая смерть будет нелепой. Спину проткнули — не помер, а крыса чихнула — откинулся.

— Так он жив? — приободрился Швидоу, в душе сильно о том жалея.

— Жив, но уход за ним потребует самый тщательный. Чистые простыни, чистые полотенца, горячая похлёбка, когда в себя придёт. И лекарь тоже нужен обязательно. Уж потрудитесь и найдите хотя бы пьяного.

— Пьяный имеется, — пробасил сунувший в дверной проём голову Брасс, за что тут же получил тычок в спину от Хейма.

— Мы лекаря головой в корыто с ледяной водой окунём, он вмиг протрезвеет, — добавил Швидоу.

— Это правильно, — ответил Гверн, поднял с пола плащ, отряхнул его и направился на улицу. Швидоу семенил следом.

— Так парня нашли в лесу? — переспросил Гверн, слушая рассказ капитана о раненом.

— Да, милорд. Солдаты действовали быстро, поймали того, что в роще разбоем промышлял, и тоже сюда притащили. Да вон он сидит. Развалился скотина на бревне.

— Вам известно, кто это?

— Да кто ж этих лесных разбойников поименно-то знает? Ставлю своё месячное жалование, у них и имён нет. Одни клички.

— Я не про толстяка, — проронил Гверн, а сам направился к пузану, который, завидев приближающуюся к нему процессию,

вскочил с бревна и принялся вытирать вспотевшие ладони о латаные со всех сторон штаны. — Я про раненого.

— Да пёс его знает, — пробормотал Швидоу, но внутренний голос почему-то приказал насторожиться и наострить уши. — А вы знаете?

— Знаю. — Гверн кивнул. — Имени уже не помню, но он — моряк из Ланимора.

При упоминании той самой деревни, куда несколькими неделями ранее отпустил Рики, у Швидоу защемило сердце.

— Этот, говоришь, нож воткнул? — Гверн замер напротив неуклюжего простачка.

— Он самый. Ух, мерзавец! Я лично попрошу милорда назначить ему самое суровое наказание, — пригрозил Швидоу, а затем вкрадчиво поинтересовался: — А имени точно не помните?

Гверн внимательно смотрел на толстяка, а тот в ответ сильно потел и шмыгал носом, сильно похожим на картофелину.

— Нет, — утвердительно сказал Нольвен, — нож в спину он воткнуть не мог. Для того удара сила недюжинная нужна, а у этого один жир в руках. А вот грабежи...

Гверн схватил толстяка за руку, завернул край рукава его куртки и... разочарованно одёрнул обратно.

— Ожидали увидеть воровское клеймо? — хихикнул пузан. — Куда мне до мастеров?! Но каюсь, по карманам лазил. Но всё, что смог в жизни стащить, были сухарь да пара медных грошей. А вот чтобы убивать... Это никогда!

— И всё равно будет тебе виселица. — Нахмурил брови Швидоу и снова повернулся к Нольвену. — Так никак имя не вспомнили, милорд?

— Какое имя? — напрягся Гверн.

— Того раненого. Вы говорили, он из Ланимора.

— Не вспомнил. Знаю только, что сестру его Рики зовут. Имя этой девчонки сейчас в замке на слуху у каждого.

— В замке? — От волнения у Швидоу пересохло во рту.

— У лорда Стернса.

— Вы уверены, милорд? Рики в Торренхолле? — Сердце громко забилося.

— Провалами в памяти не страдаю. И, как приеду, расскажу ей о том, что случилось.

Швидоу схватил Нольвена за рукав.

— Не надо, милорд. Не говорите ничего девочке. Лучше я сам. Зачем ей волноваться? Наслушается ваших страшилок, вообразит себе невесть чего, сюда сорвётся, увидит кровь и раны, ещё поплохеет бедняжке. А я лучших лекарей парню приведу, выходим его, на ноги поставим да потом и сестре предъявим. Договорились?

Гверн смотрел на капитана. Смотрел таким же пронизательным, читающим человека, словно открытую книгу, взглядом, которым минутой ранее изучал пузана.

— А взамен что? — еле слышно прошелестел Гверн губами, и ни Брасс, ни Хейм, ни Эларан не ухватили ни единого слова.

— Просите, что хотите, — таким же шёпотом ответил Дуон.

— Толстяка, — отрезал Гверн. — Этот жирдяй с оттопыренными ушами переходит ко мне, и я сам решу: в темницу его или на виселицу и за какие проступки.

— Да забирайте, ваша светлость. Было б двое их — двоих бы отдал! Только девушке не говорите ничего. Поберегите её, бедняжку. И так сирота, а тут с братом такое горе приключилось.

— По рукам, — остановил тирады Дуона Гверн и попросил у Эларана свои перчатки. — Собирайся, приятель. Следуешь за мной, — кинул Нольвен толстяку.

— Куда? — боязливо пискнул тот.

— Не трусь, не обижу. Как звать-то тебя?

— Плут, ваша светлость.

— Как? А настоящее имя есть?

— Было, конечно, но уже не помню.

— Ладно, Плут так Плут. За мной. Буду ехать медленно. А попробуешь сбежать по дороге, нагоню и огрею плёткой.

— Да ни в жизнь, — ответил Плут и проследил взглядом, как роскошный перстень на руке Гверна скрылся под толстой полоской коричневой кожи, стоило Нольвену натянуть перчатки.

Глава 7. Хранящая тайны

За окнами было темно. Ужин остыл, а вино, которое нечаянно расплескали по столу, так и не было вытерто. Засохшей кляксой оно въелось в дерево — на следующий день с первого раза и не смоешь. Служкам придётся долго скрести деревянную поверхность, чтобы навсегда согнать вишневый цвет со светлого ореха. Но слуги об этом ещё не знали, мирно толкались на кухне, собирались на покой, а в самой столовой, где ни Ферран, ни его супруга так и не прикоснулись к поданным блюдам, царила напряжённая атмосфера и вот-вот готовилась разверзнуться гроза. Для финального грохота не хватало только старшего сына командира Стендена — Эларана.

— Знаю, — развела руками жена Феррана. — Я всё знаю, что произошло. Так что не ворчи и не начинай старую песню. — И монотонно, как дети отвечают перед наставником заученный урок, произнесла: — Ты велел мальчику прекратить ходить на главную площадь, а сегодня его опять там видели; ты велел тренироваться на мечах и упражняться в стрельбе из лука, а он опять стрелы в колчан не убрал — те пролежали в луже и разбухли так, что на некоторых наконечники покосились; ты велел не опаздывать к ужину, а уж свеча догорает, а Эларана всё нет и нет.

— И я ещё добавлю, — рыкнул не на шутку разгневанный супруг. — Догадайся, в компании кого его видели на площади?

— Боюсь даже предположить...

— Его самого.

— И что? Мальчик с Нольвена пылинки готов сдувать. Эларан мне сам говорил, что восхищён тем, как Гверн владеет луком. Да и ты требуешь заниматься чуть ли ни по десять часов в сутки. Вот всё и сошлось. Странно упрекать сына в том, что он хочет достичь успеха в деле, которое ты сам ему навязал, — осторожно заметила женщина, а после робко добавила: — И странно упрекать его в том, что он нашёл себе достойный образец для подражания.

— Гверн — стрелок посредственный, — скривился Ферран. — С двухсот шагов мне по бочке мажет.

— Гверн просто уважает тебя. Твой возраст и твой опыт. Будь на твоём месте кто другой, уверена, Гверн размазал бы его, как червяка по камню.

— С каких пор ты его защищаешь? — вспыхнул Стенден и ревниво посмотрел на жену.

Не привыкшая никогда перечить мужу женщина смутилась и отвела взгляд. Поправила собранные на затылке волосы, сейчас уже богатые на седину, потёрла щёки, словно ей было холодно и хотелось немного согреться, а после взяла в руки ложку и принялась ковырять ей в остывшем овощном рагу.

Ферран скользнул по жене недовольным взглядом. Их совместная жизнь началась давно: впервые столкнувшись друг с другом на одной из узких улочек Торренхолла, они более не разлучались. Будущая госпожа Стенден, бывшая тогда ещё молоденькой и миловидной, вышла из дома кинуть мясные шкурки бездомным котам. Девушка проделывала такое каждую неделю и уже привыкла, что стоило ей отворить скрипучую дверь, как на неё тут же сваливался упитанный черныш и громко мяукал. В ту ночь черныша на улице почему-то не оказалось, зато девчущку чуть не сбил с ног высокий молодой человек, которого вело из стороны в сторону, словно пьяного, чьё лицо было в ссадинах и царапинах, волосы испачканы в крови, а руки — почему-то в сырой глине. Охнув, девушка помогла молодому мужчине сесть на землю и опереться на бочку, полную колодезной воды, принесла влажное полотенце протереть лицо, кусок серого хлеба и кружку травяного отвара. Мужчина вцепился в хлеб с такой силой, будто и не едал такого вкусного никогда. Съев всё и всё выпив, бросил быстрый взгляд на дрожавшую перед ним девчущку, вытер рукавом опухшие губы, коснулся руками лица девушки и потянулся к ней. Их поцелуй был коротким и рваным, с привкусом крови. А после мужчина ушёл. Ушёл для того, чтобы вернуться через месяц. Вернуться в красивой одежде, с мечом на поясе и сделать ничего не понимающей простушке предложение.

Свадебная церемония состоялась на первое же новолуние. Была дана клятва верности, и руки молодых были соединены белой лентой старого мудреца Трагга, обвенчавшего (по большей мере тайно) на своём веку немало влюблённых пар и ныне тихо сходявшего с ума на болотах в хижине-развалюхе. Со временем клятвы подзабылись,

интерес друг к другу поуогас, и остались только дети да редкие совместные ужины, которые могли напомнить о былых чувствах, но почему-то не напоминали. Все беседы велись исключительно на тему обормотов в армии, которых приходилось перевоспитывать или гнать в шею, или о Гверне Нольвене, и бедная женщина уже еле держалась, чтобы не плеснуть мужу вином в лицо и не швырнуть в его сторону полную еды тарелку.

Вот и в этот вечер знавшие и студёную воду, и занозы, и невыносимую жару руки вдруг отложили ложку в сторону, пальцы коснулись края глиняной миски и провели по ним, словно проверяли, качественно ли изготовлена посуда и не появилась ли где какая трещинка.

Внизу хлопнули дверью. Женщина сразу напряглась: скорее всего, пришёл Эларан, а, значит, перепалка между отцом и старшим сыном не за горами. Твёрдо решив не покидать комнату ни при каких обстоятельствах, супруга Феррана Стендена приосанилась и приготовилась к худшему.

Эларан — взлохмаченный и с нездоровым румянцем на лице — подлетел к столу, чмокнул мать в щёку, кивнул отцу и, улыбаясь, плюхнулся на своё место. Придвинул к себе тарелку, облизнулся, схватил ложку и зачерпнул столько картошки с мелко резаной морковью, что щёки распухли, когда всё это отправилось в рот. Глаза мальчишки лихорадочно блестели, руки слегка дрожали, а с губ готовились сорваться слова... поток слов... но не раньше, чем будет прожевано и проглочено всё, за те губы запиханное. Когда же с не в меру перчёной картошкой было покончено, Эларан выпалил:

— Я вам сейчас такое расскажу!..

— Это я тебе сейчас расскажу, — грубо осёк сына отец и треснул по столу кулаком. — Где ты шлялся полдня?

— Уже насвистели... — мальчишка разочарованно вздохнул.

— Я велел тебе заниматься стрельбой. Наставника приставил. Даже лук для тебя изготовили специально по моему заказу.

— Отец, да я всё делал так, как ты велел, — оправдывался Эларан. — Но на стене произошло такое!

— Приехал Нольвен, взбаламутил всех, запудрил тебе мозги дешёвыми театральными байками и свалил, а ты так затрясся, что больше ни одной стрелы не смог по мишени выпустить?

— Не кричи на мальчика, — вмешалась жена, но в ответ на свою просьбу получила такой взгляд, что тут же замолчала и отодвинулась в тень.

— Да отец просто не знает, — вступился Эларан и, чтобы не перебили, затараторил: — На стену к Швидоу привезли раненого. Думали, мертвец. Я — в замок за старикашкой-пиявочником, а того в замке нет. Я — к тебе, — Эларан кивнул в сторону отца, — у тебя тоже пусто. Я уже обратно собрался бежать, как с Нольвеном вдруг столкнулся. Тот чудо и сделал, рану залечил. Если повезёт, тот парень очень скоро на ноги подымет.

Закончив частить, мальчуган вытер рукой подбородок и губы, мокрые от плевков, вылетавших вместе со словами, и вперился взглядом в отца, ожидая, что тот разделит с сыном пережитое волнение и восхищение от увиденного. Но отец почему-то нахмурился ещё больше. Не получив ожидаемого, Эларан развернулся к матери, надеясь, что та уж точно оценит его восторг.

— Мам, ну хоть ты скажи, что это настоящее чудо! Нольвен — просто волшебник! Ты бы это видела...

— Верю, — ласково улыбнулась женщина, а лицо Феррана просто почернело от злости.

Отшвырнув от себя кусок лепешки, Стенден хлебнул вина, чтобы потушить первый всплеск негодования, и прошипел:

— Больше он не будет оказывать на тебя дурного влияния.

— Отец? — Эларан недоумевал.

— Я сказал, больше ты это ничтожество в Торренхолле не увидишь.

Пришла очередь сына кипятиться.

— Ты кого назвал ничтожеством?

— Того, кого ты записал себе в идолы, — огрызнулся Ферран.

— Что ты с ним сделал? — внезапно вклинилась в жаркий спор жена и напрягалась, как будто чувствовала неладное или просто где-то в глубине души подозревала, что занимавший высокий пост муж на такое неладное способен.

— Высвистал с тёпленького местечка, — довольно промычал Ферран. — А ты что подумала?

Было видно, как женщина радостно выдохнула, но, переварив услышанное, тут же возмутилась:

— Ты же сам помог ему занять это место... Сам привёл его к Стернсу, сам поручился за него. Сам говорил, парнишка хоть и с улицы, а талантлив и умён. Сам выхлопотал ему жалование выше, чем положено.

— Он моего доверия не оправдал и с этим назначением не справился. Слишком легкомыслен, слишком недалёковиден. На него ни в чём нельзя положиться и всякий раз за ним приходится всё перепроверять. Он несерьёзен, вечно ходит с этой мерзкой улыбочкой на лице, словно паяца в дурацкой пьеске играет, а не наследнику престола служит. Он должен быть тенью лорда Гайларда, а он всюду лезет, во всё суёт свой нос и норовит сверкать ярче звёзд.

— Тебя послушать, так ты будто ревнуешь, — хмыкнул Эларан, за что тут же получил в лоб ложкой. Ферран запустил её в сына со своего места и попал чётко по центру. На утро будет большая лиловая шишка.

— Пошёл отсюда, — прошипел отец. — И чтобы до турнира я тебя здесь не видел.

— До какого турнира? — проронил мальчишка, потирая ушибленный лоб.

— А ты будто не знаешь? Сам же подал заявку в обход моего запрета.

Эларан потупил взгляд. Отец говорил о турнире лучников, который готовились провести по случаю высокой свадьбы, и до которого оставались считанные дни. О турнире Эларану опять же сказал Гверн, посоветовал участвовать, чтобы и опыта набраться, и свои собственные силы трезво оценить. Отец, напротив, говорил, что на турнире место лишь цирковым мартышкам, а потому сыну наказал держаться от него подальше. Но Эларан был упрям.

— Подал, — признался он и снова потёр уже начавшую расти шишку.

— Вот и готовься к нему и днём, и ночью. — Ответ отца был неожиданным. — И чтобы с закрытыми глазами мог по мишени попасть! Проиграешь, опозоришь меня — вышвырну из дома.

Эларан не знал, что и думать: с одной стороны, новости о командире Нольвене были ещё не прочувствованы до конца и не переварены; с другой же, отец разрешил сбыться заветной мечте, правда, требования выдвинул как всегда самые жёсткие.

— Ты ещё здесь? — внезапно спросил Ферран и недовольно посмотрел на сына.

— Я... — С шишкой в половину лба, с робкой улыбкой на лице, паренёк сидел на своём месте, страшась сделать лишнее движение.

— Доешь в своей комнате. — Стенден кивком указал на тарелку, и Эларан мигом подхватил её на руки, и вскочил из-за стола. — Иди пропись, а завтра начнёшь подготовку. И так каждый день, с рассвета до заката, а то и ночью при факелах. Времени осталось мало.

— Да, отец.

Из комнаты мальчишку слово ветром сдуло, да таким сильным, что язычки пламени на свечах всколыхнулись, и две даже чуть не потухли. Напряжение, которое немного спало, стоило суровому военачальнику одобрить увлечение сына, снова вернулось на прежнее место и снова повисло свинцовой тучей над четой Стенденов. Висеть той туче было отведено времени совсем немного, но в этот раз гроза разразилась со стороны жены командира, до сей поры обо всём молчавшей и никогда ни во что не вмешивавшейся.

— Я много раз уверяла себя, что Алайна — это просто юношеское увлечение, ничего серьёзного, ничего из тех чувств, которые могли бы согреть холодной ночью, — выдохнула женщина и, как и сын ранее, тоже вышла из-за стола. — Но всякий раз, когда речь заходила о ней или Гверне, я смотрела на твоё лицо и понимала, как же сильно я ошибалась. Вот и сейчас так же.

— Замолчи, глупая, — поморщился Ферран.

— Не такая уж глупая, — пожалала плечами женщина и закуталась в тёплую шаль. — Не настолько, как ты привык думать. А ты хоть раз бы кому сказал правду. Мне, сыну, Гверну...

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Ты до сих пор любишь её, ведь так?

Ферран облизнул сухие губы.

— А перед Нольвеном в чём прикажешь исповедаться? Тоже в том, что по молодости я ухлёстывал за его матерью, а, умирая, она просила меня позаботиться о её сыне? Да, я дал такое обещание. Не мог же я отказать женщине, которой осталось жить всего день.

— Можно и об этом заикнуться. А можно и о том, что ты убил его отца... Убил Брендана Лейса, своего лучшего друга.

В ночном лесу так сразу и не разберёшь, где горсть опавших с куста переспелых ягод, а где развязюканная дождём глина. Всё одно: ступишь, поскользнёшься и шмякнешься на поломанные ветки, которые вмиг под тобой хрустнут, а с ягодных кустов, что страшно шевелятся и похожи на призраков в чёрных плащах, сорвутся хищные птицы и прокричат прямо над головой. Хорошо, если когтями по затылку или макушке не пройдутся, наивно полагая, что в густой или редяющей шевелюре вдруг затесался червяк, сдутый ветром с гнилого ствола дуба и перенесённый прямо на то место, где полагается быть шляпе или, на худой конец, льняной тряпице, какими любят перевязываться моряки, спасаясь от солнца.

Дагорм вскинул руку и поскрёб длинными ногтями в седых, плохо чёсанных волосах. Ударом сердца ранее старцу вдруг показалось, что один такой червяк как раз приземлился ему на макушку. Но нет, то был просто влажный листок, который Дагорм тут же смахнул на землю, а после взял длинную палку с острым металлическим наконечником и пошевелил ею тлеющие угли.

— Подбросить бы дровишек, — пробурчали напротив, и огненные брызги выхватили их темноты сонное лицо Майринда, лекаря и советника леди Мириан.

— Не помешает, — ответил Дагорм и поёжился. Потянулся за хворостом, забросил в костёр несколько веток потолще и аккуратно подул. Огонь разыгрался, обрадованно лизнул сухие деревяшки, и те очень скоро затрещали, наполняя всё вокруг уютным шумом, от которого на сердце любого человека сразу становилось тепло и спокойно.

— И где их мухи носят? — проворчал Майринд, вытягивая ноги к костру. — Договаривались ровно в полночь, а луна уже дальше поплыла.

— Полагаю, Трагг опять на болотах греховную любовь поощряет...

— И ведь процветает дело!

— Вот этого я не понимаю. Я живу по старинке, как предки и мудрые книги учили: коль дан тебе муж или дана жена, и обоих венчали по всем правилам, с обрядным вином и при лилиях, то и живи

с тем, кого тебе судьба привела. Нечего по сторонам глазеть — смотри только прямо на жену или на мужа, и будет тебе счастье до гроба. А то некоторые вот так головой наvertятся и начинают потом по болотам шастать, вересковые венки плести и тайно от законного супруга с другим человеком любви предаваться. Тьфу. — Старик презрительно плюнул в костёр.

— Уж я Трагга много раз корил за его делишки, — проворчал Майринд, в этот раз вытянув к огню руки, — с него всё как с гуся вода.

Дагорм махнул рукой.

— Бесполезно. Он слишком упёрт и слишком стар, чтобы признать, что неправ. А ещё слишком сильно не любил свою жену, чтобы позволять остальным тоже жить в нерадости.

— Так он за свои обряды ещё и монетой берёт.

— Уже нет. Только едой да тем, что влюблённые пташки по собственной воле в клювике принесут. А несут обычно кто хворост, кто фляжку новую, кто мешок без дыр. Не богато.

— Мда... — задумчиво протянул Майринд и задрал голову к небу, разыскивая луну среди верхушек деревьев. — Мы так к утру не начнём.

— Подождём ещё немного, — промычал Дагорм, доставая из походной сумки трубку и табак.

Дрова продолжали мерно потрескивать. Когда начали догорать, Дагорм подкинул ещё. Так и сидеть бы всю ночь, внимая шуму леса и убаюкивающему шипению, но стоило веткам в костре хрустнуть громче прежнего, а столпу горячих огненных брызг взметнуться в небо, как перед глазами старца сразу же пролетал дракон, разевал пасть и окрашивал чёрную ночь в алый цвет.

Несколько раз Дагорм вытирал рукавом вспотевшие от страшных воспоминаний лоб и шею, несколько раз моргал глазами и щипал себя за бока, чтобы видения из недавнего прошлого оставили его в покое, но те упорно возвращались, стоило старому мудрецу в очередной раз засмотреться на пламя, и уползать в полный ночных тайн лес не собирались.

— Идёт кто-то, — буркнул Майринд, приподнимаясь с места.

— Лишь бы не зверь, — всполошился Дагорм, вспомнив клыки Сэма, и схватился за крепкую палку, лежавшую неподалёку.

— Не зверь, не зверь, — раздалось из-за кустов, и на свет вышел такой же дряхлый, как и все, у костра собравшиеся, старик, даже ещё дряхлее.

Его борода была почти до пят и путалась бы при каждом шаге под ногами, если бы предприимчивый старик не догадался засунуть её кончик в карман балахона. Седые волосы на вытянутой овальной голове были редки и почти все выдерганы. Нос, как и полагается мудрому мужу, был крючком, а глаза впалыми, и взгляд сонным.

— Трагг! — воскликнул Дагорм и шагнул навстречу знакомому, раскинув руки в стороны для дружеского объятия. — Я уж думал, ты моё послание получил, но закрутился да забыл о моей просьбе.

— Забудешь с твоими совами-то, — проворчал старик. — Всю хижину мне обгадили и всю тыкву истребовали. Пришлось вылезать из дома, их прогонять, заодно и твою записульку читать... которую я, признаться, поначалу не раскрыл и выкинул.

— Дело и правда важное.

— Как будто у нас были не важные дела... А где Нойр? Только не говори, что опять готовит эликсир для своего гомункула. Совсем заработался. Я давеча звал его к себе на юбилей, так он всё пение птиц пропустил: насался по болотам туда-сюда, всё искал лиловый репейник. Говорит, для упругости кожи надо. В каком месте та упругость ему требовалась, я не стал уточнять.

— К Нойру я послал веретенника. Очень надеюсь, что шустрая птичка не подведёт и море пересечёт быстрее ветра. Нойр нам нужен. Его голова варит за две, а в том деле, о котором хочу вам сегодня поведать, нам ни одни мозги лишними не будут. Впрочем, болтать об этом направо и налево тоже никому не следует.

— Слыхал я, Нойр на тебя в обиде. — Трагг прищурил один глаз, опустился на кучку земли, выброшенную кротом на поверхность, достал из кармана сушеной земляники и опрокинул сразу две горсти в рот. Третью протянул Майринду, но тот лишь покачал головой, отказываясь: среди ягод был седой волос.

Дагорм скривился.

— То старая история: у него была своя точка зрения, из воздуха выдуманная; у меня своя, мудрыми книгами подкреплённая. Повздорили немного, друг другу бороды повыдергали да сделали так,

как положено и в книгах начертано. О чём лично я ни капельки не жалею.

— Опять про это родовое проклятие Стернсов, — теперь пришла очередь Майринда морщиться. — Сколько можно уже мусолить? Риккарду и так нелегко — до кучи дочерей нарожал, все чахоточные и немощные, — а ты поросшее мхом и паутиной вспоминаешь... Я, конечно, в ваш спор с Нойром не вмешивался, но тоже считаю, что чему быть, того не миновать. И хоть ты из кожи вон лезь...

— Вот и Нойр так твердил, — откликнулся Дагорм.

— И мнения своего с тех пор не поменял, — было старцу ответом, и все греющиеся у костра вмиг обернулись в сторону тёмной чащи.

К костру неторопливым шагом вышел Рион, чьё молодое красивое лицо шло в разительный контраст с морщинами всех остальных, опустился на землю рядом с Траггом и скрестил ноги.

Дагорма передёрнуло.

— Не могу на это смотреть, — сказал он. — Ты сбросил себе лет этак двести.

— Больше, — хихикнул Майринд. — Секрет в лиловом репейнике?

— Не только, — многозначительно протянул Рион, — есть ещё один компонент, но вам о нём помышлять уже поздно. Женская ласка. Слыхали?

— Не только слышал, но и вижу по три раза на десятидневницу, — тяжело вздохнул Трагг. — Прилетают пташки на болото, предаются там ласкам. А мне остаётся смотреть и вспоминать молодость.

— С такой мордой, какую Нойр себе заделал, его любая баба обласкает, — проворчал Дагорм, всё ещё укоризненно качая головой.

— Я не только морду изменил. — Рион очаровательно улыбнулся. — В Берлау красивое тело в почёте. Красивому телу доверяют секреты, его любят, им восхищаются. Признаться, никогда я ещё не был столь сильно обласкан, как в последние годы. Захотите попробовать — о цене договоримся.

— Хорош балаболить, — поморщился Дагорм. — Время идёт, а мы причуды Нойра обсуждаем.

— Нойр на свободу выходит редко, — поправил старца Рион. — Я выпускаю его только в тех случаях, когда мне нужно его мнение. Особое мнение.

— Так будь добр выпусти его сейчас. Сейчас как раз тот самый случай.

— Вот как? — Рион удивлённо вскинул брови. — Помнится, двадцать пять лет назад ты то особое мнение проигнорировал. С чего теперь столько чести?

Дагорм облизнул сухие губы.

— Нойр...

— Рион, — поправили его.

— Плевать я хотел, что ты себе ещё и имя исковеркал. Для меня ты был Нойром, им и останешься.

— В записке на лапе веретенника говорилось о деле крайней важности. Если тем делом является обсуждение моей жизни, то как-нибудь без меня.

Рион поднялся, отряхнул перепачканные землёй штаны, сбросил с сапога ночного жука и шагнул в сторону темноты, но тут же был остановлен каркающим голосом, на этот раз серьёзным и без намёка на насмешку или обвинения. Слова, произнесённые тем голосом, заставили вздрогнуть всех, и даже костёр как-то странно всколыхнулся, словно всё это время украдкой подслушивал разговор, и услышанное тоже поразило его в самое сердце, которого было горячим и оранжево-красным.

— Вороний остров, Нойр. Речь пойдёт об острове и о тайне, что он в себе скрывает.

Рион резко развернулся. Его лицо посерьёзнело, зрачки расширились, а выхватываемая из темноты светом костра горбатая чёрная тень вдруг поползла тощим ужом по земле и вскоре расплылась тёмным пятном под сухой корягой.

— Молодой Стернс всё-таки набрался наглости и нарушил старый договор? — спросил лекарь.

Дагорм кивнул, набил табаком трубку и затянулся.

— Ты догадлив.

— Старуха Морвенна получила послание, в котором, кроме всего прочего, говорилось о намерении Стернса сунуть нос на остров.

Дагорм напрягся.

— Ты видел письмо?

— Даже читал. Подписи не стояло, но, по словам старухи, ей прислал его верный дружок. Вероятно, кто-то из окружения Стернса,

раз сведения столь точны. Тебе лучше знать, каких змей наследник Риккарда пригрел у себя на груди. — Рион наклонил голову чуть вбок; его глаза лихорадочно блестели. — Ты же ближе к кормушке.

Во взгляде Дагорма читалось смятение.

— Я выясню, кто бы это мог быть...

— Когда мы решали, кто из нас двоих останется возле Стернсов, ты обещал всегда и везде быть на шаг впереди, — продолжал подливать масла в огонь Рион. — А что на деле? Ты даже не удосужился ткнуть хозяина носом в подписанный его же предком свиток.

— Я пытался его отговорить. Показывал книги, внимал к его разуму, но он упрям, как баран.

— Все Стернсы такие, и ты всегда это знал.

— Я даже повредил одну из лодок, которые подготовили для сплава на остров. Жаль, не успел добраться до второй — деревенская детвора помешала.

— И Стернс тебе такое спустил?

— Никто и не догадался. Нашлась душонка, на кого смогли свалить всю вину и наказать за халатность.

— Вот теперь я тебя узнаю, — хмыкнул Рион. — И что же дальше?

— А ничего. Я пугал милорда и древними предсказаниями, и пробоиной в лодке, но он не внял моим словам. Советы он игнорирует, на старые легенды плюёт.

— У него есть на то причины, не так ли? — осторожно заметил Рион.

— Причин нет, — раздражённо ответил Дагорм. — Двадцать пять лет назад мы следовали указаниям стиха-пророчества, и поступок наш имел цели далеко не праздные. Чего только не сделаешь ради спасения нескольких тысяч жизней. Уверен, мы отвели беду не только от Нолфорта, но и от всего мира.

— Ворошить былое можно вечно, — вклинился в перепалку Майринд. — Проклятие рода Стернсов — отдельная песня, и что было сделано, то сделано. Сейчас Дагорм хочет обсудить новую угрозу. Ту, что хранит в себе Вороний остров. Я хорошо помню старые легенды; в них никогда не было ничего хорошего. И в одной из них отчётливо было написано, что в недрах чёрной скалы засело страшное зло, какого

человечество ещё не видывало. Однако судя по тому, что все вернулись живыми и при всех конечностях, всё не так страшно, и зло вы не разбудили.

— Боюсь, что именно это мы и сделали, — с горечью в голосе признался Дагорм.

Медленно, тщательно вспоминая каждую деталь, начиная с лодки, разбившейся о выросшие из ниоткуда скалы, и заканчивая яйцом, обтянутым золотой нитью, старик рассказывал о Вороньем острове. Огонь в те минуты выхватывал из темноты поочерёдно то лицо Трагга, то — Майринда, то — моложавого лекаря, и у каждого оно было чернее грозовой тучи. Закончив, Дагорм и сам нахмурился и поёжился, как будто от холода. Словно в лесу вдруг наступила зима, подул ветер с севера, а костёр перестал греть, и его пламя стало ледяным.

Осторожно вытянув руку вперёд, Дагорм тут же отдернул её обратно. Нет, пламя оставалось пламенем и грело столь же сильно, как раньше. Тогда откуда иней на седых бровях?

— Заикнись о драконе кто другой, я бы подумал, что он спятил, — только и смог выдавать из себя Майринд.

Дагорм понимающе кивнул.

— Теперь вы понимаете, почему я так торопил вас и просил отложить все дела. Мы не можем оставить всё, как есть. Зверь где-то бродит, мы о нём ничего не знаем и даже предупредить толком никого не можем. Представьте, что будет, если мы объявим, что в окрестностях Торренхолла бродит человек и дракон в одном теле! Паника от одного только слуха начнётся во много раз больше, чем если бы тот дракон самолично пронёсся над деревнями и всё поджёг. Но и молчать опасно: несчастье может случиться в любой момент.

— Получается, обо всём знают только трое, — подытожил Майринд. — Если не считать нас, конечно.

— Рыбаку из Ланимора и его сестре мы строго-настрого наказали молчать. А милорд, как ты и сам успел заметить, прикрывается падением с лошади, и это кривляние даётся ему с трудом. Мне порой кажется, что он вот-вот сорвётся и выпалит всё как есть, только бы его ран не касались.

— А та девочка, которую привёз с собой Стернс, точно простушка из Ланимора? — спросил Майринд. — Ты в этом уверен? Нет ли в ней какого подвоха?

— Нет-нет, — зачастил Дагорм. — Девочка чиста сердцем и помыслами. В ней я не сомневаюсь.

— Тогда в чём причина её власти над тварью?

— Этого я так и не понял.

— Ты слишком бездарно использовал время... — вдумчиво произнёс Рион.

— Согласен, сглупил. Думал, доберёмся до Торренхолла, я покажу вам мальчонку, и вместе мы докопаемся до сути. Откуда мне было знать, что он как в воду канет?

— Судя по тому, что ты нам поведал, мы имеем дело с многоликой крестопалкой, — взял слово Трагг. — Не в чистом виде, конечно.

Майринд развернулся к старцу.

— Что за зверь?

— Крохотные ящерицы, обитающие в пещерах на островах Берлау. Любят сырость, размножаются кладкой яиц, способны быстро изменять цвет и принимать размеры той твари, кого сожрут. Сейчас крестопалок осталось не более пяти. Вымирающий вид.

— Зверь с острова никого не ел, — поспешил сообщить Дагорм. — А сам мальчишка, сидя в темнице в трюме, питался исключительно горохом и мясом, какое клали всем в суп.

— Я лишь провёл параллель, — объяснил Трагг. — Разумеется, существо, с которым ты столкнулся на острове, не крестопалка. Но что-то общее у них есть. Вспомни хотя бы о выброшенном на берег теле без крови и внутренностей. Адохлая крыса в трюме? Ведь тоже была вся сухая, да? Вы весь корабль перевернули, искали двуногого паренька, а надо было искать крысиный хвост среди мешков и грязи.

— Погоди винить меня во всём, — защищался Дагорм. — Лучше найди объяснение появлению дракона. Прости, но драконы нынче под ногами не валяются — ни живые, ни мёртвые, — чтобы вот так просто взять, лизнуть их крови или кишок наесться, расправить крылья и начать охоту на наследника престола.

Спрятавшаяся ранее под корягой тень вынырнула из своего убежища и поползла обратно к Риону. Забравшись на его плечо, накрыла чернотой ухо, словно принялась что-то шептать. Лицо лекаря внезапно посерело, но никто внимания на то не обратил, а Дагорм увлечённо продолжал:

— Парнишку разорвало на моих глазах. Из живого человека, пусть и странного, он превратился в огромную тварь с острыми когтями, непробиваемой чешуей и пастью, полной огня. Если бы не меткий выстрел того деревенского рыбака, то завтра вместо свадьбы мы присутствовали бы на похоронах.

— Всё это слишком странно, — бормотал Майринд. — Деревенская девчонка имеет власть над драконом, а деревенский простак чуть ли ни с первого раза того дракона убивает. При этом, зверь исчезает, испаряется, рассыпается на мириады частиц — тут уж тебе виднее, что именно там было, — а паренёк остаётся живым да потом ещё и, сидя за стальными прутьями, горох уплетает. Скажи-ка мне, Дагорм, скольких людей или зверей ты видел, которые выживали после того, как их вначале разорвут на части, а после продырявят сердце?

— Крестолапки на такое точно не способны, — вместо Дагорма выдал Трагг.

— Гадать в ночи можно сколько угодно, — резко оборвал говоривших Рион. — Приведи сюда Дагорм мальчишку, всё было бы проще. Но мальчишки нет, и нам остаётся только разводиться руками. Нужно открыть книги. Все книги, какие у нас есть и где упоминается Вороний остров. Договор основателей не вымысел и подписывался не ради забавы. Я бы ещё раз расспросил девчонку. Глядишь, даст какую наводку, сама того не подозревая.

— А я бы ещё покумекал, почему целью зверя был именно лорд Стернс, — добавил Трагг.

— За Гайлардом было последнее слово, — предположил Майринд. — Именно он был тем, кто отдал приказ высадиться на острове. Оттого дракон и выбрал его своей целью.

— Думаю, тут всё сложнее, — пробормотал Рион и спешно поднялся. — Поговори с девчонкой, а я загляну к тебе, как суета вокруг церемонии уляжется, — бросил он Дагорму.

— Ты куда? — Старик насупил брови.

— До истины мы сегодня однозначно не докопаемся. Твой рассказ я выслушал, и теперь мне нужно подумать.

— Ты что-то знаешь, Нойр... — ещё сильнее нахмурился Дагорм.

— Не больше, чем ты, уж поверь.

— Тогда к чему такая спешка?

— Путь из Берлау до Нолфорта неблизкий. Дорога сюда отняла у меня много времени; столько же займёт и дорога обратно. А мне нельзя опоздать.

— Бежишь к своим красоткам, о ласках которых говорил? А на жизнь молодого Стернса тебе плевать?

Рион окинул старика Дагорма таким взглядом, что у того внутри всё съёжилось.

— У глупца Стернса есть неплохая защита в виде хрупкой, маленькой девочки. Пусть ценит это. А я действительно спешу. На похороны. Но не лорда Стернса.

Сидевшие вокруг костра Майринд и Трагг замерли и уставились на Риона.

— Королева Морвенна мертва, — глухим голосом объяснил тот. — Поскользнулась на лестнице, неудачно упала. Её внучка Ирис готовится взойти на трон ровно через тринадцать дней после похорон. Теперь-то вы понимаете... Я не могу оставить Ирис наедине с её горем.

— Да, — выдавил Дагорм. — Ступай, конечно, и передай её высочеству мои соболезнования. Не скрою, Морвенны я всегда побаивался. Она умела навести страх, даже когда находилась от меня на расстоянии в сотню миль. Милорду пока новость передавать не буду. Не стоит омрачать торжество.

— Согласен. — Рион кивнул. — Лучше сообщить, когда разъедутся гости. Возможно, я сообщу сам, когда приеду к тебе с мыслями о случившемся. И с особым мнением, — в довесок хмыкнул лекарь и шагнул в темноту.

Среди деревьев, сливавшихся в единое пятно, Рион растворился быстро. Бросишься за ним вдогонку — уже не отыщешь, только в овраг свалишься; окликнешь — не отзовется; задашь мучающий тебя вопрос — не ответит. Травник, одновременно проживавший две жизни, всегда был себе на уме. Все это знали и смиренно терпели. Слишком важно было особое мнение, которое хотелось услышать, но следовать которому было конечно же не обязательно.

— Что же, — объявил Дагорм, когда молчать и перемалывать в голове поведение Риона порядком надоело, — а мы пока займёмся поисками крысы.

— Или мальчишки, — размышлял Трагг. — Одним только мухам болотным известно, кто он такой на самом деле.

— И то верно, — вздохнул Дагорм, а на сердце стало тяжело-тяжело.

Глава 8. Колокола

Небольшой, но светлый и с высоким потолком, под которым любили гнездиться птицы, храм был переполнен народом. Его величеству королю Риккарду и прочей знати были отведены самые лучшие места, где и толпа не мешала, и разглядеть можно было всё что угодно, включая тонкую вышивку на воротнике жениха, но только от духоты это всё равно не спасало. И хотя окна были распахнуты настежь, а веера работали в полную мощь, дышать всё равно было тяжело, и одну тучную даму пришлось даже увести. Предлагали выйти и леди Фианне Резэй, но та стойко держалась (в большинстве случаев за руку своей рыжеволосой племянницы) и мотала головой, отказывая всем, кто взывал к здравому смыслу. Потом всё-таки сломалась и попросила воды.

В такой духоте было никак не до разглядывания изящной резьбы и гобеленов на стенах, рассказывающих историю юга и правящего на том юге древнего рода. Совсем не привлекал внимания и вышитый шелком портрет основателя дома Стернсов, которого вышивальщица почему-то изобразила не в золоте и драгоценных камнях, а среди рыбы и камыша. Но жемчуг по краям полотна был пущен, как и украшал два серебряных кубка, стоявших на таком же серебряном подносе и заполненных доверху прозрачной жидкостью со горьковато-сладким запахом розы и миндаля.

Над кубками возвышался одетый в парадный балахон Дагорм; он и разливал ароматный напиток из кувшина, предварительно сунув в тот кувшин свой нос. Рики знала, то было обрядное вино, готовить которое было под силу лишь королевским мудрецам. Оно подавалось по случаю великих свадеб, и его пили только жених с невестой. Считалось, что если вкус вина будет сладок и вязок, то и жизнь у молодых пройдёт в любви и согласии; коль будет кислым — не будет им счастья. В деревнях обрядного вина не подавали — довольствовались просто ягодной настойкой. Наверно, поэтому браки всегда были крепки: ягоду выбирали самую сладкую.

Беспорядочное жужжание вееров утомляло. Стоявшей чуть в сторонке, неподалёку от Стернса, но так, чтобы не мешать своим

видом королю и знати и не раздражать их лишний раз пресной внешностью, Рики казалось, что её голова вот-вот взорвется от назойливого шума. Девушка попробовала отвлечься и принялась разглядывать бесподобные узоры, пущенные по праздничным одеждам Гайларда, но после десятого раза, когда уже каждый завиток был известен, вниманием снова завладели веера.

Удивительно, как среди такого шума Стернс до сих пор оставался невозмутимым. Стоял спокойно, спиной к гостям и лицом к Дагорму, и слушал последние наставления старца. Храм в Торренхолле по случаю свадьбы последний раз открывали тридцать лет назад, когда венчался младший брат короля Риккарда. С той поры двери храма были закрыты, и внутрь заходили только для того, чтобы смахнуть пыль с пустых ваз и выгнать пауков из углов.

Внезапно Гай обернулся. Внимательным взглядом скользнул по Рики, словно поверял, здесь ли девчонка, потом подбадривающе подмигнул леди Реэй, чем несказанно всполошил пожилую женщину, и снова уставился на белые цветы перед собой.

Все ждали невесту. Её брату полагалось провести её от самых дверей, узких и высоких, к будущему мужу и передать навсегда. В то утро леди Мириан видели лишь близкие слуги. Рики слышала, что на церемонии она будет ослепительно прекрасной, но никаких слов не хватило, чтобы описать всю ту неземную красоту, какая предстала перед гостями, стоило зазвучать предвосхищающему важные события рогу. Казалось, даже храм приосанился и посветлел, завидев ту, что ступила в его владения. Дай ему волю, он бы бросился потакать всем прихотям ллевингорской красавицы, лишь бы она навсегда осталась в его стенах.

Уродливый Итор хромал рядом с сестрой, придерживая ту за локоть и не давая ей запутаться в полах длинного и от украшений тяжёлого платья, выполненного в тон одежд жениха.

Они были под стать друг другу — Гайлард и Мириан — оба высокие и красивые, оба в серебре и жемчуге. И каждый, кто в тот час не отрываясь смотрел со скамей на эту пару, был уверен, они будут счастливы вместе. И сколь бы завистливыми не выглядели некоторые дамы, много раз пытавшиеся обратить на себя внимание наследника престола, даже они понимали, что достойнее ллевингорской принцессы Гайларду никого не найти. Ни в одном королевстве не

сыщется леди милее и прекраснее, чем Мириан, от одной улыбки которой становилось тепло на сердце даже самому невыносимому ворчуну и таял самый крепкий лёд.

Когда из кривых пальцев брата ладонь Мириан перешла в тёплую руку Гайларда, и лорд Торренхолла, нарушив все традиции, вдруг коснулся руки невесты своими губами, среди гостей волной пронёсся перемальвающий произошедшее шепоток. Король Риккард недовольно поёрзал на сидении кресла, Итор повёл бровями и отступил в сторону, а Дагорм, оправив причёсанную бороду, взял слово.

Старик говорил долго и нудно, перечислял чуть ли ни всех предков двух королевских родов, просил богов дать Гайларду и Мириан сильных сыновей и красивых дочерей, а после обвязал руки жениха и невесты венчальной тряпицей и начал бормотать слова клятвы, которая была повторена слово в слово.

В происходящее мало кому верилось: слишком мало за последнее время праздновалось свадеб — всё больше сообщали о похоронах. Король Талайт из далёкого Имил Даара хорошо помнил, как выпивал за здоровье и счастье своего сына и рыжеволосой простолюдинки. Талайту было плевать на мнение лордов-соседей: Бьянка покорила весь двор, и даже сейчас, после смерти единственного сына, Талайт не мог снести траурного цвета на её плечах. Слишком не шёл ей этот цвет. И как бы Бьянка ни противилась, как бы долго ни носила чёрное, Талайт настоял, и она уступила. Начала выезжать в люди, хотя до этого предпочитала сидеть затворницей в замке на Белых скалах, смотреть на далёкое море и земли Дейерли, маячившие на горизонте, и размышлять о чём-то грустном и известном лишь ей одной.

Последнее слово клятвы было произнесено — Дагорм протянул кубки. Гайларду и Мириан надлежало вначале промочить губы, затем выпить всё до дна, а после, когда с языка ещё не сойдёт приторный цветочный привкус, соединиться в скромном поцелуе.

Гай первым поставил кубок на поднос. Не дожидаясь, когда то же самое сделает Мириан и развернёт к мужу своё милое лицо, сам повернул невесту к себе и спешно коснулся губами её губ. Ни капельки не смакуя, не наслаждаясь чарующими розами, Стернс положил конец церемонии, а Мириан так и осталась стоять с кубком в руке, растерянная и, как и тот кубок, из которого только что пила,

опустошённая. Стоявший в дверях Риновар махнул рукой — на весь Торренхолл затрещали колокола, возвещающие, что то, к чему все так готовились и чего так долго ждали, свершилось.

Толпа зевак, стопившаяся вокруг храма взорвалась восторгами: по рукам пошли кружки с пивом, слишком впечатлительные горожанки принялись обниматься друг с другом, смахивая со щёк слёзы радости. Детям перепадали сладости: по случаю великого торжества их раздавали бесплатно, и расхватывались они с такой же скоростью, как и пиво.

Залив в себя первую порцию, толпа зашлась второй волной радости: Гайлард и Мириан Стернс показали в дверях храма и вышли на улицу. К их ногам бросали лепестки белой и розовой розы, им желали счастья и побольше детей. Толпа давила с обеих сторон, и гвардейцам Торренхолла пришлось встать в два ряда, иначе выходящей из храма знати было не протиснуться. Веселье, подпитываемое хмелем, настолько захлестнуло народ, что дай тому волю, светлое событие мигом превратится в страшную давку, в которой мало кто выживет.

Рики растерялась. Гости, сорвавшиеся со скамей и хлынувшие вслед за Гайлардом и Мириан, не давали девушке прохода. И если вначале от хозяина Рики отделяло всего человек десять, то за один удар сердца эти десять стали тридцатью, а потом и почти сотней. Рики совсем запуталась: ещё перед церемонией Гай приказал девушке всегда быть рядом — сейчас же она отдалялась от него со скоростью света. Броситься следом, наплевать на титулы гостей, распахать всех по сторонам или выждать, когда паника сойдёт на нет, и догнать милорда? Внезапно решение нашлось само собой: Рики схватили за руку и дёрнули на себя.

— Погодь туда ломиться, — пробурчал над самым ухом Дагорм.
— Толпа сейчас рассосётся, ты и догонишь лорда Стернса.

— А если что случится? — паниковала девушка. — Мне же было велено... а я опять плошаю.

— Там две сотни гвардейцев. Окружают милорда и миледи, глаз с них не сводят. А ещё Ферран Стенден. Неужели, ты думаешь, он допустит беспредел?

— Я просто знаю, на что способен Сэм. А гвардейцы, пусть их будет хоть десят сотен, не знают.

— Верно, — кивнул старик. — Поэтому долго тебя задерживать не буду. Возьмёшь эти кубки, донесёшь их до праздничных шатров, в том месте как раз милорда догонишь. Они через толпу пробираться будут медленно: то один нищий руки целовать удумает; то второй. Не удивлюсь, если ты раньше всех ещё подоспеешь.

Рики бросила взгляд на серебряный поднос, где должны были стоять церемониальные чаши, но тех там не было. Девушка так засмотрелась на плотную живую стену, отделяющую её от почитаемого хозяина, что не заметила, как роскошная утварь оказалась в руках Дагорма, и его длинный любопытствующий нос успел нырнуть в каждый из кубков по очереди.

— Два раза, — принялся ворчать старик, передавая обе чаши девушке, — два раза его светлость нарушили церемонию. Первый раз, когда удумал руку невесте целовать. К чему спешка-то? Будто потом времени не будет. А ещё вино не допил, а оставлять церемониальное вино на дне — примета не из лучших. И ведь я утром весь язык смозолил, просил его уважать традиции, а он и тут извертелся. Ладно, будем надеяться, боги простят ему эти капли.

— Вы опять костерите милорда на чём свет стоит, — заметила Рики, рассматривая дорогие кубки и любуясь росписью ниже ободка. — А он, между прочим, ваш хозяин.

— Будет тебе столько годков, сколько мне, — важно заметил Дагорм, — и тебе будет дозволено указывать щеглам.

— Насчёт щеглов я не спорю, но не милорду же.

— А что в нём особенного?

— Он наследник трона.

— И что?

— Он будущий король.

— Короли, милая девочка, сильны не потому, что им даны трон и корона по крови, а потому, что окружают себя правильными и верными людьми. Где был бы Стернс, не будь у него Феррана, прикрывающего и спину, и сердце? Где бы он был, не будь я у него в советниках? Да, в конце концов, где бы он был, не будь у него тебя на том острове?

Слова Дагорма льстили. Рики деловито поводи́ла бровями, смакуя новые ощущения, и снова переключилась на кубки. Поболтав остатки обрядного вина в чаше Стернса, будучи очарованной сладким цветочно-ореховым ароматом, не удержалась и попробовала.

Маслянистая жидкость растеклась по горлу: сбрызнутая дождём нежная роза вскружила голову, тягучий привкус миндаля принялся гнать прочь стыдливость и застенчивость, давая дорогу чувствам. Рики закрыла глаза, наслаждаясь каждой ноткой волшебного напитка, оправила рукой волосы, словно пыталась причесаться для того, чтобы выглядеть красивее, провела пальцами по талии, как будто проверяла, не появилось ли где неприятного излишка. Вот только последнему взяться было неоткуда — скорее ребро будет торчать, а всего остального и не предвидится.

— Кубки держи крепче. — Собиравший книги Дагорм повернулся к Рики. — Да неси аккуратно, по дороге те остатки не пролей. Леди Мириан традиции чтит и до дна пьёт, а нашему хозяину лишь бы посмеяться над обрядами. Это ж надо вино оставить! Если брак его не заладится, то пусть на себя пеняет. По правилам надо всё делать, а не как на больную иль хмельную голову взбрѣдет. Он вчера много пил? — спросил старик, глядя Рики в глаза.

— Нет, — замотала та головой, решив умолчать, что из кубка расплѣскивать уже и нечего. — Немного за ужином с его величеством, потом ещё перед сном. И спал крепко, не как обычно.

— А как бывает обычно?

— Раза три за ночь присыпается... Ему всё снится тот остров... и дракон.

— Да... — задумался Дагорм. — Дракон. Надеюсь, скоро появится хоть какая-нибудь зацепка, что это был за ужас, с которым нам пришлось столкнуться лицом к лицу.

Рики пожала плечами.

— По мне, так он милый.

— Кто милый? — Старик подозрительно уставился на девчущку.

— Сэм.

Дагорм закричал.

— Тебе, милая барышня, он, может, глазки и строил, а остальных чуть не растоптал. И, коль уж вспомнилась та тварь, как сегодня празднование закончится и милорд на ночь уйдѣт, придѣшь ко мне. Потолковать надобно о тебе и том клыкастом создании.

— Не пойду я никуда! — возмутилась Рики. — Мне лорд Стернс велел ни на шаг от него. Тем более, ночью.

— Вот как! — хмыкнул старик. — Может, ты ещё между ним и леди Мириан ляжешь?

Поняв, куда клонит Дагорм, Рики поджала губы.

— То-то, — подытожил старец, — безопасность, конечно, вещь нужная, но сегодня ты в старой библиотеке среди книг посидишь. А завтра поутру я потолкую с милордом, что с тобой делать. Тебе, конечно, в замке не место. Только мешаешься.

Рики молча проглотила обидные слова. Сколько раз на день она слышала подобное? Много. От всех подряд, кому статус позволял плюнуть ей в лицо без малейшей робости. Странно только, что лорд Гайлард перестал это обсуждать: на корабле постоянно повторял, а как прибыли в замок, ни разу не заикнулся. Зато все остальные не упускали шанса уколоть. Теперь вот и старик затянул наизусть выученную песню. Кто следующий?

Но, как ни крути, именно старик и был прав. До сегодняшнего утра девушке было позволительно сидеть верной собачонкой у дверей хозяина, но в эту ночь милорда уже не разбудишь, приснишь ему кошмарный сон. У него есть кому его будить — Рики в том союзе лишняя.

Кубки стукнулись друг о друга, и девушка поймала на себе укоризненный взгляд Дагорма.

— Ты ещё здесь? Поспеши. Гости давным-давно у шатров мнутя, места занимают. Наверно, уже и перепела по рукам пошли. А тебя там нет. Хозяин прознает — отдуваться мне.

Рики сорвалась с места. Протиснулась сквозь плотную линию стражи, загородившую выход из храма, и заторопилась скорее по узенькой дорожке, усыпанной розовыми лепестками, по которой недавно шли Гайлард и Мириан.

Сапоги приминали нежные лепестки, каблуки безжалостно втапывали их в грязь: Рики не шла — бежала, и любоваться цветочной красотой, которая уже к вечеру смешается с глиной и примет унылый серый цвет, не было ни времени, ни желания. Хотелось хотя бы в последний день службы не получить очередной нагоняй от Стернса и каким-нибудь делом, пусть это даже будут принесённые к столу церемониальные чаши, заслужить тёплую, пусть и усталую, улыбку.

— Рики! — неожиданно окрикнули девушку, и сердце сжалось в комок.

Покосившись вправо, Рики, однако, ход не сбавила. Там, за стеной из нескольких десятков гвардейцев, подпрыгивая и просовывая нос между потными и мускулистыми шеями, суетился Дуон Швидоу, весь красный от радости и возбуждения.

Девушка сильнее сжала кубки, как будто те были в состоянии спасти её от рыжего капитана и сделать невидимой. Ноги работали быстро-быстро, до шатров оставалось совсем немного, живая стена продолжала разделять Рики от бывшего покровителя, но и тот не сдавался, пытался выискать лазейку, чтобы прорваться к девчужке, и продолжал выкрикивать её имя, не получая на свои старания никакого ответа.

Снова заволновались звонкие колокола; толпа взвинтилась и принялась радостно шуметь, окончательно заглушив капитана, оравшего уже во всё горло. Рики свернула к шатрам.

Здесь всё было по-другому: толпа обывателей осталась позади, со своим безумным волнением, громким хохотом и бесстыдными разговорами; на смену ей пришли чопорные леди и лорды, расшаркивающиеся друг перед другом и королём. Их лица были словно из воска вылеплены, улыбки нарисованы, голоса без красок, а слова без чувств. Всё вокруг напоминало безвкусный театр, где каждый актёр откровенно скучал от выделенной ему роли и мечтал только о том, чтобы представление скорее окончилось и зрители разошлись. Лишь несколько дам, прячущих кокетливые улыбки за веерами, живо перешептывались между собой, обсуждая стоявших в сторонке мужчин. Потом внимание дам переключилось на Рики, и кокетство уступило место насмешкам.

Лорд Гайлард тоже был неподалёку. Он и леди Мириан сидели на самых красивых стульях с широкими сидениями, обтянутыми бархатом, и высокими спинками, принимали поздравления и дорогие подарки. Всех слушали внимательно с той лишь разницей, что между одним гостем и другим леди Мириан ещё успевала глянуть в сторону мужа и подарить ему мягкую улыбку; муж же на улыбку не отвечал и вообще не смотрел в сторону красивой женщины, о которой многие могли только мечтать. Вместо этого в перерывах со скучающим видом глотал вино и после снова надевал маску гостеприимного хозяина,

стоило очередному лорду приблизиться и начать длинную и витиеватую речь.

— Лорд Альгервильд вас чем-то разгневал? — ровным голосом поинтересовалась Мириан, когда дочь лорда Папоротниковой впадины закончила с поздравлениями и понуро пошла назад к своему месту, которое, как и во время всех прошлых застолий, было рядом с принцессой Кхирой.

Впервые за всё время после выхода из храма Гай повернул голову в сторону жены. В его взгляде читалось такое удивление, будто он и не подозревал, что леди Мириан умеет говорить или как минимум произносить что-то, выходящее за грани брачного обета.

— Старик Альгервильд — преданный вассал, — ответил Стернс. — Его величество и я довольны его службой.

— Леди Росанна выглядит расстроенной. Она первая, на кого вы даже не взглянули, и я решила, что дело в её отце. Тем более и самого лорда на праздновании нет.

— У него больные ноги и не менее больное сердце. Поездка в Торренхолл скорее убила бы его, чем польстила моему самолюбию.

— Просто леди Росанна...

— Чтобы вас успокоить, я подойду к ней сразу после пиршества и похвалю цвет платья, которое она выбрала для сегодняшнего события.

— Мне кажется, она будет рада и простой улыбке. Она как раз на вас сейчас смотрит.

Болезненного вида дочь лорда Альгервильда действительно в этот момент смотрела на лорда Стернса. Сидевшая рядом Кхира что-то не переставая говорила, при этом сильно жестикулируя, а прямо из-за спины Росанны вдруг выросла переполошенная Рики, всё с теми кубками в руках и с перекошенным от волнения лицом. Губы Гая дрогнули, растягиваясь в насмешке, а глаза заблестели.

— Я всё же подойду к ней, — произнёс Стернс, наблюдая, как Рики мечется между знатными гостями.

— Как вам будет угодно, — ответила Мириан, проследив за взглядом мужа.

— Милорд, миледи...

Перед Стернсами преклонил голову очередной лорд, явившийся на свадьбу в сопровождении своей супруги и всех восьмерых детей. Привставшему Гаю пришлось снова сесть и с лёгким раздражением на

лице уставиться на семейство перед ним, глава которого уже вовсю говорил горячо и страстно, его старший отпрыск то и дело поправлял слабо затянутый пояс, а младший был весь в соплях, постоянно шмыгал носом и дёргал мать за руку, за что получил подзатыльник.

Между столами, расставленными в несколько рядов, просто так было не пролезть: столы были слишком длинными, скамьи — все заняты, по головам не пойдёшь — нужно обходить. Но улыбка хозяина, пусть и как всегда язвительная, приободрила Рики: встреча с капитаном была не из приятных, и хорошо, что удалось от него ускользнуть.

Одной ногой чуть не свернув кадку с розами, специально установленную возле шатра, в который ныряли слуги с пустыми подносами и из которого выныривали с подносами уже полными, девушка уже почти подошла к заветному месту. Волноваться действительно было не о чем: вокруг лорда и леди Стернс гвардейцев наставили столько, что мышь не проскочит незамеченной. И у всех стражников лица были неподобающе для торжества хмурые, руки — крепкие, пики — острые. Две тут же скрестились, стоило Рики приблизиться. Робкие бляения о принесённых кубках всерьёз восприняты не были, и в лицо Рики никто из приставленной стражи не знал. Оставалось только отойти в сторону и ждать Дагорма или ещё какой радости, которая могла бы провести девушку к лорду Стернсу.

— Наконец-то! — выдохнули рядом, и Рики съёжилась. — Догнал тебя.

Коричневая тень нависла над девушкой. В нос ударил запах настойки из лисьей ягоды, от которого Рики уже успела отвыкнуть, а тело покрылось мурашками, словно вспомнило неприятный щекот жёстких рыжих усов, когда, желая снять муравья или паука с девичьей шеи, Швидоу так близко наклонялся к девчужке, что со стороны и непонятно было, то ли он действительно старался рассмотреть, не спряталось ли в воротнике ещё какое опасное насекомое, то ли норовил пристать с поцелуями. Выяснить это никак не удавалось, потому что Рики всегда спешно отпрыгивала от капитана, что сделала и в этот раз. Не позволив рыжим усам оцарапать ей кожу, девушка отскочила в сторону, подняла голову и... чуть не задохнулась от восторга.

— Милорд...

— Лордом, увы, уже не являюсь, о чём, признаюсь, начинаю жалеть. — Швидоу жалостливо частил. — Как же я волновался! Как переживал! Ночей не спал, только о тебе и думал! Я отпускал тебя к брату всего на пару дней... даже дал тебе лошадь... Каково же мне было, когда ни тебя, ни лошади не дождался.

— Да нет же, — оборвала капитана Рики, — милорд прямо за вашей спиной...

Швидоу обернулся.

Желание скорее дотронуться до дорогого сердцу создания настолько ослепило капитана, что он даже не поклонился королю Риккарду, а сразу ломанулся догонять хрупкую девчушку, так кстати застывшую перед стражей. Не заметил Дуон и, как, дослушав отца восьмерых детей, встал Гайлард Стернс, коснулся губами руки леди Мириан, что-то шепнул жене на ухо и, дав понять страже, что следовать за ним не стоит, прошёл в ту сторону, где застряла Рики. Завидев торопившегося Швидоу, нахмурился и ускорил шаг. Приблизившись, замер на месте, скрестил за спиной руки и стоял, внимательно слушая каждое слово Дуона, пока Рики всё не испортила.

Испуганно заморгав глазами, Швидоу тут же завилял голосом, как собака — хвостом:

— Ваша светлость... Лорд Стернс...

— Капитан Швидоу, мне и моей жене очень приятно, что вы приняли приглашение и пришли разделить с нами нашу радость. Вы — редкий у меня гость, хотя от стены до ворот замка всего ничего шагов.

В голосе Гайларда проскользнула ядовитая насмешка. Рики почудилось, что с его губ вот-вот сорвётся обидное замечание или неприятный вопрос, но Стернс медлил и язвить не спешил.

— Для меня честь оказаться среди приглашённых, милорд, — расшаркивался Швидоу, успевая при этом ещё и коситься в сторону Рики. Не сбежала ли? — И ещё большая честь будет прийти в эти стены ещё раз.

— В таком случае я жду вас завтра, — огорошил капитана Гай, перевёл взгляд на девушку и сурово произнёс: — Это было невероятно долго.

— Это всё кубки! — воскликнула Рики, понимая, чем недоволен милорд, и вытягивая вперёд руки. — Вначале замешкалась, а потом

опоздала только из-за них.

— И на кой они мне? — нахмурился Гай.

— Старик велел принести.

— Вино мне уже подали в другой чаше, а в этих наверняка успела побывать не одна муха.

Рики не спорила: пока спешила к шатрам, гарантировано пришлось отогнать от себя парочку, покушавшуюся на сладкие капли, засохшие на ободках.

— Тогда куда их деть?

— Отдай ему. — Стернс кивнул в сторону капитана, с разинутым ртом наблюдавшего за разговором лорда и простой девчонки. — Ты увела у него лошадь, а жемчуг на этих кубках будет в разы дороже одного гарнизонного скакуна. Пусть купит себе три, а остальное пропьёт.

— Ваша светлость, я не пью, — смутился Швидоу и прижал чаши к груди, стоило Рики сунуть их капитану в руки. — Это так щедро с вашей стороны... Но той кобылы мне не жалко. Старая была кляча: для девчонки сойдёт, для воина — позорище.

Стернс равнодушно кивнул. Ни чаши, ни лошади в тот момент его не занимали: очередь желающих поздравить лорда Торренхолла не уменьшалась, а только росла, и даже дядя отвлёкся от куска перепёлки и принялся недовольно озираться по сторонам в поисках племянника, посмеявшегося оставить жену одну, о чём тут же начали судачить жадные до сплетен дамы.

— Идём. — Стернс поманил Рики за собой.

Стража расступилась, пропуская господина и девочку следом, и тут же сомкнула пики прямо перед носом ошеломлённого капитана Швидоу. То, что всегда было доступно, теперь вдруг стало недосыгаемо. И настолько, что капитан даже робел узнать причину.

— Рики! — только и решился что выкрикнуть он и замахал рукой, увидев, что девушка всё же обернулась. — Мне нужно срочно с тобой поговорить! Это важно!

— Там таракан машет, — вымолвила девушка, посмотрев на Стернса.

— И что?

— Я впервые вижу его таким. Будто он и впрямь хочет сказать что-то важное.

— Посмотри лучше в ту сторону. — Гай кивком указал на кресло, в котором, как на колючем еже, ёрзал недовольный король Риккард. — Не могу сказать, что вижу такое впервые, но точно знаю: ничего хорошего оно не сулит. У нас нет времени на Швидоу.

— У вас — нет, но я могла бы к нему вернуться. Только прикажите вашей страже потом пропустить меня к вам.

— Может, ты и на городскую стену могла бы вернуться? — бросил Гай, и Рики его голос показался странным. Нечто подобное она уже слышала, когда они говорили о Сэме, но Сэм и рядом не стоял с тараканом, почему же в обоих случаях Стернс был одинаково недоволен?

Впереди показались те самые стулья с высокими спинками: предназначенный для Гайларда пустовал; на соседнем, разморенная от жары и вина, сидела леди Мириан и с тоской взирала на вереницу гостей, тоже измученных и палящим солнцем, и ожиданием своей очереди.

— Простите, что заставил вас ждать. — Губы Гайларда снова коснулись руки жены.

— Моё ожидание не сравнится с ожиданием леди Росанны, — внезапно заметила Мириан. — Вы ведь направлялись к ней, но так и не дошли, — добавила она, впервые не одарив мужа милой улыбкой и даже не повернув к нему головы, предпочтя любоваться ярко-рыжими локонами Бьянки Талайт, сверкающими на солнце.

— Дочь старика Альгервильда обидчивой никогда не была, — ответил Гай, проследив взглядом, как слуга наполняет почти пустые кубки.

— Верю, что слуги намного обидчивее, чем дочери лордов-вассалов, и потому требуют к себе больше внимания, чем благородные гости, — нашлась Мириан и, чтобы заглушить ответ мужа, громко захлопала в ладоши, вознаграждая аплодисментами шута-карлика, закончившего выступать с дрессированной мартышкой.

Стоявшая позади хозяина Рики вся сжалась. Становиться между лордом Стернсом и его прекрасной женой ей совсем не хотелось. Тем более в такой особенный день. В памяти сразу всплыли слова Дагорма. Да, она только мешается. Как ни пытается угодить хозяину и одновременно сделаться невидимой для всех остальных — ничего не

выходит. Только снежным комом нарастает недовольство, и тот ком вот-вот покатится вниз, подминая под себя всех и Рики первую.

Ответить жене Гайларду помешали Талайты. Рыжеволосая Бьянка чуть ли ни по-сестрински обняла Мириан, коснулась своей щекой её щеки и что-то прошептала на ухо, от чего обе прыснули, а Мириан ещё и покраснела. Леди Фианна Резй высказала несколько комплиментов Гайларду, но в ответ получила от молодого Стернса приятных слов в два раза больше и, как и в храме, от избытка чувств снова чуть не грохнулась в обморок. Её задорная племянница тут же бросилась за кружкой воды, а затем отвела тётушку в местечко под деревом, где было тенисто и прохладно, а Талайт, всё это время молчавший, наконец, шагнул к Стернсу, и между мужчинами завязалась неспешная беседа.

Вслушиваться в разговор хозяина Рики было неудобно. Попытки переключиться и подумать о чём-то приятном тоже провалились: перед глазами упорно всплывали усы Швидоу и его краснощёкая морда, когда он почти умудрился схватить девушку за руку. Рики попыталась прогнать навязчивое видение и тряхнула головой — не помогло. Закрыла глаза, снова тряхнула головой, открыла глаза и тихонько ойкнула. На неё смотрела Мириан.

— Подойди, — еле слышно произнесла миледи и поманила девушку пальцем.

Рики бросила тоскливый взгляд на Гайларда, но тот, как назло, так увлёкся беседой с Талайтом, что оба даже в сторону отошли и ни на кого не обращали внимания. Делать было нечего — Рики обогнула стулья и приблизилась к леди Мириан.

— Мы много раз с тобой встречались, а толком узнать тебя у меня возможности так и не было, — тихо начала Мириан.

— Я говорила вам, миледи, — заикаясь, начала девушка, — я служу у лорда Стернса. Делаю всё, что он прикажет, никакой работы не боюсь.

— А мои приказы ты могла бы исполнять? Или для этого тоже нужно распоряжение лорда Стернса?

Рики не знала, как правильно ответить. С одной стороны, она не имеет права перечить женщине, ставшей хозяйкой замка; с другой стороны, а вдруг та хозяйка задумает что-то плохое в отношении господина? И, набравшись смелости, Рики произнесла:

— Я сделаю всё так, как велит милорд.

Мириан ничего не ответила, только посмотрела в сторону мужа, а затем снова на Рики.

— Что же, — вымолвила Мириан, когда молчание затянулось, и она поняла, что из девчухи больше ни слова не вытянуть, — я поговорю с мужем. Своих слуг я привезла из Ллевингора мало, и мне бы хотелось окружить себя людьми верными и преданными. Ты ведь именно такая, да?

Рики нервно сглотнула.

— Я всю жизнь мечтала служить милорду... Вы даже не представляете, как сильно я об этом мечтала! И я верна ему всем сердцем.

— Я тебе верю, хотя странно видеть девочку на службе у лорда. На твоём месте полагается быть сильным мужем, крепким и плечистым...

— Знаю, миледи, — перебила Мириан Рики и тут же поймала себя на мысли, что в который раз сотворила глупость: не стоило перебивать госпожу, о которой ничего не знаешь. Вот лорда Стернса... Рики улыбнулась, внезапно осознав, что с Гайлардом ей болтать легко и удобно. Даже пропасть между ними за последние дни вдруг стала как-то меньше. Можно не подбирать слова, а говорить первые, что на ум придут; можно не бояться сморозить лишнее; и можно спорить и обрывать хозяина на полуслове — ничего за это ей не будет. Стернс только хмыкнет, и через пару ударов сердца его лоб снова разгладится и недовольство пройдёт.

А Мириан словно и не заметила того, что случилось.

— Но я доверяю своему мужу, — продолжала она, не сводя внимательного взгляда с лица Рики, — а он доверяет тебе. Значит, и я буду доверять. Можно?

Рики окончательно растерялась. Противостоять нежной улыбке госпожи она была уже не в силах, отвечать отказом на её просьбу — тем более. Согласно кивнув, Рики шагнула назад, на своё прежнее место за спинкой стула Гайларда, и, любуясь неземной красотой леди Стернс, подумала, что лучше хозяйки Торренхоллу не найти, а милорду невероятно повезло, что рядом с ним оказалась настолько чуткая женщина.

Глава 9. Соперники

В углу тёмной и пыльной комнатухи громко чихнули. Следом за чихом раздался стон. Толстяк, переливавший воду из ведра в кувшин, вздрогнул и громко выругался, пролив на пол добрую четверть.

— Чтоб вас, ваша милость, светлость... Или как вас там правильно называть? — проворчал толстяк и повазюкал по доскам грязной тряпкой, ранее служившей штанами, а теперь годившейся только грязь подтирать. — Надо было ночью меньше отравы всякой лакать — сейчас не кряхтели бы, как старый сыч на суку.

— Помолчи, — снова простонали в углу, — и подай воды.

— Нате.

Толстяк прошаркал на голос и оказался у стены, у которой стоял высокий сундук, заваленный пыльной и ветхой одеждой. Отыскать в той куче можно было что угодно: даже проеденная молью лисья шуба, непонятно кому на юге нужная, и та оказалась на сундуке. Из-под шубы торчала рука, которая тут же схватила кружку, поданную толстяком.

— Будь проклят тот день, когда отрубили руки вору, ограбившему кузницу, — произнесли еле живым голосом, и из-под вороха тряпок показалась голова бывшего советника лорда Стернса, Гверна Нольвена. Его волосы цвета липового мёда были всклокочены и все в гнилых нитках; на лице была копоть. Сделав пять жадных глотков, Гверн громко икнул, а потом вытер рваным рукавом влажные губы и добавил: — На месте вора должен был быть звонарь.

— В колокола бьют в знак свадьбы лорда Гайларда.

— Что ж они никак не угомонятся? — Гверн опять припал губами к кружке.

— Эх, ваша светлость...

— Не зови меня так.

— И то верно. Благородные господа в хлам не напиваются. Спускайтесь да идите к столу. Буду вас королевскими подачками потчевать.

— Что там у тебя? — Гверн поводил носом. — Копчёная поросятина?

— На площади раздавали. Я взял как на троих.

Нольвен ещё раз громко чихнул и спустил ноги. Встал, поёжился, словно день был зимний, сделал шаг вперёд и тут же покачнулся: перед глазами всё поплыло, включая обшарпанные стены и прохудившийся пол.

Каморка была не из приличных. Одна из тёмных комнаток двухэтажного здания, стоявшего хоть и вдалеке от красивого замка, но зато постояльцами не обделённого. В этих стенах принимали всех без разбору: от неверных супругов, решивших спрятаться от нудных жён, до пьяниц, желавших отоспаться после попойки. Комната на первом этаже обычно шла медяк; на втором — за два.

— Сколько ты за эту дыру отдал? — спросил Нольвен, когда голова перестала кружиться и второй шаг вышел лучше предыдущего.

— Всё, что вы в картах не успели спустить, ваша светло...

— Хватит, — брезгливо морщась, перебил Гверн.

— Не могу я иначе. У вас на лице написано, что кровей вы благородных, не то что я. Правда, сейчас у вас там не лицо, а морда: во всю щёку ссадина, под глазами мешки, лоб поцарапан, и на подбородке то ли грязь, то ли что похуже засохло.

Гверн схватил со стола миску.

— Где это я так? — охнул Нольвен, усиленно смотрясь в блестящую посудину, в которой его отражение представлялось ещё в более худшем свете.

Толстяк бережно выкладывал полоски бекона на жестяной круг.

— Вы ничего не помните?

Гверн покачал головой.

— Я дал ему в рыло?

— Кому?

— Стендену.

В ответ испуганно замахали руками.

— Случись такое, вы бы сейчас не на сундуке очнулись, а в темнице, и я вместе с вами. Это вы о дверной косяк глазом приложились, когда я вас из кабака под утро вытаскивал. Кучу монет там спустили: на крепкую да на карты, в которых вы, скажу честно, и гнилого зуба не смыслите. Как ещё перстенёк свой с пальца не стянули, чтобы отыграться? — Гверн бросил взгляд на руку, на пальце которой, как и прежде, чернел оникс.

— Карты... кабак... — мучительно вспоминал Гверн. — Я в такие места в жизни ни разу не заглядывал.

— Тогда с почином! — Толстяк театрально раскланялся и цапнул бекон со стола.

Нольвен потёр ноющие виски.

— Как, говоришь, тебя звать? — внезапно спросил он, осознавая, что и драной кошки не помнит: столь крепка была выпивка.

— Плут, — промычал с набитым ртом толстяк.

— Что за поганое имя? — пробормотал Нольвен, опускаясь на скамейку и подливая воды себе в кружку.

— А вчерашним днём оно вам по нраву пришлось, — пожал плечами Плут.

— Да? — рассеянно спросил Гверн.

Плут сочувственно покачал головой.

— Вы хоть что-нибудь помните?

— Помню, как в замок вернулись, как эта псина Стенден из ниоткуда вырос, а потом... темнота.

— А потом нагрузили меня этим. — Плут указал взглядом на лук и колчан со стрелами, что стояли в затянутом паутиной углу. — И велели вести в кабак. Даже не спросив моего мнения!

— Как будто такой народец, как ты, когда отказывался от кабака? — презрительно фыркнул Нольвен.

— Обижаете, милорд. Я крайне редко выпиваю. У меня другие слабости.

— Женщины?

— Об этой радости я даже не заикаюсь.

— Тогда карты?

— Вот тут угадали. Вчера народец за столом чего только не ставил — у меня руки так и чесались за расклад взяться.

— А почему не взялся?

— Вас пас.

— Прямо пас? — хмыкнул Гверн, с подозрением разглядывая полоску бекона, по которой прошла вереница красных муравьёв.

— Вот прямо как козу пас! — страстно клялся Плут. — Глаз с вас не сводил, чтобы вы перстенёк свой на какую-нибудь шёлковую ленточку не разменяли. Ленточка — тьфу. Всё, что за неё дадут, стоит не дороже ковша колотого гороха. А перстенёк у вас очень занятный...

— Знаю, — резко ответил Нольвен. — Не твоё дело зариться на чужие перстни.

— Прошу прощения, ваша светлость. Ради вашего блага старался. Вместо вас глаз с пальцев вашего противника не спускал, а то вы то за ухом чесать удумывали, то моргали подолгу, то словно спали. Вас только ленивый не облапошил бы. Но я был начеку и все попытки картёжников, нечистых на руку, пресекал. Но вы всё равно кучу спустили...

— Сколько я тебе за твои старания должен? — Гверн полез рукой в мешочек, всегда пристёгнутый к поясу, но в мешочке осталась только табачная крошка.

— Даже не думайте! — замахал руками толстяк. — Я теперь ваш должник пожизненно. Вы меня от виселицы спасли, так что вам теперь мне и приказывать.

Гверн скривился: заводить слугу в столь тяжёлый момент в жизни он никак не планировал. Себя бы прокормить, а тут ещё один рот прилип.

Всё произошло совсем неожиданно: они вернулись в замок быстро, Гверн плеснул себе в лицо студёной воды, чтобы прогнать запах крови и все воспоминания об увиденном, и, расстегнув тугие застёжки на вороте куртки, опустился за стол, на котором кроме кувшина вина больше ничего не было. Предложил кислого краснощёкому толстяку, но тот в ответ лишь покачал головой, сославшись на больную печень. А потом появился Стенден.

Они стояли друг против друга. Оба — высокие, со скрещёнными за спиной руками, с напряжёнными лицами, хмурые и своей мрачностью невероятно неприятные. Оба сверлили друг друга подозрительными взглядами, пока Стенден не решился и не выдохнул первым. Сказанные слова поразили Гверна в самое сердце.

Несколько лет назад ему, пареньку с улицы, не знавшему отца и помнившему лишь вечно печальную, но удивительно красивую, мать, вдруг показалось, что удача нашла его. В те дни, изнывая от жары и слушая непрекращающееся урчание в животе, он днями и ночами слонялся по улицам Торренхолла и за кусок хлеба и поток воды напрашивался в дома на любую работу. Труппу бродячих артистов разогнали как с неделю; кто не успел удрать — попал в сырую темницу. Сборище уличных комедиантов обвинили в налёте на дом

какого-то важного богача. Было то правдой или нет, Гверн не знал: добычей с ним никто не делился, как и планами, и вместо выяснений Нольвен предпочёл быстро бежать, чтобы успеть оказаться по ту сторону широкой цепи, в которую попались менее проворные приятели.

Первые два дня прошли в одном из тёмных и вонючих подвалов. На третий пришлось высунуть голову навстречу солнцу и сразу зажмуриться: так сильно то палило. Голод и жажда гнали вперёд, к людям, но те, завидев запачканного грязью юношу, спешили закрыть окна и двери и ни на зов, ни на стук не отвечали. И в миг, когда делить со свиньями помои, выплеснутые в лохань на закате солнца, стало уже совсем невмоготу, Гверн вспомнил о камне. Нашупав перстень в кармане потрёпанной куртки и твёрдо решив заложить ценную вещь, Нольвен направился к старьёвщику, славившемуся своей непритязательностью и умением не задавать вопросы, и уже почти постучал кулаком в дверь, когда его руку вдруг перехватил гвардеец и приказал следовать за ним в замок.

Тогда Гверн удивился лишь одному: что поволокли не в зарешетчатые клетушки, а довели до светлых каменных стен, где вежливо попросили ждать у кадки с цветами и даже рук не повязали. С того самого дня и началась новая жизнь Гверна Нольвена, больше похожая на крутую лестницу вверх, по которой юноша взбирался легко и быстро, как будто ветер дул в спину или кто-то усиленно подгонял к самой высокой ступеньке, поддерживая и не давая и шагу сделать назад. Поначалу Гверн пытался найти ответ на вопрос, с чего вдруг ему привалило такое счастье. Но день сменял день, и постепенно вопрос забылся, а успех начал восприниматься как само собой разумеющееся. И когда голова оказалась забита лишь мыслями о рыжем локоне красавицы из Имил Даара, лестницу вдруг перевернули, и верхняя ступенька оказалась у самого чана с помоями. И перевернул лестницу тот, кто вечно сверлил Нольвена недовольным взглядом и вечно тыкал Гверна носом в любую оплошность, будь то недобитый комар на рукаве Стернса или просто ненароком пролитое на пол вино.

Со вчерашнего вечера Гверн ненавидел Стендена. Если раньше ехидство верного пса, безоговорочно выполнявшего любые команды молодого лорда, Нольвена забавляло, то, после того, как пёс указал на дверь, внутри начал закипать гнев. А вместе с ним появился и целый

ворох прочих чувств, совсем не благородных и не из тех, которыми гордятся.

Лорд Торренхолла, Гайлард Стернс, больше не нуждался в его услугах. Такие слова Гверну выплюнул Ферран — такие слова Гверн молча и проглотил. Сердце подсказывало, что решение Стернс принимал не сам: напели чётко, и даже сомневаться не приходилось, кто именно. Первой мыслью было попросить о встрече с милордом и разговоре без посторонних, но Стенден тут же более чем понятно намекнул, что милорд занят приготовлениями к важному торжеству и никого не принимает. До рассвета ждать не позволили — велели покинуть замок тотчас. И даже помощь со сбором вещей организовали: за спиной Стендена топталась служанка.

Впрочем, девчонку Нольвен тут же прогнал. Из ценного у Гверна были только лук и стрелы; с оставшимся легко мог справиться свалившийся на голову Плут. На деле же вышло, что на толстяка свалилось всё, а Гверн, повернув за стену замка, пнул ногой дверь в первый же кабак...

— Да чтоб вас, — простонал Гверн, сжимая пальцами голову, готовую разорваться от очередного колокольного звона. Звонкое веселье подхватили задорные трубы, поспешившие возвестить о начале чего-то захватывающего.

— Народ веселится, — терпеливо объяснил Плут. — А в том, что вас мутит, виноваты вы сами. Не пили бы, сейчас тоже на площади бы толкались, узнали бы чего полезного. Народец, вон, не спит и не дремлет, и с больной башкой в углу не сидит, а, напротив, кто песни поёт, кто пляшет, кто по ранеткам из самострела пускает — гроши зарабатывает. Даже дохляк ваш... который с вами вчера на той стене был... вихрастый такой...

— Эларан, — сквозь зубы процедил Гверн.

— Возможно, я на имена забывчив стал. Зато лица помню. Сегодня на площади увидел его с луком и стрелами через плечо и рукой ему помахал, а он в мою сторону даже головы не повернул.

— Спешил, наверно, — потирая мятое лицо, протянул Гверн.

Плут кивнул.

— Ещё бы не спешить! Такой турнир раз в сотню лет бывает. Кто выигрывает, срывает золотой куш и улыбки всех дамочек. Вот честно, не

знаю, чего бы я хотел больше: денег и хоть пару разиков бабу ущипнуть.

— Погоди, — Гверн напрягся, — ты о турнире лучников?

— Он самый, ваша светлость. Ваш вихрастый дружок к его началу и бежал. Интересно, в каком круге вылетит?

— Как же я мог забыть... — Гверн кисло поморщился, а затем резко вскинул голову, и его глаза заблестели. — Как думаешь, ещё не поздно?

— На трибуны уже не протиснитесь, — сожалея, ответил Плут. — Там места с ночи занимали, за лучшие давка была.

— Я не об этом.

Нольвен вскочил с места, стряхнул хлебные крошки с одежды, метнулся к углу, в котором стояли лук и стрелы, и схватил их.

— Милорд, — крикнул толстяк, — вы это куда?

— Победитель получает всё, — задорно подмигнул Плуту Гверн, а похмельную тошноту как рукой сняло. — А я буду трижды дурак, если не воспользуюсь этим шансом.

— Да вы ещё пьяны! — охнул Плут. — Вы же и по слону не попадёте, тем более на голодный желудок.

— К болотным жабам твоих слонов, — ответил Гверн, доставая из колчана стрелу за стрелой и проверяя все на гладкость и качество оперения. — Достаточно попасть в морду одному гаду, а дальше...

Что будет дальше, Плут так и не расслышал: его новый хозяин слишком быстро шагнул к входной двери и столь же быстро растворился в галдящей толпе, в тот жаркий день напоминавшей скорее рой пчёл, которые, стоит замешкаться, покусают так, что живого места на себе не сыщешь. Заодно и обберут, что ещё и должен останешься.

Толстяк бросил тоскливый взгляд на недоеденный бекон. Не часто выдаётся денёк, когда на стол попадает такое удовольствие. И ещё реже — день, когда это удовольствие пропадает и тухнет на горячем воздухе вместо того, чтобы радовать брюхо.

Плут обречённо вздохнул и, махнув рукой, отвернулся от сочного мяса. Затянул потуже пояс и бросился на улицу следом за Гверном. В конце концов, может, повезёт и удастся утащить Нольвена обратно в оплаченную на три ночи каморку прежде, чем тот наделает глупостей. И прежде, чем испортится бекон.

Крики зрителей, возгласы восторженных дам и звуки труб возвестили о начале первого круга. К турниру лучников перешли, как и хотели, после торжественного обеда: гости остались сыты и довольны и были в предвкушении зрелищ. Одетые в красное герольды сидели в самом нижнем ряду, а над ними возвышались лишь кресла короля Риккарда и его племянника с молодой женой. Это было удобно: состязающиеся между собой стрелки были как на ладони, а в случае спорных вопросов крайний из судей быстро поднимался, разворачивался и совещался с правителем.

В первом круге участников насчитывалось шестеро; в остальных пяти — столько же. Из каждого круга только один лучник мог выйти победителем, и все шестеро в итоге должны были сразиться между собой и выявить одного достойного.

Его величество король Риккард не сводил глаз с расставленных мишеней и так громко чмокал вином, что Гай недовольно покосился в сторону дяди. Сколько он выпил? Неважно. Главное, что доволен: лицо красное, щёки блестят.

По правую руку от леди Мириан сидел её брат. Этот за обедом вообще не пил. Сделал пару глотков и демонстративно отодвинул от себя кубок и блюдо с едой, словно вино было отвратительным, а в мясо подсыпали крысиных хвостов. Кроме скупого поздравления не проронил ни слова, хотя все вокруг шумели и веселились. Расшевелить Итора никто не пытался, а Талайт шепнул на ухо Бьянке, что случившееся — к лучшему. Сосед слишком могуч и силён, под его крылом будет лучше, и, в конце концов, предки Талайта именно так строили Имил Даар. Пожалуй, только крови было пролито чуть больше.

Земли же вокруг Нолфорта гордецами не славились: их хозяева сразу предпочли признать в Стернсах своих королей и обошлись без кровопролития и ненужных жертв. Один Итор решил сыграть в свою игру, за что и поплатился. Остался без власти, без золота и без сестры. С другой стороны, все присутствующие между собой шептались, что Итору безумно повезло, и тайно завидовали ему. Причина была проста: наследник трона выбрал себе в жены не одну из дочерей

верных короне лордов-вассалов, а сестру упрямого уродца, хоть и красивую, но для всех чужую. И именно ей суждено было стать королевой.

— Лей больше! — рыкнул порядком пьяный Риккард на служку, что стоял с кувшином в руке. — У короля вино должно за края кубка хлестать, а ты стоишь и жмёшься! Убрать его! — Риккард махнул рукой, и паренька тут же увели.

Его величество приложился к кубку — вино бордовыми струйками побежало по бороде и промочило льняные одежды.

— Который из тех оболдуев оказался лучше? — спросил король и тыкнул пальцем в сторону арены, на которой закончила стрелять первая шестёрка лучников. — Рыжебород или дохляк?

К его величеству наклонился стоявший за его спиной Ферран.

— Оба вылетели, ваша милость, — ответил он и снова распрямился.

— А кто ж тогда прошёл? — недоуменно крикнул Риккард и повернул голову к племяннику.

Гай равнодушно пожал плечами.

— Пёс их знает, я не смотрел.

— Сир Кастор Таррлен оказался самым метким, — внезапно вмешалась Мириан, чем всех удивила. — Он попал в девять из десяти мишеней.

— О как, — округлил глаза король, удивляясь то ли победе одного из своих гвардейцев, то ли осведомленности своей прекрасной невестки.

— Не думал, что вам это может быть интересно, — кинул в сторону жены Гай.

— Вы плохо знаете женщин, — Мириан пыталась кокетничать. — Большинство из них с замиранием сердца смотрят подобные зрелища. Мне одинаковы по вкусу и состязания лучников, и мечников.

— Любите смотреть на груды кровоточащего мяса?

Вопрос был задан резко и грубо и был Мириан неприятен, но она не подала виду. Зато её ответ был не менее неожиданен, и будь кубок короля полон, его величество точно бы поперхнулся.

— Почему же? Просто люблю смотреть на сильных мужчин.

Гай поморщился.

— Где вы нашли сильного? У одного борода в тетиве запуталась, другой весом меньше лука.

— Сир Таррлен был великолепен, — не сдавалась Мириан. — Вы просто всё пропустили. Уверена, за главный приз развернётся горячая борьба.

От слов жены Гаю стало нехорошо. Спину вдруг опять обожгло огнём, словно кто-то из стоявших сзади разинул пасть и дыхнул пламенем. Стернс обернулся. За спинкой его кресла стояла только Рики.

— Сир Таррлен ошибся только на последней попытке, — вдохновенно продолжала Мириан. — Все прочие выстрелы были меткими. Вы бы только видели...

— Я хорошо знаю, что такое по-настоящему меткий выстрел, — обрубил Гай. — И ни один сир Таррлен не в силах его повторить.

— В каком круге будет выступать этот талантливый стрелок?

Гай усмехнулся.

— Боюсь, за всю свою жизнь он больше не прикоснется ни к луку, ни к стрелам.

— Жаль, — разочарованно протянула Мириан. — Но, может, найдётся кто-то, кто нас ещё удивит. Ведь только первый круг позади... Но сир Таррлен всё же был превосходен.

— Как вам будет угодно, — отмахнулся Гай, поймав себя на мысли, что огонь в сердце стал стихать, а спина — нить меньше.

— Милорд. — Ферран в который раз наклонился над красивым креслом, но в этот раз не короля, а Гайларда.

— Ну?

— Знаю, вам эти показательные бои скучны. Куда лучше в живого врага целиться...

— Да говори же.

— В пятом круге посмотрите одного мальчишку.

— Твой сын?

Будь на месте Стендена другой человек, его лицо тут же выдало бы всё то удивление, какое родилось на фоне пронизательности молодого лорда. Но Ферран не повёл и бровью, а только учтиво заметил:

— Вы как всегда догадливы, милорд. Ему на днях стукнуло шестнадцать. Мозгов в голове, конечно, ещё маловато, но есть сила в

руках и упорство, и желание не посрамить отца. С пяти лет не выпускает лук и стрелы из рук. По мне, управляется с ними довольно неплохо.

— И если он мне понравится, ты хочешь, чтобы я взял его к себе, так?

— Оруженосцем, милорд. У Швидоу ему уже тесно. Служить вам он будет верно, клянусь своей жизнью. А если хоть один промах даст, лично выпорю до полусмерти.

— Подобное я уже слышал, правда, тогда ты просил за другого. Стенден поджал губы.

— Моя ошибка, милорд. И вы знаете, что я сильно жалею о случившемся. Но, вовремя осознав ошибку, я поспешил её исправить и руководствовался лишь одной целью: ваша безопасность.

— Так Нольвен был опасен?

— Лично он — нет, а вот его халатное отношение ко многим вещам — да.

— А твой сын, значит, лучше?

— Он — мой сын, ваша светлость, а меня вы хорошо знаете.

— Ну, — хмыкнул Гай, — разве против такого довода попрёшь? Выбирая между сыном военного командира и безродным, чья жизнь началась в подворотне, моя дядя предпочёл бы первого.

— А вы?

Гай думал и смотрел на соревнующихся между собой лучников из второго круга.

— Хорошо, — наконец выдавил Стернс. — Я посмотрю мальчишку. Если он выиграет этот турнир, то возьму его к себе.

Капли пота выступили на лбу Стендена. Тёмные с проседью волосы стали слегка влажными.

— Ваша светлость... Я сомневаюсь, что Элран возьмёт турнир...

— Не возьмёт? — делано удивился Гай. — Тогда зачем мне твой сын нужен?

Стенден ничего не ответил, только смахнул влагу с лица и, выпрямившись, снова застыл молчаливой статуей.

В том месте, где заканчивалась арена, и всего в нескольких футах от полотнищ, отгораживающих перемешанное с рукоплесканиями зрительское волнение от волнения готовившихся к выходу лучников, стоял шатёр. Внутри и вокруг шатра было на удивление тихо.

Ожидаящие своей очереди стрелки занимались каждый своим делом: кто в который раз стрелы осматривал; кто перепроверял, туго ли натянута тетива. Некоторые перебрасывались заезженными фразами о здоровье детей или благополучии супруги, но ехидничать не смели, тем более не смели задирать друг друга, как часто бывало у мечников. Вот ёрзать на одном месте ёрзали. И не только самые юные, но и опытные и давно усатые лучники. Никому не хотелось ударить в грязь лицом; никому не хотелось посрамить своё имя перед королём и его окружением.

Эларан тоже не находил себе места. Вначале измерил ногами расстояние от одного колышка, воткнутого в рыхлую землю, до другого. Потом заглянул в шатёр, но нашёл там лишь прохладное пиво да нескольких стрелков, проигравших в первом и втором кругах и теперь топивших свою неудачу в хмельном напитке. Когда завершился третий круг и начался четвёртый, ждать стало совсем в тягость. Руки всё больше дрожали, а пальцы холодели, подмышками было мокро, и шея тоже была влажной.

В четвёртом круге все шестеро лучников шли ноздря в ноздю: ни один не хотел уступать, и попадания различались друг от друга на два-три дюйма. В какой-то момент одному из герольдов даже пришлось обратиться к его величеству с просьбой рассудить, чей выстрел был точнее, но к тому моменту Риккард уже так громко храпел в кресле, что решать пришлось Гаю. Гайлард же недолго думая попросил Мириан выбрать победителя. Леди Стернс очаровательно улыбнулась и отдала победу кудрявому лучнику с Овечьего холма, где овец насчитывалось всего с десятков, зато облака плыли по небу всегда низко и были такими курчавыми, что, казалось, целое овечье стадо проносится над головой и вот-вот услышишь робкое блеяние и звон колокольчиков.

Неподалёку свистнули. Эларан покрутился на месте. Послышалось? Мальчишка пожал плечами, перекинул лук из левой руки в правую и поднялся с места, готовясь выйти на поле, как только мишени будут сменены и объявят о начале пятого круга.

Свистнули ещё раз. Эларан прищурился и всмотрелся в сторону пёстрых полотнищ, колыхающихся на ветру. Ничего нового кроме аляповатых узоров не увидел, опять непонимающе пожал плечами и уже почти развернулся, как был остановлен недовольным шёпотом.

— Да подойди же ты, наконец!

От волнения чуть не выронив лук, Эларан прыгнул на голос и оказался нос к носу с Нольвеном, всё таким же помятым и дурно пахнущим. От топтавшейся неподалёку лошади и то несло лучше, чем от бывшего помощника лорда Стернса. Привыкший к сомнительным ароматам на заднем дворе у Швидоу вихрастый мальчишка фыркать не стал, а только помахал рукой у носа, разгоняя вонь, но тут же бросил это бесполезное дело.

— Вы... — только и смог выдохнуть ошарашенный паренёк, глядя на своего кумира, как и положено, снизу вверх.

— Какой круг идёт? — только и получил Эларан в ответ.

— Сейчас пятый будет.

— Ты уже?

— Вот в пятом и выйду. Тетиву натянул, как вы советовали. Лук, правда, чуть не трес...

— Погоди-ка. — Нольвен схватил мальчишку за руку. — Уступи мне своё место.

Эларан непонимающе уставился на Гверна.

— Мне очень нужно, — сбивчиво объяснял Нольвен, обдавая паренька несвежим дыханием.

— Я не могу, — сглотнул Эларан, а сердце ушло в пятки. — Честное слово. Отец меня убьёт.

— Ему не привыкать.

Эларан снова сглотнул и моргнул влажными ресницами.

— Так что? — нетерпеливо спросил Гверн.

— Я вами восхищаюсь, вы знаете, — начал мальчишка, — но я действительно не могу. Отец поставил на кон очень много, и я не имею права его подвести. Мне надо хорошо выступить, и тогда, возможно, лорд Стернс возьмёт меня... — Эларан споткнулся, поднял глаза на Нольвена и жалостливо закончил: — Не могу я.

Гверн сжал пальцы левой руки в кулак.

— Может, сир Донован согласится? — заскулил сын Стендена, указав взглядом на седого старика, руки которого уже давно дрожали и ставили стрелу на тетиву только с пятого раза.

— Этого старого хрыча я уже спрашивал, — Гверн сплюнул на землю, — но он упёрся и ни в какую.

— Сир Донован всё утро ныл, что жить ему осталось недолго и хотелось бы перед смертью ещё раз тряхнуть стариной, — согласился Эларан. — А Хью Олсон? Я слышал, у него слабый мочевого пузыря. Дайте ему пива — он и шагнуть в сторону арены не посмеет.

Гверн бросил в сторону мальчугана такой тоскливый взгляд, что Эларан сразу понял, будь у Нольвена кружка пива, он выпил бы сам.

— Больше никто на ум не приходит. Простите, — пролепетал обескураженный мальчишка и мёртвой хваткой вцепился в свой лук, будто тот норовили вот-вот отобрать.

— Иди. — Нольвен кивнул в сторону арены, на которую уже устремились участники пятого круга. — И выбери себе третью мишень: она на пару дюймов стоит ближе.

Лицо Эларана озарила счастливая улыбка.

— Тут уж как жребий решит! — задорно выкрикнул он, подцепил рукой колчан со стрелами и ринулся догонять соперников.

Гверн посмотрел мальчишке вслед, хрустнул шеей и пробубнил:

— В конце концов, время ещё есть.

И снова смачно сплюнул на перемешанный с опилками ржавый песок.

— Есть-есть, — услышал Нольвен за спиной. — А мест свободных нигде нету!

Из-за ярко-красного полотнища показался пухлый живот, следом за ним колом выкатился весь Плут. Покачал головой, окидывая хозяина удрученным взглядом, почесал правый бок и добавил:

— Бегаете вы быстро — не сказать, что после попойки. Ну да ладно. Побегали, хмель весь растрясли, теперь идём обратно, пока кошки весь бекон не растащили. Эй, ваша милость, светлость... да кто угодно... вы меня слышите?

— Тихо, — Гверн злобно пшикнул в сторону слуги, присел на корточки, делая вид, что счищает грязь с сапога упавшим с дерева листком, нащупал камень потяжелее и, спрятав руку с камнем за спину, распрямился. — Сир Донован! — окликнул Нольвен того самого старика, чьи длинные и нечесанные волосы жидкими серебристыми струйками растекались по плечам и сгорбленной спине и чьё имя внесли в список участников турнира самым последним.

— Я уже всё сказал тебе, мальчик, — огрызнулся старый лучник, потирая рукой, всей в мозолях, древко лука, — а ты снова лезешь. Будь

ты, как прежде, при лорде Стернсе, я бы ещё подумал, а ты — никто, и уступить тебе своё место я не намерен.

— Да бросьте, сир Донован, — устало произнёс Гверн, — я уже понял, что надеяться не на что.

— А если понял, то чего опять ко мне сунулся?

— У вас оперение на стрелах поистрепалось. С такими стрелами вы и на расстоянии шага промажете.

— Что есть, то есть, — развёл руками старик. — Этим стрелам годков не меньше, чем мне, а ничего лучше у меня не сыскалось.

— Возьмите мои. — Гверн протянул лучнику свой колчан. — Они летят быстрее ветра.

— Ещё бы в цель летели, — вымолвил сир Донован, а с узких глаз тут же спала сонная пелена, и зрачки заблестели.

— Тут ничем помочь не могу, — добродушно хмыкнул Гверн.

— Хороший ты человек, Нольвен. А я уж было подумал: гнилой, раз тебя от Стернса выперли. Но уступить своё место всё равно не уступлю. — Гверн стиснул зубы и отвернулся, уставился на вытянутое поле, откуда доносился свист стрел. Старик же продолжал, глядя на песок и продолжая поглаживать рукой древко лука: — Но ты брось унывать. Может, ещё повезёт тебе, и кто-нибудь добровольно откажется или помрёт. Но ставлю пять золотых, что такому не...

Сир Донован внезапно дёрнулся и громко хрюкнул. Гверн резко обернулся. Старый лучник сидел всё в той же позе, но тело его обмякло, и взгляд стал стеклянным. Из-за спины сира Донована вынырнул Плут, аккуратно поддержал старика, чтобы тот не свалился на землю, и прислонил плечом к стволу широкого дерева. Со стороны ничего и не заподозишь: уснул старый человек, утомился. А то, что не дышит и сердце больше не стучит, не сразу и обнаружишь.

— Зачем? — прохрипел Гверн в сторону Плута, разжал кулак и выронил камень на землю.

— Уж лучше я, чем вы. Я ведь сразу понял, что у вас на уме, ваша милость. Как вы ещё того юнца не прихлопнули?

— На того рука не поднялась, а с этим ты меня опередил.

— И хорошо. Моя жизнь ничего не стоит, а ваша, чай, подороже будет. Жажнул я его аккуратно, крови нет, подтеков тоже никаких. Любой подумает, что не выдержал напряжения старик, сдало сердце... А вы давайте тут не стойте да на покойника не пяльтесь. Поторопитесь

за шатёр, чтоб вас тут никто ненароком не заприметил. Да и шестой круг скоро начнётся. Для вас там как раз местечко освободилось.

— А ты как же? — бросил Гверн, хватая свои стрелы.

— Обо мне не беспокойтесь. Я хоть и толстый, а скрыться сумею. Найду вас после турнира. И надеюсь, — Плут бросил полный печали взгляд на мертвого сира Донована, на голову которого, медленно кружась в воздухе, спускался с дерева наполовину сухой листочек, — что это было не зря.

* * *

Довольная улыбка не сходила с лица Феррана Стендена. Не зря он тратил столько времени на обучение сына, приставлял к нему лучших учителей и даже отправил на городскую стену к капитану Швидоу — в каждом шаге был толк, и сегодня Элاران на голову превзошёл соперников в своём круге. На первом выстреле уделал сразу всех. На оставшихся пришлось побороться, но конечный расклад был ясен: мальчонка сразится в финальном поединке.

Стенден был несказанно рад. Он наблюдал за всеми выстрелами сына. На двух, правда, скривил губы, но это не помешало с благодарностью во взгляде кивать знатым гостям в ответ на их восторги и поздравления. Публика любит красивые выступления, а если её ещё и удивят, и вместо именитого мастера на арену выведут талантливого юнца, никому до той поры неизвестного, то удовольствию не будет конца и края.

Не упускал случая Стенден глянуть и в сторону Гайларда. По уголкам губ хозяина, по блеску в его глазах Ферран без труда угадывал, доволен ли лорд Стернс, или всё происходящее не перестаёт навевать дикую скуку. Увиденное превзошло ожидания: лорд Гайлард был приятно удивлён, но в отличие от остальных зрителей не спешил высказать Феррану своё восхищение.

Стоило трубам объявить начало последнего, шестого, круга, а шестерым соперникам предстать перед искусственной публикой, как солнце вмиг померкло для командира Стендена. Пальцы сцепились в крепкий замок за спиной, брови почти свелись на переносице, и даже спина будто ссутулилась. Сидевший поодаль от короля Дагорм тоже

стал хмур, зато молодого Стернса увиденное позабавило. Он даже вином поперхнулся, и сладкие струйки растеклись по подбородку. Стоявшая позади Рики вдохнула носом аромат сливы и фиалки и облизнулась. Пить хотелось, но вместо вина страже полагались только вода и разбавленное пиво. Слева шепнули, что, как только начнётся ужин, всем без разбора перепадёт по кубку-другому, но турнир так затянулся, что Рики думалось, он не закончится никогда.

— Как тебе? — Стернс поманил к себе Феррана и кивнул в сторону арены.

— Отвратительно, — выдал Стенден. — Я велел не подпускать Нольвена к вам, так он решил таким способом пролезть.

— Во второй раз замечаю за тобой просчёт.

— Это не просчёт, ваша светлость. Это неуважение, проявленное твердолобым мальчишкой по отношению к тем, кто выше по статусу и опыту.

— Проще говоря, обида.

— Вы слишком мягки.

— Ещё бы. Сегодня особенный день. Мне полагается быть мягким и прощать.

— Позвольте дать вам совет, по отношению к кому мягким быть никогда не стоит.

— Лучше перестань дышать мне в ухо и подними голову. Ты знал, что он так умеет?

Стенден распрямился и уставился в сторону арены. Там творилось нечто невообразимое. Стрелы Гверна летели в самое сердце мишени, как заколдованные. Каждая следующая попадала ровно в то самое место, что и предыдущая, тесня соперницу в сторону или вовсе выбивая на землю. Соперники смотрели на Нольвена с ненавистью, пыхтели, потели, но их руки дрожали всё сильнее, и каждый новый выстрел был хуже прошлого. Последняя попытка — зрители на скамьях зашумели от восторга, чуть не разбудив храпевшего короля.

— А мы знакомы с этим юношей! — захлебываясь, частила леди Резй. — Помнишь, дорогуша, — обратилась женщина к Бьянке, не сводившей взгляда с арены, — он спас нас от гнусных разбойников на лесном тракте.

— Ещё бы не помнить, тётушка, — проронила леди Талайт. — Такое не забывается.

— Вы мне не рассказывали, — нахмурился хозяин Имил Даара.

— Моя вина, ваша милость, — на высоких тонах голосила Фианна Резй, усиленно обмахивая себя веером. — Пока мы ожидали вашего прибытия, взбрело мне, старой дуре, в голову посетить кузена, что живёт через лес. Дорога туда быстрая, ничто не предвещало беды. Но поверьте, если бы не этот чудесный молодой человек, мы не сидели бы сейчас с вами рядом.

— Вот как. — Талайт сильнее насупился и исподлобья посмотрел в сторону Нольвена, поднимающего стрелы, зарывшиеся в песочную пыль.

— Этот меткий стрелок входит в близкое окружение самого лорда Стернса! — продолжала восхищаться леди Резй. — Вы только представьте себе: он так молод, а уже столько таланта и такое высокое положение.

— Пока мы ждали начала церемонии, со мной поделились новостью, что близкое окружение лорда Гайларда вчера поредело на одного человека, — заметил Талайт, чем положил конец болтовне родственницы, готовой вот-вот лопнуть от переполнявших её эмоций. — Вспомните, миледи, кого не было сегодня в храме...

— Неужели? — опомнилась леди Резй и, поджав губы, свысока и с неким презрением посмотрела в сторону того, кем только что восторгалась. — А произвёл такое хорошее впечатление...

— Молодой Стернс не раскидывается своими людьми. Значит, были причины.

— Если мы узнаем те причины и они окажутся несерьезными, вы возьмёте этого юношу к себе, сир? — вдруг спросила Бьянка. В её голосе улавливалось непритворное волнение.

— Не возьму, — ответил Талайт.

— Такого стрелка у вас нет. Не вы, так кто-нибудь другой воспользуется возможностью и обретёт талантливое воина.

— Я не подбираю, моя дорогая. Тем более после Стернсов.

Бьянка сомкнула губы. В обычаях семьи, в которую ей счастливейшим образом удалось попасть, была одна странная нелюбовь к перемене собственного мнения. Правители Имил Даара, прах коих уже давно развеялся по ветру, считали подобное поведение слабостью, непозволительной для особ, занимающих трон. А король нынешний с мёртвыми предками спорить не отваживался.

— Сир Ратланд. — Ферран Стенден срочно поманил к себе главного судью. — Я не помню Нольвена в списках...

— Всё верно, — перехватил инициативу облачённый в красное герольд. — Сир Донован скончался незадолго до начала круга. Не выдержал старик, помер. Славная смерть. Тихая и спокойная. Пятерых стрелков выпускать было бы неправильно. А тут Нольвен подвернулся и согласился выступить. Кто же знал, что он так умеет...

— Болваны, — прошипел Стенден, оглядываясь по сторонам и проверяя, не слышат ли гости. — Гнать его в шею. Одно его имя вызывает у меня изжогу.

Сир Ратланд испуганно заморгал.

— Только после финального круга. Правила есть правила, вы же знаете.

— Плевать я хотел на правила. Обнулите результаты шестого круга и сообщите всем, что таково распоряжение лорда Стернса.

— Ну-ну, Стенден. — От голоса Гайларда сир Ратланд чуть не подскочил на месте. — Как часто ты приписываешь мне указы, которых я не отдавал?

— Милорд, этот балаган надо прекратить, — поспешил объяснить Ферран.

Стернс красиво поморщился.

— Да ладно. Не похороны же, чтоб паяцев гнать со двора. Сир Ратланд, — обратился Гай к судье, — продолжайте поединок, как положено, а мы с интересом понаблюдаем, чем это всё закончится.

Сир Ратланд возражать не смел. В конце концов, какие бы тучи ни сгустились над Нольвеном, все равны выступить в праздничном турнире. Кто-то надеялся на той победе хорошенько заработать; кто-то — попытаться сменить гнев господина на милость.

Начался финальный круг. Лорд Стернс с ещё большим любопытством уставился на шестерых сильнейших, а Ферран замер чёрной глыбой за спиной до сих пор спавшего короля и смотрел на происходящее взглядом льва, наблюдающего за поединком львёнка с молодым шакалом и смирившегося с мыслью, что живым из того поединка выйдет только один. Ведь не допрыгнешь, чтобы помочь. Мешает пропасть.

Стрелы ударили по мишеням: четыре покусали деревянные размалеванные круги по бокам; две впились в самый центр. Ферран

устало прикрыл глаза, но вскоре снова открыл и продолжил смотреть. Его сын — крепкий, среднего роста мальчишка — шёл наравне с долговязым Гверном. Но опытный взгляд было не обмануть: если владение луком и было на равных, то по степени уверенности, твердости руки и умения заставить сердце не частить в самый ответственный момент худощавый Нольвен, хоть проведший ночь не в размышлениях, а за бутылкой, был на голову выше любого из вышедших.

Ферран скривился. Расстояние от арены до королевских мест было приличное, но Стенден всё равно учуял запах браги. А ещё покоробил вид Нольвена: как бы тот ни поворачивался, ссадины на скулах и мешки под глазами всё равно было не скрыть.

Ферран втянул носом воздух во второй раз. Нет, брагой несло от размякшего в кресле Риккарда. Но и от Гверна тоже. Стенден был в том уверен.

— Победителей двое! — гордо провозгласил сир Ратланд и громко добавил, нарочито и ради выслуги называя имя сына военного командира первым: — Эларан Стенден и Гверн Нольвен. Оба из Торренхолла.

Зрители ликовали. Шум был столь сильным, что король Риккард вздрогнул и приоткрыл глаза. Провёл по влажному лицу такой же влажной ладонью, потёр слипшиеся веки и, ткнув Гайларда локтем в бок, скрипучим голосом спросил:

— Уже всё?

— Да, дядя, — кивнул Стернс и приказал герольдам подпустить победителей к себе ближе.

Поднимая носами сапог песочную пыль, стрелки прошли по арене и, поднявшись, замерли перед королевской семьей. Сидевшие выше и дальше гости вытянули шеи, чтобы получше рассмотреть счастливицов. Некоторые их знали, некоторые видели впервые. Леди Фианна Резй тоже привстала, но, разглядев синяк под глазом Нольвена, тут же плюхнулась обратно на скамью и тяжело задышала — даже веер не помогал. Леди Резй придерживалась строгого воспитания и, несмотря на неблагородное рождение, статуса была самого благородного, чтобы закрывать глаза на вопиющие неприличия. В отличие от своей племянницы.

Бьянка сидела едва дыша и жадно ловила каждое слово, с трудом различимое сквозь гул и шум со всех сторон. Нервный персиковый румянец, к счастью никем не замеченный, выступил на бледной коже лица. Взгляд был прикован исключительно к Гверну, и ни грязь на его щеке, ни ссадины Бьянку не смутили. Внимательному и любопытному до происходившего зрителю могло показаться, что подойди она сейчас к Нольвену, не стала бы морщить нос от неприятного запаха, а провела бы заботливо пальцами по лицу, словно от её прикосновений царапины затянутся и исчезнут.

— Ваше величество, миледи, милорд... — начал Гверн, оказавшись на том расстоянии от королевской семьи, на котором его точно услышат, — позвольте сказать, что...

— Этот тощий выиграл, что ли? — перебил Нольвена король и ткнул пальцем в юношу. — Я его помню. Видел за ужином. Или то был не ты? — Риккард прищурился. — Это ведь ты набрал полный рот каштанов и поперхнулся ими?

— Я, ваша милость, — ответил Гверн под общее нетрезвое веселье.

— Как звать? А то я стал забывчив на имена тех, кто сидит в углу.

— Гверн Нольвен, ваше величество.

— Нольвен, Нольвен... — Риккард обернулся к Феррану. — Не тот случай Нольвен, о котором ты просил? Умолял выпнуть его за дверь, как пса шелудивого...

Все взгляды замерли на вмиг покрасневшем Гверне. Когда говорил король Нолфорта, все разом замолкали, и прокрадись под скамьёй мышь — слышно было бы отлично.

Стенден ответил учтивым кивком.

— А ты его вытолкал со двора? — Его величество подался в сторону племянника.

— Да, дядя, — усталым голосом ответил Гай. Затянувшийся турнир начал его раздражать, но слишком много пар глаз было вокруг, чтобы покончить со зрелищем резко и решительно.

— А он, гляди-ка, всех моих болванов обошёл! Ай, Гайлард, — король задорно хлопнул племянника по плечу, — такого стрелка на улицу выставить!

— Дядя...

— Возьмите меня обратно, милорд! — выпалил Гверн. — Все свои ошибки я совершил по неопытности. Знаю, подвёл вас и не раз, но все промахи осознал. Возьмите хоть оруженосцем. Буду служить вам верно и впредь не подведу.

— А? — воскликнул Риккард, когда пылкая речь завершилась. — Возьмёшь обратно? Дашь победителю второй шанс?

— Ваша милость, — попробовал вклиниться в разговор Ферран, но был остановлен рукой молодого Стернса.

— Победителей двое, — отрезал Гай и поманил к себе Эларана.

— Это что ещё за прыщ? — крикнул король.

— Мой сын, сир, — ответил Ферран, склонившись над его величеством.

— И что, он тоже умеет попадать в яблочко из этой штуки?

— Не хуже, чем Нольвен, сир.

— Это ещё надо проверить, — внезапно выдал Гверн и пояснил в ответ на вопрос во взгляде его величества: — По яблокам, ваша милость, мы не стреляли, а в деревянные круги любая девчонка попадёт. Хотя б даже она! — Гверн махнул в сторону Рики.

— К девчонке не лезь, — грубо осадил Нольвена Гай, — а насчёт яблок ты дело говоришь. Сир Ратланд, — крикнул Стернс судье, — распорядитесь поставить на противоположных концах арены по столбу высотой с этих двоих. — Гайлард указал на Гверна и Эларана. — На вершину каждого столба поставьте по яблоку. Да выберите самые спелые.

— Я с трудом понимаю вас, сир, — оробел герольд.

— Пусть бросят жребий, с какой стороны кому стоять друг против друга. — Снова взгляд застыл на растерянном Эларане и жадно ловившем каждое слово Гверне. — Стрелять одновременно. Чьё яблоко треснет, тот и проиграл. Победителю я пожалуйю звание своего оруженосца. Ты ведь не против, Ферран? — И Стернс посмотрел в сторону Стендена.

Лицом тот был белее снега, что редко выпадает зимними месяцами на юге, но голосом, как и прежде, холоден и бесстрастен.

— Не смею вам перечить, милорд.

— Не забывай наш уговор: твой сынок берёт турнир, а я беру его на службу. Нам нужен один победитель, а не двое, не так ли?

— Правильно-правильно, племяш, — предвкушая захватывающий поединок, булькнул поднесённым вином король. — Пусть эти двое покажут, у кого на деле есть яйца, а кто — клоп, которого только в радость раздавить. Я сделаю ставку на твоего сынка, Ферран.

— Благодарю, ваша милость. — Стенден не дрогнул ни на мгновение.

— А что со мной? — волнуясь, спросил Гверн. — Вы дадите мне второй шанс, милорд?

— Я приму тебя обратно, — ответил Гай, — но в звании ниже, чем ты был.

— Я на всё согласен...

— Что, даже свинопасом? — гоготнул Риккард, и его хохот подхватила толпа.

Нольвен снова покраснел и потупил взгляд.

— Начинайте, — махнул рукой Гайлард, стоило сиру Ратланду дать знак, что всё готово.

Снова затрубили в трубы. Заволновались стяги на ветерке, налетевшем с востока. Вместе с ветром зашумели и переполненные трибуны, но потом успокоились. Зрители не сводили глаз с рыжего песка, разделявшего двух сильных стрелков, прильнувших спинами к высоким столбам, на вершине каждого из которых стояло по крупному красному яблоку.

Один из герольдов дунул в рожок, и лучники каждый вытащили по стреле из колчанов за спинами. Новый сигнал — стрелы легли на древки луков, и крепкие руки соперников натянули тетиву, целясь. Снова налетел ветер — заколыхались знамёна, затрепыхались пёрышки на концах стрел, и даже лук у Нольвена повело в сторону, но Гверн сжал его крепче и прищурился. На лбу выступили капельки пота. Смахнуть бы, но нельзя. Нужно прицелиться и дышать ровно, и стараться не замечать, что руки противника дрожат, хоть тот и пытается совладать с собой.

— Остановите это безумие.

Прохладная ладонь леди Мириан легла поверх пальцев Гая. Стернс повернул голову в сторону жены.

— Посмотрите на них. — В голосе Мириан отчетливо слышалась тревога. — Они одержимы. Они скорее проткнут стрелами друг другу головы, чем это несчастное яблоко.

— Странно слышать от вас такое,— проронил Гай. — Часом ранее вы страстно признались мне, что готовы смаковать даже кровавые зрелища.

— Но не в столь важный день... — Тревога сменилась отчаянием.

— Я бросил им вызов — они его приняли. К тому же нашего короля происходящее забавляет...

— Вашего короля... — слетело с губ Мириан, но продолжения не последовало. Вместо слов леди Стернс молитвенно заломила руки, повернулась к брату, однако Итору было плевать, что делается на земле, принадлежащей не его роду.

И не ему одному. Большинство гостей наблюдали за лучниками с неприкрытым любопытством. Даже леди Резэй не отвела взгляда и, продолжая возмущаться внешним видом Гверна, спорила с Талайтом, какое из двух яблок разлетится первым, а какое устоит.

На нервах был только Стенден и ещё... Рики. И без того бледная кожей девчонка вцепилась тонкими пальцами в спинку кресла хозяина и почти не дышала. И даже не заметила, как на неё смотрела госпожа. А Мириан развернулась обратно и тихонько шепнула мужу:

— Хотя бы прикажите увести девочку, что вам служит. Ещё немного, и она потеряет сознание.

Гай резко обернулся.

Именно в этот момент сир Ритланд махнул трубачу. Низкорослый крепыш приложил рог к пухлым губам, надул щеки и изо всех сил дунул.

В то же мгновение хлопнула тетива и стрелы вылетели со свистом навстречу друг другу. Никто не успел опомниться, как рука Гверна вдруг метнулась к колчану за спиной, выхватила ещё одну стрелу и швырнула на лук. Тетива тут же напряглась и повторно тренькнула. Следом почти одновременно раздались громкий стук и смачный хруст.

На зрительских трибунах облегченно выдохнули, но тут же возмущённо затопали. Рванувший с места вперёд сир Ратланд остановился недалеко от Нольвена и с недоумением уставился на песок под ногами. Там, среди пыльных опилок и конского навоза, лежала сбитая стрела Эларана. Сир Ратланд поднял голову и посмотрел на вершину столба за спиной мальчишки. Яблока на той вершине не было: расколотое надвое, оно валялось обеими

половинками в том же песке, и брызнувший из самой сердцевины сок привлекал к себе голодных мух.

— Что это было? — нахмурился король Риккард и поманил к себе пальцем всех, кто стоял на арене. — Что за самодурство?! — прикрикнул он на Нольвена, когда тот вновь предстал перед креслом его величества. — Да как ты смеешь, щенок, играть по своей прихоти?

— А я говорил, ваша милость, — подал голос довольный Ферран. — Нольвен — человек крайне необязательный. Что для одних — писаное правило, уговор, то для него — плюнуть и забыть. Разве можно доверять тому, кто нечестен на простом турнире? Что же будет, если доверить такому человеку войска и жизнь королевской особы?

— Дай-ка, — в разговор встрял Гай и, вытянув вперёд руку, нетерпеливо щелкнул пальцами.

Сир Ратланд протянул молодому Стернсу стрелу Эларана. Покоцанная, та уже мало на что была годна.

— Уговор был на один выстрел, — жёстким тоном произнёс Гай, обращаясь к Гверну. — Ты удумал сделать два. Почему?

— Уговор был стрелять по яблокам, милорд, — ровным голосом ответил Нольвен. — Моя первая стрела в то яблоко и попала. А вот его, — Гверн покосился на Эларана, — летела прямо мне в шею. Я всем сердцем хочу продолжать вам служить, сир, но не смогу этого сделать с проколотой шеей.

Гай повертел в пальцах стрелу.

— Такая победа не может быть засчитана, — отчеканил Ферран. — Стрела моего сына летела в яблоко, а Нольвен нагло вывел его из игры.

— И как умело-то, а? — хмыкнул Гайлард в сторону Стендена. — Поставим их обоих друг против друга ещё раз?

— Нет, — воскликнула Мириан, — достаточно и того, что мы видели. Милорд, — Мириан обратилась к королю, — рассудите поединок.

Риккард в ответ только хрюкнул и равнодушно махнул рукой.

— Слишком мелкие сошки. Пусть Гай решает. Его день — ему и думать, которого из двух у себя оставить.

— Милорд, — сир Ратланд перевёл взгляд с короля на его племянника и замер в ожидании решения.

— Я бы устроил им второе испытание, но раз вы настаиваете... — Ладонь Гайларда легла поверх руки Мириан. Холодные тонкие пальцы были вмиг согреты пальцами сильными и тёплыми. — Пусть будет Эларан.

— Но... — рыпнулся было Нольвен, но стража с острыми пиками была наготове. Один шаг — те скрестятся или даже вопьются Гверну в бок. Молодому лучнику ничего не оставалось, как отступить, согнуться в почтительном поклоне и промолвить: — Как вам будет угодно, милорд.

— Наконец-то всё закончилось. — Король Риккард почесал вздувшийся живот и подозвал к себе Эларана. — А ты служи верно и не вздумай подвести своего господина.

Мальчишка упал на колени.

— Не подведу, ваша милость. Клянусь всем, что у меня есть, не подведу.

— Не подведёт, — расслабленно выдохнул Ферран и приказал страже расступиться.

Лорд и леди Стернс встали со своих мест и направились внутрь замка. Гай не спеша вёл Мириан к входу в главный зал, заботливо придерживая жену за локоть. Празднованию надлежало продолжиться там, среди ароматов сладкого вина и жареного мяса, маринованного в пряных травах и пиве. За Стернсами двинулись остальные. Никто не спешил задерживаться на жёстких скамьях: животы начали урчать не на шутку, да и хмель прилично выветрился из голов — хотелось подкрепиться.

Вскоре вокруг стало пусто. Только ветер с востока продолжал гулять, играя рыжим песком и светлыми волосами на голове Гверна. Оставшись один, лучник протёр стрелы, сунул их в колчан. Перехватил покрепче лук и, смахнув пыль с лица, развернулся, чтобы направиться к выходу, как вдруг был окликнут сиром Ратландом.

— Нольвен! Пойдите же!

Желания говорить с герольдом не было совсем. Сир Ратланд был известен как охотник до сплетен и слухов, и Гверн с раздражением в сердце уже гадал, каков будет первый вопрос.

— Нольвен... — Сира Ратланда мучила сильная отдышка. — Хорошо, что вы ещё тут.

— Чем обязан? — грубо кинул Гверн.

— Вам... тут... велели передать...

Сир Ратланд вытянул вперёд руку и разжал ладонь. На ней лежала изящная, бежевого цвета, перчатка. Слишком знакомая, чтобы Гверн вздумал спрашивать, от кого она. И слишком дорогая, чтобы глаза сира Ратланда коварно не блеснули, а в голове не начали роиться догадки о возможных причинах такого подарка.

— Благодарю, — сухо кинул Гверн, взял перчатку и сунул в карман куртки. — Всего вам хорошего, сир Ратланд.

— И вам, юноша. Вы были сегодня великолепны.

— Жаль, что не все это оценили, — огрызнулся Нольвен и, крепко зажав лук, зашагал к выходу. В стенах Торренхолла для него не было больше места. И во всём Нолфорте тоже.

Глава 10. Хозяин Торренхолла

Мириан никак не могла привыкнуть к Торренхоллу. Как ни старалась все те дни, что провела в стенах замка в ожидании возвращения Гайларда, как ни пыталась влюбиться в каменные стены одновременно с попытками проникнуться теплыми чувствами к их хозяину, ничего не выходило. Торренхолл оставался для Мириан чужим. Он был огромным в сравнении с родной крепостью в крохотном Ллевингоре; он был холодным и пустым. Согретый смехом и разговорами лишь на время торжества, он опять утонет в мертвой тишине, когда все гости разъедутся. Опять здесь будет безлюдно и мрачно. И одиноко.

Мириан сделала глоток вина. Но то не помогало ни капельки ни взбодриться, ни искренне улыбнуться. Получалось только деланно, хотя улыбка молодой леди Стернс была столь очаровательна, что подделку легко было принять за истину.

День подходил к концу, солнце уже почти спряталось за горизонтом, и в открытые окна подул сырой ветер. Мириан поёжилась. Не от холода: плечи ллевингорской красавицы украшала меховая накидка, привезенная леди Ровенной. Но как бы ни грела пушистая вещица, Мириан всё равно было холодно. И мурашки побежали по коже, и губы побледнели, и грудь заныла от одной только мысли, что совсем скоро сидящий рядом Гайлард Стернс, заливший в себя уже не один кувшин вина, встанет, протянет новоявленной супруге руку и уведёт туда, где они останутся одни на всю ночь. И Мириан зачеркнет всё то, чем жила все прошлые годы, и с рассветом у неё начнётся новая жизнь.

Мириан едва исполнилось тринадцать, когда мир перевернулся с ног на голову. Когда время девочки уже закончилось, а время женщины ещё не наступило, но няня, прознав про первые краски, вместо наивных сказок на ночь начала рассказывать о том, к чему должна быть готова любая девушка, не только леди.

«Вот расцветёте окончательно, — шамкала беззубым ртом седовласая старуха, — бёдра округлятся, грудь набухнет, глаза засияют, а волосы отрастут ниже пояса, заинтересуетесь вами знатный

мужчина. Сделает вас он своей женой, как это положено во всем мире, и в первую же ночь — женщиной. Вы, миледи, его слушайте и перечить ему не смейте. Делайте всё, как он велит, иначе прогневааете, и несчастливой будет вся ваша жизнь. Не кричите и не дёргайтесь, а терпите. В конце концов, через сорок недель боль вам предстоит в разы сильнее той, что причинит муж».

«А что он сделает, няня Арнея?» — широко распахнув глаза, спрашивала Мириан, вцепившись пальцами в тёплое одеяло, которое никак не хотела отпускать.

«То знать вам пока рано да и не обязательно. Главное, что муж ваш будет знать, что надо делать. Вам же голову забивать лишними мыслями не стоит. Красоты поубавится».

Мириан слушала внимательно и жадно ловила каждое слово. Год сменял год, нянька Арнея померла, так и не решившись досказать Мириан того, о чём начала, но болтливые служанки, с которыми Мириан охотно коротала вечера, пока Итор был занят собой, уже успели понабраться опыта в любовных делах и охотно делились подробностями с госпожой.

«Это и правда так волшебно?» — затаив дыхание интересовалась Мириан, когда одна из помощниц швеи разоткровенничалась о своём романе с кузнецом.

«Не передать словами, — мурлыкала та, пришивая ленту к подолу нового платья хозяйки. — Янек только на людях скромняга, а как сгребёт ручищами, как на шкуры бросит и...»

В тот миг девчонка потупила взгляд, но Мириан нетерпеливо бросила:

«И что?»

«И сам набросится, госпожа, — стыдливый тон продолжала откровенничать служка, — Вчера даже юбку мне порвал, так ему не терпелось. Да и мне, признаться, тоже».

«А это... больно?»

«Только первый раз и совсем немного».

«Но ведь...»

Мысли путались в голове у Мириан, а стыд не позволял расспрашивать дальше. Как там говорила нянька? Рано или поздно она всё узнает сама. И вот это время пришло.

Как и пришло время разговора с братом. Разговора открытого и без прикрас, когда Мириан в какой-то момент стало страшно, но возразить брату она не посмела.

«Слушай и запоминай, — со змеиным свистом говорил Итор, сжав плечи сестры с такой силой, что после его пальцев остались синяки. — Я ненавижу Стернса, но я не хочу войны. И ты должна сделать всё, чтобы волк был сыт и больше на наши земли не зарился. И мне плевать, будешь ты орать от боли или от восторга; главное, чтобы шакал думать забыл о Ллевингоре. А если не забудет, то прежде, чем сдохну сам, я придушу тебя. Поняла?»

«Ты плохо знаешь историю Нолфорта, — ответила в тот вечер Мириан, проглотив обидные слова. — Стернсы подминают под себя все земли, куда ступит их нога. И выбор за хозяином тех земель — примкнуть ли к Стернсам мирным путём, или они сделают это силой. Никто ещё не оставлял их с носом — не удастся и тебе».

«А для чего ты мне?» — шипел брат.

«Я — твоя сестра и принцесса Ллевингора».

«Но ты не королева».

«Но я ей стану».

«Становись. Но в Нолфорте. А Ллевингору должна взамен остаться его свобода».

Итор был прав. Ллевингор должен остаться независимым. И как бы грубо не звучал брат, Мириан была с ним согласна. Она — разменная монета во всей этой истории. Вот только брат не учёл одного: после одной лишь ночи Мириан вся будет принадлежать хозяину Торренхолла, единственному наследнику трона Нолфорта, её господину, а, значит, и слушаться обязана прежде всего только его, и никакие воспоминания о прошлом не должны всколыхнуться в душе и помешать её новой жизни.

Толпившиеся под самым потолком огромной залы, на балконах, музыканты оборвали весёлый танец, и головы всех гостей мгновенно повернулись в сторону Мириан. Время пришло.

Сидевшему по левую руку Гайларду помогли отодвинуть кресло. Стернс встал, случайно задев ладонью наполненный вином кубок. Тот опрокинулся — вино залило часть стола и закапало кровью на подол платья Мириан и сапоги Гая. Хороший ли то был знак или плохой,

Мириан не знала. Она рассеянно слушала подбадривающие хлопки вокруг и очнулась только, когда Стернс протянул ей руку и сказал:

— Миледи.

Дрожащие пальцы доверились пальцам тёплым и сильным. Мириан встала и, ведомая мужем, пошла рядом с ним. За ними следовали слуги с кувшином вина и подносом, полным закусок и фруктов. А полупьяные гости занялись развлечением короля Риккарда и опустошением винных кубков на спор.

Мириан и Гайлард шли длинными пустыми коридорами, своды в которых были столь высоки, что каждый шаг отзывался многократным эхом. Древний камень плохо просыхал дождливыми зимними днями, и по весне везде пахло плесенью. Но на закате лета сырости не было места, и вместо запаха гнили Мириан вдыхала полной грудью полные ночной влаги ароматы роз.

Беседа с супругом никак не ладилась, и Мириан дрожала под меховой накидкой и отсчитывала шаги, приближающие её к той самой двери, за которой она познает секреты, о которых так любили вечерами болтать служанки. Гайлард же смотрел вперёд настолько пустым взглядом, словно не его свадьба была сегодня, и словно то была и не свадьба вовсе, а похороны.

Высокие двери отворились перед леди и лордом Стернс и захлопнулись лишь, когда последний слуга, поставив на столик у кровати кувшин с вином и зажегши свечи, вышел в коридор и исчез в темноте вместе с остальными слугами, сопровождавшими хозяев из шумной обеденной залы в спальню, до которой не доносилось ни пьяных криков, ни дикого хохота, ни пошлых шуток. Для последних уже давно настало время, учитывая час ночи и количество выпитого вина.

Тяжёлый канделябр глухо стукнулся о дубовую поверхность пустого стола. Толстые воткнутые свечи зашлись трескучими искрами. Огонь выхватил из темноты украшенные вышивкой стены и тёмно-синее покрывало, спешно сдвинутое служанкой на край кровати. Белые лилии, ещё утром расставленные по вазам, начали увядать, и, втянув носом приторный запах, Гай поморщился. Он всегда питал неприязнь к этим вычурным цветам; их сладкий аромат напоминал ему о разлагающемся трупе лошади, на который Гайлард ещё в детстве наткнулся с лесу. Сердобольная нянька поспешила отвлечь юного

Стернса и, схватив за руку, потянула за собой на опушку, к корзинке с лепешками и виноградом и плотной тряпичей, расстеленной поверху примятой травы. И, прежде чем сунуть воспитаннику кусок хлеба, протерла его потные и липкие ладошки льняным полотенцем, жутко пахнущим теми самыми лилиями. И в то мгновение все запахи смешались в голове мальчишки в одно яркое пятно и неприятным воспоминанием осели где-то в дальнем уголке, чтобы в самый неподходящий момент о себе напомнить.

У Стернса помутнело перед глазами. И сердце внезапно ударило так глухо, словно отстукивало свой ритм в последний раз в жизни. Резко побледнев, Гай вцепился пальцами в край стола с такой силой, что одна ваза не выдержала и шмякнулась на бок, а вместе с ней и тяжелый букет лилий, обдав Стернса мириадами ненавистной жёлтой пылицы.

— Вам нехорошо? — Мириан обернулась на грохот. Она всегда любила лилии, обожала их и крохотными ростками, и вышивкой на своём плаще. И Мириан было до теплоты в сердце приятно, что хозяин Торренхолла готов разделить с ней её любовь и украсить их брачное ложе цветами её рода.

— Слишком много выпил, — отмахнулся Гай, а сам потянулся за кувшином и плеснул себе вина в кубок.

— Тогда стоит ли ещё пить?

Леди Стернс отодвинула наполненный кубок в сторону. Шелест тканей смолк, и в спальне наступила такая тишина, что Гай даже слышал дыхание Мириан. Волнительное, оно в то же время было лёгким и едва уловимым. Так забавляется с прядями волос бархатистый ветерок безмятежным летним утром, прежде чем окончательно скрыться и уступить место зною.

Деревянными пальцами Гай не с первой попытки но расстегнул верхнюю застежку дублета. Дышать стало легче.

— Позвольте? — Послышалось смущенное, а грубая кожа рук ощутила осторожное и нежное прикосновение, по-девственному неуверенное и ещё неловкое.

Серебряные застежки не устояли под чарами настоящей красоты, и, когда с последней было покончено, Гай взял руку Мириан в свои и поднёс к губам.

— Я теперь ваша, — прошептала Мириан и подняла полные хрустальных слез глаза на мужа.

Света свечей в комнате было мало, но леди Стернс могла поклясться, что уже видела этот взгляд. Полный тревоги и печали одновременно, он только был чуть более уставший и безгранично одинокий. Мириан нередко видела вещие сны. Вот и взгляд будущего супруга в одном из тех снов разглядела, оставалось лишь вспомнить, в каком именно и что приснилось дальше. Но все воспоминания потом... завтра... или через неделю, а сейчас... Мириан почувствовала, как Гай провёл ладонью по её волосам, распутывая красивую и сложную причёску и позволяя каштановым прядям рассыпаться по плечам и спине.

Платье на правом плече затрещало и поползло вниз, оголяя светлую кожу. Мириан неловко охнула и попробовала перехватить ткань, но вовремя остановилась и уже спустя мгновение задрожала от прикосновений холодных губ мужа.

Его язык скользил по её шее колючим репейником, а руки мяли грудь. Пальцы грубо нащупывали соски, но плотная ткань их тщательно прятала. Пытка длилась недолго — шнуровка на платье резко ослабла, и то скользнуло на пол.

В полумраке и совсем не понимая, что с ней происходит, Мириан услышала, как что-то тяжелое брякнулось на пол, а после вдруг почувствовала, как коснулась спиной прохладной простыни и как сильные губы впились в её нежную кожу, а привыкшие к покорному повиновению руки резко раздвинули бедра.

Мириан испуганно дёрнулась. Страх накатил ледяной волной. Мириан попробовала отстраниться от мужа, но Гайлард не позволил. Нежные и полные страсти сказки служанок о первой ночи обернулись болью и непониманием. Мириан хотела закричать, но с губ сорвался лишь сдавленный хрип. Стернс не останавливался, в глаза жене не смотрел и не видел её испуганного и молящего хотя бы об одном теплом слове взгляда. Пусть шепотом, пусть еле слышно — она бы разобрала и почувствовала, что хоть капельку нужна этому человеку. Но слов не было, как не было и жарких объятий, и томных ласк, за которыми должно было последовать самое сокровенное.

Два раза мазнув сухими губами по губам жены, Гай больше к ним не притрагивался. Не зарывался лицом в густые, пахнущие цветами,

волосы, словно считал это омерзительным, не проводил руками по изгибам тела, только ему одному явившему всю свою красоту. Стернс даже рубашку с себя не снял, лишь немногим ранее швырнул на пол тяжелый дублет, позволив каменному полу соскрести часть серебра с застежек, и развязал пояс.

Мириан закрыла глаза и уже больше не сопротивлялась. Острая, разрывающая боль пронзила тело — Мириан вскрикнула, но тут же закусила губу, вцепилась пальцами в плотную простыню и продолжала терпеть, пока не услышала облегчённый выдох мужа и не почувствовала, как её бедра обволакивает чём-то тёплым и липким. Запах лилий, царивший в спальне, перемешался с запахом новым, до той поры Мириан незнакомым. От него Мириан затошнило, ей хотелось пить, но всё, что она получила, это горячее дыхание Гая над своим лицом и процеженные сквозь зубы слова:

— Мне нужен сын.

Мириан всхлипнула. Но Стернс не обратил на это никакого внимания. Он встал, оправил на себе сползшую одежду, обернул и затянул пояс. Затем хлебнул из кубка вина, взял со стола свечу и вышел из спальни, громко хлопнув дверью.

Мириан приподнялась на локте. Она лежала на смятой простыне, испачканной в крови и мужском семени, измученная и раздавленная. Ей было плохо, хотелось бежать, но, бросив отрешенный взгляд на закрытую дверь, Мириан лишь потянулась за покрывалом и накрыла им истерзанное тело. Вставать было больно, больно было даже перевернуться, но ещё больнее было осознавать, что она никому не нужна. Ни здесь, ни в родном Ллевингоре.

* * *

В заставленной склянками и увешанной пучками сушеных трав комнате было жарко. Затопленный камин, над огнём в котором висел небольшой, булькающий густым варевом чугунок, давал тепла столь много, что Рики не выдержала, смочила тряпку в ведре с прохладной водой и поднесла ко лбу. Суетившийся около камина Дагорм двумя пальцами держал за хвост дохлую серую мышку, найденную неподалёку от дровницы, и откровенно не знал, выбросить ли мертвое

животное в окно или оставить для опытов. Значимость опытов перевесила, и дохлый зверёк отправился в холщовый мешочек.

— Подай мухоцвет, — прогундосил старик, и Рики сорвалась с места за горкой сухих листьев.

— Вот.

Крючковатыми пальцами Дагорм отсчитал из рук девушки штук семь коричневато-зелёных листочков, перетёр их ладонями и стряхнул крошки в бурлящее варево.

— Ну? Успокоилась? — ворчливо спросил старик, помешивая то, над чем колдовал.

— Будто я была беспокойна, — фыркнула Рики, сняла с пояса подаренный Стернсом нож и принялась нервно крутить в пальцах.

— Как ещё я успел тебя за локоть схватить? — пробурчал Дагорм и пригладил куцую бороду. — А то, ишь, чего удумала! За милордом следом рвануть!

— Так я же за него переживаю!

— Ничего с твоим хозяином за ночь не случится. В замке охраны больше чем клопов, и всем наказано держать ухо востро. Ни один комар не пролетит незамеченным.

— Я им не доверяю.

— А лорд Стернс доверяет. Стыд и срам был бы, если б ты вместе с милордом в спальню завалилась.

— Я бы отвернулась и не смотрела.

Дагорм всплеснул руками.

— Нет, ну что с тобой такой упрямой делать?!

Рики в ответ только пожала плечами и продолжила играть ножичком.

Кипящее в чугушке варево разошлось не на шутку. Несколько брызг перелетело через край и испарилось в языках пламени, заставив то громко зашипеть. Сгорбившийся над книгой Дагорм распрямил спину, повернулся к камину, подцепил ухватом котелок, снял его и аккуратно поставил на деревянную дощечку перед собой. Деревянной ложкой зачерпнул немного жидкости, поднёс к носу, втянул запах узкими и кривыми ноздрями и довольно причмокнул губами.

— Подойди-ка, — поманил старик к себе Рики.

Девушка сползла с высокого сундука, на котором удобно устроилась минутой раньше, и приблизилась к столу.

— Я это пробовать не буду, — поморщилась она, помахав перед носом рукой.

— Я и не заставляю, — ответил старик. — Нож дай.

— Чего?

— Нож, говорю, дай. — Дагорм начинал терять терпение. — Тот, который тебе лорд Стернс пожаловал.

— Не дам. — Рики отвела руку с ножом за спину. — Милорд мне его подарил — милорду его у меня и забирать.

— Живо брось пререкаться со старшими! — неожиданно для девушки рывкнул старик. — Делай, как тебе говорят!

Рики вытянула руку вперёд и разжала пальцы. Заветный нож со змейкой на рукояти ударился о деревянный стол. Дагорм довольно хмыкнул, провёл по змейке потной ладонью, а потом капнул на лезвие ножа и на рукоять немного отвара из ложки. Жирные капли замерли на металле. Старик снова хмыкнул.

— И что это значит? — Рики следила за действиями советника лорда Стернса, затаив дыхание.

— Что это значит? — переспросил Дагорм. — А это значит, милая девочка, что перед нами самый обыкновенный нож, рукоять которого сделана из чистого серебра без всяких примесей.

Рики прыснула со смеха.

— А вы что надеялись обнаружить? Золото под слоем серебра?

— Ну... как минимум хотел убедиться, не наложено ли на нож какого чудного заклятия. Вряд ли тот мальчонка на острове испугался именно тебя, когда ты помахала перед ним этой тыкалкой. Нет, струхнул он именно перед этим куском стали. Но почему?

Рики не знала, что ответить, но хорошо помнила тот странный случай. Как забыть-то? Такое никогда в жизни не забудешь, а тут ещё и месяца не прошло.

— Ладно. — Дагорм наморщил лоб и выхватил из стопки на столе толстенную книгу. — Будем рыть дальше.

Рики с любопытством заглянула старику через плечо.

— А уже что-нибудь нарыли?

Ответом ей был тяжелый вздох.

— Не так быстро, деточка, не так быстро. Информации мало, даже в справочнике шипящих гадов о таких экземплярах ни строчки. Эй, ты

чего? — Дагорм поднял голову и посмотрел на наострившую уши Рики.

— Вы слышали?

— Что?

Голос старика начинал дрожать.

— Крики... Вот. Снова.

Дагорм прислушался и облегченно выдохнул.

— Это леди Фианна Рэей голосит. Нахрюкалась — теперь её не могут довести до спальни.

— Точно не лорд Стернс?

Дагорм посмотрел на Рики, как на полоумную.

— Не каркай! — только и был ответ.

— Я просто очень сильно волнуюсь. Переживаю за него. Больше, чем за кого-либо на свете. Он ведь доверяет мне свою жизнь, а меня рядом с ним нет... Выходит, я его подвожу.

Дагорм поводит густыми бровями, отложил книгу в сторону и наставническим тоном сказал:

— Это Гайлард Стернс, милочка. Не стоит смотреть на него, как на бога, и, как от бога, ждать от него щедрости. Он не бог и никогда им не будет. Это ты сейчас пользуешься его расположением и протекцией, а найдём мальчишку — всё изменится. И будешь ещё радоваться, если Стернс просто так отпустит тебя домой.

— А может не отпустить?

— Может и горло перерезать, если по какой-то причине ему это станет выгодно.

— Не верю. Он не такой.

— Можешь не верить, но я его знаю. Ему почти тридцать, а тебе и шестнадцати, наверно, нет. У тебя вся жизнь впереди, а ему уже всё в тягость. Тебе бы бежать от него да поскорее, выйти замуж и забыть обо всем, что видела.

— Замуж, — Рики хмыкнула. — Все постоянно твердят мне одно и то же. Даже женишка уже сыскали.

— Он тебе не пара, — махнул рукой Дагорм и снова уткнулся в книгу. — Если ты о капитане Швидоу, конечно. Тебе сыскать бы простого, деревенского. Такого, как твой брат, к примеру.

— Он очень милый, да? — улыбнулась Рики, вспомнив о Далене.

— Ну, это слово я оставлю барышням, а от себя скажу, что считаю его просто хорошим человеком. Честным, прямым, как натянутая струна, и работающим. Такой тебе и нужен. А не подлиза Швидоу.

Рики промолчала. Но воспоминания о брате отдались в сердце таким теплом и уютom, что тут же разморило и потянуло в сон. Прочь ушли тревога и беспокойство за лорда Стернса, их место заняли легкая улыбка на губах и слипающиеся веки. Рики даже пришлось ущипнуть себя за тощий бок, чтобы внезапно не бухнуться в мягкое кресло неподалёку от камина и полok с книгами и не задремать там.

Интересно, чем сейчас занят брат? Наверно, дрыхнет давным-давно в окружении сушеной рыбы и на плохо стираной простыне. Или не дрыхнет, а обнимается со своей женошкой и продолжает верить её сладким словечкам, которые она столь умело шепчет ему на ухо. Или сидит за столом при свете одинокой свечи, потягивает пиво и вспоминает то, что они пережили на острове... Может, и сестру вспоминает тоже.

— Чего приуныла? — спросил вдруг старик. — И сочишь так громко, что мешаешь мне про василисков читать.

— Сэм не василиск, — буркнула Рики. — Он — дракон.

— Не василиск, — передразнил девушку Дагорм. — А ты почём знаешь, кто он такой на самом деле? Он тебе докладывал?

— Разрешите вы мне с ним поговорить на корабле, доложил бы.

— Он тебе один раз уже доложил, что ты — его хозяйка, но проку от того откровения что-то мало. Настоящая хозяйка сказала бы зверушке: «К ноге».

Рики скривила губы.

— Не понимаю, как вас милорд ещё терпит. Вы же колючий чертополох, только и делаете, что говорите колкости то мне, то лорду Стернсу.

— Я, деточка, уже много на этом свете повидал и говорить те колкости имею полное право. И милорд знает это, и у него хватает мудрости и такта относиться к моим наставлениям с терпением. Плохого я ему никогда в жизни ничего не советовал, непристойного тоже, разве только всегда старался уберечь от ошибки. В первый раз удалось; во второй — природа подсобила.

— От какой такой ошибки?

Рука Дагорма, собиравшаяся перевернуть страницу, замерла. Поняв, что ляпнул лишку, старик сделал вид, что ничего не расслышал, и принялся бубнить себе под нос стих о пернатых змеях. Но Рики нависла над книгой исполинской тенью и сдаваться не собиралась.

— И от каких ошибок вы уберегли хозяина?

Сухой кашель вырвался из горла Дагорма. Глотнув тёплой воды, старик вытер пот со лба, закрыл книгу, повернулся к камину, помешал кочергой дрова и, обернувшись к Рики, начал свой рассказ:

— Я уже предупреждал тебя, что не стоит превозносить Стернса до небес. Он не из тех, кто станет вершить правосудие, преследуя лишь цель, чтоб его народ жил в мире и сытости. Скажу по правде, народ его мало волнует. А вот деньги — напротив. А ещё власть. И кресло его дяди в столице. А ещё он не может устоять перед женщинами. Тут я замечу, чтобы ты не обольщалась на свой счёт: перед красивыми женщинами. Тех у милорда было предостаточно. Правда, все они тоже любили деньги, так что, можно смело сказать, у нашего хозяина и тех... шлюх был пусть всего один, но общий, интерес. И вот одной такой девице удалось вскружить голову милорду. Тот ещё совсем юнец был, кровь играла. А девица была лет на семь его постарше и с опытом солидным. Он уже и жениться на ней удумал, балбес этакий, но я вовремя получил тревожную весточку, посадил ту девку на корабль и приказал увезти подальше и никогда больше в Нолфорт не пускать. Хозяин бесился долго, а потом взял и назло мне закрутил роман со второй такой же распутницей, и вот её я и проморгал. Она родила милорду сына, и когда король Риккард об этом узнал, его хватил удар. Нельзя портить королевскую кровь кровью простоллюдинов, поэтому его величество вызвал к себе милорда и пригрозил ему лишением титула и изгнанием из Торренхолла, если проблема не будет решена.

— И что сделал лорд Стернс? — ахнула Рики.

— Судя по тому, что он до сих пор лорд и владеет Торренхоллом, он не решился перечить королю и выбрал власть и корону, а не бабу, с которой развлекался по ночам.

— А как же ребёнок?

— Ребёнок?.. А! Лорд Стернс приказал от него избавиться, но, хвала богам, марасть руки не пришлось. Мальчонка сам испустил дух на втором месяце жизни.

У Рики потяжелело на сердце. Всё, что она услышала, произносилось таким ровным, таким беспристрастным тоном, что ей стало противно. И совсем не хотелось верить, что тот, кто дал ей возможность хоть на какое-то время воплотить в реальность её мечты, мог быть таким бессердечным и жестоким. Впрочем, если вспомнить, чего стоило ей то воплощение её мечтаний...

— Все кости мне перемыли?

Рики чуть не подпрыгнула на месте, а Дагорм тоже вздрогнул, но тут же сделал такое лицо, словно не понимал, о чём вопрос.

Из темноты холодного коридора в тёплую комнату вошёл Гай, задул догорающую в его руке свечу, шмякнулся в кресло у камина, вытянул ноги и, откинув голову на спинку кресла, закрыл глаза. Играющее в камине пламя осветило лицо лорда Стернса — оно было серым и невероятно уставшим. Вылезшая из-под пояса рубашка была сильно помята, и её концы некрасиво свисали по бокам куцыми лоскутами. Один даже был слегка перепачкан чем-то красным, вероятно, вином.

— Ну? — устало рыкнул Гай, требуя ответа на свой вопрос.

— Это я рассказывал Рики о детях белошвейки Тильды. У неё что первый, что второй, что третий...

— Дагорм, — оборвал старика Стернс и открыл глаза, — я всё слышал.

— П-простите, милорд.

— Прощаю.

Гай снова закрыл глаза.

— Я... мы... просто не ожидали, что вы вот так... посреди ночи... Мы думали, вы спите.

— Не спится, когда слуги о тебе на весь Торренхолл кудахчут.

— А как себя чувствует леди Мириан?

— А вот леди Мириан уже спит. Она сильно устала сегодня. А тебе, кстати, не пора?

Дагорм удивлённо заморгал, но переспрашивать не стал.

— Я собирался разок проведать вашего отца, дать ему своего снадобья, а после сразу отдохнуть. Денёк выдался суетным, вы правы. Так что если я вам не нужен...

— Ступай, — отрезал Стернс, — и чтобы до утра я тебя больше не видел.

— Как вам будет угодно, милорд, — принялся расшаркиваться старик и, исчезая в темноте коридора, поманил пальцем за собой Рики.

На цыпочках, девушка осторожно прокралась мимо Стернса, дышавшего ровно и глубоко и по всей видимости уже заснувшего в кресле, как вдруг Гайлард потянулся и пробормотал в сторону ныряющей за дверь девчушки:

— А ты останься.

За стеной шумел ветер, а в самой стене скреблась мышь. Яркие факела были погашены, и Торренхолл утонул во тьме ночи, обычно богатой на звезды, но сегодня способной похвастать лишь свинцовыми тучами над зубчатыми башнями. Продрогшие караульные кутались в тонкие плащи и клацали зубами от холода: давно ветер столь сильно не хлестал по щекам, не сыпал в глаза поднимаемым с земли песком и не пробирал до мозга костей.

Гостям, что уснули в непротопленных комнатах, тоже приходилось несладко: замершие носы прятались под покрывала, а с пола на кровати тащились шкуры. Кто-то даже уснул прямо в кафтане, не раздеваясь. И только в пропахшей мятой и ромашкой комнатке Дагорма жар стоял настолько невыносимый, что Гай не выдержал, снял рубашку и обтер ей вспотевшие шею и грудь.

— Накочегарили так, что во рту пересохло, — проворчал Стернс, бросив на Рики недовольный взгляд.

— Старик варил какую-то гадость, — невозмутимо ответила девушка, заливая горячие поленья водой из ведра.

Комната вмиг наполнилась возмущённым шипением, и огонь потух.

— Принеси пить.

Рики зачерпнула ковшом воды и подала Гаю.

— Что это? — Стернс презрительно смотрел на своё отражение в кристально чистой воде.

— Где? — Рики испугано заглянула в ковш. — А... муха плавает. Сейчас я её вытащу.

Подцепив обгрызенными ноготками насекомое, Рики вытянула муху и брезгливо бросила на пол. Стернс сделал глоток, ещё один. Гайпил столь жадно, будто весь день провёл в жаркой пустыне. Потребуй

Рики за воду мешок золота, Стернс не медля отдал бы только за возможность промочить сухие и все в трещинках губы.

— Вам бы одеться, — промолвила девушка и отвела взгляд. Вроде и не первый раз видела хозяина по пояс голым, а привыкнуть никак не могла, и всякий вечер или день, когда приходилось менять повязки на спине и наносить на израненное тело мазь, руки дрожали, лицо алело, а глаза стыдливо смотрели в пол. — Огонь я потушила. Если намерены здесь долго сидеть — замёрзнете.

— Я намерен пойти спать. Завтра опять не избежать суеты и показного балагана. Терпеть это придётся, пока не уедет последний гость.

— А мне показалось, вам всё понравилось.

Брови Гая удивленно поползли вверх.

— Что именно должно было мне понравиться? Толпа потных и вонючих зевак, через которую было не протиснуться? Эта идиотка толстуха Резь с её вечно в трауре племянницей? Или чахоточная дочка моего дяди, на которую глянешь, так сразу или аппетит испортится, или жить перехочется? Или, может, этот твой Швидоу? — при упоминании имени капитана Стернса странно перекошило. — У Риновара хватило ума посадить его подальше. От одного только вида его усов у меня вино шло обратно.

— А мне с ним жить предлагаете!

— Я всего лишь обеспечил твоё приданое на случай, если вдруг ты воспылаешь к Швидоу страстной любовью. — Гайлард словно издевался. — Об этом меня просил твой брат. А решать тебе.

— А я никогда не соглашусь.

— Даже когда мы найдём твою тварь?

Рики горько сглотнула и ответила:

— Даже когда стану вам на нужна.

Гай смотрел на Рики в упор.

— А ты и правда интересна Швидоу. Я думал, слова твоего брата — блажь, забившая ему мозги, а, оказалось, всё так и есть. Как же так?

Рики вскинула голову.

— Хотите сказать, как же так произошло, что я оказалась хоть для кого-то привлекательной? — Вынести пытливый взгляд Стернса

оказалось не под силу, и девушка шагнула к камину, оказавшись тем самым спиной к хозяину.

Гай потянулся и хрустнул позвоночником. Сильная боль тут же пронзила всё тело, и Стернс чуть не взвыл.

— Впрочем, — пробормотал он, когда боль притупилась и говорить стало легче, — до твоего капитана мне нет дела. — И не получив никакого, даже самого дерзкого, ответа на свою колкость, добавил: — Ну, чего там стоишь, золой дышишь? Огонь потушен — камин давно не греет.

Рики обернулась и скользнула взглядом по уставшему лицу Гая.

— Зато вы...

— Я? — прохрипел тот.

— ...горячий, — закончила девушка, как только сделала несколько шагов по направлению к креслу и провела ладошкой по сильному плечу хозяина. — У вас опять жар, милорд. Вам бы прилечь. Хотите, позову Дагорма?

Гайлард помотал головой.

— Я просто устал.

— Тогда оденьтесь. — Рики взяла скомканную рубашку, смочила её в ведре с водой, выжала и протянула Стернсу. — Охладит. А я помогу вам дойти до спальни. Только бы леди Мириан не разбудить.

Девичьи пальцы боязливо заскользили по собравшейся складками на груди Гая влажной ткани, распрямляя её, и замерли, почувствовав, как их накрыло горячей широкой ладонью.

— Не стоит тревожить сон леди Мириан.

— Вам надо прилечь. — Рики попыталась высвободить руку. — Вы устали.

— Мы все сегодня устали.

— А у вас горячка, и вино до сих пор не выветрилось.

— Так мерзко воняет?

— Хуже, чем от свиней, вот честное слово!

— Ты хоть понимаешь, что и кому ты сейчас говоришь? Даже жена не смеет разговаривать со мной в таком тоне.

— И мне её искренне жаль. Ей приходится терпеть этот запах на расстоянии гораздо более близком, чем мне.

— Рики...

— Не только вы смеете своими словами ранить других людей; всегда найдётся кто-нибудь, кто посмеет задеть и ваше сердце.

— Моё сердце давно для всех закрыто...

— Тогда мне и вас жаль, ведь рано или поздно захотите открыть, а ключ будет навсегда утерян.

Стернс наморщил лоб.

— Рики, не умничай.

— Не буду... Да выпустите вы уже мою руку, наконец, не то закричу.

— Тише.

Гай резко отпустил руку девушки и прислушался. По коридору, не щадя чуткого сна измотанных гостей, всюду громыхали сапогами. С каждым мгновением грохот становился сильнее, а потом и вовсе перерос в хаотичный шум. По длинному, пустому и тёмному коридору не шли — бежали.

— Кто это может быть? — испуганно пролепетала Рики.

— Не знаю, — отрезал Гай и огляделся. — Поганая каморка. Ни меча, ни дубины — одни дохлые крысы... Нож твой где?

— Вот. — Рики метнулась к столу и схватилась за заветную змейку. — А снаружи разве нет охраны?

— Это комната Дагорма. Какая тут, к мухам болотным, охрана?

— Разве за вами не шли следом?

— Я приказал этого не делать. Тсс.

Шаги становились ближе. Ещё несколько ударов сердца, и спешивший завернет за дверь. Но он был не один. Рики уловила шаги второго человека; тот тоже спешил, но в отличие от первого на громыхал сапожищами. Почему? Возможно, потому-то сапог на нём не было, или же он заранее позаботился о том, чтобы те не шумели и не отвлекали зря внимания хозяина.

Дверной проём вспыхнул красно-оранжевым светом, и в комнатёнку заскочил весь в дорожной пыли посыльный, а следом за ним — Риновар с подсвечником в руке. Ворвавшись в пропахшую табаком и травами каморку, оба замерли на месте: посыльный тяжело дышал, а слуга лорда Стернса с оживленным удивлением смотрел на своего господина, от величественно-красивого вида которого не осталось и следа. Взгляд вместо горделивого стал напряженным, волосы были взъерошены, а на рубашку вообще без слез смотреть

было не возможно: она была вся мокрая, словно Стернс только что попал под проливной дождь.

— Милорд, — отдышавшись, выплюнул посыльный, протягивая свернутый свиток, — срочно. От лорда Альгервильда.

— Прошу простить, ваша светлость, — вмешался Риновар. — Я говорил, что срочных новостей из Папоротниковой впадины в такое время суток быть не может, но он ничего не хотел слышать. Но раз уж так получилось, то вот ещё.

И Риновар передал Стернсу второй свиток.

Вырвав из рук слуги перевязанное чёрной лентой послание, Гайлард развернул его и пробежал глазами по старательно выведенным буквам. Рики не выдержала и заглянула хозяину через плечо, но свет был слишком тусклым, чтобы уловить больше, чем слова обыденного приветствия и вежливых расшаркиваний.

— Старуха Морвенна мертва, — выдохнул Гай, когда дочитал до конца. — Её внучка Ирис готовится взойти на престол. — И, бросив недовольный взгляд на Риновара, пробурчал: — Мог бы до утра подождать, а не совать мне это под нос среди ночи. Умерла и умерла — воскресить не удастся, так к чему разводить хаос?

— Именно так я и хотел сделать, — спокойно ответил Риновар, — но этот... — недовольный взгляд прошёлся по испачканной дорожной грязию куртке посыльного, — человек клялся, что дело жизни и смерти.

— Так уж жизни и смерти?

Посыльный задрожал от волнения.

— Так мне наказал сказать лорд Альгервильд.

— Старик тоже откинулся? — хмыкнул Гай, забирая второе послание.

— Когда я уезжал, он был жив-здоров, — заикался посыльный.

— Тогда, верно, курица его померла, вот и просит теперь новую. Знает старый хрыч, что сегодня я никому в просьбах не отказываю, — съязвил Стернс и начал читать.

С каждым ударом сердца его лицо чернело всё сильнее, а пальцы впились в клочок бумаги с такой силой, словно он был ценнее золота.

— Они нашли его, — прохрипел Гай, опуская витиеватое прощание хозяина Папоротниковой впадины, с особым старанием

выведенное в завершении письма. — Ты слышала? — Стернс перевёл горящий безумием взгляд на Рики. — Они его нашли.

Комок в горле не давал говорить, а сердце обволокло страхом. Непонятным и оттого ужасающим. Знать бы, за кого именно Рики боялась в тот момент больше — за Сэма или за Гайларда Стернса, — было бы легче.

— Сэм мёртв? — совладав со ступором, спросила девушка.

Гай смотал свиток.

— Они взяли его живым во время охоты. Сверили с приметами, что я велел разослать по всем землям, и сразу заперли в амбаре. Лорд Альгервильд пишет, гадёныш бесился до полуночи, а потом поглумился над служанкой, приносившей еду, и свернул ей шею. Теперь лорд Альгервильд беспокоится, как бы он не разнёс ему амбар.

— Тогда почему не везёт его к вам?

— Все так напуганы, что приближаться к амбару боятся. Лорд Альгервильд просит моих людей забрать гада. Что ж, так даже лучше. Лично перережу ему глотку. Мне нужно ехать, — отчеканил Стернс, взглянув на переполошенного и ничегошеньки не понимающего Риновара.

— Да, ваша светлость, — пролепетал тот. — Большинство гостей разъедутся третьего дня, ваш дядя — пятого. Прикажете приготовить лошадь к концу недели?

— Ты не понял, — в голосе Гайларда звенел металл. — Мне нужно ехать прямо сейчас. У меня нет ни трёх дней, ни тем более пяти. Разбуди капитана Шеллинга, прикажи ему взять двадцать лучших людей. Мне и ей, — Стернс ткнул пальцем в Рики, — нужны будут тёплые одежды. Даю на все сборы от силы час.

— Она поедет с вами? — изумился слуга. — Если запертый в Папоротниковой впадине мерзавец так опасен, то зачем вы берёте девочку? Возьмите лучше сорок воинов вместо двадцати.

— Если мне будет грозить настоящая опасность, то и сорок не спасут.

— Я понял, милорд, — кивнул Риновар, так ничегошеньки и не поняв. — Будут ли ещё какие-нибудь распоряжения?

— Будут.

Рики напряглась.

— Передай Феррану, чтобы вместе с капитаном Мортенером отправился на Вороний остров. Пять. Лучше десять кораблей. Мы забыли там золото — капитан Мортенер в курсе. По дороге и на острове уничтожать всё, что будет двигаться тем же или противоположным курсом, и не щадить никого.

— Да, ваша светлость.

— Так чего ты ещё тут стоишь?

— Я... — Риновар мялся, — вы уверены, что отправляться к лорду Альгервильду стоит сию секунду. Что мне передать гостям, вашей супруге и королю?

— Да пёс с ними со всеми. Придумай. Или зачем я тебя держу столько лет? — Гай начинал раздражаться.

— Риновар прав. — Темноту прорезал голос Дагорма. Старик был бледен лицом и хмур. — Вам нужно повременить с отъездом, милорд. Капитан Шеллинг в состоянии и один привезти пойманного мальчонку.

— Что за бред? — начал кипятиться Гай, но старик не дал ему выплеснуть всю злость наружу.

— Милорд... ваш отец умер. Теперь вы по праву единственный хозяин Торренхолла. И всего юга.

Глава 11. Паучиха

Утро выдалось хмурым.

До крайности неприветливое, оно не подарило ни одного солнечного брызга, а только ошарашило продирающим до костей ливнем. Кутаться в якобы непромокаемый плащ было бесполезно: вода рвалась с неба на землю с такой силой, словно того дождя не было лет сто и вдруг сейчас тучи прорвало.

Лошади громко фыркали и вязли копытами в липкой грязи. Измучились они быстро — хватило и двух часов. Продираться дальше по превратившемуся в кашу лесному тракту было невыносимо: все устали, промокли, и даже капитан Шеллинг, много повидавший и не привыкший к тёплой постели и мягкой перине, неуютно ёжился и хлюпал носом.

Одного роста с лордом Стернсом, темнобровый и кареглазый, с искривлённым носом и шрамом у левого уха, Эйдан Шеллинг был мечтой половины женщин при Торренхолле, и мало кто знал, что всю свою жизнь капитан спал только со своим мечом и ни с кем более. В походной куртке, песочного цвета штанах и сапогах с высоким голенищем и удобным каблуком, всегда подпоясанный широким поясом цвета меди и в чёрных перчатках, Эйдан был часто хмур и неприветлив. Одновременно с этим немногословен и сосредоточен, особенно в делах, касающихся хозяина. Отец Гайларда Стернса капитану всецело доверял и даже хотел пожаловать ему титул лорда-хранителя Крепости Ветров, что стояла на юго-западе, прямо на границе с Ллевингором, но Эйдан Шеллинг предпочёл остаться в стенах родового замка Стернсов, о чём в дальнейшем ни разу не пожалел. Впрочем, покойный лорд Стернс тоже сильно не расстроился.

Дождь не унимался. Прятаться от ледяных капель под кронами деревьев было невозможно: помимо воды на одежду летели ещё и листья, облепляли собой всё и даже норовили залететь в рот или приклеиться к глазу. Несколько таких, ржаво-жёлтых, прилипли Рики прямо к носу и щекам и оставили на них бурые следы. Можно было

стереть пятна рукавом, да только ливень был настолько силён, что тут же смыл всё без остатка.

Рики тоже продрогла. Ни плащ, ни тёплая одежда не помогали. Пальцы, державшие поводья, онемели окончательно, а волосы на голове почти встали дыбом, если бы опять же не дождь, превративший пряди цвета соломы в унылые сосульки.

— Милорд!

Дрожа и чертыхаясь, капитан Шеллинг пришпорил изможденную лошадь и попробовал обогнать всадников, следовавших за лордом Стернсом. Поравнявшись с господином, капитан перевёл дыхание, набрал носом побольше воздуха и что было силы и вместе с паром выдохнул:

— Лорд Гайлард, нам нужно остановиться!

Продирающийся сквозь стену из дождя Стернс бросил в сторону Шеллинга хмурый взгляд.

— Ещё ни одна лошадь не свалилась, так что можем продолжать ехать.

— Они свалятся раньше, чем мы проедем две мили, милорд! — перекрикивая ливень, ответил капитан. — А люди окочурятся до того, как упадут лошади.

Гайлард резко потянул поводья на себя, останавливая Ашка. Следом остановились и другие, и только Рики по неопытности пролетела вперёд. Пришлось разворачиваться.

— Что ты предлагаешь? — Гай снова недовольно посмотрел на капитана Шеллинга. — Устроить привал прямо здесь? — Гайлард с трудом говорил: мешал дождь, который хлестал по губам так, что те уже стали красными и норовили вот-вот начать кровоточить. — Ты совсем спятил? Я лучше пойду пешком, чем останусь подыхать тут.

— Есть лучше вариант, милорд, — подал голос Эларан, наклонившись вперёд и заботливо похлопав по морде вымотанную лошадь. — Когда мы проезжали вдоль оврага, где было ещё такое большое поваленное дерево, я увидел справа небольшую тропинку.

— И что там?

— Я посмотрел вдаль, и мне показалось, я видел хижину. Я не сразу сообразил сказать капитану...

— Так тебе показалось, или ты точно видел?

— Я... не уверен, милорд, но...

— Нужно вернуться к оврагу, — пришёл на помощь Эларану капитан. — Нас здесь двадцать с лихвой человек, у кого-нибудь да будет зрение поострее, чем у мальчишки-оруженосца. А нам сейчас любая хижина подойдёт. Были бы дрова сухие да крыша без дыр.

Лорд Стернс кивнул.

Лошади фыркали и разворачивались медленно. Из последних сил они топали по хлюпающей под копытами грязи, обрызгивая ноги всадников, и едва-едва соглашались идти туда, куда их направляли.

До оврага было рукой подать, но никогда ещё дорога не казалась Рики столь долгой и тяжёлой. Стиснув зубы и про себя молясь, чтобы то, что увидел мальчишка Стенден, оказалось не миражом, а правдой, она втянула голову в плечи и послушно следовала за всеми, стараясь держаться поближе к лорду Стернсу.

— Что там? — перекрикивая шум дождя, спросил Гайлард, когда капитан Шеллинг вместе с Элараном первыми свернули на заваленную ветками и шишками тропинку, едва различимую.

— Ничего не видно, милорд, — с горечью в голосе ответил капитан.

Стернс сплюнул на землю.

— А если вернуться в Торренхолл? — робко предложила Рики. — До Папоротниковой впадины всяко дальше, чем до вашего замка.

— Ты, видимо, скучаешь по общению с моим дядей, — съязвил Гай, а лошадь под ним заволновалась. — Или по Швидоу тоскуешь?

Рики стиснула зубы. «Ни то и ни другое, — подумала она. — О вас волнуюсь, как бы вы горячку не подхватили, только вам на всё плевать».

— Зря время потеряли. Разворачиваемся! — крикнул Гай и махнул в сторону размытого тракта, ведущего на земли лорда Альгервильда.

Рики прищурилась.

— Стойте! — внезапно завопила она и чуть не грохнулась с лошади. — Я вижу дым! Точно. Там дым! Из трубы валит.

Всадники зашумели, вглядываясь туда, куда смотрела Рики.

— Дым! — повторил Эларан, довольно улыбаясь. — Теперь и я вижу. Я ж говорил!

Шума и волнения стало ещё больше, и даже Гай, скептически пожав плечами, двинулся за рванувшим вперёд капитаном Шеллингом.

Деревья замелькали с завидной частотой. Лошади скоро хлюпали по грязи, подгоняемые воодушевленными всадниками. Вскоре тропинка разрослась, диких кустарников и голых стволов стало меньше, их сменили пеньки и ягодные островки, от ударов копыт превратившиеся в багровые лужи, а после них взгляду Рики открылась огромная опушка, на которой стоял крепкий двухэтажный дом. При доме имелся навес для лошадей и повозок, курятник, в котором, правда, не кудахтало ни одной курицы, и длинный деревянный стол с такой же длинной скамьёй, спрятанный в тени липы и являвший собой чудесное место отдыха в знойные дни.

— Это целый дворец, а ведь издалека казалось убогой избушкой, — выдохнул Эларан и первым соскочил с лошади. — Эй, хозяева, принимайте гостей! Эй! Есть кто живой?

— Готов поспорить, там все давно мертвы, — проронил Гай, склонил голову вбок и всмотрелся в грязное от копоти окно, за которым ничего не было видно. — Даже крысы.

— Кто же тогда печь топит? — заметил капитан Шеллинг, тоже спешился и, подойдя к двери, громко постучал кулаком. — Открывайте!

Дверь в ответ уныло заскрипела, и на улице показался кутавшийся в овечий тулуп старик с квадратной бородой и редкими волосёшками. От увиденного он выпучил глаза и попятился было назад, но капитан Шеллинг оказался проворнее: крепкой рукой придержал дверь и не позволил той захлопнуться.

— Чего вылупился? — прохрипел Эйдан в сторону старика. — Не видишь, гости у тебя. Скорее дров в печь подкинь и столы накрой. Отблагодарим щедро.

Хозяин спешно закивал, заискивающе заводил руками, приглашая внутрь, а после нырнул в темноту просторной комнаты на первом этаже и вынырнул лишь, когда были зажжены свечи.

Это был старый трактир, скудный на убранство, с расшатанными скамьями и обеденными столами, с тарелками и пивными кружками, покрытыми слоями пыли, и даже пиво здесь подавалось столь древнее и выдохшееся, что от него скорее тошнило, чем бодрило. Тем не менее в доме было тепло. И продрогшая на дожде и холоде Рики радостно заулыбалась, стоило пальцам порозоветь, а губам отогреться.

Вскоре в комнате стало шумно. Кислое пиво уже не так кислило, а жёсткое мясо не так часто застревало в зубах, речи пошли весёлые, и даже сидевший у стены Гайлард расслаблено выдохнул, провёл рукой по спутанным волосам, снял с пояса флягу и сделал два больших глотка.

— Что, папаша, плохо дела у тебя идут? — Один из всадников, сопровождавших лорда Стернса, обернулся к старику, торопившемуся к столам с очередной порцией варёной курятины. — Совсем постояльцев не бывает? Вон в том углу паутина скоро с человеческий рост станется.

— Хуже не бывает, — прошамкал старик.

— А что так? — поинтересовался капитан Шеллинг после того, как взглядом указал на кувшин с ягодной настойкой. Сидевший напротив капитана Эларан мигом просёк приказ и разлил настойку по чашкам. Всем нужно было основательно согреться и взбодриться. — Вроде и дом крепкий, и посуда целая, и харчи приличные.

— Вроде так всё и есть, — ответил хозяин, — да сторонятся этого места добрые люди, хотя я живу тут уже шестой десяток лет и не жалуясь.

— А ты один здесь? — спросил капитан. — Дети есть?

— Были две дочурки, да обе сбежали.

— А жена? Померла?

— Типун вам на язык, ваше благородие, — отмахнулся старик. — Хвала богам, жена жива.

— Так где она? Почему гостей не встречает?

Старик мялся с ответом, но потом выдал:

— Плоховато ей. Лежит она. У себя, наверху. Коль спустится вниз, не обращайтесь на неё внимания. А я вас и без неё обслужу как следует. Жаловаться не будете.

— Уже жалуемся, — хмыкнул капитан. — Наш господин просил вина, и до сих ему его не подали.

— Так я его ещё из погреба не достал, — кланялся хозяин. — Сейчас принесу. Дочка, — внезапно обратился старик к Рики, — ты мне не поможешь? Сам-то я слишком стар стал и слеп на один глаз, нужное в темноте не отыщу.

Рики так и замерла с куском курятины в руке, а потом медленно повернула голову в сторону Стернса и вопросительно на него

посмотрела.

— Ступай, — разрешил Гайлард и снова приложился к фляге.

Спешно жуя кусочек курятины, который успела отхватить, Рики вскочила со скамьи и бросилась следом за удаляющимся стариком. Тот уже стоял в другом конце комнаты, где валялись разного размера корыта и миски, связанный в пучки хворост и ржавые сани, громко кашлял и открывал покрытый паутиной люк. Осветив лестницу, ведущую в погреб, старик обернулся к девушке и произнёс:

— Не побоишься? Лестница шаткая и старая, но тебя выдержит. Тебя любая выдержит, ты весом, чай, не тяжелее пушинки.

— Не побоюсь, — ответила Рики и на всякий случай нащупала нож на поясе.

— Принесёшь бочонок — я приму. И помогу выбраться.

— А какой бочонок-то? — спросила девушка, уже почти поставив ногу на верхнюю ступень лестницы.

— Да он один там, найдёшь сразу. Стоит под вяленой говядиной и дубовыми вениками. Коль паутиной покрыт, ты просто смахни её и ничего не бойся. Я тебе свечу опущу, а пауки в моём погребе света боятся.

— Я паутины не боюсь.

Старик зашёлся сдавленным кашлем вперемешку со смехом.

— Чего смешного? — удивилась Рики.

— Ты мне меня в молодости напомнила. Я тоже пауков никогда не боялся, пока не встретил одну... Но лучше об этом не будем. Так ты идёшь?

— Иду-иду, — отмахнулась Рики. — А вы светите лучше, а то я точно свалюсь.

— Стой!

Звонкий крик заставил обоих — девушку и старика — вздрогнуть, а последнего ещё и уронить свечу в погреб. Та ударилась о сырой холодный камень, ворчливо пшикнула и потухла. Старик выругался и пошаркал за новой свечкой.

— Ты? — Рики узнала по голосу мальчишку Эларана. — Ты-то чего здесь делаешь?

— Я подумал, что тебе одной полный бочонок не поднять. Вот и решил помочь.

Рики фыркнула.

— Ишь, рыцарь нашёлся. Подняла бы и без тебя. И дотащила бы ещё.

— Хочешь, поспорим, что нет?

— Я на такое не ведусь, глупый.

— Сама ты глупенькая, если думаешь тягаться с мужской силой.

Посторонись-ка.

Эларан деловито отодвинул Рики в сторону и всмотрелся в зияющую дыру.

— Я полезу вниз, а ты оставайся наверху. Старик принесёт свечу — подашь её мне.

— Вот же командир нашёлся! — возмутилась девушка.

— А то! — подмигнул ей Эларан и бросил в сторону подошедшего хозяина: — Свечку отдайте ей, а сами ступайте к остальным. Там просят гренок и хрена, и капитан Шеллинг снова сильно ругается.

— А вы точно справитесь? — заволновался старик.

— Не волнуйтесь. И бочонок принесём, и погреб за собой закроем. Всё сделаем так быстро, что вы и оглянуться не успеете, а гости уже все хмельные будут. А хмельные обычно платят в два раза больше.

— Ну, если так... — пробормотал старик, развернулся и пошаркал туда, где было светло и шумно.

Лестница, сколоченная из некогда крепкого дерева, а теперь у основания прогнившая, заходила, стоило Эларану взяться за край и сделать шаг вниз.

— Осторожней! — крикнула Рики и ухватила парнишку за запястье.

— Не мешай, — простонал тот, — и не мотай свечой из стороны в сторону. Не видишь, воск капает мне на щёку.

— Прости, — стушевалась девушка и убрала руку.

— Теперь отдай свечу мне, — приказал Эларан и спустя пару ударов сердца, не дожидаясь, когда ноги коснутся последней ступеньки, спрыгнул на землю.

Вокруг было тесно и несло сыростью. А ещё сильно пахло подпорченным мясом и капустой.

Эларан сделал два шага вперёд и осветил: сырые доски с вколоченными в них ржавыми гвоздями, грязные тряпки, лисьи

шкурки, груда измазанного в глине картофеля, битые чашки и пара дырявых сапог с отломанными каблуками и ни одного бочонка с вином. Пожав плечами, мальчишка повернулся в другую сторону и прищурился, вглядываясь в слабо освещаемую темноту. В той стороне тоже не было нужного бочонка, зато всё было затянуто паутиной, такой плотной, что её можно было легко принять за кусок ткани.

— Да где же это вино... — процедил сквозь зубы Эларан, резко обернулся и столь же резко отпрянул.

— Ты бы ещё завизжал, как девчонка, — услышал он в свой адрес и облегчённо выдохнул. — А ещё втирал мне про мужскую силу и храбрость.

— Совсем голову потеряла?! — воскликнул Эларан и чуть не дал стоявшей напротив Рики по лбу. — Так меня пугать. Зачем пришла? Я же просил наверху у люка сторожить.

— Я тебя три раза звала, а ты не откликался. Я уже подумала, что-то случилось, и решила спуститься. А ты здесь стоишь, на паутину пялишься.

— А ты когда-нибудь такое видела? — заговорщицки прошептал Эларан и поводил свечой, освещая угол, затянутый тонкими липкими белыми нитями.

Рики затаила дыхание.

Это был не просто круг, сотканный пауком и полный добычи. Он не просвечивал, да и вожделенной добычи на нём не было. Зато в некоторых местах вязка была плотнее и толще, и стоило сделать пару шагов назад и присмотреться, как начинало казаться, что из самой середины липкого круга на тебя смотрят чьи-то белые глаза, и такой же белый рот открывается, чтобы обнажить острые белые клыки.

Рики поёжилась и помотала головой. Видение исчезло, и теперь перед глазами была обычная белая сеть, сотканная с одной лишь целью: поживиться глупыми мушками.

Девушка перевела взгляд на стены погреба, а после и на Эларана, который уже давно не стоял рядом с ней, а таращился в темноте и искал нужный бочонок.

— А я и не знал, что ты такая важная... — неожиданно промычал паренёк.

— Ты о чём? — наивно спросила Рики, принявшись тоже внимательно осматривать каждый угол.

— Когда я увидел тебя на конюшне у Швидоу, то никак не подумал, что ты служишь в личной охране самого Стернса.

— Я и не служу, — отмахнулась Рики.

— Если не служишь, то как получилось, что повторяешь каждый его шаг?

Девушка слабо улыбнулась. Улыбнулась скорее самой себе и своим мыслям, чем собеседнику рядом с ней.

— Так вот получилось. Долго рассказывать, да и ты всё равно не поверишь.

— Дождь сегодня вряд ли прекратится, — подмигнул Эларан и устало опустил на что-то твёрдое, — так что времени у нас навалом, и я готов слушать тебя целый вечер и верить любым твоим рассказам. Такой вот я наивный и милый. Ведь милый же, да?

Рики повернула голову и посмотрела на паренька. А он и правда был милым. Задорный вихор снова выбивался из аккуратно уложенных волос, глаза блестели в свете свечи, немного пухлые губы алели и были слегка приоткрыты, словно ждали и желали чего-то сказочного, что вот-вот случится, стоит только заявить о желаемом вслух.

— А я тоже не знала, что ты сын такого важного человека, — ответила Рики. — И даже не думала, что ты так здорово стреляешь.

Эларан воодушевился.

— Понравилось, да?

— Честно?

— А как же ещё?

— Я думала, ты живым с арены не выйдешь.

Эларан фыркнул.

— Это из-за Нольвена? Ты просто его плохо знаешь. Он бы никогда мне и шеи не поцарапал. У него доброе сердце и волшебные руки. Ты бы видела, какое чудо он недавно сотворил на городской стене! Там был один раненый...

— Вот только не надо про городскую стену, — поморщилась Рики, а перед глазами тут же растянулись в противной усмешке смоченные в пиве рыжие усы Дуона Швидоу. — Я лучше с тобой на спор бочонок потягаю, чем услышу про стену ещё одно слово.

Эларан оживился.

— А давай!

Рики вскипела.

— Я же сказала, что про стену вообще ничего не желаю знать!

— Да я про спор, глупая.

— И хватит называть меня глупой!

— Ну, не миледи же тебя величать. Хоть ты и близка к Стернсу, и мы с тобой вроде как наравне, на благородную даму ты совсем не тянешь.

— Да и ты на господина не очень, хоть отец у тебя и сам командир Стенден! И, вообще, чего расселся? Ищи лучше бочонок, а не болтай попусту. Милорд таких болтунов, как ты, не любит. Странно, что он согласился тебя взять.

— Ничего странного, учитывая то, кто мой отец.

— Хочешь сказать, милорд пляшет под его дудку? Да ты в своём уме?

— Это тебе следует открыть глаза на некоторые вещи. Пойми, глупая, сила Стернса в том, что его окружают сильные люди, такие, как мой отец, например. Убери их, и где будет его сила? Уверен, и ты оказалась рядом с ним не просто так, а потому что в тебе есть что-то такое, что ему сейчас нужно. Хотя я с трудом представляю, что же это может быть. Но ведь я прав? Прав же?

Рики выхватила у Элара на свечу и сама осветила вонючий погреб.

— И позволь дать тебе один совет, — продолжал тем временем паренёк, внимательно наблюдая, как краснеют уши девчонки, а та делает вид, что совсем не слушает, а занимается одним лишь поиском злополучного бочонка. — Правильно воспользуйся своим положением. Пока ты нужна Стернсу, ты можешь просить у него что угодно. Успей получить всё, что ты хочешь, до того, как станешь ему не нужна и он вышвырнет тебя на улицу. Грамотно используй отведённое тебе время. Ничто не вечно, особенно под двумя лунами.

— Под двумя лунами?

— Разве ты об этом не слышала? — удивился Элара н и тут же присвистнул: — Эх, ты, а ещё в Торренхолле живёшь и с пиявочником Дагормом каждый день видишься. Неужели он до сих пор не напел тебе о двух лунах?

— По-твоему, ему больше делать нечего, как мне всякие сказки рассказывать?

— Это не сказки, а довольно редкое явление. Сам я те две луны не видел, но вот бабки на базаре твердят, что вторая луна уже появилась

на небе и скоро обнимет первую, но ничего хорошего от этого чуда не предвидится.

— Ага, — согласилась Рики, — хорошего точно мало. Вон какой ливенюка на улице.

— Да в этом году вообще всё с ног на голову. Говорят, на двойную луну всегда так. Всегда какие-то странности происходят: то пауки из домов бегут, то среди лета град размером с вишню, то вся рыба из рек повыскакивает и своей вонью отравляет города вокруг. А дождь сегодня и правда зверский. Наверно, ночевать в этом трактире придётся. Эй, ты меня слушаешь?

Внезапно Рики взвизгнула, и Эларан вскочил с места.

— Ты чего? — всполошился он.

— Там... там... — пробормотала девушка, прячась Эларану за спину и тыча пальцем в тёмный угол.

— Там просто жирная крыса, — улыбнулся мальчишка, перехватил свечу у Рики и осветил всё впереди себя. — Ух, какая упитанная, — причмокнул он губами и, держа крысу за толстый хвост, поднял её и покачал прямо перед лицом девушки. — Страшно?

— Убери. — Рики замахала руками. — Какая мерзость.

— Да ладно тебе. Обычная земная тварь, которая каждый день только и делает что грызёт лестницу, что ведёт из погреба наверх. И если мы не поторопимся, а эта хвостатая ещё пару раз проведёт зубами по деревяшкам, то, боюсь, выбираться отсюда будет в разы сложнее.

— Так пошли скорее! — Рики рванула в сторону люка.

— Стой, глупая, а бочонок?

— Милорду много пить вредно, так что скажем, что не нашли, — выпалила девушка и, спеша выбраться из погреба, со всей силы налетела на что-то крупное и тяжёлое. — Ой.

— А теперь-то что? — деловито спросил Эларан, сделал несколько шагов вперёд и довольно присвистнул. — Эгей, да это ж нужный нам бочонок. Так вот на чём я сидел.

— Болван, — прошипела Рики, — столько времени потеряли.

— Подумаешь... Хозяин трактира подал к столу несколько кувшинов наливки. Там есть, что пить.

— Я не из-за отсутствия выпивки переживаю, а из-за того, что пришлось торчать тут с тобой в этом вонючем и полном крыс месте.

— Ишь, какая привереда. Давай лучше полезай наверх. Бочонок примешь, а дальше я сам донесу.

Эларан передал свечу девушке, сам обхватил бочонок руками и мелкими шажками засеменял по направлению к лестнице.

— Живее, — подгонял он Рики, которая никак не могла попасть ногой на ступеньку: прогрызенная и прогнившая та изгибалась так, что девушке казалось, что это змея под ногами, а не кусок деревяшки. — Наверху тишина какая-то странная. Ставлю, что Стернс не дождался вина и уснул, а вместе с ним и все остальные.

— Вот и пусть спит, — ворчливо ответила Рики, пересилила свой страх и всё-таки наступила на скользкую ступеньку. — Он всю ночь не спал, а с рассветом сразу сюда дёрнулся. Я даже рада, что дождь нас с дороги сбил, милорд хоть отдохнёт.

— Ты бочонок держи, а не про Стернса заливай. Только попробуй не удержать, заставлю отвечать потом.

— Чем отвечать-то? Я тебе не винодел, чтобы ещё один такой бочонок заделать.

— Чем-чем, — бормотал Эларан, тоже ступил на лестницу, аккуратно поднял бочонок над головой и передал его Рики. Как только прохладные девичьи ладошки накрыли его мокрые пальцы, с радостью выдохнул и убрал руки. — Возьму всю вино на себя, а с тебя потребую поцелуй. Больше-то с тебя брать нечего.

— Что потребуешь? — охнула Рики и сама не заметила, как разжала пальцы.

Бочонок шмякнулся Эларану на грудь и повалил парнишку с лестницы напрямик на грязную и холодную землю, на которой сидели две любопытные крысы, мигом прыснувшие в разные стороны: одна — за глиняные черепки; другая — в дырявый сапог.

— Вот же... — застонал от боли Эларан, а Рики свесилась головой вниз, чтобы проверить, всё ли цело.

Сын Феррана Стендена был в порядке. Бочонок, как ни странно, тоже. Можно было начинать поднимать заново, но Эларан сидел, обхватив руками голову, и вставать на ноги не спешил.

— Вы там к паутине, что ли, прилипли? — услышала Рики голос старика, его шаркающие шаги и отодвинулась от люка.

Хозяин трактира вытянул вперёд руку со свечой и глянул вниз. Неодобрительно покачав головой, сунул свечу Рики и принялся сам

спускаться в погреб, при этом обвиняя и костеря всех подряд на чём свет стоит и своими словами заставляя Рики смущаться и краснеть в три раза сильнее, чем при мысли о проигранном поцелуе.

— Давайте помогу.

Рики вцепилась пальцами в бочонок с вином, стоило обоим — Эларану и старику — показаться на верхних ступеньках лестницы.

— Руки прочь, — огрызнулся хозяин. — Я за это вино две монеты серебром и пятак медью могу выручить, а вы оба меня чуть не лишили прибыли, окаянные!

— Прошу нас простить, — стряхивая грязь с рук и волос, подал голос Эларан.

— Простить... — ворчал хозяин. — А что мне с того будет? Лишней монеты, чай, не прибавится.

— Я попрошу милорда заплатить вам вдвое больше, — вдруг выдала Рики.

Эларан и трактирщик удивлённо вытаращились на неё. Она и сама бы на себя в этот момент вытаращилась, если бы только это было возможно.

— А ты его личный казначей, что ли? — спросил старик.

— Нет.

— Нет, — передразнил всё тот же старик. — А коли нет, то помалкивай. И вообще, ступай к своему милорду скорее, он только о тебе и спрашивает, как будто ты птица важная. Где да где? Вот и пришлось идти искать тебя. Как оказалось, не зря. Это ж надо, целый бочонок вина мне чуть не угробили!

Старик ещё долго причитал, потом отыскал в темноте тряпку и принялся смахивать ей остатки паутины со своего сокровища, с которого намеревался содрать куш, а потом снова взялся за причитания, пока не исчез в обнимку с бочонком где-то за скрипучим шкафом, в котором прятал глиняную посуду.

Эларан протянул Рики руку.

— Пошли. Должок потом отдашь.

— Должок?

— Ха! Ты забыла про поцелуй? Я, между прочим, себе чуть кости из-за тебя не переломал. Ты бочонок не удержала — тебе теперь со мной и расплачиваться.

— Вернёмся в Торренхолл, попрошу Дагорма сделать тебе мазь от синяков. Этого будет достаточно.

— А если не вернёмся?

Уже развернувшаяся, чтобы вернуться в общую залу, Рики остановилась.

— Что?

Эларан смахнул песок со штанов и выпрямился. Его лицо было как никогда серьёзным, в глазах не таилось ни капли насмешки, и уголки губ уже не смотрели задорно вверх.

— Что за чушь ты несёшь? — повторила Рики, начиная дрожать то ли от усталости, то ли от напряжения.

— Может, и чушь, да только так думает половина воинов, что шумят сейчас за пивом и ягодной настойкой. Налегают на крепкое, чтобы заглушить страх в головах, но из сердца его выгнать не так-то просто.

— Ерунда какая, — отмахнулась Рики, а сама отвела взгляд, чтобы мальчишка Стенден не заподозрил обмана. — Как будто они первый раз следуют в Папоротниковую впадину через лес.

— Простые солдаты — люди суеверные. Это опытный генерал может плюнуть в сторону стаи ворон или заткнуть уши при вое волка, а обычный воин впадает в панику из-за любой мелочи, которая может сулить смерть.

— И из-за чего же все так перепуганы, что готовы заглушить разум бочонком вина?

— А ты разве не знаешь?

Рики помотала головой. Она и правда не знала. Не рассказал же милорд всем правду о Сэме и загадочном острове. А ничего страшнее Рики и в ночном кошмаре представить себе не могла.

— Свадьба милорда состоялась буквально вчера, — говорил Эларан. — Торренхолл полон гостей, даже король ещё не уехал, а лорд Гайлард с рассветом срывается в Папоротниковую впадину, вместо того чтобы...

Мальчишка сглотнул, а Рики прищурилась и покосилась в его сторону, начиная понимать, к чему тот клонит.

— Так ты знаешь? — вкрадчиво спросила она.

— Все знают. И, говорю же, считают это дурной приметой. Надо было вначале проводить в последний путь отца, а потом ехать к лорду

Альгервильду.

— Думаешь, такой умный?! — раздраженно засопела девушка. — И остальные тоже? Думаешь, милорд просто так пропускает похороны? Если он решился на такое, значит, этому есть объяснение. И уж поверь мне, счёт идёт на часы. А если мы не успеем, то любителям верить во всякую чушь станет ещё страшнее.

— Ты что-то знаешь? — спросил Эларан, но его вопрос достался спине Рики.

Девушка отвернулась и уверенным шагом пошла в направлении большого стола, на котором ещё оставались еда и питьё.

— Эй! — крикнул паренёк вдогонку Рики, но та не остановилась ни на мгновение.

Вынырнув из темноты на свет, Рики прищурилась, столь сильно тот слепил, и, почесав голову, приблизилась к скамьям. Те уже давно были полупустыми: некоторые воины, засидевшись, встали: кто размять ноги, кто высунуть нос на улицу и смочить лицо в ледяном дожде, не прекращающемся ни на минуту. Капитан Шеллинг вместе с хозяином трактира поднялись на второй этаж осмотреть комнаты и их пригодность. Все понимали, что к вечеру дождь так и не прекратится, и ночевать скорее всего придётся в этом самом месте. И если не слишком разборчивого Эйдана Шеллинга легко могла устроить копна сухого сена, то лорд Стернс хотел отдохнуть с пусть и небольшим, но комфортом.

Рики тоже была не прочь вздремнуть. Об отдельной комнате, конечно, не просила — её вполне устраивала и лавка на первом этаже, вот только для того, чтобы вытянуть ноги, нужно было вначале согнать с неё засидевшихся. На первый взгляд это было несложно, но то, о чём легко думалось, не так легко делалось. А если учесть, что одним из засидевшихся был сам Стернс, то Рики понимала: спать ей будет дозволено только тогда, когда и он сам закроет глаза.

— Почему так долго?

Рука с перстнем на указательном пальце шевельнулась, и трое воинов, ещё остававшихся за столом, разом поднялись и отошли в угол, где можно было разжиться разбавленным водой пивом и сушеным мясом. За длинным столом остались только Стернс и Рики, ни с того ни с сего шмякнувшаяся на место одного из людей капитана

Шеллинга. Даже Эларан не присел, а предпочёл присоединиться к компании дышавших дождём.

— Бочонок искали. Там темнотица — глаз выколи. Не сразу нашли.

— Мальчишка-оруженосец не мог справиться один? — хмыкнул Гай и придвинул к себе кувшин с вином.

— Не пейте много, — внезапно остановила Стернса Рики.

— Это почему? — нахмурился Гайлард.

— Место какое-то странное... — выдала девушка, вспомнив видение в погребке. — Да и стражники кажутся обеспокоенными.

— Обеспокоенным должен быть я. Из-за того, что теряем в этой дыре целый день. А стража должна быть начеку.

«Достаточно, если начеку буду я, — промелькнуло в голове у Рики, а пальцы по привычке скользнули на рукоять ножа на поясе. — А я точно буду внимательной ко всему, вот только пару часиков вздремнуть бы... И тогда можно ещё двое суток на страже стоять».

— Ты ела? — внезапно услышала Рики вопрос.

— Немного. Вы не волнуйтесь, если будет нужно, я найду, чем перекусить. Мне и лесных ягод будет достаточно.

— Ты выглядишь измотанной.

Рики махнула рукой.

— Ерунда, — и тут же смело добавила: — а если я прикрою на чуток один глаз, вы не будете ворчать?

Гай не ответил, а только придвинул к себе блюдо с курятиной и воткнутое в самое сердце куриного тушки ножом, провёл пальцем по заржавевшей рукояти и снова потянулся за вином.

Рики довольно причмокнула губами, сложила руки на столе и, положив на них голову, прикрыла один глаз. Нет. Так определенно невозможно было спать. И дело даже не в том, что Рики, в отличие от капитана Шеллинга, ещё не освоила искусство одним глазом бодрствовать, а другим — дремать, а в том, что Рики всё, что смогла, сделала неправильно: села не в углу, а почему-то рядом с лордом Гайлардом, голову повернула не в сторону пустой стены, а в сторону его рук, что теперь, какой глаз не прикрой, другой всё равно видел набухшие под кожей вены, старые порезы, давно затянувшиеся, но всё равно заметные, и тоненькую коричневую верёвочку с круглым нефритовым камешком, завязанную на запястье.

Рики впервые её видела. Среди череды серебряных украшений, перстней с драгоценными камнями и поясов, расшитых золотом, эта верёвочка смотрелась куце и никак не вязалась с образом сурового королевского племянника, каким все привыкли видеть молодого Стернса. Но почему-то именно эта вещица заставила сердце Рики застучать чаще и разогнать вяло текущую по венам кровь так, что вот уже волосы слиплись на голове от пота, и на спине под жилеткой взмокла рубашка.

Рики сделала глубокий вдох и прикрыла второй глаз. В конце концов, если она позволит себе пару минут не смотреть на руки Стернса, может, тогда и сердце успокоится, и дышать станет легче, и тело охладится, и даже сон, наконец, придёт. Но как бы не хотелось выбросить все мысли из головы и просто расслабиться, те упорно продолжали рисовать перед глазами тоненький коричневый жгутик и бледно-зелёную полупрозрачную бусину.

Может, спросить, что это за вещь такая, или не стоит выдавать себя и продолжить притворяться спящей? Но ведь всё равно не спится. А вдруг ещё мгновенье, и сон придёт? Рики фыркнула про себя. Какой там сон, если голова напрочь забита всякой ерундой. Так спросить или нет?

— Спрашивай, — внезапно услышала Рики и вздрогнула. — Я отвечу на любой твой вопрос. Что бы ты хотела узнать?

Это был не голос лорда Стернса. И даже не голос капитана Шеллинга. Это был голос старой женщины, скрежещущий и бесцветный, и прозвучал он приглушённо, словно доносился издалека, и в то же время близко, словно шептали над самым ухом.

Рики охватил страх. Мигом открыв глаза, она выпрямилась и тут же отпрянула назад, столь страшное создание сидело рядом и прямо на том самом месте, где, засыпая, Рики оставила лорда Стернса.

Это было нечто среднее между сторбленной старухой и лесным чудищем, о котором Рики слышала от матери в детстве: костлявые руки с длинными пальцами и загнутыми внутрь грязными ногтями; обтянутое бледной кожей лицо, с которого из-под копны седых нечесаных волос, спадавших прямо на лоб и белёсые брови, на Рики смотрело два чёрных глаза; и тонкие губы цвета сушеной малины, что-то методично жевавшие и не желавшие ни проглотить, ни выплюнуть.

— Вы кто? — еле слышно спросила Рики и осторожно отодвинулась от странного существа ближе к краю скамьи. — Где все?

Только сейчас девушка заметила, что в комнате кроме её и старухи больше никого не было. Не слышно было ни заливистого смеха Эларана, ни размеренной болтовни солдат, ни уверенного голоса капитана Шеллинга — никого, кто Рики был бы знаком или... дорог.

— И где лорд Стернс?

Старуха покачала головой, а следом и пальцем.

— Не стоит тратить единственный шанс узнать будущее на столь глупый вопрос, — проскрипела она и поднялась. — Идём. — Костлявая рука поманила за собой.

— Куда? — Рики недоверчиво посмотрела на странную незнакомку.

Старуха окинула комнату недовольным взглядом, брезгливо плюнула на пол и проворчала:

— Здесь не лучшее место откровенничать, а ты ведь хочешь узнать свою судьбу? И судьбу человека, который тебе дорог? Того самого, что носит на запястье кожаную верёвку с камнем посередине?

Сердце Рики дрогнуло. Откуда эта женщина может знать про дешёвую вещицу на руке лорда Стернса? И, в конце концов, где сам Стернс и остальные?

— Где... — снова начала Рики, но старуха приложила палец к губам, таинственно зашипела, качая головой, вновь поманила за собой и направилась к выходу.

Рики и сама не поняла, как встала и сделала шаг следом.

На улице царила глубокая ночь, а ведь ещё недавно было сырое, полное запахов дождя и раздавленных ягод, утро. Теперь же небо успокоилось, земля впитала воду, но изредка ещё похлопывала под сапогами, и вокруг было тихо и ни одной живой души, словно все давно уснули или, чего хуже, вымерли.

— Эй! — крикнула Рики в спину старухе, почти скрывшейся за широким дубом. — Почему так темно? Сколько времени я спала?

Женщина остановилась и, не поворачивая головы, ответила:

— Слишком много вопросов для одной маленькой беспомощной девочки.

— Ответьте хотя бы, где лорд Гай?

— Лорд Гай? — Старуха произнесла каждый звук имени Стернса так, словно пробовала то имя на вкус: причмокнула губами, облизала те языком, проскрежетала зубами, а после сглотнула и вытерла рот рукавом. — Твой господин у своей лошади. Та за утро так выдохлась, что до сих пор не может прийти в себя. Он даст ей воды, потреплет по морде — глядишь, она и оживёт от такой заботы.

— Милорд заботится о лошади?

— Ты удивлена? Порой даже самые сильные люди имеют слабое сердце. А уж если дело касается тех, кого они любят...

— А где стража? — перебила Рики, а старуха болезненно поморщилась, словно не бурчала о сердце, а вырывала то из своей груди.

— Слишком много вопросов.

И странная женщина ускорила шаг, а Рики пришлось перейти на бег, чтобы не отстать.

Забыв обо всём на свете, не начертав ножом на деревянном столе ни слова, куда отправилась, не позаботившись сообщить об уходе хотя бы одному солдату, которого она всё равно отыскала бы, пусть это могло занять больше времени, чем хотелось, Рики шла следом за таинственной незнакомкой всё дальше в лес, и с каждым новым шагом деревья смыкались за их спинами плотной стеной, совы громко ухали, а звёзды, освещавшие дорогу, гасли одна за другой, словно их безжалостно тушили пальцами.

Ночью в лесу было страшно: то, что при свете солнца не удосуживалось и взгляда, теперь не отпускало и заставляло дрожать и стучать зубами. Такие спокойные и мерно дремлющие днём коряги и корни столетних дубов теперь громоздились друг на друга, жалобно хрустели и цеплялись за ноги Рики, пугая до смерти. О том, что в такой кромешной тьме не помешал бы факел, вспомнилось только сейчас, и всё, что оставалось Рики, — не сводить глаз со сгорбленного силуэта впереди, продирающегося по каше из глины и листьев, в которой легко было увязнуть навеки. Но внезапно каша под ногами затвердела, а стоявшие сплошняком деревья расступились и выплонули навстречу старухе и Рики неказистую избушку на одно окно, всю затянутую паутиной.

— Следуй за мной.

Женщина потянула на себя дверь. Та простонала в петлицах и не спеша закрылась, стоило Рики переступить порог.

Внутри было темно и холодно, и девушка только и слышала, как хозяйка избушки чем-то шуршала в углу, что-то перекладывала, безобразно ругалась себе под нос, а потом чиркнула чем-то громко-громко, и избушка сразу наполнилась светом, настолько ярким и тёплым, что у Рики тут же подкосились ноги, она шмякнулась на первый подвернувшийся сундук и разморено выдохнула.

— Ты ещё здесь? — Старуха развернулась и улыбнулась беззубым ртом. — Не свернула с дороги, не укрылась за деревом, не сбежала и не позвала на помощь? Ну, что ж, коль ты такая смелая, вознагражу тебя, но вначале выпей это.

Не успела Рики опомниться, как перед её носом появился шаткий трёхногий стол, тоже весь в паутине. И в самом его центре стояла коричневая кружка, в которой недовольно булькало что-то горячее.

— Что это? — с подозрением спросила девушка, коснувшись кружки кончиками пальцев. Странно: булькает, словно только что с огня сняли, а глина холоднее сосульки.

— Пей, не спрашивай, — буркнула старуха, провела по волосам, распутывая их и отряхивая от паутины, пододвинула к столику скамейку и опустилась на неё. — Это грибная настойка, — добавила женщина, наблюдая, как Рики выпивает содержимое кружки глоток за глотком. — Из гриба, что в народе называют «палец мертвеца». Слыхала?

Рики чуть не выплюнула выпитое обратно, но старуха вовремя вытянула руку и поддержала кружку у подбородка девушки так, что поплевать не получилось — пришлось пить всё до дна.

— Не стоит бояться, — хихикнула незнакомка. — Мертвецы не так страшны, как тебе кажется, а грибы уж тем более безобидны. А настойка просто поможет тебе расслабиться.

— Если бы я была напряжена... — пробормотала Рики.

— Вытяни руку, — вдруг услышала девушка.

— Что?

— Делай так, как тебе говорят, и не переспрашивай по три раза. Времени у нас мало, и он скоро придёт за тобой.

— Он? Кто?

Старуха недовольно скривилась, сама схватила Рики за левую руку, разжала собранные в кулак пальцы и провела по внутренней стороне ладони кривыми и жёлтыми ногтями, и в тех местах, где прочерчивал линию ноготь, оставался след в виде тоненькой, блестящей, паутинной нити.

— Вот оно, значит, как... — промычала женщина и смахнула со лба капли пота.

— Что там? — Теперь Рики дрожала не только от страха, но и от любопытства.

Внезапно старуха так сильно сжала её ладонь, что девушка ойкнула.

— Что вы делаете?

— Очень плохо видно. Всё затянуто паутиной, — бормотала женщина, вся будучи скорее в бреду, чем в добром здравии. — Чтобы приоткрыть завесу, мне нужно кое-что ещё. Ты согласна?

Чёрные глаза недобро сверкнули.

— У меня денег нет! — горячо воскликнула Рики, вспоминая рассказы жены деревенского старосты о мошенниках на базарах в таких крупных городах, как Торренхолл. Но, с другой стороны, здесь не базар и не Торренхолл. Тогда что этой женщине нужно?

Старуха сдавленно рассмеялась.

— Мне нет дела до ваших золотых блестяшек. Они абсолютно бесполезны и не стоят той крови, которую за них проливают.

— Тогда что?

Старуха хмыкнула, вновь провела пальцами по ладони Рики и остановилась на гладком островке бледной кожи. Внезапно жёлтые ногти превратились в острые когти, а те тут же впились в нежную кожу и оторвались от неё только, когда обагрились кровью.

— Что вы делаете?! — закричала Рики и дёрнула руку на себя, но хватка немощной на вид колдуньи была столь сильна, что у Рики и шевельнуться не получилось.

— Не верещи, — замогильным голосом произнесла женщина, а страшные когти оторвались от девичьей ладони, стряхнули с себя капельки крови и вновь обернулись грязными ногтями. — Чтобы узнать будущее, нужно нечто большее, чем глоток грибной настойки. А о руке не думай. Останутся небольшие следы, но болеть не будут.

Действительно, в том самом месте, куда парой ударов сердца ранее впились когти-лезвия, сейчас алели три крохотные точки. Боли не было, но воспоминания были не из приятных.

— Это всё? — пролепетала девушка, глядя, как зачарованно старуха смотрит на её ладонь и особенно на ранки, ещё кровоточащие.

Та кивнула.

— А теперь слушай внимательно и не перебивай. Их будет трое: один поклянётся тебя убить; другой — отдать за тебя жизнь, и только третий сделает и то, и другое.

— Что? — только и смогла вымолвить девушка. — Кого будет трое?

— Мужчин. Трое мужчин, и ты между ними, как ценный трофей, который каждый желает заполучить любой ценой.

— Что вы такое говорите? — Рики поджала губы. — Какой ещё трофей? Всё, что у меня есть, это одежда и сапоги. И те на мне, а не в сундуках. Даже медяка в карманах не сыщите. Какой я вам ценный трофей?

— Я лишь озвучила то, что увидела. — Старуха растянула губы в неприветливой улыбке. — Могу постараться и заглянуть глубже, но тогда трёх капель недостаточно.

Рики вскочила с места.

— Если вы заманили меня сюда, чтобы надо мной издеваться, то не на ту напали! Я вообще не понимаю, как могла пойти с вами! Но больше я собой играть не позволю. И только попробуйте ещё раз сделать мне больно. Я вам так отвечу, что мало не покажется.

— И что же ты сделаешь? — Старуха тоже поднялась с места и шагнула в направлении девушки. — Пырнёшь меня тем ножичком, который никак не могут найти на поясе твои пальцы? Просто поясок немного сдвинулся — попробуй поискать правее, а лучше не пачкай зря ценную вещь в моей крови. На этот нож найдётся кровь человека куда поважнее, чем я.

Рики слушала, распахнув глаза и онемев от ужаса. Ударившись спиной о дверь, девушка принялась искать ручку, но той не было, и пришлось навалиться плечом, чтобы вытолкнуть дверь наружу. Та не сопротивлялась и легко поддалась. А противная старуха всё не унималась и шаг за шагом приближалась к Рики. Седые волосы снова упали на лицо, а сухие руки и ноги принялись вытягиваться и

превращаться в паучьи лапки, на каждой из которых было по когтю-лезвию. Беззубый рот превратился в омерзительную пасть, и в свете заглянувшей в дверной проём луны Рики увидела острые клыки. То была уже не старуха и даже не женщина; то был огромный паук, оставлявший после себя липкие серебристые узоры и жаждавший впиться в горло очередной беззащитной жертве.

Недолго думая, Рики выпрыгнула из избушки и принялась бежать, не оглядываясь.

— Стой, глупая, — слышала она вдогонку, — ты ведь ещё не получила ответа на свой вопрос.

Но Рики и не думала останавливаться. Она бежала так быстро, как только могла, запинаясь об острые коряги и налетая на выраставшие из темноты кусты дикой малины. Всё время казалось, что старуха дышит в спину и вот-вот схватит за воротник, но то был лишь шум крыльев ночных птиц, разбуженных громким дыханием.

Когда сил больше не осталось, Рики остановилась. Страшной паучихи нигде не было, как не было и трактира, до которого девушка так мечтала добраться. Без капельки огня с собой, без ярких звёзд и луны на небе, Рики не знала, что делать и куда идти.

Отчаяние охватило её всю. Шаг вправо — казалось, что вот за тем кустарником притаился медведь и только и ждал, как разорвать добычу на части. Шаг влево — а там чьи-то глаза светились в темноте янтарём... Птица?

Сухая ветка хрустнула под ногами так громко, что Рики вздрогнула, не выдержала и закричала. Закричала так громко, что сама испугалась своего крика и закрыла уши руками. И отняла ладони от головы только тогда, когда ей вдруг показалось, что ей ответили и так же громко прокричали её имя.

— Рики!

Точно! Это кричали её имя! Там. Рики обернулась.

А, может, там? И Рики ещё раз крутанулась на месте.

Набрав в лёгкие как можно больше воздуха, девушка выплеснула:

— Я здесь!

И снова получила в ответ своё имя.

Где-то вдалеке вспыхнула искорка. Вспыхнула и исчезла за стволами деревьев. А потом снова вспыхнула и была уже больше и ближе. Рики поспешила на свет.

— Рики! — крикнули вновь, и девушка безошибочно узнала голос.

Это был лорд Стернс, только он и никто другой. Да. Это был он. И он пришёл за ней! Но почему он здесь один? Где охрана? Неужели бросился очертя голову на поиски и наплевал на собственную безопасность? Как это было похоже на Стернса!

— Рики, наконец-то...

Они выскочили на крохотную опушку друг другу навстречу, оба — едва дыша. Крепко сжимая факел в одной руке, Гай притянул девушку к себе, обнял и зарылся лицом в её перепачканные паутиной волосы. Его сердце было готово от волнения выпрыгнуть из груди, плечи дрожали, и одежда была перепачкана грязью и прелыми листьями.

— Я в порядке, милорд, в порядке, — пролепетала Рики, уткнувшись носом в прилипший к застёжке на куртке хозяина дубовый листочек. — Простите, что заставила вас беспокоиться.

— Рики, — повторил Стернс уже спокойнее, убрал руку с талии девушки и почему-то положил на плечо. — Рики... Рики!

Гайлард внезапно перешёл на крик и принялся трясти Рики так, словно та была мешком с картошкой и нужно было вытряхнуть застрявшие на дне клубни. Возмутиться бы, но губы не хотели размыкаться, будто их склеили. Брыкнуться бы, скинуть его руку или сбежать, но тело обмякло и совсем не слушалось. От странной беспомощности Рики тяжело вздохнула, закрыла глаза и тут же открыла их, чтобы... несказанно удивиться.

Она по-прежнему сидела за трапезным столом на длинной скамье в том самом трактире, куда они прибыли ранним утром. Вокруг по-прежнему витали запахи кислого вина и жареной курятины. Поблизости не было никого, кроме лорда Стернса, который был бледен и ни с того ни с сего сильно тряс Рики за плечо. Отвратной паучихой рядом не пахло и в помине.

— Что случилось? — с невыразимой слабостью в голосе пробормотала девушка и посмотрела на Гая. — И почему вы со мной так обращаетесь?

Стернс опустил руку и подал Рики кружку.

— Ты кричала во сне и вся взмокла. Даже волосы на голове слиплись.

Рики с сомнением посмотрела на содержимое кружки. Оно казалось знакомым, хоть и не булькало.

— Это настойка из «пальцев мертвеца»?

Стернс выругался.

— Это обычное вино, которого я влил в себя уже целый кувшин.

Пей.

Рики осторожно коснулась губами краёв кружки. То и правда было вино, причём, довольно вкусное, хоть и передержанное. Ещё раз обведя взглядом пустую комнату и покосившись в сторону заспанного Гайларда, Рики довольно протянула:

— Так это всё мне приснилось? Как же хорошо, а я уж подумала...

Стернс хрустнул шеей.

— А что снилось-то?

— Полнейшая чушь, — весело ответила Рики и резко побледнела, посмотрев в окно.

За окном стояла глубокая ночь.

— Милорд, — шёпотом спросила девушка, — мы прибыли в это место ещё до полудня, потом долго ели-пили, но... Почему так темно на улице?

Гай усмехнулся.

— Потому что ты вырубилась и проспала несколько часов.

— А вы, что же, так и сидели рядом со мной всё это время?

— А где же мне ещё быть?

— Ну, я просто подумала, что...

— Хотя если тебе так интересно, то я выходил проведать Ашка.

У Рики засосало под ложечкой.

— А я? — словно маленький ребёнок, спросила девушка.

— Ты?

— А где была я?

— Спала здесь.

— И когда вы вернулись, я тоже была здесь?

— Рики, избавь меня от глупых вопросов.

— Простите, милорд.

Гай сладко потянулся, поднялся и взял свечу со стола.

— Я наверх. Спать на этой скамье жёстко и неудобно, а отдохнуть надо основательно. Завтра дорога будет не легче, чем сегодня. Капитан

Шеллинг сказал, весь тракт размыло.

Рики кивнула и провела левой рукой по волосам. Те на самом деле были влажными и слипшимися, но не от пота. Чувствуя неладное, Рики поднесла руку к лицу. Она не ошиблась: с кончиков пальцев свисала противная паутина, тонкая и клейкая, а на внутренней стороне ладони виднелись три крохотные, уже подсохшие, тёмно-бордовые точки. Так это был не сон?

— Милорд, — робким шёпотом остановила Рики собравшегося уходить Гая.

Тот нехотя обернулся и вопросительно посмотрел на девушку.

— Можно, я сегодня буду спать с вами? — выдала Рики и добавила, уже почти теряя сознание: — Мне очень страшно.

Глава 12. Когда кричит филин

Свеча выпала из рук Гайларда и покатилась по полу. Оранжевый огонёк принялся радостно лизать деревянный пол, но его пир продолжался недолго — под тяжестью сапога Стернса огонёк возмущенно плюнул по сторонам горячими искорками и тут же погас.

Рики обмякла на руках Гая, едва тот успел подскочить к ней. Её глаза были закрыты, щёки заметно побледнели, дыхание различалось слабо, но два шлепка по лицу сделали своё дело — Рики очнулась и недоуменно уставилась на Гайларда. Его руки сжимали её так крепко, как если бы она была ценной и хрупкой вещью, разбить которую Стернс не позволил бы никому в жизни, даже самому себе, а его взволнованное лицо было столь близко, что Рики невольно сглотнула, чувствуя, как заныло её сердце.

— Ты в порядке?

Всего три слова, но с каким же трудом Рики в них вслушалась. С каким трудом всмотрелась в губы, которые ещё на корабле ненавидела и от которых сейчас больше всего на свете желала, чтобы они ещё раз произнесли её имя. Когда всё успело измениться? Это точно болезнь, иначе не назовёшь. Видимо, проклятый ливень всё-таки добил её, и она вот-вот сляжет с горячкой.

— Я в порядке, — пролепетала Рики и сделала попытку нащупать ногами пол, но бесполезная возня привела лишь к тому, что хватка Гая стала крепче.

— Ты была без сознания.

— Наверно, от усталости, или я мало поела. Прошу, отпустите меня.

— Или это потому, что тебе страшно, — внезапно закончил за девушку Гай.

— Поставьте меня на землю, милорд, — застонала Рики. — Если кто-нибудь войдёт и увидит, то он подумает такое...

Гай фыркнул.

— Что именно?

— Ой, да страшно подумать, что именно, но точно ничего хорошего.

— Он подумает то же самое, как если узнает, что сегодня ты будешь спать со мной в одной постели.

Рики в очередной раз попробовала высвободиться, но как же сложно было двигаться, находясь во власти сильных рук.

— Но вы ведь...

Гайлард устало выдохнул.

— Глупая... Ты же знаешь, что я тебя не трону, какие бы гадости тебе про меня ни рассказывали. Держись крепко: лестница крутая, а моя спина ещё может сыграть со мной злую шутку и заставить меня скрючиться в самый неподходящий момент.

— Скрючиваться не надо, — запаниковала Рики. — Поставьте меня. Я дойду сама. Правда. Подумаешь, у меня чуток голова закружилась. Не умерла же.

— Держись, я тебе говорю, — рявкнул Гай, и Рики умолкла.

Странные были ощущения: неловкие и приятные одновременно. Рики даже подумалось, что, возможно, именно так Стернс нёс свою жену в спальню, когда за ними закрылись все двери и оставался только пустой коридор, ведущий в комнату, предназначенную только для них двоих. От этих мыслей к ощущениям прибавился стыд. Хоть на роль леди Мириан Рики ни в коем случае не претендовала, уши всё равно краснели от одного только предположения, что она невольно заняла чужое место и пользуется вниманием чужого мужа. А ещё — от страха, что кто-то всё же может их подглядеть и после неверно донести новой хозяйке Торренхолла.

Кровать, что стояла в комнате, отведённой лорду Стернсу, оказалась набором из скоро сколоченных между собой досок, на которые кинули продавленную перину, валик под голову и короткое одеяло, неспособное никого согреть холодной ночью. Спать на ней одному было уже невыносимо; что уж говорить о двоих. И уши стали окончательно пунцовыми, когда Рики это поняла, а вместе с ними заалели и щёки. Мало было сплетен за спиной в Торренхолле, так теперь придётся отводить взгляд и при стражниках, сопровождавших лорда Гайларда в Папоротниковую впадину. И если в замке можно было затеряться и понадеяться, что закрутившиеся за день слуги скоро позабудут об увиденном, то в тесном кругу воинов от осуждения никуда не скроешься. Рики это знала не понаслышке: время, проведённое на городской стене, послужило хорошим уроком.

Из пяти свечей в комнате горело две: хозяин предусмотрительно оставил их, а ещё глиняный кувшин с колодезной водой и кружку. Стены комнаты были так плохо проконопачены, и в них были такие щели, что некогда нарядные, а сейчас пресно-скучные драпировки вздувались от ночного ветра. И даже пламя свечей постоянно колебалось, как развернутое знамя военачальника.

Рики повела плечами, пытаясь согнать с себя прочь то полчище мурашек, которое пришло вместе с сырым сквозняком. Минутой ранее Стернс опустил её на жалкое подобие кровати, а сам отстегнул меч и, положив его на стол, шагнул к окну и выглянул на улицу. Вряд ли там было что-то интересное, так как Гай скоро развернулся, расстегнул куртку, но снимать не стал, погасил свечи, и спустя мгновение Рики почувствовала его дыхание рядом.

Ужасная паучиха никак не шла из головы. Стоило закрыть глаза, как страшное старушечье лицо вновь представало перед Рики, худые руки протягивались к шее, рот превращался в уродливую пасть, и из неё высовывались окровавленные клыки. От леденящего кровь видения спасало лишь частое хлопанье ресницами, и, сообразив, что выпастись не получится, Рики обречённо вздохнула.

— Спать с тобой — настоящий кошмар, — измождённо протянул Гай. — Раньше ты так не елозила. Что случилось? Неудобно?

— Уберите руку, — попросила девушка.

— Может, тебя ещё одеялом накрыть?

— У меня одежда грязная — замарается. Вы убрали?

— А как ты думаешь?

До свечей идти было далеко, да и проку от них было мало, ведь за огнём всё равно пришлось бы спускаться вниз к печке, поэтому Рики по-простому пощупала рукой то место, где полагалось быть валику, и, наткнувшись пальцами на шершавую ладонь и тоненькую верёвочку на запястье, поджала губы и сползла вниз по кровати. Сбежать от руки лорда Стернса таким образом удалось, зато ноги стали свисать с кровати так, что впору было сесть.

— Так удобнее? — с иронией в голосе поинтересовался Гай.

Не в силах терпеть колкости в свою сторону, Рики подтянула к себе ноги, заёрзала обратно и нагло вытянулась во весь рост. Теперь голова угодила на плечо Стернсу, а его горячее дыхание стало ещё ближе.

— Спи, — буркнул Гай.

— Не получается.

— Спи и ни о чём не беспокойся. Я же сказал, что не трону тебя, а так просто теплее.

— Конечно, не тронете, вы ведь только вчера женились.

— Ты этому рада?

— Леди Мириан вам очень подходит.

— Я задал вопрос.

Рики закусила нижнюю губу.

— Милорд, — после некоторого молчания начала девушка, — а, можно, я вас спрошу?

Стернс хмыкнул.

— Ну?

— Откуда у вас та верёвочка? Раньше я её у вас не видела.

— Почему тебе это интересно?

— Такие вещи не часто заметишь у богатых людей, а у людей вашего положения — тем более. В нашей деревне у дочери старосты таких полно; она меняет их каждую неделю и говорит, что каждая что-то значит. Я в это никогда не верила и значения этому не придавала. А тут вдруг у вас заметила. А вы просто так ничего не делаете...

Гай зашевелился, развязал узелок на руке и снял тоненькую кожаную полоску.

— Возьми, если она тебе так нравится.

Их пальцы переплелись. Вспыхни в комнате свет или загляни в окно луна, Рики провалилась бы от стыда сквозь землю, но ночь была темна, и чувствовалось только, как лоб и шея становились влажными от волнения. Это Рики ещё могла вынести, а вот пронзительного и ехидного взгляда Стернса — ни за что на свете, потому принялась усердно про себя молиться, чтобы ни одна звёздочка не вздумала зажечься на небе, не говоря уже о чём-то более ярком.

Потёртая верёвочка оказалась на ладони Рики; обвязанный нитями нефрит был прохладным и немного загасил жар, но его силы хватило лишь на пару секунд. Стернс не отпускал от себя, тихонько водил пальцами по тем линиям, в которых недавно ковырялась паучиха, словно тоже пытался прочесть по ним будущее, и остановился лишь, когда за окном вдруг громко прокричала птица, заставив своим криком обоих — Рики и Гая — вздрогнуть.

— Вот вы всё переиначиваете. — Рики поспешила сделать вид, что ничего не случилось, вложила шнурок обратно в ладонь Гайларда и тут же спрятала руку под спину, чтобы не нарваться на новую волну пожара в груди и путаницы в мыслях. — Я не выпрашивала себе подарок, а только спросила, откуда это у вас. Просто на вас это слишком непохоже.

— Мне было семь лет, когда на празднование в честь последнего листопада отец взял меня с собой в город. Кажется, с нами был ещё Стенден — куда ж без него. Помню, я затерялся среди разноцветных лавок и пёстрых юбок торгашек и искал взглядом отца или кого-то из его людей, когда она схватила меня за руку.

— Она? — переспросила Рики, а за окном снова ухнули.

— Женщина. Вся перемазанная и с паутиной на башмаках. Поволокла меня за ширму бродячих артистов — я даже пикнуть не посмел.

— Но почему? Почему вы не кричали?

— Хотел, но не мог. Как будто рот залепили чем-то вроде глины или даже той же паутиной... Эй, — Гай вдруг прекратил рассказ и окликнул Рики. — Ты снова дрожишь?

— С окна дует, — соврала Рики, отлично зная истинную причину своего страха, и тут же оказалась укрыта тем самым тонким одеялом, которое впору было выбросить, чем продолжать предлагать постояльцам.

— Лучше? — спросил Стернс и, решив, что просто покрывала будет недостаточно, прижал к себе Рики так, что та чуть не стукнулась подбородком о металлическую застёжку на его куртке.

— И что было дальше? — отплевываясь от застёжки, промычала Рики, окончательно страшась пошевелить ногой или рукой.

— Та женщина дала мне что-то выпить... что-то гадкое и горькое на вкус. Сказала, что это успокоит меня, и в том не соврала. Мой страх действительно притупился, и, наверно, приставь она в тот момент нож мне к горлу, я бы ни разу не дёрнулся и принял смерть довольно равнодушно. А потом она взяла мою руку, долго копалась в линиях на ней, ничего не нашла и просто заявила мне, что я стану королём. Вот удивила. А кто же ещё им станет, если не я?

— Ну, может, тогда вы были не единственным наследником престола...

— Не спится? — услышала она низкий голос рядом с собой. — Мне тоже.

Повисло неловкое молчание. Рики сделала попытку притвориться спящей, повернулась на бок, прикрыла глаза и тут же дёрнулась так, будто её укусила не одна паучиха, а целое полчище: вместо валика под головой оказалась рука Стернса. Когда он успел её вытянуть, Рики и думать не смела, тем более — лечь на неё и дремать. И Рики привстала на локте.

— Ещё был мой отец. Он мог наследовать трон, как младший брат нашего короля, но даже тогда он твёрдо решил, что отречётся от власти в мою пользу. Меня готовили к этой роли с рождения, и соперничать за власть мне не с кем. Ни тогда, ни сейчас.

— А что-то ещё та женщина сказала? Или, может, сделала?

— Повесила мне на руку эту самую верёвку и завязала концы в узел. Сказала, что нефрит — мой камень, и он поможет мне найти то, что я ищу. А потом толкнула в центр толпы прямо к ногам одного из стражников и исчезла.

— А что вы ищите?

— Конкретно в данный момент — поганую тварь, которой я снесу голову первым же ударом.

— И вы верите, что эта вещица поможет? Мне как-то казалось, вы презираете всякого рода амулеты, обряды и предсказания.

— Так и есть.

— Вот вы снова сами себе противоречите. Зачем тогда верёвку нацепили? Ставлю зуб, раньше она у вас валялась где-нибудь в запертой на ключ шкатулке, и вы о ней даже не вспоминали.

— Ты меня так хорошо знаешь?

— Иногда мне кажется, я знаю вас целую жизнь...

— Я и правда смеюсь в лицо всем этим дряхлым предсказателям будущего, которые определяют судьбу по тому, сколько раз в болоте проквакала лягушка. Но я подумал, что, повязав себе эту безделицу, я вреда никому не причиню, разве только самому себе, если вдруг сотру кожу в кровь. А найду ли я гадёныша благодаря случаю или этой вещице — это уже не так и важно.

— Тогда и оставьте её себе. Может, она и правда была повязана вам на удачу, а вы так этой удачей швыряетесь.

— Удача, — усмехнулся Гай. — Я верю только в острие клинка, свой собственный разум и умение смотреть хотя бы на шаг дальше, чем мой противник, хоть и держу у себя в советниках Дагорма, предпочитающего здравому смыслу древние руны и прочую чепуху, которой впору только камин зимой разжигать.

— Как вы можете так говорить о книгах?!

— А как ещё о них говорить, если в их силах убить человека и разрушить семью?

— Это вряд ли, — задумчиво произнесла Рики. — Как можно убить книгой? Если только толстым томом по голове хряцнуть...

— Дурёха, — выдохнул Гай, а Рики уловила, как дрогнул его голос. — Давай спать.

— Давайте, милорд, — подхватила девушка, чувствуя, что любое следующее слово на тему книг может привести к непоправимым последствиям.

Рико закрыла глаза.

Проклятый сон всё равно никак не шёл, хотя на плече лорда Гайларда было тепло и комфортно. Дыхание Стернса было ровным и спокойным, как и полагается спящему, и Рики старалась сопеть как можно тише и не ворочаться и даже принялась считать в уме гусениц, но последние почему-то упорно превращались в бабочек и вспархивали с места раньше, чем Рики успевала произнести про себя очередную цифру. Ночь тянулась медленнее некуда, и Рики уже решила тихонько встать и выглянуть в окно в надежде увидеть в глубине леса зарождающийся рассвет, как гробовую тишину внезапно прорезал голос Гая, как всегда недовольный и даже ни капельки не заспанный:

— Даже не думай. Я тебя никуда не отпущу.

Рики опешила.

— А вы разве уже не третий сон видите?

— Даже первого не было.

— Вот вернёмся в Торренхолл, заставлю старикашку приготовить вам хорошее снотворное! А то ваши раны его мазь быстро затянула, а вот бессонницу лекарь не углядел; вы мучитесь ей с тех пор, как мы вернулись с острова.

— Она у меня лет с пяти.

— Что? — Рики не выдержала и привстала. Но заглянуть Гаю в глаза и проверить, правду ли он говорит или шутит, не удалось: темнота в комнате стояла страшная. — Как вы до сих пор живы?

— Сам удивляюсь.

— В том точно заслуга вашего амулета!

— Скорее моего несгибаемого организма.

— Рано или поздно и он сдастся, если его ничем не подпитывать...

Решено. Вернёмся в Торренхолл, и я наяду на старика Дагорма! Это ж надо, его господин страдает бессонницей с таких лет, а первый советник ничего не делает! Может быть, он просто не знает о вашем недуге?

— Всё он прекрасно знает. В какой-то мере он даже к этому причастен.

Рики присвистнула.

— Вот как?

— Сегодня, видимо, ночь откровений, — хмыкнул Гай и скрестил руки за головой.

Плен был окончен, и Рики наконец могла делать что угодно, вот только обретенная свобода её сейчас совсем не интересовала, да и где-то в глубине души девушка признавалась сама себе, что в том плену было как минимум тепло и спокойно. Теперь же в бок дуло, и даже казалось, что с потолка на тоненькой нити спускается мелкий паучишка, чтобы плюхнуться Рики на голову и закопаться в соломенного цвета волосах, от которых пахло лесом.

— Нет, я не прошу со мной откровенничать, — торопливо объяснила Рики и на всякий случай помахала рукой над головой, чтобы спугнуть воображаемого зверька, — но я никак не могу представить, что мог такого вытворить лекарь, чтобы вы лишились сна на долгие годы да ещё так спокойно к этому относились.

Теперь пришла очередь Гая сесть на кровати.

— Что ты знаешь о нашей семье?

Рики в раздумье почесала нос.

— Ваш род древний... Очень древний. И сильный. Не знаю, каким образом, но ваши предки завладели большим количеством земель и подчинили себе других лордов, а потом провозгласили себя правителями и удерживают эту власть вот уже который век.

— Тебе не кажется, что если существует в мире такая сила, то у неё обязательно найдутся недоброжелатели, которые только и делают что молятся богам, чтобы у короля сдохла любимая собака или сын? Последнее предпочтительней.

— Может, где-то так и происходит, но ваше имя внушает такой страх, что люди думать о вас бояться, не то чтобы сглазить.

— Полагаю, что не боятся, раз нашёлся смельчак и выложил на бумагу целый стих, который уничтожил мою семью. Ты считаешь, книга не может убить? Тогда я расскажу тебе, как восемь строчек лишили меня брата, матери и отца.

Скажи эти слова кто другой, Рики подумала бы, что он не в себе. Но в трезвости ума Гайларда Стернса девушка не сомневалась, поэтому просто обхватила колени руками и сидела, не двигаясь, внимательно слушая.

— Есть одно поверье о двух братьях из королевского рода. Оба должны родиться в год двух лун и в войне друг против друга уничтожить мир. Чтобы этого не случилось, от одного из братьев нужно избавиться. День моего рождения пришёлся как раз на две луны, как и день рождения моего младшего брата. Дядя и отец так перепугались, что без колебаний согласились скинуть грудного ребёнка со скалы в море, лишь бы не дать легенде ожить. Кстати, подсунул ту легенду отцу Дагорм. Он же и расшифровал руны, так что я вправе винить его в своих бессонных ночах или ночных кошмарах, потому что если мне что и снится, то жить от таких снов потом совсем не хочется.

Стернс говорил тихо, и Рики не видела его глаз, но была уверена: они были полны злости. Слова слетали с губ резко, словно ножи — в ненавистного противника.

— Простите, что завела этот разговор, — виновато прошептала девушка. — Если б я только знала...

— Я уже говорил, что не люблю вспоминать о прошлом, но, — Гай усмехнулся, — тебе я впервые рассказал о том, что случилось, без тяжести на сердце. И это странно.

— Наверно, потому что вы наконец-то поняли, что всё произошедшее было вынужденной жертвой во благо счастья вашего королевства.

Кровать скрипнула. Это Гайлард повернулся и опустил на пол ноги. Медленно поднялся, потянулся и прошёл к окну. Рики услышала, как щёлкнули застёжки на его походной куртке.

— Мой брат — вынужденная жертва? — глухим, почти чужим, голосом переспросил Гай. — Ты сказала, я не из тех, кто верит в предсказания, амулеты и прочую базарную ерунду. И это так. Я даже тому стиху не верю, хоть и выложен он серебром и в древней книге. Я просто думаю, что кто-то оказался настолько хитёр и ловок, что выдумал эти строки и выдал их за страшное предсказание, желая отомстить нашему дому. И это у него получилось.

За окном опять ухнула птица и зашумела листва. Ветер качал деревья, а те скребли длинными ветвями по стенам трактира и крыше, как мыши скребутся о стену амбара, желая проделать в той лазейку и пробраться к мешку, сквозь крохотную дырку в котором на пол сочится зерно.

— Что-то филин раскричался, — пробормотала Рики. — У нас в деревне говорят: не к добру.

Гай повернулся, и слабый розовый свет, пролившийся через замутнённое стекло, выхватил из темноты его силуэт. Солнце медленно поднималось к верхушкам деревьев, прогоняя ночных птиц и стирая ночные страхи.

— Ты даже в такое веришь? — Стернс прошёл к столу и взял меч. — Светает. Я буду на улице вместе с капитаном Шеллингом. Нужно проверить лошадей. Выезжать будем скоро, но у тебя ещё есть время, чтобы вздремнуть. Советую этим воспользоваться.

— Да не усну я, — отмахнулась Рики и потёрла кулачками холодные щёки.

— Как знаешь. Но если увижу, что дремлешь в пути, останавливаться ради тебя не буду.

— Не беспокойтесь, милорд. Я вас не подведу, — тут же выдала девушка, провожая Гайларда к двери взглядом.

У самого выхода Стернс вдруг остановился и, поразмыслив, вернулся к кровати, опустил на неё, взял Рики за руку, немного завернул рукав и обернул вокруг худенького запястья ту самую кожаную верёвку с нефритом посередине. Закончив с узелком, посмотрел в глаза девушке и произнёс:

— Тебе это пригодится больше, раз ты даже к крику птиц прислушиваешься.

Рики не успела и слова в ответ сказать, как Стернс встал и вышел из комнаты. Было слышно, как он загремел сапогами по лестнице и как чуть позже зашумела дверь, ведущая на улицу. Слышны были и голоса, как самого Гайларда, так и капитана Шеллинга и не по годам смышлёного Эларана. Не смогла Рики услышать только одного голоса, который крепко-накрепко засел в голове Стернса и всю ночь и всё утро неустанно повторял одни и те же слова, изводя Гайларда и разрывая его сердце на части.

То были слова странной женщины из прошлого, повязавшей ему на руку шнурок на удачу. И были они странными, как она сама, и такими же страшными. И Гай хотел бы их забыть, но даже просовывая ногу в стремя и срываясь на лошади вперёд по усыпанному листьями тракту, он из раза в раз прокручивал в голове сварливое: «Тот, кто надевает корону, должен быть готов выдержать её вес. Ты станешь королём, но сколько жизней ты готов за это отнять?»

Глава 13. Хозяйка Торренхолла

Дорога к городской стене была вымощена плохо, и экипаж вело из стороны в сторону. Сопровождавшие процессию всадники были настороже и спешили огреть плетью или упрятым в ножны мечом любого горожанина, будь то кузнец, аптекарь или обычный пьяница, случайно показавшийся на улице. Никто не смел мешать экипажу леди Стернс — любое неосторожное движение могло стать зеваче синяком, а то и вовсе лишит жизни.

Мириан выехала из замка после обеда. Не в силах больше терпеть цвет траура в комнатах и проливной дождь за окном, выдававший барабанную дробь по черепице и водостокам, леди Стернс приказала принести ей тёплую накидку и запрячь лошадей. Хоть до стены было рукой подать, каждый глоток свежего воздуха был для Мириан сродни чудодейственному бальзаму. Боль, от которой вот уже третий день ломило тело и которую трудно было вычеркнуть из памяти, притупилась сразу, стоило колёсам сделать оборот. Чёрное муслиновое платье перестало нагнетать ощущение пустоты и полного одиночества, а надетое на палец кольцо покойной матери своим блеском придало сил и подарило надежду, что все возможные горести пришлись на первые дни новой жизни, а дальше будет лишь тихое счастье.

О смерти старого лорда Стернса Мириан узнала на утро после свадьбы. Проснувшись поздно, она ещё долго лежала в постели, страшась шевельнуть и пальцем, но потом заставила себя сесть на кровати и принялась распутывать волосы. Местами крошечные узелки были столь прочны, что проще было вырвать клоч, чем возиться с ним бесконечно, тем более тех волос Мириан было не жалко. К чему вся лелеянная годами красота, если восхищения она не вызывает? Но Мириан терпела. Закусив губу, продолжала распутывать прядь за прядью, словно в том был какой-то потаенный смысл, а потом дверь отворилась, и в комнату сунула озябший нос служанка, поклонилась, подошла к кровати с чёрным платьем в руках.

— Подай лимонное, — холодно распорядилась Мириан. Служанка тихонько ойкнула и выпучила глаза. — Чего стоишь? Неси.

— Так ведь не положено, госпожа.

Тогда леди Стернс и услышала о несчастье, свалившемся на её новую семью и посмеившем омрачить праздник, бывший радостью для всех, в том числе и для неё, до того самого момента, пока не отворились двери в спальню.

Торренхолл скорбел, и флаги были приспущены. Надеясь поддержать в горе мужа, Мириан с час тыкалась из комнаты в комнату, пытаясь отыскать Гайларда. Спрашивать слуг оказалось делом бессмысленным: молодого хозяина никто не видел с ночи, и на третьей попытке Мириан бросила это дело. Со стыдом для себя она вдруг осознала, как жалко и смешно может выглядеть, своими расспросами дав всем понять, что проснулась одна, а не в обнимку с мужем.

Положение усугубилось, когда в кабинете Гая Мириан случайно наткнулась на короля Риккарда, с недовольным видом листавшего толстую книгу в пурпурном переплёте и потягивавшего такого же пурпурного цвета вино, чтобы облегчить похмельное страдание. Предвкушая неловкие расспросы, Мириан ступила назад, но Риккард её заметил и, отставив кубок, протянул руки навстречу драгоценной невестке.

— Мириан. — Трель его величества была не хуже соловьиной. — Дорогая Мириан. Единственный луч солнца в это хмурое, дождливое утро. За окном — сплошная мерзость, на душе — ещё хуже, и только ты своим милым личиком греешь моё старое сердце.

Король Риккард игриво ущипнул Мириан за щёку и предложил сесть.

— Мои соболезнования, ваше величество. — Леди Стернс присела в поклоне и, выдержав на себе изучающий каждый изгиб её тела взгляд, опустилась в мягкое кресло.

В кабинете было тепло и сухо, и уютно трещали дрова в камине. Чудесно, что хоть кто-то из слуг позаботился протопить комнату и избавить стены замка от сырости. Большая же часть прислуги было столь сильно потрясена утратой, что даже забыла подать завтрак гостям к нужному времени.

— Нам всем уготовлен свой час, — ответил король, скрестив за спиной руки. — Мой брат был давно болен, и его смерть была лишь делом времени. Хорошо хоть не в день свадьбы окочурился, а после.

Мириан повела плечами, словно озябла. Ей говорили, что правитель Нолфорта — равнодушный до людей человек, даже самых

близких, но чтобы настолько...

— А где Гайлард? — внезапно услышала она вопрос и побледнела. — Моя несравненная невестка так уработала моего племянника, что он до сих пор валяется в постели? Или он не может поднять головы, потому что снова напился, как свинья?

Мириан взволнованно заморгала. От ответа её спасли, доложив о приходе некого капитана Швидоу. При упоминании этого имени король поморщился, но всё же махнул рукой и разрешил пропустить. Через несколько минут в дверях кабинета показался среднего роста человек с топорщившимися в разные стороны огненно-рыжими усами, бегающими глазками и отличной военной выправкой.

— Дуон Швидоу, миледи. — Прибывший капитан поспешил дотронуться губами до руки Мириан сразу, как только должным образом поприветствовал короля.

Ничего противнее в жизни Мириан не испытывала: усы капитана были подобны жёстким щёткам, а кожа на пальцах была такая шершавая, что после всех этих прикосновений хотелось встать, пойти и намазать руку жирной мазью. Но какие бы желания ни искушали сердце, Мириан лишь мягко улыбнулась и осталась сидеть в кресле. А того, что леди Стернс аккуратно вытерла о платье извозюканную в слюне ладонь, никто и не заметил.

— Празднество вчера было роскошным, — начал Дуон Швидоу, и его глаза забегали туда-сюда, не зная, где остановиться: то ли смотреть на его величество, то ли — на новоявленную хозяйку Торренхолла. — А лорд Стернс — столь любезным, что пригласил меня к себе побеседовать о делах. — И добавил, чтобы разбавить ответную тишину: — И о службе, наверно.

— Сегодня не слишком удачный день для бесед, — отрезал Риккард. — Все встречи были отменены ещё рано утром. Странно, что до городской стены известие не дошло.

— И правда, не дошло, — кивнул Швидоу, не сообразив, что обещанная встреча в список важных дел попросту не попала, поэтому посыльный до стены не добрался.

В кабинете снова повисла неуютная тишина. Капитан городской стражи переминался с ноги на ногу, а потом, поймав на себе вопросительный взгляд короля, нетерпеливо ожидавшего, когда же

рыжий служака перестанет раздражать своим присутствием и догадается уйти, сказал:

— Ваше величество... миледи... Не сочтите за дерзость... Я понимаю, что лорду Стернсу сейчас совсем не до прошений, особенно таких мелких людишек, как я, но... — Швидоу окончательно запутался и говорил с придыханием, опустив взгляд в пол и не зная, куда девать руки: положить ли на рукоять меча, спрятать за спину или просто вытянуть по швам.

— Говори скорее, — бросил король.

— Вам? — растерялся капитан. — Моя просьба не такая уж важная, чтобы ей заботить вас, ваше величество.

— Ну? — Риккард понимал, что единственный способ быстрее избавиться от таракана — выслушать его.

— Ваша милость, миледи... Не так давно к нам на стену привезли раненого. Оказать первую помощь мы сумели, но лучше ему никак не становится. Все, кто его видел, разводят руками и ничего не могут сделать. Вот я и подумал, вдруг лекарь лорда Стернса уже сталкивался с чем-то подобным и сможет помочь.

— И этим пустяком ты собирался забить голову моему племяннику? — возмутился король. — В такой печальный для всех день? Да мы ещё не придумали, как сообщить Гайларду о случившемся, а ты о каком-то недотёпе толкуешь?! По мне, так пусть парень сдохнет, раз он такой неудачник.

Швидоу снова принялся мямлить, но его голос звучал так тихо и неубедительно, что никто не расслышал и слова, тем более леди Мириан внезапно приосанилась и громко произнесла:

— Сегодня вы потеряли брата, ваше величество, а мой муж и я — отца. Может, в память о нём мы могли бы что-то сделать для того несчастного? Лорда Стернса беспокоить не стоит, это верно, но я могла бы попробовать помочь.

Риккард посмотрел на невестку, как на полоумную, потом равнодушно пожал плечами, а Мириан развернулась лицом к капитану.

— Нам повезло, что эти дни со мной находится мой лекарь. Я велю ему тотчас ехать на стену и осмотреть раненого. Будем надеяться, он сможет помочь.

Радостный Швидоу бросился было целовать Мириан руку, но та, вспомнив о жёстких усах, спешно вскочила с кресла и, завидев в

дверях Дагорма, переключила внимание с капитана на старого советника. То же самое сделал и Риккард.

— Почему до сих пор не разбудили Гайларда? Нельзя оттягивать и щадить его чувства вечно; что случилось — то случилось, всё уже давно к тому шло.

Слова предназначались Дагорму, но почему-то неловко стало Мириан. Она тут же потупила взгляд и с досадой для себя заметила, что чёрная лента, пущенная по подолу платья, была пришита криво, и цвет ниток снизу отличался от цвета ниток сверху. В Ллевингоре никогда бы подобного не случилось, а в новом доме даже в первый день швея допустила оплошность.

— Боюсь, что лорд Гайлард ещё не скоро узнает о произошедшем, — удивил всех Дагорм. — Я порывался сообщить вам перед завтраком, ваше величество, но вы были заняты, поэтому говорю только сейчас.

По лицу короля пробежала хмурая тень.

— Лорда Гайларда нет в Торренхолле, — продолжал старик. — Ещё ночью милорд отправился в Папоротниковую впадину. С ним капитан Шеллинг и охрана.

— В Папоротниковую впадину? — Риккард недоумевал. — Зачем?

— Этого никто не знает, — нагло врал Дагорм.

— Совсем никто?

— Совсем, — не моргнув и глазом, выгораживал Гая старик. — Милорд распорядился выехать до рассвета. Сказал, что дело не терпит промедления. А утром мы узнали печальную новость. Скончался хозяин чуть раньше, милорд ни за что в жизни не покинул бы замок.

— Он сказал, когда вернётся?

— Нет, ваше величество.

— Но кто-то же должен хоть что-то знать? — вспыхнул Риккард и на мгновение задумался. — Приведи-ка сюда девчонку, что вечно с ним — не отлепишь. Может, она чего слышала, что ты, старый дурень, пропустил.

Мысль была здравая. Мириан даже принялась корить себя, что не додумалась найти Рики раньше, чем о том догадался король. Нужно привыкать быть на шаг дальновиднее, тогда не будет за спиной перешёптываний и жалостливых взглядов, а ещё неловких ситуаций. Таких вот, как этим утром.

Дагорм пригладил бороду и проронил:

— Ту девочку зовут Рики, и она точно знает, чем сейчас занят лорд Гай.

— Рики? — прошелестел пересохшими губами Швидоу, а король взорвался:

— Плевать я хотел, как её зовут. Если она знает, что за муха укусила моего племянника в ночь после свадьбы, то пусть немедленно об этом нам скажет!

И тут же, болезненно поморщившись, коснулся пальцами висков: от недосыпа и изрядного количества выпитого вина в них пульсировало, и не было такого средства, которое могло бы Риккарду помочь.

— Привести сюда девочку я никак не могу. — Вспльчивость короля не произвела на Дагорма никакого впечатления. — Дело в том, что Рики уехала вместе с милордом. Да, она точно знает, где он и чем сейчас занимается, и когда он вернётся, но сказать нам этого, увы, никак не может.

— Дерьмо собачье, — выплеснул Риккард, глотнул вина на дне кубка и грохнул тем о серебряный поднос так, что у Мириан зазвенело в ушах.

Его величество был в гневе.

Широким шагом прошёл по комнате, при этом грубо задев плечом Дуона Швидоу, и, не оборачиваясь, не одаривая взглядом никого, вышел из кабинета. Мириан ещё долго слышала удаляющийся стук каблуков дорогих сапог.

На капитане не было лица. Взгляд был стеклянным, вечно бегающие глаза застыли на одной точке. Ей была напольная ваза, расписанная столь ярко, что от буйства красок хотелось морщиться. Плечи капитана поникли, спина ссутулилась, и складывалось впечатление, что в одночасье Швидоу потерял нечто важное, над чем трясся изо дня в день. Чуть разомкнув губы, он что-то пробормотал, но Мириан не различила ни слова. Потом опять что-то сказал и, окончательно растерявшись, низко поклонился и спешно покинул комнату. В этот раз обошлось без долгих расшаркиваний и поцелуев рук, чему Мириан была рада. Но облегчение быстро ушло — вернулась тревога. Леди Стернс оказалась одна в огромном замке, где

всё было непонятным и чужим, и, как жить дальше, не представляла себе ни на мгновение.

Похороны отца Гайларда пришлось на следующее утро. Они прошли быстро, без громких речей и под спущенные флаги. Ближе к вечеру Торренхолл опустел: оставшиеся после свадьбы гости принялись разъезжаться, и комнаты освобождались одна за другой. Король Риккард даже ужина дожидаться не стал, велел приготовить ему лошадь и выехал из замка засветло. С невесткой не попрощался, зато бросил что-то недовольное и обрывистое Дагорму, на что тот ответил низким поклоном. А после ужина в Торренхолле стало настолько тихо, что казалось, вместе с большим хозяином умерло и всё остальное.

С грустью в сердце и мыслями ни о чём Мириан пережила ещё одну холодную ночь. Обнаружив утром вместе с завтраком на столе глиняную плошку с мазью и записку от Майринда, велела позвать слугу. Собираясь распорядиться отвезти лекарство на городскую стену, вдруг передумала и попросила срочно подготовить ей экипаж. Оправдывать намерения было не перед кем: никого из семьи, как старой, так и новой, в Торренхолле не было.

Всадников караульные на стене заметили издали. Стоило лошадям свернуть с узкой улочки, как вся процессия тут же оказалась перед распахнутыми воротами и самим капитаном Швидоу, успевшим одёрнуть на себе куртку, затянуть потуже пояс и плеснуть на шею и лицо с пригоршню розовой воды.

Капитан был изумлён и этого не скрывал. Помогая госпоже выйти, заикающимся голосом высказывал удивление, ссылаясь и на счастливый лунный день, и на сон в руку. Мириан делала вид, что внимательно слушает, молча кивала, но беседу не поддерживала, страшась одним неосторожным словом увести капитана в такие дебри, из которых вытащить его будет сложно.

— Где тот бедняга, о котором вы рассказывали? — поинтересовалась леди Стернс, когда внимать бессвязным речам стало невмоготу.

До тесной, пыльной и душной комнаты они дошли быстро. Мириан, как могла, старалась ступать аккуратнее и приподнимать подол платья, чтобы не испачкать дорогой наряд в глине, перемешанной с навозом и влажными опилками. Обутая в башмак

изящная ножка, выглянувшая из-под вороха ткани, в тот же миг породила перешёптывания и переглядывания, но леди Стернс это ничуть не смутило. Она привыкла изумлять и дразнить своей красотой, и любое равнодушие было ей непонятно.

— Это он? — спросила Мириан, остановившись взглядом на человеке, лежащем на койке.

Его глаза были закрыты, а лоб покрылся капельками пота. Одежда была серой и грязной и неприлично пахла. Волосы на голове слиплись и тоже были мокрыми, как и лицо, и руки, свисавшие с кровати.

— Да, миледи, — проронил Швидоу и пригрозил кулаком караульным, подглядывающим в окно.

— Но он скорее жив, чем мёртв.

— Если бы вы видели то чудо, которое с ним сотворил господин Нольвен, то поверили бы во второе рождение. Этот парень выжил, получив нож в спину. После такого я просто обязан сделать всё, чтобы поставить его на ноги.

Мириан наморщила лоб.

— Я его знаю.

— Вряд ли. — Швидоу принял утверждение за вопрос. — Он бедняк. Рыбак из деревни у моря. Вы, верно, его с кем-то путаете.

— Да нет же, я его знаю. Я видела его в замке. Он такой... такой неотёсанный и... странный.

— Странный?

Мириан спохватилась

— Это неважно. Мой лекарь изготовил мазь, как вы и просили. Вот. Возьмите.

Леди Стернс протянула капитану накрытую тряпицей и обвязанную жгутом глиняную плошку, от которой приятно веяло перемолотыми травами.

От переизбытка чувств капитан чуть не задохнулся.

— Надеюсь, поможет, — добавила Мириан, не выдержала и провела пальцами по лбу Далена, убирая в сторону две взмокшие пряди тёмных волос, прилипшие к коже.

— И я, миледи, — выдавил Швидоу, прижав к груди мазь, словно та была драгоценностью.

Мириан улыбнулась.

— Вы так трогательны в своей заботе. Приятно, что моего мужа окружают столь чуткие люди, не равнодушные даже до бедняков.

Левый глаз капитана нервно задёргался, а руки чуть не выронили плошку.

— По правде, госпожа, этот человек для меня не просто какой-то там бедняк, подобранный в лесу и требующий ухода. Этот человек для меня как... как... — Дуон никак не мог подобрать нужного слова: — как брат, если хотите. Да! Именно так! В своих снах я часто вижу, как мы с ним стоим вместе, плечом к плечу, а его сестра нам нежно улыбается и несёт ужин.

— Вы так чудесно говорите, что я начинаю завидовать сестре этого бедняги.

— Вам ли завидовать, миледи?! С вашей красотой, манерами и положением.

Мириан снова едва заметно улыбнулась, завернула повыше кружевные манжеты на рукавах, взяла со спинки стула непросохшую тряпку и, смочив её в чаше с мутной водой, провела по лицу Далена, избавляя то от солёной влаги.

— Та девушка, должно быть, тоже красива, если хоть капельку лицом похоже на брата. Манеры же можно привить, а положение получить. Достаточно только удачно выйти замуж.

Швидоу жадно следил за каждым движением руки Мириан.

— В вашем присутствии, миледи, я не решусь назвать красивой ни одну женщину. Просто потому что прекрасней вас нет никого на свете.

— Разве когда любишь кого-то, не считаешь того человека самым красивым на земле? — Мириан продолжала говорить и промокать тряпицей лицо и шею Далена.

— Простите?

— Разве не ловишь каждый его взгляд и каждый жест, каждое слово и каждый вздох?

— Вы так много знаете о любви...

— Мне просто нравится наблюдать. И мне кажется, не так давно я видела одного по-настоящему влюблённого человека. Только он боится признаться в тех чувствах даже самому себе, не то чтобы кому-то ещё.

Швидоу почесал затылок.

— Как же вы догадались о его чувствах, если он сам о них ни сном ни духом?

Мириан сполоснула тряпку в чаше, выжала и, повесив сушиться, развернулась к капитану. Дуон Швидоу мог в тот миг поклясться, что глаза госпожи блестели от слёз. Впрочем, так они могли блестеть от отвара чайной травы, которым любили баловаться все местные модницы и капали себе в глаза без устали.

— Он вёл себя, как мальчишка, — ответила леди Стернс, хотя могла этого не делать.

Тяжелое чёрное платье зашуршало: Мириан отвела взгляд и притворилась, что ей захотелось пройти по комнате. На одно окно, та была пыльная и полная дохлых мух в углах, а кроме кровати в ней ещё находились стол и два стула. Ни книжного шкафа, ни бумаги с пером и чернилами, ни даже ширмы какой в комнате не имелось. Зато на столе валялись собранные в кучу окровавленные тряпки и две пустые склянки, от которых сильно несло анисом.

— Не жалейте мази, — произнесла Мириан, указав взглядом на плоску в руках капитана. — Он должен встать на ноги, а вы должны попросить у него руки его сестры. В ваших словах я чувствую искренность, а значит, вы имеете право на счастье. Я с радостью помогу и вам, и той единственной, любовь к которой вы лелеете в своём сердце. Как её имя? Я могу отправить за ней всадников. Её привезут сюда. Нет способа лучше сблизиться, чем вместе заботиться о дорогом ей человеке.

Швидоу покраснел от удовольствия, но клюквенный цвет быстро сошёл с щёк, стоило капитану вспомнить, как далеко в тот час находилась от него Рики.

— Мне неловко спрашивать, миледи, но кому как не вам знать, когда вернётся лорд Стернс?

— Вы же слышали: у моего мужа важные дела. Как всё завершит, так и вернётся. Вам-то он зачем? Вы ему верно служите, так позвольте себе хотя бы один день думать не о нём, а о своём личном счастье.

Капитан снова изменился в лице.

— Просто... оно... сейчас... рядом с ним.

— Что рядом с ним?

— Моё счастье, миледи. Та девушка, чьей руки я хочу просить.

Рики.

Пальцы Мириан дрогнули, разжались и выронили крохотное жестяное ситечко, через которое травники процеживают отвар для микстуры. Оно лежало на столе, и леди Стернс захотелось его поближе рассмотреть и покрутить в руках.

— Вам нехорошо? — обеспокоился Швидоу и бросился поднимать ситечко.

— Нет-нет. — Мириан проследила за капитаном взглядом. — Всё в порядке. Просто погода эти дни отвратительная, вот и кружит голову на дождь. Пожалуй, мне лучше вернуться в замок.

— Конечно, — засуетился Дуон, открывая перед хозяйкой двери.

— Так ваша возлюбленная и есть та самая девочка, что в личных служанках лорда Стернса? — переспросила Мириан, приподнимая подол платья и переступая порог.

— Никак не возьму в голову, как она там очутилась. Ещё месяц назад она мыла полы у меня в казармах...

— Вот как? А милорд знает о ваших намерениях?

— Вы — первая, кому я открылся. Даже Рики о них не подозревает. Я только написал письмо её брату, но не знаю, была ли у него возможность его прочесть.

— Тогда вам определенно лучше поспешить. Молодые девушки не должны долго сидеть в невестах.

— Мне бы только поставить на ноги её брата...

— Я помогу вам. И не спорьте: мне всё равно нечего делать. Завтра я привезу вам травы и помогу с перевязками.

— Не знаю, как вас благодарить. — Дуон бешено кланялся и продолжал так делать, пока экипаж леди Стернс не скрылся за воротами городской стены. Покровительство, так внезапно обретенное в лице хозяйки Торренхолла, отодвинуло на задний план тревогу и грусть, появившуюся, стоило капитану узнать о внезапном отъезде Рики. Теперь оставалось только ждать.

* * *

острова Берлау

Войдя в большой зал, Ирис застала там Риона. Любовник почившей королевы, лекарь и травник по совместительству, он был

занят разглядыванием вышивки на обивке кресел цвета сушеной малины и не повёл и бровью, стоило внучке Морвенны стукнуть каблучками о каменный пол.

— Вас не учили приветствовать королевскую особу? — холодно и надменно произнесла Ирис. Её голова была гордо поднята, плечи расправлены, а длинные волосы собраны в толстую косу, перевязанную черно-синей атласной лентой.

— Я даже траура не соизволил надеть, — хмыкнул в ответ Рион и тоже приосанился, — а вы о каких-то расшаркиваниях... Кстати, не находите, что вышивка на этих двух креслах сильно разнится? Вот на этом ветка барбариса смотрится толще, а ягоды — сочнее. А на этом их словно птица поклевала.

Но Ирис даже не взглянула на кресла.

— Вы дерзите. Не боитесь, что я сдержу обещание и прикажу страже бросить вас в темницу? Вы мне никто. Мужем стать так и не успели, ваша покровительница мертва, а я теперь вольна делать с вами что угодно.

Рион бережно провёл пальцами по шелковым нитям, которыми вышивальщица выложила порхающих вокруг барбариса бабочек.

— Воронёнок превращается в хищную птицу? Похвально. Ваша бабушка это одобрила бы. Но вот моё заточение — никогда.

— Вы забыли, что сделали со мной той ночью?

— Я продолжал лишь потому, что слышал ваши довольные стоны. И запирать меня в сырой камере по этой причине будет непростительной ошибкой. Будь на вашем месте покойная королева, она бы вначале выжала из меня всё, что возможно, и только потом лишила бы головы. Именно так поступают все, кому дана безграничная власть. Не верите? Тогда вспомните, что вам рассказывали о Вармундах. Или тех же Стернсах.

— На историях о делишках Стернсов я всегда засыпала.

— А зря. Там есть, о чём поразмыслить.

— Сейчас разговор не о них, а о вас. И жизнь на волоске висит не какого-нибудь Стернса, а ваша. Вы предложили выжать из вас то, что может быть мне полезно, да только брать с вас нечего. — Ирис брезгливо поморщилась. — Красивые глаза — это не то, чем нужно дорожить. А красивое тело мне готовы предложить сотни юнош

Берлау. Вашими мазями из змеиного яда и крысиных хвостов я портить себе кожу не собираюсь, как и слушать глупые сказки о вышитом барбарисе.

— Я могу занять вас историями не только о ягодах. Хотите, будут гномы или единороги, изумрудные драконы, золото...

— Глупая болтовня о сокровищах? Денег казне она не прибавит.

— Зато пара кораблей с этой задачей справятся.

Ирис вопросительно посмотрела на Риона.

— Вы что-то знаете? — спросила она и тут же сама себя одернула.

— Впрочем, слушать вас — пустая трата времени. Вы только и умеете что говорить загадками, а пользы от тех загадок нет.

Рион скрестил руки за спиной.

«Какой же он красивый и сильный, — подумалось Ирис. — И какой же он мерзкий и холодный! Разве могут в одном человеке уживаться такие разные качества?»

— Отправьте свои лучшие корабли на Вороний остров, — проронил Рион. — Пещера чёрной горы полна золота, а вы так мечтаете пополнить казну.

Ирис побледнела.

— Вороний остров? Вы с ума сошли? Хотите, чтобы вошла в историю как правительница, преступившая договор?

— Гайлард Стернс первым нарушил соглашение. Если кому и быть вписанным в историю, так это ему.

— Стернс и правда там был? Тогда золота на острове уже нет.

— Оно ещё там. Если вы поторопитесь...

— Покойная королева не одобрила бы вы вашего предложения.

— Может, поэтому она мертва?

Звонкая пощёчина отозвалась эхом в каждом уголке полупустой комнаты, но Рион даже не шелохнулся. Так и стоял перед юной разгневанной королевой и не думал ни извиняться, ни просто потереть покрасневшую от удара щёку. Боль никак не хотела утихать, а Ирис — успокаиваться.

— Не знаю, что вы шептали на ухо моей бабке, но со мной такое не пройдёт, — чеканила она.

Рион поклонился.

— Если наша беседа закончена, то, пожалуйста, я уйду.

Молодая королева ещё долго стояла на месте и слушала удаляющиеся шаги. Странно: пощёчину получил слуга, а лицо горело у Ирис, и ладонь ныла так, словно удар пришёлся по наковальне.

Ирис была в смятении: несмотря на свое высокое положение она с детства много чего боялась, будь то пауки, безлунные ночи или заунывный ветер за окном. Но со своими страхами Ирис привыкла бороться. Пауков она давила, по ночам просила зажечь у кровати свечу, а щели в окнах заткнуть так сильно, что никакой ветер не мог проникнуть. Она всегда серьезно относилась к своим страхам, но только сейчас поняла, насколько была глупа. Единственным, чего по-настоящему стоило бояться, был простой лекарь, каким-то удивительным образом получивший в Берлау столько власти, что Ирис чувствовала себя маленьким беспомощным ребёнком, которого отодвинуть в сторону труда не составит. Иногда ей казалось, что, стоит Риону попросить трон, она с лёгкостью его уступит. Ещё чаще ловила себя на мысли, что вот-вот предложит корону сама. Но странные порывы проходили, Ирис тяжело вздыхала и молилась, чтобы больше не сталкиваться в коридорах и комнатах с лекарем. Выходило плохо, и оттого Ирис становилось ещё хуже. И даже желание бросить травника в темницу не помогало: стоило юной королеве встретиться с Рионом взглядом, как слова застревают внутри, а желание оставалось лишь одно, и диктовалось оно вовсе не разумом и даже не сердцем.

В спальне Морвенны было всё по-прежнему, и даже запах ромашкового чая не выветрился. Рион отлично помнил тот чай; он сам подносил его королеве. Так же, как прежде, был накрыт небольшой столик: ни одной тарелки не убрали и ни одной чашки. Даже пыль не смахнули ни с подлокотников, ни со шкатулок, ни с тяжёлых полотнищ, занявших большую часть стен. Напротив одного такого Рион остановился.

Гобелен был старым, но выцветшим с возрастом не стал. Краски были столь же яркие и свежи, как и в ту самую минуту, когда мастерицы завязали последний узелок и передали работу её величеству. Вырастающее из белой морской пены чудовище, закованное в непробиваемую чешую, наводило ужас, и Рион почувствовал, как затряслись его руки. Лежи на столике среди посуды нож, он тотчас бы схватил его и полоснул гобелен пополам, но рядом были только бесполезные блюда.

Выдохнув, Рион обошёл комнату, поправил покрывало на кровати и собрался уже уйти, как не выдержал и снова повернулся к полотнищу. Страшное, оно удивительным образом манило, и Рион стоял напротив дракона и смотрел на него, не отрываясь. Глаза зверя были полны огня, а из широких ноздрей валил чёрный дым.

Сколько так прошло времени, Рион не знал, но, очнувшись, услышал, как громко бьётся сердце. Не его, а чудовища напротив. И оттого по спине прошёл холодок.

— Очень интересно... — только и смог пробормотать лекарь, а каменные стены подхватили его слова и повторили ещё три раза.

Глава 14. Сэм

— Папоротниковая впадина, милорд, — объявил капитан Шеллинг, стоило пересечь проходившую по ручью границу между землями.

Последние часы лошади шли резво: дождь прекратился, и хлюпать копытами по жидкой земляной каше больше нужды не было. И даже сон отступил, хотя какое-то время Рики верила, что вот-вот задремлет и вывалится из седла. Пришлось тереть глаза кулачками, больно щипать себя и бить по щекам. Оттого глаза стали красными, словно в них песка насыпали, а лицо покрылось мелкими розовыми пятнышками. Лорд Стернс это заметил, но ничего не сказал, а только хмыкнул и пришпорил лошадь. Его примеру последовали остальные.

— Да заката успеем? — спросил Гай.

— Попробуем, — смело ответил капитан. — Если не застрянем на крутом склоне впереди. Там много камней — идти будем медленно.

— А если в обход?

— Тогда только за полночь.

— Долго. Идём через склон.

Насчёт камней Эйдан Шеллинг не шутил: тех действительно было много, и были они огромными и острыми. Отдохнувшие от дождя лошади снова принялись недовольно хрипеть и фыркать. Их силы были на исходе, но и до замка лорда Альгервильда было рукой подать.

Обогнув огромный валун, вокруг которого росли одни колючки, Рики увидела на горизонте высокие башни и развевающиеся по ветру флаги. Их цвет был точь-в-точь, как у сочной листвы папоротника, и было их так много, что трудно было различить, где шумел широкий лист, а где — полотнище.

— Тебе лучше спешиться, — услышала Рики. Удивленно моргнув, повернула голову и тут же встретила взглядом со Стернсом. Он ехал рядом. — Дорога сложная, а ты вот-вот вывалишься из седла. Слезь с лошади и иди сама.

Лицо девушки засияло радостным смущением.

— Вы так заботливы...

— Я забочусь о себе, — потушил сияние Гай. — Пока жив твой клыкастый дружок, ты мне тоже нужна живой и невредимой.

— А вы уверены, что лорду Альгервильду удалось поймать именно Сэма?

— В послании от него говорилось, что все приметы сходятся.

— Тогда странно.

— Что странно?

— Будь я на месте дракона, я бы не позволила себя поймать. Кто бы ни приблизился — сожгла бы всех и всё вперёд на милю. А тут... — Рики обвела вокруг рукой. — Смотрите. Ничего не сожжено, не сбито. Всё выглядит тихо и мирно, и я даже вижу, как пасутся козы вон на том на склоне.

— И я удивлён. Я тоже ожидал увидеть сплошные угольки.

— Может, Сэм только на вас огнём плюётся? — наивно предположила девушка и тут же получила в свой адрес такой испепеляющий взгляд, что сразу поняла: ещё одно слово — в уголёк превратится она. — Простите, милорд.

Опустив голову, Рики прыгнула на землю и, взяв лошадь под уздцы, принялась аккуратно спускаться вниз следом за всеми всадниками, стремительно уходившими вперёд. Отстать нельзя — будет новая порция гнева. Зато как только камни закончатся, можно будет снова пуститься галопом.

Солнце не успело коснуться макушек деревьев, как путники стояли у ворот замка и слушали скрип огромных цепей, опускающих тяжёлый мост через ров. Люди лорда Альгервильда спешили увидеть собственными глазами наследника трона, толкались и огрызались друг на друга, и тут же мирились, стоило показаться Гайларду и капитану Шеллингу рядом с ним.

По толпе прошёл шёпот восторга: все мигом сошлись во мнении, что лорд Стернс невероятно красив и выглядит, как истинный будущий король, перед которым преклонить колена — честь и удовольствие, а не вынужденная необходимость. Усталости на лице хозяина Торренхолла никто не удивился, как и хмурому лбу.левой рукой Стернс крепко сжимал поводья, правой — держался за рукоять меча, чтобы при первой же необходимости вынуть его из ножен и рассечь надвое того, кто посмел перейти дорогу.

На последнее не решался никто, кроме старого лорда Альгервильда. Он так спешил навстречу важному гостю, что, вставая с постели, напутал с обувью и надел правый сапог на левую ногу, а левый — на правую. По причине путаницы сразу заняли большие пальцы на ногах, но Рей Альгервильд махнул на них рукой и упорно хромал вперёд, к главным воротам. Там уже всю хрипели измотанные лошади, и шум стоял такой, будто солнце клонилось не за горизонт, а, наоборот, поднималось и готовилось подарить новый день.

— Ваша светлость, — кланялся Папоротниковый лорд, про себя считая расходы, которые предстоят, чтобы прокормить всех прибывших с Гайлардом Стернсом. Когда Рей Альгервильд отправлял послание в Торренхолл с просьбой забрать пленника, то рассчитывал на двух-трёх солдат, но никак не на отряд крепких детин, где один ест за двоих.

— Где он? — резко бросил Гай, даже не ответив на приветственные заискивания.

— Он? — К ноющим пальцам на ногах прибавилась и боль от никак не заживающей мозоли, и Рею Альгервильду было трудно быстро соображать. Поспешивший на помощь хозяину помощник жарко зашептал на ухо, подсказывая, и лорд Альгервильд одумался: — А, так вы о нём... Он так и сидит в том амбаре, где мы его заперли. Бесился гаденыш, но мы подперли дверь бочкой с водой на случай, если удумает удрать.

Гай стянул с рук пыльные перчатки и передал их мальчонке-слуге, который вился рядом.

— Это точно тот, кто мне нужен?

Лорд Альгервильд закивал.

— По приметам всё совпало: волосы дыбом, глаза навывкате, нос кривой...

— Милорд, у Сэма нос вовсе не кривой и глаза обычные, только цветом непохожие на людские.

Звонкий голос доносился сверху, и Рей Альгервильд поднял голову, чтобы рассмотреть говорившего. Сказанное предназначалось не ему, а Гайларду Стернсу, но каково же было удивление старика, когда среди всадников он увидел девчонку. Юную, лицом непримечательную, измазанную грязью и совсем не боявшуюся вмешиваться в беседу двух высокопоставленных мужей. Внутреннее

негодование требовало заслуженного наказания для пигалицы. Оно должно было неминуемо последовать, но вместо раздражённого крика лорд Альгервильд услышал лишь вопрос, и тон, каким тот вопрос был задан, заставил хозяина Папоротниковых земель позабыть обо всём на свете, даже о мозоли.

— А ты успела рассмотреть и такие мелочи? — язвительно и даже немного ревниво спросил Гай.

Рики спрыгнула с лошади.

— Если и правда поймали Сэма, то я его сразу узнаю.

— Не веришь, я тоже. — Стернс развернулся к лорду Альгервильду. — Куда идти?

— Сюда, милорд, — заторопился тот и замахал руками, чтобы зеваки расступились и дали пройти. А дальше случилось уж совсем удивительное, что заставило старика окончательно выпучить глаза и потерять дар речи: невзрачная девица схватила Гайларда за руку!

— Я пойду первой, — прошептала она и чуть ли ни толкнула Стернса себе за спину. Свободную руку положила на пояс, к которому был прикреплен небольшой нож.

— Пойдём вместе, — ответил Гай и, ни капли не сердясь, бросил назад: — Капитан Шеллинг, будьте начеку.

Они остановились у входа в амбар, перед узкой, низкой, деревянной дверью. За ней было тихо: никто не ходил, ничем не гремел и даже не дышал.

Лязгнув о ножны клинком, Стернс обнажил меч. Его лицо было бледным, а взгляд — сосредоточенным. Под глазами темнели круги, губы были искусаны и в трещинках, как будто все последние недели племянник короля провёл не дома, готовясь к свадебному торжеству, а в изнурительном походе, от которого до сих пор не оправился. Рядом стояла Рики, и каждый, кто в этот миг видел могущественного наследника трона и мелкую девчонку подле него, мог поклясться, что, пролети мимо хоть муха, Рики тут же бросилась бы вперёд, чтобы защитить господина от любой опасности, которая могла бы лишить его жизни.

— Откройте, — сухо распорядился Гай, кивком указав на дверь и бочку, её подпирающую, и обхватил рукоять меча так крепко, как никогда не делал раньше.

Крепкий с виду сын кузнеца, на лице которого совсем недавно начала расти щетина, навалился на бочку и сдвинул её в сторону. Потянул на себя дверь и, распахнув её, сразу отпрыгнул в сторону, и затаился за невысоким плетёным забором. Из амбара потянуло сыростью и гнилым зерном.

— Я зайду внутрь, — произнесла Рики, но Гай цыкнул в её сторону, и девушка замерла на месте.

— Сам выйдет, — решил Стернс и нарочито громко добавил: — Или мы подождём эту хибару.

Лорд Альгервильд всполошился: урожай зерна в этом году был скудный, а тут милорд грозит оставить замок совсем без хлеба. Однако вслух беспокойства старик не высказал. Урожай — урожаем, а против воли наследника трона идти себе дороже будет.

— А он там не помер? — хмыкнул капитан Шеллинг и сплюнул на землю пожеванным клевером, который сорвал и сунул себе в рот сразу, как только спустился с лошади. — Позвольте.

Эйдан отодвинул в сторону одного из своих воинов и уверенно шагнул вперёд. Его никто не успел остановить, а у Рики только глаза округлились, когда она вдруг поняла, что отчаянный капитан находится уже внутри тёмного амбара один на один со зверем.

Рики заметалась. Бросилась было вперёд, но тут же наткнулась на вытянутую руку Гая. Перехватив его взгляд, отступила назад, но паника в сердце была столь сильна, что Рики не могла спокойно стоять на месте. Помог опять же Стернс. Свободной рукой он крепко схватил девушку за воротник куртки и держал, не позволяя сдвинуться с места ни на фут.

Из амбара донёсся шум. Слышно было, как посыпалась солома, как кто-то громко вскрикнул, а потом застонал, словно из головы был выдернут клочок волос. Потом что-то со всей силы пнули, это что-то покатилося, а в дверном проёме замелькали две тени.

— Опустите меч, милорд, — услышали все голос капитана. — Тут опасаться некого. Этот бедняга так вымотан голодом и сыростью, что даже на ногах не держится.

С этими словами из амбара вывалился и сам Эйдан Шеллинг. В некоторых местах к его одежде пристали ржаные колоски; к сапогам на грязь приклеилась солома. Одной рукой капитан по-прежнему сжимал меч; другой — волок чуть ли ни за шкуру тощего паренька

среднего роста, светловолосого, с разодранной в кровь щекой и оттопыренными ушами. Будучи ослеплённым яркими факелами, парнишка зажмурился, не выдержал и упал на колени.

— Этот? — сурово спросил капитан Шеллинг и приставил острие меча к горлу бедняги.

— Этот-э тот, — скрипучим голосом подхватил лорд Альгервильд. — Начал творить беспорядки в моих землях, когда вы, ваша светлость, поиски объявили. Десять кур спёр, одного петуха и дюжины три яиц. Двух девок попортил, разнёс мой амбар, ещё, наверно, и в колодец плюнул.

— Сильно пить хотелось, — облизнув сухие губы, проронил пленник. — А девки сами ко мне полезли. А я дурак, что ли, отказываться?

— Заберите его, милорд, — взмолился Рей Альгервильд. — Сделайте с этим бесстыдником всё, что вашей душе угодно. Я и слова против не скажу.

— И на кой он мне? — Гай опустил меч и разжал пальцы, сжимавшие край куртки Рики. Лицом и голосом Стернс был так сильно разочарован, что лорду Альгервильду впервые за годы службы королевской семье стало нехорошо.

— Как же так? — растерянно протянул старик. — Как же так, милорд?

Гай равнодушно пожал плечами, развернулся и пошёл к своей лошади.

— Девочка, — лорд Альгервильд снизошёл до Рики, когда окончательно понял, что лично ему из племянника короля и слова не удастся вытянуть, — объясни хоть ты, что случилось?

Рики перевела взгляд с паренька на хозяина Папоротникового замка и ответила:

— Это не тот, кто нам нужен. Совсем не похож.

— Разве? А волосы?

— И что? У меня вот тоже цвета соломы... Нет. Это не Сэм.

— Сэм?

— Так я его прозвала.

— Хватит болтать! — резко окрикнул Рики Гай. — Мы едем обратно.

— Подождите, милорд! — Рей Альгервильд бросился к Стернсу и вцепился посиневшими от вечернего холода пальцами в стремя, пытаясь удержать лошадь. — Куда ж вы на ночь глядя-то? Такой путь проделали... Идёмте в дом скорее. Я велел приготовить вам мягкую постель, и мясной пирог ещё не остыл. А то, что мои болваны ошиблись и вместо вашего Сэма другого схватили, так это ж ничего страшного. Они его ночью ловили, вот сослепу и обознались. Глядишь, ночь пройдёт, солнце покажется, мы ещё кого-нибудь поймаем. Как знать, может, как раз того, кто вам так нужен.

Рики слушала старого лорда с замиранием сердца. Как же вкусно он говорил! Она живо представила себе, как впивается зубами в хрустящее тесто или просто отщипывает большой кусок того самого пирога, вдыхает аромат рубленого мяса, приправленного петрушкой, и жадно проглатывает всю эту вкуснятину, которой вот уже несколько дней не видела. Тёплое одеяло тоже предстало перед глазами, и сразу захотелось спать, тем более и страх прошёл после того, как томившийся в амбаре пленник оказался совсем не тем, за кем они шли.

Лошадь Стернса топталась на месте. Сам Гай смотрел в сторону леса, но его лицо выражало такое недовольство, что Рики поняла: лучше не лезть. Удар на себя снова принял капитан Шеллинг.

Приблизившись к господину, он заговорил вполголоса, и Стернс отвечал ему тоже тихо, чуть наклонив голову. Слов Рики не слышала, но по тому, с каким видом капитан развернулся к солдатам, сообразила: отдыху быть.

— А с этим что делать? — растерянно спросил помощник лорда Альгервильда, как только все заторопились в сторону замка, и тыкнул пальцем в никому не нужного бедолагу.

Ему не ответили. Все были слишком заняты мыслями об угощениях, чтобы решать судьбу мелкого для них человечки.

Лорд Альгервильд не преувеличивал: пирог действительно ещё не остыл, а в комнате, отведённой для сна, было открыто окно и пахло медовыми травами, которые весь день на улице вязали служанки и не успели прибрать в чулан на сушку.

То ли от вина, то ли от чувства сытости, а, может, и от сладковатого запаха вокруг у Гая закружилась голова. Он едва успел отстегнуть меч и бросить его рядом с кроватью, как перед глазами помутнело. Чтобы устоять на ногах, пришлось схватиться рукой за

спинку кресла. Пелена с глаз никак не сходила — Гай помотал головой и рванул застёжки на воротнике. Стало немного легче, но ноги всё равно остались ватными.

Не выдержав, Гайлард сел на кровать и опустил голову, тяжело дыша. Впервые за долгое время он почувствовал себя по-настоящему уставшим. Тяжело было как дотянуться руками до сапог, так и стянуть с себя куртку, всю в дорожной пыли. Воздуха не хватало, несмотря на открытое окно, сердце билось быстрее обычного, а по телу пошёл неприятный озноб, тут же сменившийся сильным жаром.

На столе у стены стоял кувшин с водой, но дотянуться до него возможности не было, как не было и сил просто встать с кровати и сделать два-три шага вперёд. Огонь, охвативший и без того ноющую спину напомнил о недавно пережитом ужасе. Затягивающиеся шрамы снова заныли, как если бы были свежими, а во рту проступил странный привкус крови. И руки задрожали так, словно держали нож и готовились вонзить его прямо в сердце. Не врага — своё.

В дверь тихонько постучали.

— Это я, милорд, — услышал Гай звонкий голос. — Вы не спите? К вам можно?

Гайлард с трудом поднял голову. Встать с первого раза не смог — пришлось вцепиться пальцами в простыню, опереться на руку и резко дёрнуться вверх, хоть от того в висках застучало в два раза сильнее.

Несколько шагов к двери дались с трудом, но, пересилив слабость, Стернс всё-таки смог ухватиться за засов и потянуть его в сторону. Дверь медленно отворилась.

— Милорд, я к вам ненадолго. — Рики шмыгнула в комнату. — Я только принесла вам чай. Не бойтесь, я заварила его сама. Куда поставить? Милорд... Милорд, вам плохо?

Гай услышал, как девчонка брякнула тяжелым жестяным подносом о стол, выпиленный из старого бука, ранее росшего прямо под окнами этой самой комнаты, прислонился плечом к стене и выдохнул.

— Здесь очень жарко, — пробормотал Стернс, а пальцы принялись сбивчиво тереть оставшиеся в петлицах застёжки.

— Жарко? — Рики бросила взгляд в сторону распахнутого окна, через которое в комнату влетал прохладный ночной ветерок, и тут же подскочила к Гаю. — Вам нужно лечь. Что с вами?

Её прохладные ладошки заскользили по его лицу и шее.

— Вы холодный, как лёд, — с недоумением произнесла Рики и собралась уже убрать руку, как Стернс простонал:

— Оставь. Так лучше. Я весь горю.

— Да в каком же месте вы горите? — удивилась девушка. — Говорю вам, вы весь холодный, как будто день в погребке просидели. Вас надо согреть. Дайте-ка ваши руки!

Не дожидаясь, когда Гай сообразит, и не спрашивая разрешения, Рики сама обхватила ладони Стернса своими и принялась растирать и дышать на них. Легонько, нежно, заботливо.

— Теплее? — спросила она спустя минуту.

— Лучше, — вяло ответил Гай.

— Вам нужно лечь. Я помогу вам раздеться и даже одеялом укрою. И пейте вот этот чай небольшими глотками. Он вас согреет.

— Куда уж ещё меня греть?

— Не спорьте. А лучше вообще молчите. Я за вами ухаживаю — мне и решать, что вы будете делать, а что нет.

Рики сказала, как отрезала, и даже не извинилась за свою совсем откровенную смелость.

— Та-ак, давайте быстрее, — приговаривала она, стягивая с Гайларда пахнущую лесом и дождём куртку, а затем и потную тунику.

— Ты куда-то спешишь? — недовольно поинтересовался Стернс, наблюдая, как девушка поправляет за его спиной подушки.

— Я не сказала вам? Меня ждут за дверью.

Гай насторожился и в тот же миг позабыл и о головной боли, и об усталости, и даже в глазах прояснилось.

— Кто? Мальчишка Стенден?

Рики выпучила глаза.

— С чего вы взяли? Нет, конечно.

— Мне показалось, ты с ним сблизилась.

— Вам показалось.

— Тогда кто?

— Служанка лорда Альгервильда. Она проводит меня в купальню.

— Зачем?

Рики шмыгнула носом и дотронулась пальцами до своих засаленных волос.

— Как бы... это... Как бы надо, милорд. Вам, кстати, тоже не помешает, — добавила девушка и укоризненно посмотрела на господина. — А то вы выглядите так, словно и не женились вовсе, а всю неделю просидели в яме, полной грязи, — добавила она, рассматривая спутанные тёмные пряди, которые тем не менее столь красиво ложились на лоб Гайларда, что Рики поймала себя на мысли, что может любоваться своим хозяином вечно.

— Хорошо. Пойдём, — внезапно ответил Гай и уже почти спустил ноги с кровати.

— Что вы делаете?! — Девушка бросилась к Стернсу и чуть ли ни силой затолкала того обратно под одеяло.

— Как ты смеешь так обращаться со мной?

Рики отпрыгнула от края кровати, поклонилась в пояс и как ни в чём не бывало ответила:

— Простите, милорд. Больше не буду.

Гай прищурился.

— А ты стала другой...

— Более уверенной в себе?

— Более наглой, я бы сказал.

— А вы тоже стали другим.

— Ещё прекраснее?

— Да. Милее.

Словесная перепалка заставила обоих замолчать и отдышаться. Ни испуга, ни гнева, ни дождя из извинений за ней не последовало, но оба — наследник трона и простая невежественная деревенская девчонка — были не на шутку огорошены сказанным.

— Так я пойду? — одумавшись, заикнулась Рики и бочком-бочком попятилась к двери.

Стернс повернул голову в её сторону.

— Скажи той девчонке, что она может быть свободна. Пусть убирается.

— А я?

— Останешься со мной. Только так я смогу уснуть.

— Хорошо.

Рики вышла из комнаты и быстро вернулась.

— Она ушла? — на выдохе спросил Гай.

— Да, но... — Рики замялась. — Она так странно на меня посмотрела.

— Чем ты её напугала? — Гайлард блуждал взглядом по телу Рики. — Глаза на месте, руки-ноги тоже.

— Ох, да как же вы не понимаете?

— Не понимаю.

— Даже в Торренхолле на меня косятся, хоть к вашим выходкам и привыкли. А тут... Мне утром на кухню стыдно будет зайти.

— Значит, поешь со мной.

— Вам легко говорить.

Гай приподнялся на подушках и поманил к себе Рики. Та послушно подошла, а он взял её за руку и усадил рядом.

— Мне нет дела до бабских сплетен. Они всегда были и всегда будут.

— Мне тоже, но я не хочу, чтобы ваша жена что-то услышала и поняла это неправильно.

Стернс коснулся ладонью лица Рики. Наконец-то, его руки стали тёплыми, успела отметить про себя девушка, чувствуя, как от этих прикосновений по плечам и спине пошла лёгкую дрожь.

— Не думай об этом, — произнёс Гай. — И говори всё мне. Я разберусь.

— Спасибо, милорд. Вы замечательный.

— Правда?

— Вы мне симпатичны, но только не подумайте ничего особенного. Просто вы добрый и смелый, иногда безрассудный, и мне с вами всегда тепло и уютно. И совсем не страшно, как было поначалу. Вы совсем не такой, что о вас говорят. Вы можете быть заботливым и нежным, если захотите. В вас много хорошего — я это чувствую и не позволю ни одному существу в этом мире навредить вам. Даже дракону!

Гай выдохнул и упал обратно на мягкие подушки. Прикрыл глаза и тихо пробормотал:

— Я устал.

— Я понимаю. Такой путь проделали, и дождь вымотал. Да и не спали вы, и толком не ели.

— Я устал от собственных страхов. Раньше мне снились сны, в которых я видел смерть матери и брата. Я просыпался в холодном поту,

но со временем научился с теми снами справляться. Теперь меня мучают другие кошмары. Я думал, если поймаю его, — они пройдут. Но мы только зря загнали лошадей. И сколько ещё ночей я буду бояться закрывать глаза, потому что, стоит мне это сделать, я вижу его клыки и огонь?.. Много огня.

— Вот поэтому вам надо допить чай и хорошенько выспаться. Подумать о чём-то приятном, подышать травами. Вам нужно выбросить всё плохое из головы, и вы увидите, как дурные сны пройдут, и всё забудется.

— Такое не забывается.

— Милорд, вы не должны больше мучить себя этими мыслями. Может, Сэм уже давно мертв?

— Поэтому мы и должны его найти. Хоть живого, хоть мёртвого.

— Мы обязательно его найдём. Обещаю. А вы обещайте беречь себя, потому что... потому что если вас вдруг не станет, то и мне незачем жить.

Хорошо, что в комнате свет был приглушён, а за окном уже давно стояла ночь, иначе Стернс увидел бы пунцовое лицо своей служанки и милый блеск в глазах, как будто на них навернулись слёзы. Но он ничего не увидел, а просто лежал и ровно дышал, словно уже спал или просто тихо думал о чём-то своём.

— Спице, — прошептала Рики, встала, сняла сапоги, запрыгнула в передвинутое к окну кресло и свернулась в нём клубочком. — А я буду рядом. Спице и ничего не бойтеце.

Время шло, и, сколько прошло часов, Рики не знала. Сон не шёл ни в какую, как Рики ни старалась и ни считала овечек с закрытыми глазами.

Непогашенная свеча начала неровно трещать: расплавленного воска набралось так много, что фитиль был готов вот-вот потухнуть. Сладко потянувшись, Рики привстала, спустила ноги на пол и на цыпочках подошла к столу. Осторожно слив воск, девушка поставила свечу обратно. Пламя выровнялось и колыхалось только, если ветерок залетал в комнату через открытое окно. Но если тот и был, то был слабый, хоть и прохладный.

Рики поёжилась: у неё не было такого тёплого одеяла, как у Гайларда, и закутаться было не во что. Закрыть окно? Почему бы нет.

Голыми ногами Рики прошлёпала от стола обратно к креслу и окну. Закрыла одну створку, схватилась за вторую, потянула на себя, но повернуть не успела — услышала свист. Свистели снизу, оттуда, где за увядшими цветочными кустами начинались аккуратно собранные в кучу опавшие листья.

Прищурившись, Рики всмотрелась в темноту. В ворохе листьев кто-то копошился. Неужели, курица сбежала? Рики покачала головой: бедняге точно не дожить до утра — лисы задушат. Хотя... для курицы возня слишком шумная. Да и тот свист... Разве птица умеет свистеть?

А, может, там человек? Но кто, интересно, будет бродить в разгар ночи около замка, даже не прихватив с собой фонаря? И, главное, зачем? Стража? Тогда что стражники делают среди листьев? Лунные влюблённые? Неужели, в округе не нашлось никакого другого места, кроме как под окнами комнаты, где разместили самого Гайларда Стернса?

Рики недоумённо пожала плечами. Возня в листьях прекратилась, но оттого легче не стало. Стало страшнее. Потому что из-за туч на небе появился яркий месяц, и девушка отчётливо увидела, как из кучи листьев выбирается длинная тень, принадлежащая человеку.

Он стоял к Рики спиной, а когда повернулся, Рики едва успела прикрыть рот ладонью, чтобы не вскрикнуть и не разбудить Гая. Ей слишком хорошо был знаком этот взгляд, чтобы перепутать. Они смотрели друг на друга с несколько ударов сердца, пока Сэм, наконец, не поднял руку и не поманил девушку к себе пальцем.

Рики с шумом захлопнула створку и отпрыгнула от окна. Девушка тяжело дышала и боялась вновь выглянуть на улицу. Боялась снова увидеть того, кого увидела, боялась даже сделать шаг в какую-либо сторону, тем более что понятия не имела, куда вообще идти и кого звать на помощь.

Стернс спал. Впервые за много дней, что Рики его знала, спал крепко.

Бросившись к его постели, чтобы разбудить, Рики внезапно остановилась. Сэм звал только её. Она была в этом точно уверена. Но зачем? Не ловушка ли это? Отлично спланированная, продуманная, выжданная, созданная с одной лишь целью: поймать мотылька, а на него уже более крупную рыбу. Но разве не было у Сэма другой возможности завладеть наживкой, кроме как поманить её к себе

пальцем? В голове была сплошная путаница. Одни вопросы и никаких ответов. И чтобы их получить Рики решила на крайность.

Дверь тихонько скрипнула, выпуская девушку на свободу. Вылетев, та заспешила вниз по узкой лестнице и, постоянно оглядываясь и прислушиваясь, не дышит ли где полусонный стражник, прокралась по тёмному коридору в помещение, где кухарка хранила тяжёлые тазы и вёдра, и, приоткрыв узкое, запачканное жиром, окно, вылезла на улицу.

Оббежать замок, чтобы попасть к заветной куче поваленных листьев, труда не составило. Рики торопилась, дыхание сбилось, сердце волновалось, а руки выхватили с пояса серебряный нож и держали его наготове.

Под окнами комнаты Стернса Рики замедлила бег, перешла на кошачью поступь, прищурилась, вглядываясь вперёд, в направлении пожухших кустов, но, как ни старалась, ничего там не видела. Предательский месяц снова исчез за тучами, а звёзды светили слишком слабо, чтобы девушка могла хоть что-то разглядеть перед собой.

— Эй, — просвистела Рики, а волосы на голове зашевелились от страха. — Ты где? Только попробуй на меня броситься! У меня с собой нож. Моргнуть не успеешь — всажу в глаз.

Темнота была непроглядная, а ветер вдруг зашумел листвою деревьев так сильно, что, если и захочешь, всё равно не расслышишь ничьих шагов поблизости. Мысленно попрощавшись с жизнью, Рики крепко сжала рукоять ножа и ещё раз громко выплеснула в ночь:

— Хватит прятаться! Звал — выходи! Обещаю: плохого тебе ничего не сделаю.

«Пока, — промелькнула мысль в голове. — Пока не сделаю. И если ты первым на меня не кинешься».

— Я прямо за тобой, — услышала девушка по-змеиному тихий шёпот, неуклюже взмахнула рукой с ножом и чуть не полоснула по чему-то тёплому.

— Я тебя не вижу, — пролепетала Рики, пятясь назад.

— А теперь?

Как по волшебству или по неслышимой команде, месяц выплыл из-за туч, и перед Рики вырос Сэм. Бледный, худой, в странных лохмотьях, свисающих с тела. Даже ноги были обмотаны непонятными тряпками — о сапогах речи не было.

— Не подходи ко мне! — снова прикрикнула Рики, тыча в Сэма ножом.

— Тебе не нужно меня бояться, — услышала она в ответ отчаянное.

— Я тебе не верю! И я сказала: стой там, где стоишь! Один шаг — я пырну тебя этим ножом и громко закричу. Тут повсюду охрана. Тебя быстро поймают.

— Все спят, — тихо и спокойно ответил Сэм. — Храпят так громко, что пушкой не разбудишь. А те, кто не спит, ушли в другую часть замка и режутся в кости. Рядом с нами никого, и тебя никто не услышит. Да и незачем тебе кричать. Я тебе ничего плохого не сделаю.

В эти слова верилось с трудом, но в голосе Сэма было столько искренности, что сердце Рики дрогнуло.

— Тогда зачем выманил? Вызнать что-то про моего господина? Ты ничего от меня не узнаешь!

— До твоего господина мне нет дела.

В голове царила путаница. Всё услышанное звучало крайне нелепо и подозрительно. И если в собственную безопасность девушка ещё могла поверить, то в то, что странному пареньку нет никакого дела до Стернса, ни за что в жизни.

— Повтори, что ты сказал.

— Мне не нужен твой хозяин.

— И ты считаешь, я должна этому верить?

— Конечно. Я ведь говорю правду.

Рики сверлила взглядом листья под ногами.

— На острове ты убил ни в чём не повинных людей... Ты чуть не лишил жизни того, кто мне дорог. Да и меня, наверно, подпалил бы, после того как разделался со всеми. И после всех тех ужасов ты утверждаешь, что я должна тебе верить?

— Это был не я... Это был некто внутри меня.

Рики вскинула голову.

— Что за чушь ты несёшь?

— Не чушь. Я не понимаю, как произошло то, что произошло. Это был не я, а кто-то другой. Кто-то, кого во мне уже нет.

— Врёшь и даже не моргаешь! Хочешь сказать, что никого не убивал?

— Убивал.

— Ага!

— Крысу и пятерых кроликов. Правда был ещё дикий кабан, но я нашёл его в лесу уже раненым. Так что просто добил, чтобы облегчить муки. А так... только крыса и кролики.

— Послушай, Сэм...

— Так меня зовут Сэм?

— Не испытывай моё терпение!

— А как твоё имя?

Рики поджала губы. Она совсем не ожидала такого поворота. Она была готова ко всему: что зверь прыгнет на неё, исцарапает лицо, вопьётся клыками в шею, но чтобы он спрашивал её имя... Вытянутый вперёд нож смотрелся совсем глупо в вялом лунном свете, и Рики, сама не зная почему, вдруг заткнула его обратно за пояс и скрестила на груди руки.

— На острове ты говорил, что я — твоя хозяйка. Говорил? А теперь спрашиваешь моё имя? Что-то не сходится.

— Хозяйка? — Сэм был изумлён не меньше. — Я свободное существо, и никакие хозяева мне не нужны.

— Существо? — Руки как-то сами собой снова распрямились, и правая по привычке полезла к ножу.

— Разве человек так может? — отрезал Сэм и... обернулся серым кроликом у ног девушки.

Рики вскрикнула и отпрыгнула от серого ушастого. Отпрыгнула неудачно — позади оказался колючий куст. Длинные шипы на его ветках проткнули тонкие штаны и впились в кожу. Да ещё в такое место, что Рики стало стыдно. Настолько, что страх от встречи с тем, кого она так боялась, притупился.

— И что? — потирая место укола, проворчала девушка, когда Сэм принял свой обычный облик. — Нашёл чем удивить. Я видела и похлеще.

— Крысу, что ли? — невпопад спросил паренёк.

— Сам ты крыса. Я про... — Рики замешкалась, не зная, стоит ли вспоминать вслух.

— Про кого тогда?

Рики посмотрела на Сэма.

Вытянутое, бледное, взволнованное лицо, чистый взгляд, без всяких дурных помыслов, слегка приоткрытые губы, покусанные и

тоже почти бескровны́е — всё это сильно разлилось с взглядом хищника и жаждущими крови клыками, что все видели на острове. Казалось, тот Сэм и этот — совершенно разные люди, схожие разве что только цветом волос и телосложением. Этому хотелось верить, его хотелось пожалеть и обогреть. Того же стоило только бояться. Или это просто отлично спланированное представление?

— Ты очень искусно притворяешься, — протянула Рики и отвела взгляд в сторону.

Сэм шагнул к девушке.

— Послушай.

— Не приближайся! — Рики тут же выбросила вперёд руки, словно намеревалась таким образом обозначить границу, за которую запрещено переходить обоим.

— Не буду. Только выслушай меня.

— Пока не расскажешь всю правду о себе, ничего другого слушать не буду!

— Я... — Сэм растерялся. — Я и сам не знаю, кто я такой. Я в этом теле, но оно не моё. Я могу обратиться в кролика, крысу, кабана или муху... Да в кого угодно, достаточно лишь проглотить каплю его крови. Но долго тем существом быть не получается. Почему-то всегда хочется вернуть себе эти нелепые руки-ноги и эту паклю на голове. — Парнишка тыкнул пальцем в давно невымытые волосы. — Наверно, потому, что та кровь была первой, которую я попробовал.

Рики хорошо помнила тело молодого стражника, найденное на берегу Вороньего острова. Без крови и внутренностей, оно поразило всех, и никто тогда не смог найти объяснений увиденному. То тело так и лежало на сыром песке, и голодные вороны летали вокруг, соревнуясь друг с другом, кто первый выклюет глаза, пока не было спалено драконом. Тем самым, который сейчас стоял на расстоянии вытянутой руки и с самым невинным и безобидным видом тёр переносицу.

— А дракон? — выпалила девушка, когда поняла, что действовать напролом — единственный возможный и быстрый способ всё выяснить.

Сэм заморгал.

— Драконью кровь я не пил.

— Но драконом ты был. И не смей отпираться или врать!

— Не отпираюсь, но и ничего рассказать не могу. Просто потому что не помню. Зато я отчётливо помню корабль и кучу непонятного народа с пиками у моего горла. Помню похлёбку. До того безвкусную, что есть её было невозможно. А вот всё остальное — как в тумане или сне, после которого просыпаешься весь прошибленный потом.

— Ага, сон... Как же! Да после этого твоего сна мой господин до сих пор вздрагивает по ночам.

Ситуация была тупиковая. С одной стороны, взять бы и заорать благим матом, чтобы и капитан Шеллинг проснулся, и даже сам Стернс, хотя жалко было нарушать его в каком-то веке крепкий сон. Они быстро примчались бы сюда и повязали того, кто своими речами умело пудрил Рики мозги. А с другой стороны, вот прибегут они, а Сэм — бац! — перевоплотится в крысу! И тогда либо Рики получит нагоняй, либо, если расскажет правду и ей поверят, поднимется такая суматоха, что милорд опять не будет ни спать, ни есть, ни дышать ровно. Не лучше ли действовать аккуратно, тем более и «зверь» как будто проявляет расположение и ведёт себя совсем не кровожадно?

— Как ты исчез с корабля? — в лоб спросила девушка.

Сэм взглядом указал на траву, в которой ещё недавно копошился кролик.

— Мне повезло. Около меня пробежала крыса. Её крови оказалось достаточно, чтобы к ночи оказаться в погребе, полном сыра и круп.

— А что потом?

— На утро около мешков меня застал хозяин. Я спал уже в этом самом теле, укрывшись ворохом тряпок. Не успел глаза продрать, как меня избили палками. Едва ноги унёс.

— А дальше?

— Дальше мотался туда-сюда, пока однажды не увидел тебя в одном жутком месте, до того полном народа, что меня чуть не затоптали. Пришлось опять на время стать крысой и следовать за тобой везде по пятам.

— Зачем?

— Ты особенная.

— Чего?

— Особенная.

— Почему это?

— Я знаю, что говорю. На крыс мало кто обращает внимание, особенно если те сидят за шторой и облизываются на огарок свечи. Никто и не подозревает, сколько всего интересного может подслушать крыса, и сколько тайн она может хранить. Хотя я и не помню всего, что должен, но по обрывкам услышанного сложил картинку. И понял, что ты единственная, кто не желает мне зла. Почему?

Сэм склонил голову вбок и вопросительно посмотрел на Рики. Девушке на мгновение показалось, что его глаза вот-вот сверкнут янтарем, и по спине уже поспешил пробежать неприятный холодок, но опасного блеска не промелькнуло, а Сэм терпеливо ждал ответа на свой вопрос.

И только в этот момент Рики поняла, отчего ей так внезапно стало страшно. Вовсе не оттого, что некто напротив вдруг может обнажить когти и выпустить клыки. Нет. Причина страха была в другом, и была она банальна и до неприличия корыстна.

— Тебе правда не нужен мой хозяин? — тихонько спросила девушка, а сердце от отчаяния упало к пяткам и возвращаться оттуда не собиралось.

— Не могу найти ни одной причины, почему он должен быть мне интересен, — равнодушно ответил Сэм. — Зато мне не помешают сапоги, штаны и что-нибудь потеплее этих тряпок, в которые я закутан. Они неприятно воняют псиной.

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сказал? — зашипела на паренька девушка.

Сэм почесал голову.

— Конечно. Я сам пытался выкрасть себе и сапоги, и штаны, но одни оказались сильно малы, а за другие меня чуть не обдали кипятком из таза. Поэтому и решил попросить тебя о помощи. Больше мне идти не к кому.

— Болван! Причём тут сапоги и тряпки? Ты сейчас заявил, что Стернс тебе не нужен и ты его не преследуешь!

— Если хочешь — начну, но только помоги с нормальными штанами. Такими, чтобы не порвались на первом же прыжке.

— Да ты... — Рики хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная из реки на сушу. — Ты... Ты просто...

— Что не так со мной?

— Да если мой хозяин тебе не нужен, то, получается, и я ему больше не нужна!

— Не понял.

А Рики несло дальше, и с каждым новым словом возмущение зашкаливало.

— А если я ему не нужна, то не видать мне свободной жизни в Торренхолле! В деревню отправят! Или чего хуже — замуж! Ты хоть знаешь, что это такое?!

— Ни разу не был в тех местах.

— Тьфу!

Рики поджала губы. На глаза навернулись слёзы, а в голове была полная каша.

— Так ты мне поможешь?

— И не собираюсь.

Рики дёрнулась с места в направлении замка, как Сэм вдруг цапнул её за руку и развернул к себе.

— Пусти! — чересчур громко крикнула девушка, и неподалёку тут же залаяли собаки.

— Тише! — испугался Сэм и рывком увлёк Рики за собой под раскидистый куст.

В некоторых окнах заплясали огоньки. Следом почти сразу заскрипели тяжёлые двери, лязгнула сталь. За ними послышались грубые мужские голоса, потом всё стихло, и снова стало по-ночному безлюдно и таинственно, и уловим стал каждый шорох и каждое дуновение ветра.

Рики лежала, придавленная к земле телом Сэма, и плевалась опавшими листьями вперемешку с голодными гусеницами. Когда Сэм отодвинулся, приподнялась на четвереньки, выползла из-под куста, села на траву и принялась отряхиваться.

— Тут вот ещё что-то прилипло, — буркнул паренёк и вытащил из волос девушки засушенный цветок.

Рики ничего не ответила, а только злобно зыркнула в сторону Сэма и снова принялась вытаскивать стебельки и веточки из и без того спутанных и грязных волос. Когда закончила, то с тоской во взгляде посмотрела на окно комнаты, где мирно спал Гайдард, и обреченно вздохнула:

— Если всё это правда, то мне конец.

— Всё, что я сказал, чистейшая правда.

— Тогда точно конец. Стернс всё узнает, и не видать мне у него службы. А я-то было уже губу раскатала, что моя мечта сбылась.

— Мечта?

— Служить Стернсу, а не быть запертой в четырёх стенах в качестве жены какого-нибудь падкого на пиво усача. Теперь придётся с этой мечтой распрощаться.

— Из-за меня?

— Именно. Тебе не нужен мой хозяин, а ему — защита в моём лице.

— Когда я сидел в шкуре крысы за шторкой, то что-то слышал подобное, но мало что понял.

Рики махнула рукой.

— И сейчас не стоит пытаться.

Сэм удивленно повёл бровями, но ничего не ответил.

Бледный месяц на бархатно-чёрном небе внезапно стал ярче. Следом за ним принялись переливаться серебром и звёзды: сначала засверкали крупные, потом помельче. А после, следуя их зову, на небо вылезли совсем крохотные. Непроглядная до того мгновенья ночь вдруг прояснилась, но уже спустя удар сердца подул ветер, нагнавший неприветливые тучи, а те заглотили волшебную звёздную пыль, и снова вокруг стало жутко и холодно.

— Послушай, — промолвил Сэм, развернувшись к Рики, — а так ли обязательно твоему хозяину знать, как обстоят дела на самом деле? Он крепко верит в то, что я для него опасен. Так зачем разубеждать его? Пусть себе верит дальше. В конце концов, кроме нас двоих правды никто не знает. Ты не скажешь, ведь ты не хочешь похоронить мечту. А я... я тоже буду держать язык за зубами, если ты мне поможешь.

Рики от удивления икнула и смахнула кулаком слёзы с обеих щёк.

— Значит, сапоги, куртку и штаны?

Сэм с довольным видом ковырял в зубах веточкой.

— Ещё рубашку и из еды чего-нибудь мясного и с перцем. А то я уже устал давиться сеном и червями.

— Это всё?

— Да, то есть нет. Ещё кругляшек таких разноцветных, которые вы меняете на всякие вещи и еду.

— Денег я в жизни никогда в руках не держала. Не принесу, и не жди. А вот с остальным постараюсь помочь. — Рики частила, как частит новобранец, произнося клятву: пылко, с чувством и от всей души. — Но обещай, что не только будешь держать язык за зубами, но и уберёшься подальше от меня и моего господина. И никогда к нам и на милю не приблизишься.

— А если мне ещё раз захочется перченого мяса?

— Обернёшься кроликом и закусишь травой.

— Так дело не пойдёт.

— Пойми ты, дурачок, что если ты попадёшься на глаза Стернсу, тебе несдобровать. Он тебя, как я сейчас, слушать не станет. А если вскрыется наш сегодняшний разговор, то и мне заодно по хребту перепадёт.

Сэм приуныл.

— Хорошо. Я обещаю. Буду держаться от вас обоих подальше.

— Как Сэм и как дракон. И даже как крыса!

— Я не дракон, сколько раз тебе повторять?

— И как я могла в такое вляпаться?..

— Так мне будут сапоги и мясо?

Рики встала.

— Будут. Я всё соберу и спрячу под этот куст. Заберёшь завтра ночью. Только будь осторожен. Стернс объявил на тебя охоту. И плата за твою голову довольно высока. Те, кто падок на деньги, не будут разбираться, дракон ты или кролик.

Глава 15. Васильки и крапива

— Долго ты там будешь возиться? — проворчал Гайлард и вылез из купели. Обмотался широким, тяжёлым полотенцем, прошлёпал мокрыми ногами к мутноватому зеркалу, осторожно провёл пальцами по щетине на лице и взял со стола небольшой нож с тонким лезвием.

— Ваша туника порвана в двух местах! — торжественно объявила Рики, рассматривая одежду Стернса. На самого Гая смотреть не стала: слишком не по себе становилось не столько от глубоких шрамов на спине, сколько от широких плеч и красивых, сильных рук. Вроде и видела хозяина нагишом не впервые, но каждый раз краснела, стоило в такие моменты оказаться рядом или совсем уж вляпаться в крайность: уткнуться носом в волосы на его груди и, пребывая в полной растерянности, отвести взгляд не в сторону, а вниз, и сделать это прежде, чем Стернс успевал закрепить кусок ткани на бёдрах. — Ой! Даже в трёх порвана! Это уже совсем никуда не годится!

— Помощник лорда Альгервильда поделился со мной чистой одеждой. — Гайлард отвёл руку с ножом от наполовину выбритой щеки и ткнул остриём в сторону стула, на котором лежала сложенная вчетверо льняная рубашка.

— Какой щедрый, — подхватила Рики. — А он только рубаху отдал? Штанов или сапог случайно не положил?

— Ты же их вычистила, — ответил Гай и промокнул лицо краем полотенца.

— Ну да, ну да, — пробормотала Рики, вспомнив, как битый час провела за чисткой одежды хозяина и в результате оказалась сама вся в песке и пыли. — А вашу порванную тунику я чуть позже зашью и постираю, — добавила девушка, пряча грязное бельё в холщовый мешок и затягивая на том верёвку.

Цела была одежда или разошлась на швах — Сэму сойдёт. Правда, болтаться будет на нём сильно, ведь Стернс Сэма примерно на голову выше и в плечах шире. Но всё же лучше, чем совсем ничего.

— Милорд. — Рики развернулась к Гаю.

Тот смотрел не отрываясь в зеркало и аккуратно проводил гребенкой по влажным волосам.

— Ну?

— Я вам сегодня нужна?

— Хочешь меня бросить?

— Не шутите так! Просто тоже хотела и собой заняться, и вашими вещами. — Рики потрясла в воздухе мешком. — Вы всё равно собирались провести весь день в компании старика Альгервильда, а я вам буду только мешать.

Рики не преувеличивала: Рей Альгервильд пасся под дверью комнаты важного гостя с самых ранних часов. Старик искренне надеялся первым пожелать Стернсу доброго утра и первым же справиться о его самочувствии. Справиться получилось, а вот разбудить — нет. Впервые за много лет спавший крепко Гайлард проснулся от лёгкого ветерка, игравшего прядями волос на лбу. Сквозь дрему Стернс поморщился и даже помахал рукой перед лицом, словно хотел тот ветерок поймать и отлупить за шалости, но ничего не вышло, и пришлось открыть глаза. Каково же было удивление Гая, когда выяснилось, что это Рики сидела на самом краешке кровати и дула хозяину в лицо.

— Я просто не знала, как вас уже будить, — начала извиняться девушка, помогая Стернсу подняться с постели. — Вам уже и воду в купальне нагрели, и завтрак внизу накрыли, а вы всё спите и спите. Пришлось пойти на крайние меры.

— А что за слон за дверью топает?

— Это лорд Альгервильд и две девчонки-купальщицы.

— Скажи старику, пусть ждёт меня за завтраком, а девок гони в шею. — И, опередив вопрос Рики, добавил: — Не хватало ещё, чтобы эти сплетницы с мозгами меньше куриных увидели мои шрамы на спине. Поэтому давай поживей отправь их куда подальше, а потом поможешь мне привести себя в порядок.

Рики согласилась. При всех последних событиях она совсем забыла о ранах Стернса, которые как назло заживали очень медленно и всякий раз ныли то на непогоду, то на неуклюжее прикосновение. Но кровоточить перестали, что Рики с радостью про себя отметила, когда бережно и мягкой губкой промокала тело хозяина, а думала при этом всё об одном и том же...

Мысли о Сэме не давали покоя с ночи. Страстно желая покончить с обещанием как можно скорее, Рики ещё задолго до рассвета начала

слоняться по замку, заглядывая то в одну комнату, то в другую, в поисках завалявшихся где-нибудь лишних сапог или тёплого жилета, но была тут же поймана за руку помощником лорда Альгервильда, который неодобрительно покачал головой и пробасил:

— Ты случаем не воровка?

Пришлось выкручиваться и врать, что заблудилась. А потом бежать в спальню к Стернсу — только пятки сверкали — и продолжать думать, где бы достать обещанное и не проколоться.

Теперь первая вещь была с лёгким сердцем положена в мешок, и времени оставался ещё целый день, и хозяин разрешил не толкаться у него под боком, а значит, и остальное из списка будет найдено, нужно только пораскинуть мозгами и, может, даже пообщаться с прислугой. Та наверняка знает, в каком чулане валяются бесхозные штаны, а в каком — сапоги. А куртку, если приспичит, можно будет и с пугала снять.

Однако первой целью стали не говорливые служанки, а кухня.

Под предлогом «отдать распоряжения от имени лорда Стернса» Рики пробралась в царство кастрюль, половников и прелой чечевицы и, млея от запахов, витавших в воздухе, поинтересовалась, что собирались подавать на ужин. Оказалось — куропатку. Рики тут же неодобрительно покачала головой и сказала, что господин просит жареного мяса в перечном соусе, и что оно обязательно должно быть свежим, мягким и приготовленным без крови. Повар лорда Альгервильда молча принял пожелание, махнул рукой поварёнку, требуя убрать общипанную птицу в погреб, и, почесав затылок, взялся за большой нож, чтобы разрезать принесенную телятину на куски поменьше и перед жаркой выдержать их в лимоне и перце с пару часов.

Убедившись, что мяса будет нажарено много и несколько кусков точно удастся стащить, Рики поспешила к прачкам, но ни штанов, ни какой другой одежды у них не оказалось. Розовощёкие и крепкие в руках девицы стирали постельное белье и на просьбу только равнодушно пожали плечами.

— Что-то потеряла? — услышала звонкое Рики, когда вдруг случайно завернула за курятник и чуть было не получила стрелу в лоб.

На дворе было пусто, даже куры не гуляли, и только Эларан, намалевав свеклой мишень на столбе, упражнялся в стрельбе из лука, попадая всё время в десятку.

— Ага, — выдала Рики. — Сапоги.

Эларан опустил лук и посмотрел на девушку.

— Они ж на тебе.

— Да не свои, — ловко выкрутилась та.

— Стернса, что ли? Я только что видел, как он с лордом Альгервильдом скрылся в конюшне, и на обоих сапоги были.

— И не его тоже.

— А чьи же?

— Да хоть чьи, — сообразила Рики. — Лишь бы мне подошли, а то эти жмут — едва хожу.

— Скажи капитану Шеллингу, он поможет. Мне мои тоже жали — он их так растянул, что теперь хлябают.

— Мне бы ещё штаны, — протянула Рики, решив, что лишних сапог от Эларана она точно не получит. — Вот такие, как на тебе, — добавила девушка, смерив паренька взглядом.

Ростом тот был точь-в-точь, как Сэм. Дождаться бы, когда направится в купальню, да стащить, и всего делов.

— А твои тебе чем не нравятся? Тоже жмут? — Мальчишка противно захихикал.

— Не задавай глупых вопросов! — не выдержала Рики. — Лучше скажи, есть у тебя лишние штаны или нет?

Стенден выпучил глаза.

— Откуда? Но я знаю, где их можно достать, — мигом поправился он, видя, как поникла девушка.

Рики чуть не поперхнулась слюной и тут же вцепилась в плечо Эларану, чтобы тот ненароком не сбежал, так и не поведав секрет.

— Говори!

— Эй, отцепись! — прикрикнул тот и шёпотом добавил: — Стернс смотрит. Неудобно.

Рики разом ослабила хватку, отпрыгнула от Эларана и заводила по песку носком сапога, чертя полукруг.

Стернс действительно был неподалёку. Он шёл на шаг впереди лорда Альгервильда, скрестив руки за спиной, и внимательно слушал. Старик Рей без остановки болтал то о полчищах саранчи на полях,

сожравшей половину урожая, то о нашествии божьих коровок, то об урагане и сильном граде, побившем ягоду и огурцы на грядках. Непонятно, было ли всё это Стернсу интересно, потому что вопросов он не задавал, зато когда увидел Рики рядом с Элараном, хмыкнул и, развернувшись к лорду Альгервильду, вежливо поинтересовался:

— Так сколько ячменя, говорите, сгнило?

Рей Альгервильд испуганно заморгал.

— Ни зёрнышка, — ответил он.

— Вы же только что называли цифры...

— Я об огурцах, милорд.

— Ах, вот оно что. Ну, пойдёмте посмотрим ваши огурцы. А лучше ещё раз лошадей. Они мне как-то интересней будут.

Шаги и голоса начали звучать всё тише и тише, а когда совсем смолкли, Рики вскинула голову и снова повисла на Эларане, продолжив клянчить своё.

— Дай мне немного времени, — пытался отвязаться от девушки Стенден, — и я принесу тебе какие-нибудь тряпки.

— Времени нет, а штаны мне нужны прямо сейчас!

— Тогда дай хотя бы времени до послеобеденного сна. Видишь, солнце сейчас стоит над макушками тех деревьев?

Эларан ткнул луком в сторону леса.

— Вижу.

— Как только оно переплывет к макушкам вон тех деревьев, встречаемся на этом же самом месте, и ты получишь свои штаны.

Предложение было заманчивое, и Рики уже облизнулась от счастья, как вдруг вихрастый наглец озвучил цену:

— С тебя поцелуй.

— Ты с дуба рухнул? — возмутилась девушка и занесла было руку для оплеухи, но Эларан ловко увернулся, и Рики поймала лишь воздух.

— Ты мне ещё за бочонок вина задолжала, но, так уж и быть, прощаю. А вот штаны бесплатно не отдам. Не будешь целовать — скажи сразу, чтобы я зря не бегал, а лучше по свёкле продолжал пулять.

Выхода не было, пришлось соглашаться.

— Но не здесь, а за сараем у бочек, — решила Рики. — Там место тихое, а тут только слепой не увидит.

— Лады, — согласился Стенден. — Тогда следи за солнцем, и встречаемся около сарая. — Эларан выдернул из мишени стрелы, сунул их в колчан и повесил тот на плечо. — И не забудь губки розовым маслом смазать, а то они у тебя шершавые. Я такие целовать не привык.

— Ах ты! — Рики в который раз чуть было не обрушилась на наглеца с кулаками, но тот снова увернулся и был таков — не догнать.

День тянулся до невозможного долго. Рики вся иззевалась, наблюдая за солнцем, а то, как назло, так медленно переползало от дерева к дереву, что хотелось ему треснуть как следует, лишь бы поспешило.

С добычей необходимых Сэму вещей тоже не клеилось. В холщовом мешке продолжала лежать лишь туника Стернса — больше туда ничего не добавилось. Просить помощи было не у кого: прислуга в доме лорда Альгервильда была неразговорчивой, занятой и до крайности подозрительной, и с каждым часом Рики всё больше и больше боялась к кому-либо из них сунуться и закинуть очередную удочку про тёплый жилет. Но о жилете Рики не особенно переживала: запасным вариантом служила шкура, брошенная на пол у кровати лорда Стернса. Она вполне могла сойти за отличную накидку — оставалось только выкрасть её так, чтобы никто ничего не заподозрил.

А вот сапоги были настоящей проблемой. В округе не нашлось ни одних лишних: ни с оторванной пяткой, ни детских, ни снятых со старика, ни просто хотя бы одного левого или одного правого. Ничего не было, и оттого Рики окончательно загрустила.

Когда же солнце наконец перекаатилось к нужным вершинам, Рики приободрилась. С полной уверенностью она могла сказать, что шкуру у кровати Стернса красть так и так придётся, с сапогами тоже что-то придумается, а заветные штаны она получит уже сейчас, нужно только скатиться по пригорку, добежать до сарая и спрятаться за бочками, а заодно и Эларана попросить там спрятаться, чтобы никто их не увидел.

С мешком в руках, торопясь и довольно сопя, Рики завернула за обветшалый сарай. Стенден был уже на месте. Сидел, прислонившись спиной к скрипучей дверце и жевал цветы клевера. Увидев Рики, тут же вскочил, приложил палец к губам и поманил девушку к себе, в такое местечко, где даже мышь ничего не заметит.

— Принёс? — запыхавшись, спросила Рики и развязала мешок. — Суй сюда.

— Э, погоди, — хитрил Эларан, — вначале поцелуй.

— Вначале штаны!

— Как хочешь тогда. — Эларан развернулся и собрался уходить.

— Куда?! Ну-ка стой! — И Рики схватила парнишку за рукав.

Рики удивлялась своей бойкости. Откуда она взялась? Даже в деревне, в родном месте, Рики никогда не отличалась ни чрезмерной храбростью, ни наглостью. А теперь с ней творилось нечто невообразимое. Появилось и первое, и второе, и третье, и даже степень безрассудства повысилась, а ещё язык стал острее на слова, и даже разница в статусах перестала быть веской причиной, чтобы заставить себя вовремя остановиться.

— Пусти! — Вырывался Стенден. — Да пусти, кому говорю! Вот вцепилась.

— Штаны! Ты обещал.

— Я назвал цену, а ты отказываешься платить...

— Не отказываюсь, но вначале штаны.

— Вначале плата.

Рики выдохнула.

— Уговорил.

Улыбаясь, как кот, стащивший со стола сливки, Эларан замер перед девушкой.

— Закрой глаза, — потребовала та.

Стенден уже почти посмотрел на неё, как на дуру, но Рики была нестигаема — пришлось подчиниться.

Он почувствовал её дыхание спустя пару секунд. И её губы: шершавые и едва тёплые. Рики робко коснулась ими губ Эларана и тут же в прыжке отпрянула назад, словно поцелуй был со змеей, а не с нахальным сыном военного командира.

— И это всё? — Эларан удивленно изогнул брови.

— А ты что хотел?

— Моя матушка целует меня с большей страстью, чем это делаешь ты. — Стенден покачал головой. — Ты целоваться-то умеешь?

Это был вызов похлеще любого другого.

— Умею, — выпалила Рики.

— И какой неумеха тебя учил?

Память живо нарисовала перед глазами ночь на корабле и пахнущие вином губы Стернса, его горячие руки и сбивчивое дыхание. От этих воспоминаний у Рики чуть не закружилась голова. Сколько ещё они будут её преследовать? Глупый, дурацкий поцелуй, ничего не значащий для того, кто с ним полез. Поцелуй-пропасть, потому что чем больше Рики о нём вспоминала, тем больше падала в омут. А ведь раньше она Стернса за него ненавидела. Так почему сейчас ненависть отступила, и сердце щемит совсем от другого чувства, такого непонятного и страшного одновременно?

— Так скажешь? — ехидничал Эларан.

— Не твоё дело, — огрызнулась Рики. — Но целоваться точно умею. И очень даже хорошо. Многим нравится.

— Докажи! Потому что то, что сейчас было, совсем не в моём вкусе.

Рики вспыхнула.

— Мы договаривались на один поцелуй. Одни штаны — один поцелуй.

— Штаны — штука нужная и без них никуда. А ты меня чмокнула не лучше поросёнка, тыкающего пятакон в щёку.

За поросёнка хотелось Эларана треснуть, но штаны были очень нужны, поэтому Рики сдержалась и выдавила:

— Хорошо. Будет тебе ещё один.

Стенден расплылся в очередной улыбке.

— Только ты уж постарайся. Будет снова плохо — не будет штанов!

Как именно стараться, Рики понимала с трудом. Приложить силу? Изобразить удовольствие на лице? А, может, сделать, как Стернс тогда? Властно и решительно. Не спрашивая ничего позволения, ведь то, чего он пожелал, должно выполняться беспрекословно и по одному лишь щелчку пальцев.

Подумано — сделано. Рики шагнула к Эларану, крепко сжала его лицо ладонями, зажмурилась и со всего размаха вперилась губами в губы мальчишки. Да так сильно, что зубы обоих стукнулись друг о друга, и его верхние зацепили нежную кожу цвета заиндевелой розы, и на нижней губе девушки проступили капельки крови. Но Эларану

было плевать. Смело слизнув кровь языком, он сунул его Рики в рот и не вынимал, пока та не принялась брыкаться.

— Хватит уже. — Рики оттолкнула от себя Стендена и принялась вытирать рукавом мокрый от чужой слюны подбородок. — Фу, противно. Ты меня всю измазал. Давай штаны, — бросила она, когда лицо стало чистым и румянец схлынул с щёк.

— Я прямо в раздумье...

— А ну, живо давай! — Рики сунула под нос Эларану кулак. — Я твой язык в себе терпела? Терпела.

— А чего морщишься? Неужели не понравилось?

— Знавала и получше, — неожиданно для самой себя выдала девчонка и тут же замолчала. Нужно забыть о том случае на корабле. Забыть и никогда больше не вспоминать. Но почему сделать это так трудно, как будто через себя перешагиваешь?

— Ух, какая! — присвистнул Эларан. — А по виду и не скажешь. — И принялся развязывать на себе пояс.

Рики чуть не задохнулась от возмущения.

— Ты чего делаешь?

— Штаны хочу тебе отдать.

— А свои зачем снимаешь? Разве ты не принёс лишних?

Эларан покачал головой.

— Вот глупая. Рики, я не дома, запасных штанов нет. Готов с себя последнее снять, а ты поцеловать себя нормально не даёшь.

— Тьфу. А я то думала...

Руки Стендена застыли на поясе.

— Так что? Не нужны?

Это было уже слишком. Мало того, что терпеть его дыхание на себе пришлось целых два раза, мало того, что после произошедшего Рики чувствовала себя чуть ли ни продажной девкой, так теперь нависла угроза и без штанов для Сэма остаться! Ну и денёк! Вот вляпалась! Нет, допустить такое ни в коем случае было нельзя, и Рики вскинула голову, посмотрела Эларану в глаза и твёрдо произнесла:

— Снимай штаны!

Лорда Альгервильда мучила сильная отдышка. Это было неудивительно, ведь подняться по винтовой лестнице на самую вершину Папоротникового замка старику было уже давно не под силу. Это молодым он бегал туда-сюда по несколько раз на день. Теперь же уставал, стоило осилить лишь с десяток ступеней.

Делая очередной шаг наверх и вытирая ладонью пот со лба, Рей Альгервильд уже много раз про себя проклял тот момент, когда, напившись за плотным завтраком парного молока, так размяк от удовольствия, что предложил Гайларду Стернсу осмотреть все свои владения. Кто ж знал, что королевский племянник будет в таком прекрасном расположении духа, что не только сразу на всё согласится, но ещё и весь печёный картофель с блюда стрескает и вином запьёт? Это с утра-то! Когда ещё глаза не полностью открылись! Лорд Альгервильд, конечно, краем уха слышал, что наследник престола порой не знает меры в крепких напитках, но чтобы прямо с рассветом...

От вчерашнего раздражения Стернса не осталось и следа. Густые волосы были красиво уложены, а лицо — чисто выбрито. Одежда — вычищена, а от свежей туники шёл едва уловимый аромат можжевельника. И даже тёмные круги под глазами пропали, и губы более не кривились в неприязненной усмешке, а растягивались в лёгкой улыбке, стоило Гаю о чём-то подумать. Вслух Стернс мыслями не делился, и лорду Альгервильду только и оставалось что с осторожностью спросить:

— Вы выспались?

— Спал, как младенец, — промычал Гай, усиленно налегая на кушанья, что стояли за завтраком на столе.

— А я до утра бессонницей маялся.

— Выглядите бодро.

— Двигаюсь днём мало, расходную книгу помощник ведёт, поэтому уставать особо не с чего, вот и хватает двух-трёх часов, чтобы восстановить силы. А в ваши-то годы я тоже, как дитё, дрых. Ничего вокруг не слышал — хоть из пушки стреляй.

— Обычно я сплю очень чутко.

— Тогда это просто чудо, что сегодня сон был крепок. Может, всему виной усталость с дороги?

— Просто у меня появилось отличное снотворное, — ответил Гай и наколол на нож большой кусок мяса.

— Поделитесь? — наивно спросил лорд Альгервильд, а Стернс чуть не поперхнулся. — Впрочем, забудьте. Вам нужнее, а я как-нибудь сам справлюсь. Вы прогуляться не желаете? — перевёл тему старик, в уме прикинув, что если затянуть с завтраком, то все вчерашние остатки будут съедены, а старый скряга так надеялся полакомиться ими ещё и во время обеда. — За последние десять лет папоротник разросся, и с самой высокой башни открываются такие красоты... Дух захватывает! Заодно хозяйство оцените — оно у меня всё в порядке содержится.

Гай не возражал; настроение у Стернса тем утром и правда было самое расчудесное, и вряд ли простая прогулка по окрестностям могла его испортить.

Прошло несколько часов, как продолжался тот самый осмотр, и старик Альгервильд уже окончательно обессилел. Много раз он слышал от своего гостя, что «вот ещё на конюшни пройдем и на этом закончим», но почему-то конюшнями дело никак не заканчивалось, и всегда находилось что-то, что ещё представляло интерес. Караульная башня стала последним испытанием, которое хозяин замка согласился вынести, твёрдо вознамерившись после неё извиниться и уйти отдыхать.

— Ваша светлость, — проронил лорд Альгервильд, когда он и Гай, наконец, добрались до самого верха, — с этой башни открываются чудесные виды. И на лес, и на озеро, и на папоротник, чтоб его... Даже у вашего дядюшки от наших просторов дух захватывает. А он всегда, когда у меня бывает, поднимается на эту башню и любуется окрестностями. Смотрите, вон в той стороне козочки пасутся, в той — в воде мальчишки озорничают, а вон там луг, красивее которого ни в одной земле не найдёшь. Цветов в том месте... И везде пчёлы гудят.

— Я смотрю, цветы у вас не только на лугу, — хмыкнул Гай и покосился в сторону, где на каменные зубцы были нанизаны венки из белого клевера и васильков.

— Это дочек псаля рук дело. Они у него уж больно шустрые. Сколько раз говорили не лазить на башню, а всё равно лезут. А вдруг свалятся? Высотища-то какая! Теперь вот повадились на башне венки

плести. Чай, влюбились в кого. У них, у этих девок, сейчас, знаете ли, возраст такой! Все любви хотят! Только об этом и мечтают. На прошлой неделе поймали парочку за сараем у бочек. Вовремя успели — он уже штаны начал снимать. Обрюхатил бы девку и сбежал. Только девчонка та ничего не поняла да на нас ещё обиду затаила, что любовничку её крапивой по заду надавали. Такие вот дела, милорд... Такие дела.

— Дел у вас и правда невпроворот, — согласился Гай, поднимая с каменного пола несколько васильков, выпавших из не слишком тугого плетения.

Своим нежным цветом они напоминали ему глаза той, что в последние дни стала частью его жизни. Засыпая, он видел те глаза и, просыпаясь, тоже встречался с той самой синевой, которая успокаивала и в то же самое заставляла сердце непонятно волноваться.

— Вон тот сарай. — Лорд Альгервильд свесил голову вниз и ткнул пальцем. — Стоит — не падает. Снести бы его, да всё забываю. Не первый раз около него влюблённых ловим и, наверно, не последний. А вот в той стороне у нас отличные охотничьи леса. — Лорд Альгервильд сменил тему и повернулся на север. — В этом году просто нашествие кабанов, а в прошлом зайцев было много.

Гай тоже глянул в том направлении, где по словам хозяина замка должно было находиться место всех свиданий, да так и застыл взглядом, словно к тому месту перебежали из лесов разом все кабаны и зайцы. Среди бочек, дров, вёдер и прочего хлама стояла Рики, а рядом с ней топтался сынок Феррана Стендена, нахально лыбящийся и довольно потирающий редкую щетину на своём остром подбородке.

Гай провёл ладонью по лбу. На ладони остались капельки пота. Странно: поднимался на самый верх и не вспотел ни капельки — теперь же стоял на сильном ветру и взмок так, словно пёкся на жарком солнце.

— Кабаны, значит? — Стернс сжал васильки в кулаке. Сквозь пальцы проступил травяной сок.

— Если желаете, могу распорядиться подготовить собак и лучников, — болтал тем временем лорд Альгервильд, дыша полной грудью и наслаждаясь видами.

— Лучше прикажите нарвать крапивы, — прохрипел в ответ Гай.

Он бы и рад был повернуться и отдохнуть взглядом на распластавшихся внизу равнинах и идущих мягкими волнами холмах, но, как прикованный, смотрел в одну лишь точку, где в этот момент Рики шагнула к вихрастому нахалёнку и коснулась губами его губ.

— Крапивы? — удивился лорд Альгервильд. — На крапиву кабаны не пойдут. Лучше яблок. Свежих или маринованных. Жаль, жёлудь ещё не поспел. С жёлудем было бы легче. А я вот вам сейчас расскажу, на что мы давеча лису ловили. Вот вы удивитесь.

Лорд Альгервильд воодушевлённо болтал, всё продолжая любоваться деревьями вдаль, а Гай с каждым новым ударом сердца хмурился больше и больше, потому что внизу разворачивалось зрелище, от которого у Стернса вслед за пальцами правой руки сжались в кулак и пальцы левой.

— Ну как, милорд? Как вы это находите? — воодушевленно спросил старик, закончив историю об охоте на рыжую и пребывая в предвкушении восхищения со стороны собеседника.

— Это полнейшее безобразие, — выдал Гай, у которого перехватило дыхание, когда Рики и Эларан столкнулись во втором поцелуе.

Их тела были настолько близки, а поцелуй настолько долгим, что Гайлард не выдержал и зажмурился. А когда, заставив сердце стучаться ровнее, открыл глаза, то Эларан снял штаны.

Во рту пересохло, а сердце снова зашалило. Внутри разгорался пожар, мысли путались, а кулаки не хотели разжиматься.

— Лорд Альгервильд, — Стернс бросил взгляд на лестницу, — я оставляю вас.

Старик обернулся.

— Вам плохо? — засуетился он, заметив, какие перемены произошли в лице гостя. — Вы как-то дышите неровно.

— Воздух здесь... слишком свежий.

— Свежий? Ну да, да... здесь и ветер гуляет. Высота, знаете ли...

— Вот именно, — сглотнул Гай. — Вы не торопитесь, спускайтесь спокойно. А я...

— Конечно-конечно, — согласился старик, переживая, что, если вдруг с наследником трона что-нибудь да случится, а лорд Альгервильд не сможет помочь, то первой с плеч падёт именно его голова.

Зеленую траву сапогами мяли безжалостно: Стернс торопился, по лестнице спускался так быстро, как никогда ещё в жизни не делал, и от башни до сарая почти бежал. Остановился лишь раз, когда из кустов вдруг выскочил серый кролик и бросился Гаю прямо под ноги. Стернс едва успел перепрыгнуть через зверька, не задев того каблуком сапога, выдохнул и выругался. Смачно сплюнул на землю, бросил злобный взгляд в сторону сарая, до которого оставалось немного, сплюнул ещё раз, наконец разжал кулак и швырнул себе под ноги то, что осталось от некогда ярких, весёлых васильков.

— Лорд Стернс! — услышал Гай совсем рядом и обернулся.

Со стороны конюшен к нему спешил капитан Шеллинг.

— Лорд Стернс, наконец-то я вас нашёл.

— Что ещё не так? — скривился Гай, снова глянув на сарай. Звуков оттуда не доносилось никаких, но от неведения сердце почему-то ныло сильнее.

— Вы хотели посмотреть тренировки на мечах. Мечники готовы, все ждут вас, чтобы начать.

— Мечники? — Гай готов был взвизгнуться, настолько неважным было то, что он сейчас слышал.

— Прошу простить, если не ко времени, — тут же поклонился капитан, собравшись уходить.

Но Стернс вдруг резко передумал.

— Значит, мечники?

Эйдан Шеллинг кивнул.

— Если вы сейчас не расположены, то мы повторим тренировки завтра.

— А сынок Стендена тоже участвует? — Гай прищурился.

— Он собирался, милорд, но заявился во двор только что и без штанов.

— Без штанов?

«Ему что, было так хорошо, что от счастья он штаны позабыл натянуть?»

— Он их потерял, милорд.

А это становилось уже забавным.

— Потерял?

— Эта мелочь не стоит вашего внимания.

— Как же? Мы не в Торренхолле, и его мамаша не притащит ему замену. Он хорошо искал? Где он мог их оставить?

— Говорил, что ходил к реке мыться, и штаны унесло течением.

Гай наклонил голову, посмотрел себе под ноги и втоптал остатки васильков в землю.

— Говоришь, тренировки на мечах? И куда идти?

Капитан Шеллинг приободрился.

— Следуйте за мной, милорд. Парни будут рады. Они столько этого ждали... Я даже приготовил символическую награду тому, кто покажет себя лучше остальных.

— Приготовь лучше пучок крапивы. Солидный такой пучок. Длинной с твой меч и толщиной с два кулака.

— Я не ослышался, милорд?

— Ты не ослышался, — ответил Гай и вдавил каблуком в глину последний голубой лепесток.

Глава 16. В тупике

Кувшин был тяжёлый, а Стернс как назло с ответом не торопился и даже не смотрел в сторону девушки. Сидел, жевал такое сочное, такое вкусное, приготовленное в перечном соусе, мясо, что у Рики желудок свело, так есть хотелось. Стернс же будто специально издевался: долго выбирал себе кусок с общего блюда да пожирнее, в сторону Рики головы не поворачивал, словно её и не было в обеденной зале, и даже ухом не вёл, хотя про вино она спросила его уже третий раз за последние три минуты.

— Поставь кувшин на стол, девочка, — прошамкал лорд Альгервильд. — Как кубки опустеют, мы тебя позовём. А то уронишь на пол — столько добра пропадёт.

Рики поспешила сделать так, как ей велели, но при этом кувшин поставила не на середину стола между хозяином и гостем, а ближе к Стернсу, но тот даже такую преданность не оценил.

— Как ваши руки? — полюбопытствовал старик Рей, с трудом прожёвывая телятину.

Та была мягкой, но зубы у лорда Альгервильда были уже в таком плачевном состоянии, что нынешний ужин казался ему настоящей мукой. Одна была радость: гость из Торренхолла был всем доволен, ел за двоих, пил не меньше обычного и вообще снова пребывал в том самом прекрасном расположении духа, в каком хозяин Папоротникового замка застал его утром.

— Немного покалывает, но, поверьте, по сравнению с другими шрамами эта боль не страшнее укуса комара.

— И всё же... У меня чуть сердце из груди не выскочило, когда вы вот так голой рукой за крапиву схватились! Хвала богам, капитан Шеллинг вовремя сообразил стянуть с себя перчатки и отдать их вам. А то страшно представить, как вы изранились бы. Неужели вам не было больно в тот момент?

Гай поморщился. Воспоминание было не из радужных, но желание отхлестать негодника Эларана было столь велико, что укусов крапивы Стернс даже не почувствовал. Это потом уже жгло и чесалось, но не слишком сильно и долго.

— За что вы так мальчонку-то? — продолжал мусолить тему лорд Альгервильд. Ему уже давно было скучно, и, по правде говоря, приезд лорда Гайларда оживил серые будни старика. Но, с другой стороны, вместе с оживлением таяли и запасы провианта, и старик тяжело вздыхал, подсчитывая в уме, во сколько ему обойдётся такой высокопоставленный гость. — Бедняга ни лечь, ни сесть не может. Его трясёт, и мои девчонки не успевают таскать ему холодные компрессы. Вы ж его всего... И со спины, и спереди, а кое-где, не при девицах будет сказано, где именно, даже до крови! Хоть бы живой остался.

— Выживет, — протянул Гай, — никуда не денется. А урок запомнит навсегда. Мне голозадые оруженосцы не нужны. Вы же знаете, кто его отец?

— Конечно, — спохватился лорд Альгервильд. — У такого человека и такой сын...

— Ферран обошёлся бы с ним куда жёстче. Так что я мальчонку ещё пощадил.

— И всего-то из-за каких-то штанов, — пробубнил старик, а Рики повернулась спиной к столу и лицом к окну и вовремя, потому что именно в этот момент Стернс наконец-то покосился в её сторону.

Несколько раз она порывалась выскочить из толпы и схватить разъярённого Гая за руку, несколько раз уже готовилась выкрикнуть «Хватит!» и встать между зубастой крапивой и красным, как рак, Элараном, один раз уже точно настроилась остановить порку и рассказать Стернсу всю правду, но в итоге так и не вышла и не выдавила из себя ни звука.

Порка прекратилась только благодаря старику Рею. Тот клятвенно заверил Гайларда, что в его сундуках найдётся ещё три пары штанов Эларану по росту и он с радостью ими поделится, только бы мальчика перестали мучить. Только после этого Стернс швырнул крапиву в сторону, стянул с рук перепачканные травяным соком перчатки и передал их капитану Шеллингу.

Кто-то в толпе облегченно выдохнул, кто-то подхватил на руки полуживого паренька, чтобы скорее унести его подальше и начать отхаживать. Рики же и в тот момент металась из стороны в сторону. Совесть подсказывала броситься вслед за мальчишкой Стенденом, стойко вытерпевшим боль и так и не заикнувшимся о споре, но сердце тянулось к племяннику короля, развернувшемуся ко всем спиной и

медленно шагающему в сторону замка. Перевесило сердце, и Рики помчалась следом за Гайлардом.

— Милорд, — на выдохе бросила Рики, обогнав Стернса и делая по два шага на каждый его один, — милорд, позвольте, я осмотрю ваши руки. Сильно крапивой ужалились, да?

Но Гай только оттолкнул девушку от себя, не сказав ни слова.

О том, что за ужином лордам вместе с остальными слугами Рея Альгервильда будет прислуживать ещё и она, а не Эларан, как планировалось изначально, Рики узнала от капитана Шеллинга. Тот нашёл девушку, скитающуюся без дела, у колодца, передал приказ и тут же ушёл. На вопрос, как там Эларан, не ответил. Видимо, плохо, раз капитан так торопился. Он был из тех, кто заботился о своих людях и старался быть рядом, когда тем было тяжело.

А потом пришло время ужина, и Рики совсем стало тоскливо: впервые лорд Стернс проявлял к ней такое сильное равнодушие. Даже в день свадьбы он был более приветлив и мил, а тут...

— Реки в наших краях быстроходны, — смачивая хлеб в соусе, размышлял Рей Альгервильд. — Уносили не раз и не только штаны. У плотника весной тещу унесло. Так он так радовался, так радовался... Жаль только, не долго: за поворотом было повалено дерево, а баба в руках была сильная. Ухватилась за ствол да так и выкарабкалась. А как до дома добралась, беднягу сразу скалкой отколошматила, что на помощь ей прийти не поторопился. Так плотник до сих пор те удары помнит. Говорит, что на смену погоды спина и зад особенно сильно начинают ныть. А у моего помощника как-то раз...

— Лорд Альгервильд, — перебил старика Гай, — не защищайте мальчишку. Подумайте сами: он находится в походе со своим господином, а ведёт себя хуже глупого цыплёнка. Сегодня штаны, а завтра что? Меч потеряет? А я из-за его баловства потеряю жизнь?

— Всё верно, мой мальчик, — задумчиво протянул Рей и тут же осёкся. — Вы же позволите вас так иногда называть? Чисто по-отечески. Вы ведь мне в сыновья годитесь, а то и во внуки.

Гай кивнул.

— Воспитывать молодое поколение, конечно, нужно, — продолжал наставлять хозяин замка, — но вам, Гайлард, уже пора своих сыновей уму-разуму учить, а не за чужими с крапивой бегать.

Это был более чем прозрачный намёк, и Рики заметила, как Стернс напрягся. Чувствуя, что сейчас может сойти новая лавина неоправданного гнева, девушка бросилась к столу, схватила кувшин и принялась лить вино в кубок хозяина. Естественно перелила, за что удостоилась раздражённого «Уйди», но зато старика Альгервильда минутная вспышка недовольства обошла стороной.

— Как поживает леди Стернс? — невинным тоном спросил Рей и грустным взглядом посмотрел на мясо в перечном соусе.

Жевать его у лорда Альгервильда уже не было сил, поэтому старику пришлось перейти на картошку и варёные бобы, но мясо... мясо... Оно было столь аппетитным и сочным, что бедняга уже чуть ли не давился слюной, глядя на него.

— Приезжайте как-нибудь в Торренхолл, — ответил Гай. — И вы увидите её собственными глазами. Она красавица.

— Наслышан, — вздохнул старик. — Но, боюсь, только слухами мне и остаётся питаться: здоровье уже не то, чтобы так далеко ехать. А такому, как вы, лорд Стернс, и нужна настоящая богиня. Чтобы и ночью, и днём красота была перед глазами, а всяких лопоухих криворучек гоните в шею. Они только ценное вино проливать умеют.

Рики нахохлилась, прекрасно понимая, в чей огород упрёк. Что ж, старик по-своему прав. Никакой услады для глаз её личико не представляло, телом она была сродни тростинке, умом тоже не блистала, и богатства в ней было только на размер подачи от Стернса, которое и получить-то она могла, лишь выйдя замуж.

— Здоровья вашей жене побольше, — воодушевлённо продолжал старик. — И чтобы дети крепкими родились. Надеюсь, когда вы вернётесь, леди Стернс обрадует вас хорошей новостью.

— В нашем роду всегда было крепкое семя. — Гай правильно понял намёк. — Ещё не было случая, чтобы ребёнок не родился на сороковую неделю после свадьбы.

— Главное, чтобы им оказался мальчик, — осторожно вставил лорд Альгервильд.

— Так и будет, — с уверенностью в голосе ответил Гай.

— И пусть он унаследует ваше мужество. Нолфарту нужны сильные короли.

На этих словах лорд Альгервильд поманил к себе одного из слуг, чтобы тот помог старому хозяину встать. Кресло было тут же

отодвинуто, локоть подставлен, и старик, кряхтя и хватаясь рукой за набитое до отвала пузо, поднялся и вышел из-за стола.

— Мне кажется, я переел, — тяжело вздохнул он, а сам с прежней тоской покосился на мясо. Смотреть, как молодое поколение уминает его за обе щёки, уж более не было сил, хотя побеседовать ещё хотелось. Но лучше продолжить разговор позже за бокалом вина, чем искушать себя тем, что никогда не будет под силу съесть. — Я оставлю вас, лорд Стернс. Мой лекарь рекомендует мне после каждого ужина принимать специальное лекарство для пищеварения и лежать не меньше часа. Вот через час и составлю вам опять компанию и надеюсь, в том кувшине ещё останется вино.

Рей Альгервильд недовольно зыркнул в сторону Рики.

— Отдыхайте, — позволил Гай. — И пусть все слуги тоже уйдут. Мне больше никто не понадобится.

— Как изволите, милорд. — Рей Альгервильд сподобился на поклон, хоть и дался тот ему с огромным трудом.

Один за другим слуги покидали вытянутую обеденную залу, по стенам увешанную аляповатыми пасторальными пейзажами вперемешку с яркими факелами. Рики тоже потянулась к выходу: время шло, а ей надо было успеть добежать до Сэма и вручить ему то, что с таким трудом удалось раздобыть. Но как бы великодушны ни были намерения, им было не суждено осуществиться так, как это планировала Рики. И лишь потому, что не успели ноги отсчитать и пяти шагов в направлении двери, как голос Стернса заставил девушку и вовсе замереть на месте:

— А ты останься!

Рики повернула голову и увидела, как Гай залпом выпил всё, что она успела налить ему в кубок. А уронив тот на стол и вытерев губы рукавом, Стернс и вовсе поманил девушку к себе пальцем.

«Это ненадолго», — утешила себя Рики и приблизилась к Гайларду.

Вот только стоять рядом с заставленным кушаньями столом было невыносимо, и за пару секунд слюней во рту набралось больше обычного, живот предательски заурчал, и поднять на Стернса глаза стало вдвойне стыдно.

— Голодная? — Неожиданно для себя услышала Рики и увидела, как рукой, красноватой с внутренней стороны ладони, к краю стола

придвинули блюдо с остывшим мясом. — Ешь.

Рики удивленно повела бровями. Хозяин попросил остаться, чтобы накормить? Мог бы просто всучить миску с куском телятины и парой оладьев из патиссонов и не заморачиваться.

— Чего стоишь? — Гай начинал раздражаться. — Ешь.

Рики мигом отмерла, одним движением придвинула себе кресло, в котором до этого сидел лорд Альгервильд, села, а Стернс наполнил себе вином кубок и сделал глоток.

— Вам уже много, — с набитым ртом пробубнила Рики.

— А ты считаешь? — усмехнулся Гай.

— Я всегда считаю, иначе какой прок от этого умения? Раз брат меня этому научил — надо использовать. Глядишь, сберегу вам пару лет жизни.

— Так беспокоишься обо мне?

Рики на мгновение прекратила жевать, подняла голову от тарелки, которую чуть ли ни вылизывать была готова, глянула на Гайларда и тут же смутилась. Тот смотрел на неё, не отрываясь, взглядом голодного коршуна, увидевшего мышь, шебаршащую в траве. Голодного? Мяса ему, что ли, мало было?

— Конечно, беспокоюсь. Как же ещё? Схватили крапиву... — Рики замялась, — голыми руками... Мне самой чуть больно не стало, когда я это увидела! Так и почувствовала, как жжётся, а вы меня...

Рики сглотнула.

— А я? — услышала она хриплое.

— Оттолкнули. — На этих словах Рики резко вскочила и поклонилась чуть ли ни в пояс. — Разрешите идти, милорд.

— Нет. Ты ещё не поела.

— Я доем позже.

Девчушка цапнула с общего блюда картошки и куска три-четыре телятины, сложила всё горкой на своей тарелке и взяла ту в руки.

— Поставь.

Рики звякнула миской о стол и снова потупила взгляд. С ней говорили таким тоном, словно она была повинна во всём и даже самом невообразимом. Но разбираться, какая муха укусила милорда во второй половине дня, девушке совсем не хотелось. Это лучше сделать потом, когда вино из него немного выветрится, когда на словах он будет менее резок и взглядом менее колюч, когда его ладони

перестанут помнить крапиву, и когда обещанное Сэму будет доставлено и Рики убедится, что уговор со странным пареньком действует, и никто кроме их двоих об этом никогда ничего не узнает.

— Я всё же пойду, — пролепетала девушка и попятилась к выходу.

Кресло визгнуло ножками по полу. Это Гай дёрнулся с места, неуклюже задев при этом край стола. Наполненный вином кубок качнулся и свалился на блюдо с картошкой, рисуя вокруг вишневого цвета круги, с которых потянулись тонкие струйки и запрыгали каплями на пол, прямо на сапоги лорда Стернса.

— Дерьмо собачье, — выругался Гай и схватил Рики за руку.

Силы в его пальцах было столько, что Рики поморщилась, а тоненькая веревочка с нефритовым камушком, завязанная на запястье, впиалась в нежную кожу и оставила на ней след.

— Пустите. Мне надо идти. Я спешу.

— Вот как? На пожар?

— Не на пожар, но и не прохлаждаться, если вы так подумали. Да пустите же, мне больно!

— Тебе ведь шестнадцать? — Вопрос прозвучал неожиданно.

— Если отвечу, отпустите? — Гай разжал пальцы. — Почти шестнадцать.

Но и после этих слов ускользнуть не удалось. Стернс схватил Рики за плечи и развернул девушку лицом к себе.

— И что, в эти годы девицам любви хочется?

Жуй Рики в этот момент кусочек мяса или даже картошки, тот тотчас встал бы поперёк горла. В памяти тут же всплыла родная деревня и дочь старосты, начавшая заглядываться на парней постарше, когда ей только исполнилось десять. Сказать ему об этом? Нет. Не стоит дразнить льва.

— Да что с вами сегодня? То из-за каких-то штанов крапивой машете, то про любовь спрашиваете...

Брови Гая удивлённо изогнулись.

— Из-за каких-то штанов? Ты, кажется, так сказала?

— Конечно. Не золотые же они были. Там на правой коленке такая потёртость была, что ещё пара дней — дырка нарисуетя. А шов сзади...

— Ты ещё и сзади разглядывала?!

Рики прикусила нижнюю губу, сердцем понимая, что сболтнула лишнего, но вот умом никак не сообразив, в каком именно месте.

— Конечно, — выдавила, наконец, девушка, вспоминая, что именно про штаны наврал Эларан, и стараясь врать с ним в унисон. — Я на реке бельё стирала, а штаны мимо меня проплывали. Я их веткой — хватать, начала рассматривать, а из-за кустов Эларан — прыг, на меня набросился.

— Набросился? Повалил на землю, крепко прижал и дышал в шею?

— Что за чушь вы болтаете? Зачем ему меня к земле прижимать? Я же сказала: поймала штаны, Эларан меня напугал, так я те штаны от страха обратно в реку и уронила. А вы про шею что-то несёте...

На несколько секунд в обеденной зале воцарила тишина, позволившая Рики перевести дыхание и приготовиться к новой волне странностей от Стернса. Те не заставили себя долго ждать.

— Выходит, в утере штанов твоей вины не меньше, чем вины сопняка Стендена?

Вот это уже был тупик, и Рики почувствовала, как пересохло в горле и руки начали дрожать. Неужели из-за какой-то тряпки ей тоже достанется крапивой? Не проще тогда сознаться, чем терпеть боль и... унижение? Стернс хоть и упрям и на характер тяжёл, но если всё объяснить и успеть перехватить руку с мечом, то поймёт.

— Милорд...

— Я здесь, — раздалось в ответ.

Гайлард чуть склонил голову, и Рики показалось, что он вдохнул запах её волос.

— Милорд, я должна вам кое-что рассказать.

С каким же трудом давалось каждое слово, ведь чем больше их говорилось, тем ярче вырисовывался конец мечты.

Его руки на её плечах были горячими, как огонь. А ещё тяжёлыми, словно свинец, и цепкими, словно поймали вожделенную добычу.

— Тебе и в самом деле нравится этот щенок?

Рики насторожилась. Такого поворота она не ожидала. Может, сейчас действительно не самый лучший момент для признаний, раз Стернса весь вечер несёт непонятно в какую сторону?

— Вы про кого? — брякнула Рики и тут же поняла, что глупее вопроса в жизни не задавала.

— А у тебя он не один?

Не зная, что думать и отвечать, Рики наклонила голову. Она была точно уверена, что в это мгновенье Гай уткнулся носом ей прямо в макушку, наверно, даже закрыл глаза, но вот, о чём думал, представить себе никак не могла. От него пахло травой и дымом, а ещё вином. Прямо как тогда, на корабле, в тот вечер, когда он держал её так же крепко, как сейчас, а потом поцеловал.

Рики вздрогнула и зашевелилась.

— Отпустите меня.

— Я задал вопрос.

— Я не понимаю, о ком вы.

— Ты была первой, кто отверг меня. Первой, кому мои губы показались мерзкими. — Гай шептал едва слышно, а по телу Рики шёл непонятный холодок. — Первой, кто променял меня на хвастливого сопляка. И я хочу знать, что в нём такого, чего нет во мне. Что в нём такого, что ты согласилась зажиматься с ним вот так просто посредине дня за бочками?

Разрозненные кусочки начали складываться в общую картинку. Он видел её и Эларана? Да, точно. Он каким-то образом увидел их, но если видел и знает всё, то почему продолжает нести полнейшую ерунду? Этому было лишь одно объяснение.

— Вы пьяны, — невнятно проронила Рики.

— Да, я пьян. И готов выпить ещё столько же, лишь бы прогнать эти навязчивые мысли.

— Милорд. — Рики снова попробовала высвободиться из объятий Стернса, но только ещё больше почувствовала себя беспомощной птичкой в лапах хищника. — Милорд, вы бредите. Вам надо лечь. Давайте я отведу вас и даже посижу с вами, как делаю это обычно. А утром вы проснетесь, и всё забудется.

— Помолчи. Иначе разозлишь меня ещё больше, — вновь шёпотом ответил Гай, и Рики почувствовала, как его губы коснулись мочки её уха.

Внутри всё заволновалось, как и тогда на корабле. Как и тогда на корабле, земля вдруг начала уходить из-под ног, и сердце защемило слишком сладко, чтобы признать боль обычным недугом. И нужно

было, как и тогда на корабле, немедленно воспротивиться происходящему, но вместо этого Рики только закрыла глаза и слабым голосом произнесла:

— Не надо...

— Я ещё не закончил, — услышала она в ответ и про себя кивнула. А худенькое личико само собой потянулось навстречу тёплому дыханию, и тоненькие, бледные, перепуганные губы оказались во власти губ сильных и вместе с тем несказанно нежных.

Его руки дрожали, когда вдруг соскользнули с плеч ей на спину. И лицо было бледным, а веки чуть влажными, словно всё, что он делал, делал впервые. Он касался её легонько, несмело, не губами, а почти одним лишь дыханием, а потом вдруг не выдержал, прижал к себе, и Рики замерла, чувствуя, как в унисон забились их сердца.

— Совсем не ложится сегодня, — слышался в дверях сварливый голос лорда Альгервильда. — Ворочался, ворочался да подумал, что лучше спустись и с вами ещё вина отведаю. Глядишь, быстрее усну да крепче спать бу...

Голос стих, а вместе с ним и знакомое шарканье. Но лишь на мгновенье, и вскоре Рики вновь услышала шаги старика, в этот раз удаляющиеся: Рей Альгервильд спешил скрыться в темноте длинных коридоров замка, сделав вид, что ничего не видел.

Их губы разомкнулись, но выпускать Рики из своих объятий Гай не собирался. Неспешно ласкал влажными губами её лицо и остановился лишь для того, чтобы прошептать на выдохе:

— Что же ты со мной делаешь?

— Милорд, — робко ответила Рики. — Кажется, нас видели...

Но вместо того, чтобы подумать о случайном свидетеле их близости, Гай лишь ослабил объятия, посмотрел на смутившуюся от его взгляда девчущку, провёл пальцем по ответившим на его поцелуй губам и снова выдохнул:

— Что же ты со мной делаешь...

* * *

Ночь была тихой и почти безветренной. Пять кораблей, вышедших из Порты, плавно и неторопливо скользили по воде.

Большая часть матросов мирно храпела, покачиваясь в гамаках; остальные резались на палубе в кости. Ставкой всегда служил крепкий тумак (всё остальное тщательно запрещалось капитаном Мортенером), и бока у многих были намяты всласть, но азарт был силён, ярких звёзд на небе хватало, а сна не было ни в одном глазу, поэтому игра продолжалась, и сдаваться никто из играющих не собирался.

В капитанской каюте тоже было светло. Несколько фонарей, качающихся на крюках, вбитых в стену, и один на столе располагали к неспешной беседе по душам, а крепкая, каштанового цвета, настойка, то и дело разливаемая из фляги по деревянным кружкам, ещё больше развязывала язык и ко сну никак не склоняла. Кроме настойки и кружек, на столе ещё можно было найти скрученные в трубочку навигационные карты, связку ключей, отпирающих известные только капитану замки, старый, но всегда исправный компас, а ещё острый нож, чехол от него, две лучины и пять мелких разменных монет. За самим же столом, вытянув ноги, изредка потирая покрасневшие от недосыпа глаза и время от времени широко зевая, сидели двое: капитан Эмил Мортенер и первое лицо из окружения лорда Стернса, командир Ферран Стенден.

— Не думал, что ползти будем медленнее улитки. — Капитан Мортенер раздражённо пробарабанил пальцами по столу и сёрбнул из кружки.

Ферран потёр ногтем переносицу.

— Твоей вины тут нет.

— Каждый день ветер гулял по морю, как полоумный, а тут на тебе... Вышли — сплошной штиль.

— Матросы говорили, что пошла рябь.

— Да какое там пошла! Курам на смех.

— И на горизонте без туч?

— Вечером было ясное небо.

Стенден покачал головой.

Приказ своего хозяина он выполнил в точности: до Порты добрался ровно на следующий день после похорон отца Гайларда, переговорил быстро и по делу с капитаном, а тот, в свою очередь, столь же быстро и чётко снарядил корабли и отдал распоряжение взять курс на Вороний остров. Путь был близкий, но, стоило кораблям потерять из вида родной берег, как ветер стих, и все пять кораблей

буквально замерли на водной глади, вытянувшись в линию и подставив палубы под палящее солнце.

К ночи стало прохладнее, и слегка подуло с юга. Но о полных ветра парусах приходилось ещё только мечтать, и спустя пару-тройку дней безветрия команда совсем приуныла, а вместе с ней и сам капитан, и его спутник.

— Глядишь, с утра разгуляется, — выразил надежду Ферран.

— Будем надеяться.

Стенден покосился в сторону капитана: широкий лоб того вдруг нахмурился, и лицо одновременно посерело, словно капитану предстояло вот-вот вспомнить молодость и зайти на ночную вахту.

— Будет ещё ветер, — попробовал подбодрить Мортенера Ферран, но Эмил только покачал головой и принялся буравить взглядом трещину в полу.

— Не к добру такой штиль... На моём веку такого ещё не было, а я на воде уже очень много лет. Так же много, как ты на войне. Вот сдался милорду тот остров? После того, что он нам рассказал, у меня до сих пор мурашки по спине бегают. Туда-сюда, туда-сюда... Прямо как качка морская! Только от качки мне тошно не становится, а от мурашек к горлу горечь подкатывает.

Ферран усмехнулся.

— А по ночам, — продолжал капитан, — мне нет-нет и да и приснится настоящий кошмар! И ведь не чудище морское, и не сирены, а дракон... Дракон! Что б его!

— А золото? — равнодушным тоном спросил Стенден.

— Какое золото?

— Которого полно на острове. Золото не снится?

— Не до золота нам всем будет, если на острове нас встретит то же чудище, что встретило лорда Гайларда. Мальчишку ведь так и не поймали. Что если он уже давно добрался до острова и сидит там здоровёхонький и нас поджидает? Зубы наточил...

Ферран отнёсся к сказанному с завидным спокойствием.

— Вот поэтому с нами пять кораблей, уставленных арбалетами, а не одна вшивая лодка, и стрелки все как на подбор, а не моряк из деревни. Мои парни с расстояния в милю комара уложат — что ж говорить о драконе.

— Я слышал, твой старший сын в стрелковом деле преуспел.

— Эларан? Лентяй ещё тот! Привык всю жизнь за мамкину юбку прятаться. Стреляет сносно, но до идеальности ещё далеко. Иногда мне кажется, что толку от него так никакого и не будет.

Капитан хмыкнул.

— А я вот детьми так и не обзавёлся, хоть и было по бабе в каждом порту. Может, какая и родила, да только мне не сказала. Бывает, смотрю на какого вихрастого юнгу и думаю: а ну как это мой сын?! Те же глаза, та же походка...

— И сколько таких уже насчитал?

— Да с дюжину точно.

— Маловато.

— Так я по молодости на берегу редко бывал...

Оба — командир Стенден и капитан Мортенер — зашлись громким смехом. А что ещё было делать, когда уже и пить стало в тягость, а на море глядеть — тем более? Вдобавок ко всему, Ферран не любил море, и затянувшееся по погодным причинам плавание начинало его раздражать. Ему хотелось скорее ступить на сушу, привычно зачерпнуть носами сапог песок, сделать несколько широких, смелых шагов и втянуть носом разношёрстные запахи земли, леса и гор.

Наступила тишина, и были слышны только довольные крики матросни, продолжавшей развлекаться тумками, да причмокивание капитана Мортенера, с удовольствием допивавшего оставшуюся на доньшке его кружки настойку.

— Не пора ли тушить фонари? — спросил Ферран.

— Пусть ребятки порезвятся. Когда ещё у них будет возможность посреди моря друг друга по-братски поколошматить? А ты мне вот что скажи... — Эмил вытер испачканный сладкой бормотухой рот. — Красивая у Нолфорта королева будет? А то я на свадьбе не был.

— Думаешь, лорд Гайлард станет королем? — Стенден звучал вкрадчиво.

Эмил от изумления выпучил глаза.

— Это ты просто пьян сейчас или как? Кто, если не он?

Ферран тут же махнул рукой.

— Да я просто спросил.

— Не смей больше подобное говорить. Ты меня пугаешь.

— Прости, друг, прости. — Стенден отвёл взгляд, потом взял в руки кружку и провёл пальцем по ободку. — Я просто на воде... себя... не слишком хорошо чувствую, вот и лезут в голову разные мысли.

— Ветра бы хорошего в паруса — будет тебе суша, — пробурчал Мортенер.

Ферран забарабанил костяшками пальцев по столу.

— Ветер... Где же этот ветер?

Задорный крик прервал его рассеянные мысли.

— Капитан! — Деревянная дверь распахнулась, и на пороге нарисовался круглощекий боцман. — Капитан, — выдохнул он, — ветер поднялся!

Эмил вскочил на ноги. И его тут же повело. Да так сильно, что капитан удивился. Старому морскому волку не привыкать к качке, но корабль накренило так, что даже кружки заскользили по поверхности стола, шмякнулись на пол и покатались по доскам, оставляя после себя липкие лужицы.

— Морской дьявол, — только и пробормотал капитан, — что это?

С палубы донеслись истошные крики, и Эмил Мортенер обменялся с Ферраном недоуменными и полными страха взглядами. Матросов не напугать высокой волной и слепящей молнией, вырывающейся из грозовой тучи, чтобы разрезать корабль надвое, и душераздирающие вопли и беспорядочный топот могли свидетельствовать только об одном: случилось что-то, к чему никто не был готов.

— Оставайся здесь — приказал капитан Стендену и быстрым шагом направился на палубу, к команде.

Налетевший из ниоткуда ветер в одно мгновение превратился в обезумевший шквал и в ключья рвал паруса, в беспорядочной спешке собираемые матросами. Это было нечто грозное и стремительное, как внезапно лопнувший сосуд гнева. Злая волна обдавала захваченных врасплох моряков колючим льдом и шипела пеной. Все корабли швыряло из стороны в сторону, и стоило капитану Мортенеру собраться с мыслями и отдать первый приказ, как оглушительный треск заставил его вздрогнуть и позабыть обо всём на свете: два лучших брига налетели друг на друга, раздались крики, и оранжевое пламя шустро поползло юркой змейкой по одному из кораблей, облизывая тщательно просмоленные доски.

— Разворачивай! — орал Мортенер рулевому, но среди паники и порывов ветра его голос был сродни комариному писку.

Море шумело и поднималось горой воды, бурлящей и мертвенно-тёмной. Казалось, всё взрывалось вокруг судна, потрясая его до основания, заливая волнами, не щадя никого и ничего.

С неба ударила молния, и всякий, кто хоть на миг бы узрел её, выжег бы себе глаза и ослеп, а грот-мачта вдруг тоскливо застонала, накренилась и, переломленная, повалилась прямо на капитана. Эмил Мортенер едва успел метнуться в сторону. От сильного удара на палубе вздыбились доски, Эмила отбросило к сваленным у борта канатам и накрыло тяжёлым парусом. Барахтаясь в лабиринте из парусины, капитан и не заметил, как разверзлось небо и выпустило их себя поток убийственного дождя, а из морской черноты потянулись вверх такие же чёрные скалы, больше похожие на зубы огромного чудовища, жадные до крови и беспощадные. Своими острыми лезвиями они принялись дырять деревянные судна, отдавая их на съедение ненасытному морю, бесновавшемуся в неистовой пляске во славу смерти.

Глава 17. Мышиная сила

Гайлард легонько коснулся щекой, к вечеру уже колючей, щеки девушки и еле слышно прошептал:

— А ты как думаешь?

Но Рики думала лишь об одном: о лорде Альгервильде, так некстати спустившемся вниз.

— Молчишь? — выдохнул Гай. — Продолжаешь гадать, случайно или нет?

Рики машинально кивнула, а мысли были далеко-далеко, рядом с кроватью хозяина Папоротниковых земель, в которой тот лежал, уставившись в потолок и безутешно вздыхая.

— Я не знаю, когда именно это всё началось, — начал Стернс, и Рики переключилась с дум о лорде Альгервильде на Гая и, как оказалось, не зря. — Может, когда ты постоянно путалась у меня под ногами в Торренхолле, может, когда не отходила от меня больного на корабле, может, даже на том проклятом острове... Не знаю. Пытаюсь разобраться, но не получается. Пытаюсь призвать к собственному разуму, и снова ничего не выходит. Мне не по себе, когда тебя долго нет, и мне плохо, когда вокруг тебя вертится кто-то ещё. Старик Дагорм, таракан Швидоу, нахал Эларан и даже твой брат — они все для меня равны. Стоит им заговорить с тобой — я их всех ненавижу; стоит тебе подарить им свою улыбку — начинаю ненавидеть тебя. Вот и сегодня... когда я увидел тебя и его...

— Милорд, — шёпотом отозвалась Рики, — отпустите меня, милорд.

— ...я просто вышел из себя и в итоге не сдержался. А ты меня не оттолкнула.

— Я растерялась.

— И всё же не оттолкнула.

— Я готова сделать это прямо сейчас. Не хочу, чтобы утром вы жалели обо всём, что сделали.

— Жалел?

— За ночь вино из головы выветрится, и вы вспомните, каких бед натворили. Потом вспомните, что всё это видел лорд Альгервильд, и

начнёте срываться на мне.

— Хочешь, чтобы я срывался на старике Рее?

— Вот это совсем ни к чему, милорд. Он несказанно предан вам — это видно. Вы совершите большую ошибку, если обидите его.

— А ты? Тоже предана и верна мне?

В этот раз Гай смотрел Рики в лицо. Она это чувствовала, хоть ничего и не видела. Ей страшно было вновь встретиться с тем омутом в его взгляде, который она до сих пор не до конца понимала.

Какая же она глупая! Тысячу раз прав был брат: Рики совсем не думает о последствиях, живёт одним днём и лишь своими мечтами. Как можно было ответить на поцелуй хозяина, которого все вокруг жаждут видеть в образе сильного правителя, заботливого мужа и любящего отца? Разве это не сумасбродство? И пусть её сердце уже давно замирает при виде одной лишь его тени, пусть губы растягиваются в счастливой улыбке, стоит ему только поманить её к себе, она всё равно не должна давать волю чувствам и позволять им хлестать через край, искушая и умоляя переступить черту. Задача слуг — быть тенью хозяев, предугадывать их желания, а не идти на поводу у своих и уж точно не мнить о себе чего-то большего. Гайлард Стернс — тот, кого нужно защищать, кому всегда нужно говорить правду и от кого нельзя ничего утаивать, как Рики это делает вот уже почти сутки. И поступает так она лишь ради себя собой и ради исполнения собственных желаний. Тысячу раз был прав брат... а то и две тысячи!

— Я задал сложный вопрос? — с горечью в голосе спросил Гай.

Рики открыла глаза. Пару раз моргнула, морщась от яркого пламени вставленных в стены факелов, и только затем перевела взгляд на Стернса.

Гайлард выглядел странно. От бывшего высокомерия не осталось и следа, зато морщинок в уголках глаз и на лбу прибавилось. Но сколько бы их ни было, он всё равно оставался для Рики самым красивым мужчиной на свете. А вместе с тем, возможно, и самым нежным, заботливым, хоть часто необъяснимо вспыльчивым, но последнего Рики уже давно не боялась.

— Молчишь, словно язык проглотила, — выдохнул Гай и отстранился.

Рики тут же зябко поёжилась. Ей снова стало не по себе, ведь поселившийся прошлой ночью в сердце секрет жёг, кололся и рвался

наружу. Но вместо признания Рики выдавила:

— Как вы можете во мне сомневаться, если моя работа — защищать вас?

Гай ухмыльнулся.

— Защищать?

— Вы же для этого оставили меня около себя.

— А если я захочу чего-то большего? Ты сделаешь это?

Рики нервно сглотнула. О каком большем он говорит? Если о смерти ради того, чтобы он жил, то она уже много раз давала ему эту клятву.

— Я около вас дни и ночи, милорд, и делаю всё, что вы приказываете. Чего бы вы ни пожелали, я сделаю всё. Умру, если надо!

— Вот умирать как раз не надо, — быстро проронил Гай и снова тяжело вздохнул: — Он до сих пор мне снится...

— Он?

— Дракон. Снится, что мы стоим друг против друга, и в его поганой морде я вижу своё отражение. А ты стоишь за моей спиной, и это я защищаю тебя, а не наоборот.

— Это всего лишь сон. Бестолковый сон. Плод ваших бесконечных переживаний. Вы слишком часто вспоминаете о том, что произошло, и слишком много нервничаете. И вам не придётся меня защищать, если вдруг случится неладное. Обещаю. На острове я могла контролировать Сэма — смогу и в этот раз, если он до сих пор жив и нам повезёт напасть на его след.

Последние слова Рики дались тяжело: и уши покраснели, и ладони вспотели, и голос предательски дрогнул. А ещё голова сама собой повернулась на неистовое жужжание крупной мухи, залетевшей в обеденную залу через открытое окно и замершую на тяжёлой шторе. А что если это Сэм? Сожрал днём муху и теперь летает и за всем следит.

Рики подозрительно прищурилась. Насекомое уже кружило над головой лорда Стернса. Точно Сэм! Настоящая муха занялась бы объедками на столе.

Не надо было ему верить... ой, не надо! Хитрюга! Наплёл в три короба, усыпил бдительность, выиграл время и теперь подбирается к Стернсу, чтобы нанести смертельный удар. Не выйдет. Ни за что не

выйдет. Потому что Рики — не дурочка и всегда настороже. И именно это она сейчас и докажет.

Пальцы сами собой расчехлили нож. Холодная рукоять тут же напиталась жаром от ладони.

— Не двигайтесь, — пробормотала Рики, не отрывая взгляда от поганой мухи. Та, как назло, всё кружила и кружила и ни на миг не хотела замереть.

— Рики, — недоуменно выдавил Гай, заметив, как сверкнуло в свете свечей остро заточенное лезвие. — Рики, что ты делаешь? Ты в своём уме?

— Стойте, где стоите, милорд, — процедила сквозь зубы девушка. — Иначе я могу вас нечаянно задеть.

— Какая муха тебя укусила?

— Муха... та самая. Она только что села вам на плечо. Не шевелитесь, милорд, прошу вас. Сейчас я её... проткну!

И Рики ринулась прямо на Стернса, занося над головой нож.

Гай едва успел увернуться.

— Сумасшедшая! — выкрикнул он, выхватил нож и швырнул его на стол, к тарелкам с мясом. — Ты не защитишь меня хочешь, а прикончить.

— П-простите, — лепетала Рики, только в этот момент осознав, какой беды чуть не наделала.

— Это такая утончённая девичья месть за обычный поцелуй? С сопляком Элараном ты была сговорчивей.

— Вы думайте, что говорите, — буркнула девушка. — Я же сказала вам, что хотела прикончить муху на вашем плече.

— Ты точно не в себе. Какую ещё муху?

— Я подумала, а вдруг муха — это Сэм. Мы ищем мальчишку, а что если тот мальчишка и не мальчишка вовсе, а волк, кролик, крыса или даже муха? Как-то же умудрился он улизнуть от стражи на корабле. Нормальный человек через решетки не пролезет, а этот выкарабкался. Вам не кажется это подозрительным?

— Подозрительной кажешься мне ты, а вовсе не способность щуплого пацанёнка удрать от неуклюжих мордovorотов. Какую муху ты искала? Эту?

Гай ткнул пальцем в жирное насекомое, вскарабкавшееся лапками на кусок остывшей телятины. Рики кивнула. А наглая тварь тем

временем сползла с тарелки на деревянный стол и замерла на месте, раздумывая, куда направиться дальше. Долго бы она раздумывала или нет — неизвестно, потому что громкий хлопок тут же лишил её жизни.

— Готово, — бросил Гай и вытер ладонь о край своей куртки.

— Милорд, — выдохнула Рики и уставилась на мёртвое насекомое.

— Нож против мухи бесполезен. Запомни это.

— Но если муха — это...

— Ты должна быть готовой защитить меня от дракона, а не от комара. И это запомни тоже.

— Хорошо. — Рики почувствовала себя пристыженной.

— А ещё запомни, что я не терплю, когда меня сталкивают лбом с несмышленным мальцом, мысли и желания которого вертятся лишь вокруг того, как бы удачливее снять штаны. Поняла?

— Поняла, — ответила Рики, хотя совсем ничего не поняла.

Сердцем она чувствовала, что последнее было камнем в огород Эларана, но вот головой никак не могла определить, в чём именно была соль. Штаны и штаны. Они ей нужны были для Сэма. Они и сейчас лежат в холщовом мешке и ждут своего часа. Вот только Сэм... Рики бросила грустный взгляд на убитую муху.

Стернс взял в руки свечу.

— Вечер затянулся. Я устал и хочу лечь.

— Да, милорд, — всполошилась Рики, схватила со стола злополучный нож и заткнула его себе обратно за пояс. — Я вас провожу.

— Не надо. Я видел, ты голодная. Поешь, затем скажи слугам, чтобы всё тут прибрали. Тогда и приходи. Надеюсь, к тому времени я уже буду спать.

— Благодарю вас, милорд, — ответила Рики.

Дождавшись, когда шаги Гайларда стихнут и где-то наверху с шумом закроется тяжёлая дверь, ведущая в одну из спален замка, Рики подошла к столу, но не села за него и за еду не принялась. Вместо этого подцепила пальцами дохлую муху, взяла за прозрачное крылышко, подняла на уровень своих глаз и, внимательно смотря на неё, спросила:

— Сэм ты или не Сэм?

— Конечно, это не я.

От услышанного Рики вскрикнула, дёрнулась, выронила муху и обернулась. У стены, скрестив на груди руки, стоял Сэм и рассеянно улыбался.

— Т-ты?

Рики сделала шаг назад, оступилась и чуть не упала.

Сэм покачал головой.

— Ты и правда не в себе, если спрашиваешь! Тысячу раз прав был хмырь, с которым ты миловалась, пока у меня урчало в животе.

— Хмырь? — Рики с трудом заставила себя осознать, что под хмырём подразумевался наследник престола Нолфорта. — Миловалась?

— Угу.

Сэм оттолкнулся от стены и двинулся вперёд.

— К-куда? — набычилась Рики и раскинула руки в стороны, чтобы загородить выход в холл.

Но Сэм остановился около стола, дальше не пошёл и преследовать лорда Стернса не стал. Отодвинул кресло, которое не преминуло жутко скрежетнуть ножками по полу, плюхнулся на мягкое сидение, цапнул с тарелки большой кусок мяса и впился в него зубами.

— Какого... — Рики не находила слов.

— Вечно ты ворчишь, — промычал Сэм, усиленно жуя.

Рики подалась вперёд и чуть не распласталась по столу. Зато умудрилась вцепиться пальцами в блюдо с телятиной.

— Какого кабана недобитого ты тут расселся? И что вытворяешь?

— Что вытворяю? — Сэм прищурился. — Не видишь — жру!

И ударил ребром ладони по пальцам Рики так, что та взвизгнула и выпустила тарелку.

— Не мешай, — огрызнулся Сэм, скользнув голодным взглядом по остаткам еды.

Выбор был велик и оттого сложен.

— Так я и знала, что ты появишься, — шипела Рики, идя в атаку и чувствуя, как её тело напрягается, словно готовится к решающему прыжку.

Нет, она не позволит какому-то недобитому братом ящеру усыпить свою бдительность! Мясо он сюда пришёл есть — как же! Не телятина ему нужна, а лорд Стернс. Ух каким голодным взглядом повсюду шарит!

— Я есть хотел. Зря я раньше от каждого шороха вздрагивал, питался крысами и боялся пролезть на кухню и стащить объедки... Такая вкуснятина! То-то ты ко мне не торопилась. Наверно, сама всё сожрать хотела.

Последние слова Сэм выдавил кое-как, стараясь вместе со словами не выдавить и то, что было напихано в рот и за щёки.

Рики усмехнулась.

— Есть он хотел! Предатель. Договорились же, что я всё тебе принесу. Всё, что ты просил. А ты взамен должен от моего хозяина, как от огня, шарахаться. Таков был уговор, да? Таков?

Рики презрительно сплюнула на пол, а Сэм зашёлся кашлем. Картофелина оказалась слишком рыхлой и крупной, и пара кусков попала не в то горло.

— Чего раскудаhtалась? — спросил он, когда наконец смог членораздельно говорить. — Я ждал тебя. А ты не приходила. А из этого окна доносились такие запахи... Мой нос не выдержал. Вот я и прополз полевой мышью через дыру в стене, и сидел себе тихо в углу, облизывался. Оказалось, правильно сделал. Прозрел насчёт тебя. Не такая уж ты и хорошая.

Рики набычилась.

— Это кто здесь кудахчет?!

— Я думал, ты переживаешь за меня, собираешь в спешке и тайком от всех мне еду и одежду. А ты даже не торопилась!

— Я и правда переживала.

— Да тебя больше волновали слюни того хмыря и то, как он пачкал ими твою кожу. Вот тут и тут. — Сэм привстал и коснулся пальцами шеи и лица девушки. — Гадость. Проверни он такое со мной — меня бы стошнило.

«Стернс и в кошмарном сне с тобой такое не провернёт, — тут же подумалось Рики. — Скорее свернёт тебе шею. И пикнуть не успеешь».

— Не твоё дело, — осадил наглеца Рики. — Ты давай жуй быстрее, бери всё, что я тебе насобидала, и топай отсюда. Можешь ещё картофеля прихватить. Его сегодня много наварили.

Сэм скривился.

— Какая щедрая!

— Заботливая, — поправила Рики. — Пекусь о благополучии своего господина. Хочу, чтобы он был счастлив, здоров, долго жил и спал спокойно.

— Да видел я морду этого твоего господина! По ней и не скажешь, что он в печали. Сытый, сидит себе в тепле... — Сэм сглотнул и добавил: — тебя лапает.

Рики гневно зыркнула в сторону паренька.

— Следи за словами! Никто меня не лапал. А если и лапал, то тебе какое дело?

— Действительно, — Сэм фыркнул. — Какое мне дело? Какое дело до всего может быть тому, на кого объявлена охота и кто даже толком не понимает, кто он и в чём его вина?

Свечи, стоявшие в тяжёлых подсвечниках, затрещали громче обычного, и объятые пламенем фитильки беспорядочно заволновались, словно в комнату вдруг залетел ветер и принялся без спроса баловаться.

Рики облизнула сухие губы. Тот, кто сидел сейчас за длинным столом и жевал местами мягкое, местами жилистое мясо, совсем не казался ни страшным, ни опасным. Сколько ни присматривалась, сколько ни прислушивалась, Рики так и не смогла определить, в чём был подвох. Сэму ей хотелось скорее верить, чем обнажать против него оружие. Но стоило вспомнить о том, что произошло на острове, как Сэма тут же хотелось придушить, и вместе с тем Рики понимала, что её смелости не хватит даже на то, чтобы просто положить руки ему на шею. А уж сомкнуть... Брр.

Вот если бы рядом был Стернс... С ним Рики расцветала. С ним она чувствовала себя увереннее. С ним ей иногда даже мерещилось, что она красива, особенно если причешет волосы и почистит куртку от дорожной пыли. С ним... И ещё раз брр.

— Чего рычишь? Рысь, что ли?

Рики вздрогнула и очнулась от разношёрстных мыслей.

— А ты будто знаешь, как та рысь выглядит.

— Не знаю, но когда-нибудь обязательно узнаю. Подслушал в толпе, что страшнее зверя нет. Подумал, что если напьюсь её крови, то никто не посмеет больше против меня пикнуть.

Рики задумалась. А затем неожиданно для себя и Сэма схватилась за спинку стоящего рядом пустого кресла, отодвинула его и села. И

посмотрела пареньку в глаза. Серо-зелёные, они были точь-в-точь, как у того мёртвого лучника, чей облик забрал себе этот... Рики не могла подобрать нужного слова... этот Сэм.

— Послушай-ка, — Рики начала неуверенно. Она сама толком не понимала, что хотела узнать, лишь чувствовала сердцем: — Ты и прошлой ночью нечто такое рассказывал.

— Рассказывал.

— Получается, лизни ты хоть каплю чей-то крови, без проблем принимаешь облик того существа?

— Угу.

— Тогда чего ты о своей безопасности печёшься? Летай себе мухой по миру, радуйся жизни. Зачем тебе штаны?

Сэм вздохнул.

— Ох дура... И как тебя этот твой важный около себя ещё держит? Наверно, сам дурак, вот вы и спелись.

— А ну, цыц!

Рики замахнулась на Сэма, а тот мигом вжал голову в плечи и зажмурился. Удара не последовало, и Сэм осторожно приоткрыл один глаз. Рики уже не грозилась кулаком и не сверкала глазами, а просто сидела рядом, за столом, и водила пальцем по трещинкам в дереве, которые слуги раз в месяц обдавали кипятком, чтобы всякие жучки и паразиты в тех трещинах не плодились и не портили пищеварение хозяину, на старости сильно капризному.

— Эй, — виноватым голосом позвал девушку Сэм, но та не отвлеклась от своего бестолкового занятия и головы не повернула. — Я же говорил тебе, что, чью бы кровь я ни выпил, я вновь и вновь возвращаюсь к этому облику. Я бы и хотел от него избавиться, но словно прикован к нему.

— Но кровь дракона ты же не пил, — резко выдала Рики.

Сэм задумался.

— Не припоминаю такого.

— А в дракона тем не менее оборачивался.

— Хм.

— А до дракона сожрал все внутренности того бедняги, чьё лицо носишь. Это же помнишь?

— Это помню. Я тогда только родился и был очень голоден.

— Только родился?

- Вылупился из яйца.
- Ты цыплёнок, что ли?
- А вот сейчас ты меня оскорбила!
- А как прикажешь тебя называть?
- Как будто только цыплята вылупляются из яиц.
- А разве нет?
- Да ну тебя!

Сэм пододвинул к себе блюдо с солёными огурцами и зеленью и зачерпнул пятернёй рубленной петрушки с луком и чесноком. Раздосадованный, он сунул всё себе в рот и молча всем этим давился, следуя правилу, которое только что сам для себя придумал. Правило заключалось в том, что иногда лучше жевать, чем говорить, хотя, возможно, идея всё же принадлежала не ему, а он просто подслушал её в подворотне.

Когда последняя долька чеснока была проглочена и взгляд с голодного сменился на сытый, Сэм довольно выдохнул, отодвинулся от стола и покосился в сторону Рики.

— Неси, — буркнул он и тут же пояснил: — Мешок неси, в который ты мне всего насобидала.

— А ты и это подглядел.

— Пришлось. На слово тебе как-то с трудом верилось.

— Это почему же?

— Вдруг вместо штанов ты с десятков мужиков с копьями приведёшь. Поймать меня желают многие...

Сэм неуютно повёл плечами.

Рики хмыкнула.

— Знаешь, я тебе тоже не очень-то доверяю. А ну как я всё сделаю, откормлю тебя, одену, буду думать, что ты не опасен, а ты улучишь момент, когда все расслабятся и о тебе забудут, и напрыгнешь на моего хозяина?

Сэм недовольно вскинул голову и насупил выгоревшие на солнце брови, однако те придали его лицу выражение вовсе не суровое, а по-детски наивное.

— У меня была сотня... нет, тысяча возможностей это сделать, но я не использовал ни одну. Как думаешь, почему?

— Потому что я была рядом?

— Потому что мне нет до него никакого дела. Всё это я говорил тебе ещё ночью, но ты решила проверить меня ещё раз.

— И до сих пор какая-то часть меня твоим словам не верит.

— И что? Позовёшь стражников?

Рики встала и направилась в дверям.

— Сначала принесу мешок.

Путь от стола до дверей был короток: всего-то протиснуться между двумя креслами, на одно из которых было наброшено морковного цвета покрывало, обойти вытасченного из угла и поставленного в самом центре зала медного рыцаря, всего в пыли и с остатками паутины на кончике копья, а затем проплыть вдоль гобелена по всю стену, подкупающего пасторальным мотивом, который, по мнению лорда Альгервильда, благотворно влиял на пищеварение. Однако Рики не прошла и половины, как замерла на месте: кто-то торопливо шёл по длинному каменному коридору.

Рики обернулась к Сэму и приложила палец к губам, призывая молчать.

— Это лорд Стернс, — едва слышно прошипела она. — Ему надоело меня ждать — вот и пришёл.

— Какой же он нетерпеливый, — вкрадчиво и тоже едва слышно заметил Сэм.

— Тсс. Молчи, если хочешь жить. И полезай скорей под стол. Я заставлю всё вокруг стульями и потушу несколько свечей. Стернс ничего не заметит.

— Зачем под стол? Я же могу...

— Лезь, говорю! — паниковала Рики.

— Да я же могу...

— Тише!

Рики вновь приложила палец к губам и прислушалась.

Шум шагов нарастал.

Толкнув Сэма под стол, Рики завозила стульями, расставляя их так, что между ними и муха не протиснулась бы, а затем со всей силы дунула на свечи. На смену весёлым огонькам пришёл сизый дымок, и стол утонул в такой темноте, что даже тарелок на нём было не различить. Однако Рики этого показалось мало. Заготовив лавину разных слов, с которыми она решила обрушиться на Стернса, Рики потянула тяжёлую дверь и выскочила в холодный коридор.

— Вот так встреча. — Услышала она, и весь запас заготовленного улетучился из головы.

Перед Рики стоял с озадаченным видом помощник лорда Альгервильда.

Когда прибыли в Папоротниковую впадину, хозяйственный Бартл Блаан был в тот же вечер представлен Гайларду Стернсу. Правая рука Рея Альгервильда, человек, знающий всё и вся, просыпающийся до рассвета и не засыпающий, пока не сделаны все запланированные на день дела, Бартл претендовал на нечто большее, чем просто вечное следование за хозяином срединных земель и пожизненная зависимость от его настроения. Тем большим была дочь старика Рея — леди Росанна.

Слабая здоровьем, вечно бледная и редко улыбающаяся девушка всегда была одна. Из подруг у неё была только нянька, которая особым умом не блистала и всё больше спала, устроившись в тени разросшегося дерева, пока её воспитанница лениво вышивала, греясь на солнце. Чем бы в этот момент не занимался Бартл, он всегда улучал момент и подходил к дочери хозяина, дарил ей скромный букетик клевера и шептал какую-нибудь приятную дребедень.

Оба — Росанна и Бартл — знали, что вскоре им предстоит разделить друг с другом брачное ложе, оба в мыслях к этому готовились, но если Росанна старалась не загадывать далеко в будущее, где ей предстояло быть верной женой мужчины, что годился ей в отцы, то Бартл с самого начала видел себя владельцем Впадины, хоть нынешний был ещё в здравии, пусть и не полном.

Рики растерялась.

— Я... там... прибиралась... — Она рассеянно махнула рукой в сторону незапертой двери и виновато уткнулась взглядом в носы сапог будущего Папоротникового лорда.

Одет тот был наспех: рубаха не была заправлена в штаны, жилет не был застегнут, и лицо было помято, словно разбудили его совсем недавно и по какой-то крайней важности. Но что за важное дело могло быть такое в обеденной зале? Не холодное же мясо он пришёл сюда догрызать.

— Прибиралась, — с пониманием в голосе повторил Бартл и спросил: — В зале уже никого нет? Все ушли?

— Никого, — отозвалась Рики. — Лорд Альгервильд ушёл первым и давно отдыхает. Да и лорд Стернс уж час как поднялся к себе.

Бартл поскрёб щетинистый подбородок.

— Странно, — протянул он. — Служка прибежал весь взмыленный, сказал, что хозяин срочно хочет меня видеть. Я думал, раз он позвал, то, значит, ещё внизу.

— Нет. Тут его точно нет. Я и сама уже уходила, и свечи почти все погасила.

— И ты говоришь, хозяин давно отдыхает?

— Очень давно.

— Зачем же он тогда послал за мной?

— Понятия не имею.

— И во время ужина ничего такого странного не происходило? — не уставал допытываться помощник. — Лорд Альгервильд ушёл в настроении?

— В прекраснейшем, — воодушевленно отозвалась Рики, умолчав о том недоразумении, свидетелем которого так случайно стал старик Рей. — И ужин прошёл превосходно, и мясо повару удалось.

— Хм. — Бартл снова почесал шею. — Пойду тогда постучусь к нему в спальню. Если и там осечка, и мне суждено зазря разбудить господина, то выпорю служку.

— Правильно, — поддакнула Рики, желая скорее избавиться от дотошного болтуна и вернуться к Сэму. — Слуги должны в точности выполнять распоряжения и не самовольничать. А если позволяют себе вольность, то пусть и отвечают по полной.

Бартл удивлённо повёл бровями. С ним впервые разговаривали в такой манере. Тем более девчонка, чей статус был не выше тараканьего. Видимо, не сладка служба у Стернса — всем направо и налево достаётся крапивой, вот и дрожат по каждой мелочи. Может, стоит перенять манеру? Крапивы-то — полные поля. А то лорд Альгервильд последние годы стал слишком мягок к своим подданным, вот те и позволяют себе что попало.

— Доброй вам ночи. — Рики низко поклонилась. — А я загляну в комнату ещё раз да всё перепроверю. Вдруг чего не доглядела.

И бочком-бочком двинулась обратно к двери.

Бартл Блаан довольно хмыкнул. Местным слугам определенно не хватало такой ответственности, и помощник лорда Альгервильда в эту минуту твёрдо решил с завтрашнего дня взяться за их перевоспитание. Одобрительно кивнув, он развернулся и скорым шагом направился по коридору к лестнице, что вела на второй и третий этажи, к спальням.

Первое, с чем столкнулась Рики, войдя в обеденную залу, был лязг и стукание ножек кресел друг об друга и о пол: слышавший весь разговор Сэм торопился вылезти из-под стола.

— И стоило так волноваться? — проворчал он, отряхивая штаны от собранных с пола крошек.

— Учитывая то, кто ты, осторожность не помешает, — заметила Рики. — Подождём, когда он поднимется к лорду Рею, и потом я схожу за мешком.

— Подождём... — вздохнул Сэм, сел на стул, вытянул ноги и принялся с интересом наблюдать, как Рики размеренно шагала от медного рыцаря до стены и обратно, заложив руки за спину и уткнувшись взглядом в пол.

Это монотонное занятие продолжалось несколько минут, пока Сэм, наконец, не выдержал и спросил:

— Что-то не так?

Рики остановилась.

— Не знаю.

— Тогда чего подошвы сапог стираешь? Я слышал, сапоги на вес золота! Если тебе своих не жалко, то мне отдай.

— Да просто я... — Рики запнулась, — чувствую где-то здесь, — Рики положила руку на сердце, — что что-то не так.

— С мешком не так? Спёрли, что ли?

— Да не с мешком.

— С чем же тогда? Что может быть важнее мешка?

— С тем, что мне сказал этот Брантл... Баттл... как его? Ну, тот мужик сказал. Помощник тутошнего лорда.

— Ааа, — протянул Сэм. — Тот, у которого мыши прошлой ночью свечи погрызли?

— Откуда ты знаешь?

Сэм довольно заулыбался и гордо произнёс:

— Мне ли не знать? Одной из тех мышей был я!

Рики сокрушённо покачала головой, но упрёками не разразилась, а спокойно продолжила:

— Этот человек сказал, что лорд Альгервильд вызвал его к себе. Мол, дело важное и до утра не ждёт.

— Ну, может, он решил зерно в амбаре пересчитать. Дело и правда важное, ведь с прошлого пересчёта мыши погрызли прилично запасов.

— Ты и это знаешь? Тоже там был?

— Утром наведывался.

— Ух! — Рики недовольно покосилась в сторону паренька и даже почти занесла руку, словно намеревалась пнуть в него чем-нибудь тяжёлым. — Прибить готова.

— Лучше того громкоголосого прибей, из-за которого сама не своя. Ну, подумашь, разбудили его. Ну, подумашь, мешок с овсом прогрызен. Будет ещё урожай!

— Так ведь посреди ночи собрались об овсе горевать!

— Значит, важная вещь — этот самый овёс!

— Ох. — Рики схватилась за голову. — И кто из нас двоих теперь болван?

— Я что-то не так сказал?

— Еще бы! Сам подумай, раз разбудили среди ночи, то уж точно не об овсе пойдёт речь. А если не об овсе, то как бы чего страшного не произошло, о чём Стернсу бояться доложить и между собой перетирают. Хотя, — Рики смерила Сэма хмурым взглядом, — что может быть страшнее тебя?

Сэм вскочил со стула, в несколько шагов оказался у окна и выглянул.

— На улице тихо. Стража не вопит, горящие стрелы в нас не летят и конница тоже нигде не замечена. Может, всё же овёс?

— А, может, старик получил какое-то важное послание и не знает, что с этим теперь делать? Вот и хочет просить совета. Эх, чует моё сердце, неспроста он этого... не помню, как зовут... на ноги поднял. Неспроста. Узнать бы, о чём они шептаться будут. Вдруг что полезное.

— Так в чём же дело? — заулыбался Сэм. — Жди здесь и сторожи мясо. Вернусь — ещё поем. Я, знаешь, какой ненасытный последнее время! Но только ты жди! И пакостей никаких мне не подстраивай!

— Пакостей?

— Я про мышеловки, — буркнул Сэм и в один удар сердца превратился в маленькую серую полёвку.

Рики взвизгнула, прыгнула в кресло и поджала ноги. А мышка попробовала розовым носом прохладный воздух, юркнула к стене, слилась с темнотой и заскреблась по неровному камню.

Цепкие и крохотные коготки шустро хватались за выступы. Мокрый нос нащупывал запахи, коих в стенах Папоротникового замка, кроме сырости, было много. Ориентироваться нужно было на анис — именно анисовой настойки в спальне лорда Альгервильда было много. Ей пропитались не только постель и шкура у кровати, но и тканые картины на стенах, и даже мебель.

Кроме аниса по комнате витало множество других запахов, например, луговых трав. Этот аромат исходил от тягучей мази, что хранилась в большой банке, вечно открытой: с каждым днём ходить престарелому лорду становилось всё сложнее (а в свете последних событий даже побегать пришлось), поэтому наносимый на икры и ступни слой целебной мази с каждым разом становился толще и закрывать банку не имело смысла, ведь спустя буквально час придётся опять открывать её, нырять внутрь пятернёй и тонуть в вязком желе желтоватого цвета.

Маленький нос показался в спальне лорда Альгервильда в аккурат в ту самую минуту, когда заветная пузатая склянка была отставлена в сторону, а ноги старика Рея вытянуты и обвязаны плотной тканью, не пропускающей холод. Ни хозяин замка, ни его верный помощник не заметили, как у русалки, высокомерно взирающей на всё и вся с квадратного гобелена на стене, один глаз из изумрудно-зеленого вдруг стал розовым, а после совсем пропал, и в образовавшуюся на месте глаза чёрную дырку свесился очаровательный пепельно-серый хвостик. Но даже эта милая пакость осталась без внимания. Мышей в старой крепости водилось — не пересчитать. Следить за ними и травить их давно перестали и уж тем более равнодушно относились к ним по ночам в свете свечей, ведь последние берегли и ради грызунов не жгли.

Хозяйственный Бартл Блаан встал с края кровати лорда Альгервильда и укрыл ноги хозяина одеялом.

— Я думал, что-то стряслось, — пробормотал он. — Мальчонка прибежал весь в мыле, говорил, что срочно.

Старик Рей кивнув, елозя на простыне.

— Срочно. Иль ты и правда решил, что я вызвал тебя посреди ночи, чтобы ноги мне намазать?

Лорд Альгервильд зашёлся смешком вперемешку с кашлем.

— Вот что, — продолжил он, когда, наконец, остановился, — возьми вон тот стул, пододвинь его да сядь. Ближе. Я буду много говорить, но при этом хочу видеть твоё лицо и твои глаза.

Бартл в точности выполнил приказ.

— Жить мне осталось не долго, — начал лорд Альгервильд. Бартл попробовал было из вежливости возразить, но старик недовольно зыркнул в его сторону, и Бартл сдержался. — Странно, что я вообще дожил до таких лет. Всему причиной, видимо, что никто не додумался подсыпать мне крысиного яда в харчи да то, что ты должным образом заботишься обо мне, всегда приносишь нужную микстуру и мази.

— Вы мне как отец, — не выдержал Блаан.

— Вот как отец и спрошу, без стеснения, а ты как сын мне ответь, прямо и без увиливаний: что моя дочь, совсем дурна для тебя? Или есть шанс, что будешь любить её, баловать и не смотреть по сторонам на баб румяных и в теле?

Лицо хозяйственного Бартла заалело пуще свекольных румян на щеках тех самых баб, о которых почему-то вспомнил старый лорд.

— Молчишь? — взъелся старик. — Думаешь, я сам не вижу, что дочка моя и рядом не стояла с теми недалёкими девками, которые только юбку одёргивать успевают? Всё я вижу и всё понимаю, но Росанне хочу мужа верного, пусть и безродного, а не богатого и распущенного. Не такого, как Гайлард Стернс.

Бартл Блаан удивился.

Он бы и спросил немедля в лоб, если бы болтал по душам в питейной лавке где-нибудь в столице с равным ему по статусу приятелем, а не со старым господином, которому обязан всем и у которого не только ноги болят, но и сердце пошаливает, или если бы речь зашла о каком-нибудь Говарде или Лайале, или, на худой конец, о соседе, лорде Меггарде, хозяине богатых на разнотравье холмов и лесов, полных дикой земляники и малины. С герба дома Меггардов щетинился бурый медведь, а с флага злобно взирал клыкастый. Зрелище было мурашечное, но лорд Меггард внешнею был

страшнее. Всем своим видом он вторил гербу и знаменам, а нравом ничуть не уступал ни одному из косолапых.

Некогда Меггарды и Стернсы были очень близки: дочери одного лорда легко становились жёнами сыновей другого, и тракт от столицы до «берлоги бурого зверя» был весь истоптан лошадьми, столь часто туда-сюда ездили всадники и гонялись повозки. С тех давних пор Меггарды и Стернсы делили один стяг, но со временем рисунок изменился: у одного он оброс клыками и пиками, у другого — золотом и листьями счастливого четырёхлистника, счастья от которого, однако, было кот заплакал.

Шли годы, и прочно укрепившиеся на троне Стернсы уже не так охотно роднились с преданными Меггардами, а если и делали это, то в ход шла «седьмая вода на киселе». Меггарды бесновались долго, пока однажды прадед нынешнего хозяина малины и земляники не поднял тяжёлую бочку, от чего заработал себе грыжу и слёг. Намучившись с лечением, он оценил это как знак свыше, о родстве с королевской семьёй больше не заикался, просто засел у себя в каменной крепости и сидел там, считал мёд и запасы ягодной наливки. Последней ни с кем не делился, даже с королем. Но королевская семья простила своему подданному такое своенравие.

— Ты не ослышался. — Лорд Альгервильд опередил немой вопрос Бартла и жестом указал на подушки. Их нужно было поправить так, чтобы старик Рей мог удобно сесть. — И я не сбрендил, когда назвал то имя, которое назвал. Мой отец учил меня, что брак — святое дело, и я никогда не смел спорить с ним. Ни в мыслях, ни на деле. Как бы ни допекала меня моя покойная супруга, я терпел и не переставал любить её и уважать. Того же хочу и от тебя.

Рей Альгервильд перевёл дыхание и продолжил:

— Думаешь, я не мог подыскать Росанне кого подостойнее? Думаешь, её бледность и отсутствие писаной красоты могли бы мне в том помешать? Да реши я сосватать её за кого знатного, то подсуетился бы и договорился с рыжим бородачом Гилмором с заснеженных земель или с широкоплечими Лими. Да с теми же Меггардами, хоть мне и глубоко противна клыкастая морда на его щите. Но я выбрал тебя и всем вокруг вру, кто кроме тебя мою дочь никто замуж не берёт.

— Зачем же вы это делаете?

При всей своей хозяйственности и умении хорошо и быстро вести дела Бартл Блаан был ещё и непомерно прямолинеен. Эта черта характера порой вредила ему, но не сильно, так как идти против правой руки хозяина Папоротниковой впадины посмел бы только настоящий безумец или король.

Ночное откровение лорда Альгервильда лишило Бартла дара речи: за все годы службы он неоднократно уверял себя, что заполучил расположение господина за заслуги и за «сыновью» преданность. Но была какая-то ещё причина, и завеса тайны могла приоткрыться этой ночью.

— Я не такой дурак, как многие думают, — прохрипел Рей.

— Да кто же посмеет такое про вас думать?

— Кто? Кхе-кхе. Многие. Лими, Макселы, Меггарды, Стернсы... Да-да. Чего уставился, будто змею на моей шее увидел?

— В Меггардов и Лими поверю. Но в Стернсов — увольте. Все знают, что король видит в вас брата, а молодой Стернс — отца.

— А коль видит, чего породниться на захотел? Почему отказался принять Росанну в семью в качестве супруги своего глупого и самоуверенного племянника?

Лорд Альгервильд позволял себе неслыханную смелость, стоявшую на одной ступени с дерзостью.

— Так Росанна изначально предназначалась Гайларду Стернсу? — выдавил Бартл.

Старик поморщился, словно хлебнул скисшего молока.

— Нет.

Бартл Блаан облегчённо выдохнул.

— А я уж подумал...

— Свадьбу сыграем по осени, — отрезал Рей Альгервильд.

— Но, милорд, мы ждали совершеннолетия Росанны, а это произойдёт лишь зимой.

— А чего тянуть? Мне, может, остался месяц-другой, а так буду уверен, что умру, а дочь моя живёт с человеком честным, трудолюбивым, по сторонам не глазеющим... Верно ведь говорю? Ты же не глазеешь направо-налево?

Заниматься подобной ерундой Бартлу было элементарно некогда.

— Не глазею, — признался он.

— Это главное. Женись на моей дочери, живи с ней в согласии и счастье, владей Впадиной и приумножай наши богатства. Будь верен семье и не предавай то, что имеешь. Всё остальное временно — запомни это — и быстро отвернётся от тебя, когда настанет чёрный день. А теперь подай мне перо и бумагу, — неожиданно закончил хозяин.

Бартл вскочил с места.

— Мне придётся спуститься за ней на первый этаж.

— Так спустись, — проворчал Рей Альгервильд и проводил укоризненным взглядом помощника до двери. — И шкатулку с печатью захвати.

Бартл не заставил себя долго ждать, и в скором времени на коленях папоротникового лорда уже лежала гладкая дощечка с несколькими сероватыми листами. Сам Бартл стоял рядом, у кровати, держал в руках чернильницу и протягивал её время от времени своему господину, чтобы тот мог обмакнуть перо.

Лорд Альгервильд писал долго и буквы выводил старательно. Когда закончил, то сложил листок, вытащил из-под ночной рубахи ключик на веревочке, отпер им шкатулку, достал печать и скрепил края письма между собой так плотно, что захочешь заглянуть внутрь — не выйдет.

— С завтрашнего утра хорошенько наблюдай за Стернсом, — распорядился старик, — а ещё за девчонкой, что вечно с ним. Не нравится она мне... Откуда она только взялась? Как с неба свалилась.

— А письмо?

— Письмо? Ах, да. Письмо пока полежит у меня. — Лорд Альгервильд неожиданно сунул листок под подушку. — Пока Стернс здесь, отправлять его опасно.

— Зачем же вы так спешили написать его?

— Спешил, потому что ещё свежо моё негодование. День-другой — оно уйдёт, как уйдут и мои переживания за судьбу королевства и здравый ум её будущего правителя. Как только Стернс уедет, отвезёшь письмо куда следует, а пока глаз с молодого наследника не своди. И смотри не оплошай!

Последнее наставление было лишним, потому что Бартл Блаан никогда не плошал. А ещё он никогда не страдал излишним любопытством, зато славился завидной исполнительностью, поэтому

даже мухи в тот момент не сомневались, что приказ лорда Альгервильда будет выполнен без единого нарекания.

Болтовня хозяина и помощника длилась ещё минут десять. Старик Рей лениво поспрашивал о заготовке кормов для скота, а когда Бартл принялся в третий раз воодушевленно отчитываться о забитых хранилищах, сладко зевнул и захрапел. Осознание того, что хозяйство находится в верных руках, делало сон спокойным, а сердцебиение ровным и прибавляло несколько лет и без того длинной жизни.

Папоротниковый замок погрузился в сон. И если где-то и ворочался кто-то, и не мог сомкнуть глаз, то это было скорее исключение, чем правило. Спал хозяин, и спали слуги. Спал капитан Шеллинг, и даже — Эларан, во сне почему-то причмокивая губами. Спали даже мыши и крысы, набившие пузо до отвала, полакомившись помоями и объедками. Не спала только маленькая полёвка, которая перебегала из комнаты в комнату, из коридора в коридор, спускалась по пыльным гобеленам, оставляя на них отвратительные затыжки, пока наконец не добралась до обеденной залы и не ткнулась носом в нос сапога такой же сонной, как и все остальные в замке, Рики.

Противный скрежет отозвался неприятной болью в голове. Рики промычала что-то нечленораздельное, но глаз не открыла. Так и дремала, положив голову на руки, а руки — на стол. А затем раздалось чавканье.

Нехотя Рики приоткрыла один глаз и тут же села прямо, заморгала и похлопала себя ладонями по щекам. Спать было непозволительно, ведь на расстоянии вытянутой руки сидел Сэм и довольно и за обе щеки уплетал всё, что не успел съесть до того, как обернулся мышью.

— Я долго спала? — всполошилась Рики, украдкой оглядывая себя. Всё было цело, а из покусанного были только ногти, но в том виновата была сама Рики: слишком взволновалась, когда увидела, как Гай схватился голый рукой за крапиву.

— Угу. — Сэм булькнул вином, которое за ужином пил Стернс. — А ничего так, — оценил он.

— Эй! Как ты смеешь? Это вино самого лорда Гайларда!

— И? — Сэм снова булькнул.

— Оно не для таких, как ты.

— И?

— Вот же заладил! Перестань!

— А ты перестань сравнивать меня с тем хмырём. Я на час могу стать мышью, а могу — собакой. А он может? То-то! Так что ещё неизвестно, кто из нас двоих больше то вино заслуживает.

— Поставь на место, кому говорю! — зарычала Рики, вцепилась в кувшин и выдернула его из рук Сэма.

Того передёрнуло.

— Вот же зануда. И с какого перепуга я решил, что ты милая?

— Наверно, с того, что я — единственная, кто не начал на тебя охоту.

— Тогда это всё объясняет.

— Всё?

— Мою симпатию к тебе. Думаешь, ради кого-то другого я стал бы сидеть в провонянной анисом комнатёнке? Я ненавижу анис.

— А вино, значит, любишь?

— Вот сейчас попробовал и полюбил. Отдай кувшин!

Но Рики прочно засела с ним в обнимку.

— Сначала расскажи, что узнал. Что такого случилось, что старый лорд вызвал к себе помощника посреди ночи?

— Да ничего. Сидели себе, вздыхали, пару раз вспомнили твоего хмыря, а потом старик написал письмо и уснул крепко — пушкой не разбудишь.

Рики забеспокоилась.

— Вспоминали Стернса? Что конкретно?

— Я дословно не запомнил, но старикашка от его имени нос воротил. Так что хмырь твой не только мне не по вкусу.

— Ещё раз назовёшь Стернса хмырём...

— Молчу-молчу, — затих Сэм и проводил грустным взглядом не до конца опустошённое блюдо с едой, которое не без помощи Рики перекочевало на другой край стола.

— А письмо? — последовал вопрос, и Рики при этом жестом намекнула, что если пользы и от этого ответа не будет, то Сэму придётся вообще забыть о еде. — О чём писал лорд Альгервильд?

— Откуда ж мне знать? — возмутился Сэм. — Я — мышь, грамоте не обученная, тем более старикашка сразу сунул письмо себе под подушку. Так и храпит сейчас, придавив его головой. Не помял бы, а то, может, ценный документ.

Рики разочарованно вздохнула.

— Никакого толку от твоей разведки. А ведь твои способности могли бы оказаться лорду Стернсу полезны. Не будь ты, конечно... драконом.

Сэм дёрнулся.

— Да не дракон я! Который раз говорю. Не дракон! Смотри: даже пар изо рта не валит.

И Сэм вскочил с места, перегнулся через стол и со всей силы дыхнул на Рики. Кроме запаха мяса и квашеной капусты Рики не учуяла ничего и брезгливо помахала рукой перед носом.

— Но и не человек, — ответила она. — Так кто же ты? С такими-то умениями? Я вот так не умею. И милорд так не сможет, даже если выпьет.

Сэм урвал кость с блюда, контроль над которым Рики на секунду потеряла, резко отпрянул от девушки, шмякнулся обратно на место и принялся жадно обсасывать добычу.

— Умения... — ворчал он в перерывах, — какие, к мухам болотным, умения? Лазить по чужим спальням и подслушивать, у кого сколько зерна в амбаре?

— А чем плохо знать про зерно? Очень полезно... в определенных ситуациях.

— Твой Стернс совсем обнищал, что ли, раз чужие запасы ему интересны? Я думал, он — богач!

— Тьфу.

И Рики выругалась так смачно, что Сэм удивлённо покосился в её сторону.

— Ты и так умеешь?

— Я могу тебя ещё и треснуть по спине, если не прекратишь молоть чепуху и очернять моего хозяина.

— Сама сказала, мои умения могут пригодиться, вот я и уточнил.

— Про запасы, конечно, любопытно, но я послала тебя узнать, что за секретом таким старый лорд хотел поделиться со своим помощником, а ты...

— А я?

— Ничего не узнал и даже про письмо не выведал. Что в нём? Кому предназначено? С чего такая спешка, что понадобилось писать его ночью? Чует моё сердце, здесь что-то не так, тем более ты говорил, лорд Альгервильд сердился.

Сэм оторвался от кости и кивнул.

— Словами нехорошими твоего хмыря называл. Говорил, гулящий твой хозяин, словно кот по весне... Может, про гульки письмо было? Старику скучно.

У Рики зарделись уши.

— Какие гульки? Какой кот? Думай, что болтаешь, балбес несчастный!

— Докладываю подслушанное.

— И несуразными комментариями разбавляешь. Эх... — Рики обречённо махнула рукой. — Вот никакой от тебя пользы. Никакой. Ладно, сиди тут, а я схожу за мешком с вещами. Тихо сиди! И чтобы ни писка, ни треска, ни чавканья и никакого причмокивания!

И Рики сурово посмотрела на Сэма.

— Жду тебя, — буркнул тот и бросил кость на стол. А когда Рики скрылась в темноте холодного и пустого коридора, то тихонько и аккуратно пододвинул к себе блюдо с недоеденной картошкой и довольно облизнулся.

Глава 18. Меж двух огней

Во дворе не было ни души; все давно спали, и только пара лягушек веселилась в свете месяца, вальяжно развалившегося на безоблачном небе, и громко квакала, влюбляясь друг в друга. Однако Рики было не до лягушечьей лирики. В любой другой раз она остановилась бы, послушала, вспомнила деревню и брата, но в тот вечер все мысли были о Сэме, беспокойство и неуверенность зашкаливали, но где-то в глубине души всё же теплилась вера в искренность и честность это странного паренька.

Ржавые петли скрипнули, и Рики нырнула в царство соломы. Тут было сухо и тепло, а ещё темно и даже немного страшно. В голову опять закрались неприятные опасения, но долго им там пировать не пришлось: недремлющий месяц услышал тревожные мысли и участившееся биение сердца, заглянул в узкое окошко сарая и залил всё внутри таким ярким светом, что Рики на секунду зажмурилась. А когда открыла глаза, то сразу юркнула в угол, где заваленный вилами и косами лежал заветный мешок, вытащила его и, примостившись на кучке сена, развязала.

Всё было на месте: и снятая с пугала куртка, рваная по правому боку, зато целая в плечах, и широкая лента, годная, чтобы подпоясаться, и штаны Эларана, и даже туника Стернса, грязная от дорожной пыли и до сих пор хранившая его запах.

Рики вынула скомканную тунику, распрямила и провела рукой по ткани. Гладкая, та приняла робкие прикосновения и поспешила напомнить о своём хозяине. Воображение подхватило намёк и живо нарисовало в мыслях Рики тот самый овал лица и те самые глаза цвета хмурого неба, тот самый взгляд, иногда сердитый, но чаще печальный, те самые губы, сегодняшним вечером как никогда бледные, но такие нежные и чувственные.

Рики не удержалась и зарылась в тунику лицом. За нахлынувшие воспоминания стало стыдно и захотелось провалиться сквозь землю. Но воображение не сдавалось и рисовало картины за картинами, заставляя совесть бороться с сердцем, которое без устали ныло от непонятого желания. Такое с Рики происходило впервые, и новые

чувства пугали сильнее чернобородого страшили, которым в деревне бабки устрашали непослушных детей. Да что там страшила. Дракон в сравнении с ними был мирной ящеркой, которую погладить было не боязно. А ещё можно было пригрозить ей пальцем, чтобы лишний раз не разевала пасть и не выпускала смертоносный огонь.

Как он там сказал? Ему не по себе, когда её долго нет рядом, и ему плохо, когда рядом с ней другие? Перечислил всех, даже брата? Почему? Может, он столь изощренно насмеялся над ней? Иначе как ещё можно объяснить то, что он одновременно ненавидит тех, кто с ней любезен, и её, если она вдруг любезна с теми, кто её окружает? Как же всё запутано и сложно... И будет невероятно смешно, если все эти порывы — просто следствие его ночных кошмаров, его неуравновешенного характера и той боли, которую ему пришлось пережить в детстве и которая до сих пор его преследует.

Рики вздохнула и отняла тунику от лица. На сероватого цвета ткани остался след её влажных губ.

Надо было подниматься и возвращаться к Сэму. Кто знает, чего он там начудит, когда вылизет все тарелки и выпьет всё вино. Предаться волнительным мыслям всегда успеется, а вот управиться со странным существом лучше всего как можно быстрее.

Поёрзав на кучках сена, Рики встала на колени и принялась складывать заполученные где трудом, а где ласковым словом трофеи. Штаны, пояс, куртка — всё полетело обратно в мешок. Оставалась только туника, с которой Рики никак не могла расстаться. Пальчики блуждали по мягкой ткани и не могли отпустить, словно та была настоящим сокровищем. И когда они пошли на третий круг, дверь в сенник отворилась, и чья-то сильная рука схватила Рики за шиворот и потянула за собой на улицу.

— П-пустите, — заикалась Рики, пытаясь извернуться и увидеть наглеца, а заодно упиралась каблуками сапог в рыхлую землю. — Пустите же. Куда вы меня тащите? Если не прекратите, я всё расскажу лорду Стернсу!

— Рассказывай, — приказали ей и развернули лицом к себе.

Рики съежилась и подняла голову. Над ней высился Стернс.

Выглядел он странно.

Будь эта встреча для Рики первой, она бы ни за что не подумала, что перед ней наследник престола. Обычный мужчина, который мало

ли по какой причине решил выйти на улицу. Может, воздуха ему не хватает, может, ночью рыбалка лучше, может, забыл скотину привязать и спустился проверить, не разбежалась ли, а, может, просто лунатик, раз не спит и шатается по ночам. Хотя разве лунатик не может быть по совместительству наследником престола? Очень даже может.

— В-вы не спите? — проямлила Рики.

— Уснёшь тут, — выдохнул Гай и скользнул по девушке подозрительным взглядом.

— А зачем на улицу вышли? И даже не оделись как следует. — Рики кивком указала на нательную рубашку навыпуск, поверх которой даже жилета не было наброшено.

— Думаешь, мне так хотелось подышать воздухом? — язвил Гай.

— А нет?

— Представь себе.

— Зачем же тогда вышли?

— Да вот дёрнуло меня в окно выглянуть. А там маленькая такая, юркая девчонка перебежками от куста к кусту передвигалась. А затем зачем-то к сараю завернула. Что она забыла в сарае ночью? А?

— Так мне тоже не спалось. Вот и решила прогуляться, голову проветрить.

— До сенника?

— А хотя бы и до сенника.

— Одна?

— В смысле?

— Одна, спрашиваю, решила прогуляться?

— Конечно, одна! А вы что подумали? Как только вам не стыдно.

Гай сплюнул на землю.

— Просто хорошо тебя знаю.

В этот момент Рики сильно пожалела, что знакома с тем человеком, который сейчас высился перед ней, и что отлично осведомлена о его статусе и пропасти между ними. Иначе дала бы ему в глаз, как часто делала это в отношении Рина или Дени в деревне, и ни секунды не пожалела бы.

Месяц в небе снова пролил струю света на землю.

— Что это? — Взгляд Гая выхватил из темноты тряпки и мешок, что Рики сжимала в руках. — Дай-ка!

— Не дам! — Рики мёртвой хваткой вцепилась в «сокровища».

— Рики!

— Уберите руку, не то укушу!

— Да что с тобой? Покажи, что там у тебя.

— Не покажу.

Но с силой Стернса было не совладать.

Охапка поношенной одежды была выволочена на лунный свет и развёрнута. Опустив голову, Рики тихонько шмыгала носом, готовясь к расспросам, и те не замедлили последовать.

— Что это? — выдавил Гай, брезгливо подцепил пальцами штаны Эларана и приподнял их.

— М-милорд, — заикалась Рики, лихорадочно придумывая оправдание. Надо было заранее продумать, просчитать все варианты, а она... Как всегда недальновидна и глупа и совсем не думает о последствиях.

— Только не говори, что эти портки от мальчишки Стендена.

Рики сглотнула. И что он так к этим штанам привязался? Чем пояс или та же куртка хуже? Или бы вот хоть на свою тунику обратил внимания... Кстати, а где туника-то?

Рики в момент перестала хлюпать носом и зашарила взглядом по холодной земле. Туники нигде не было. Рики это точно знала, ведь она узнала бы эту вещицу среди тысячи ей подобных. Она знала на ней каждую складочку и каждый стежок, дорожила ей больше всего на свете и сейчас так бездарно потеряла.

Рики вскочила на ноги.

— Милорд, — внезапно уверенно и даже с приказными нотками в голосе сказала она, — стойте здесь и не двигайтесь! А я сейчас. Слышите? Никуда не двигайтесь!

Потерять тунику было непозволительно. И ещё непозволительнее было не проверить по горячим следам, а не выпала ли та случайно из рук и не лежит ли в сарае в кучке сена, пропитываясь ароматом мёда и трав. Выяснить это требовалось незамедлительно. А потом можно будет и нагоняй от Стернса получить. В конце концов, те нагоняи не так и страшны. С ней он почему-то бушует только на словах, зато с остальными... И Рики твёрдо решила, что в этот раз поколотить беднягу Эларана она не позволит.

Месяц снова пришёл на помощь — скрипнув дверью и заглянув в сарай, Рики увидела сваленное во всё ту же огромную кучу сено,

залитое лунным светом.

Туника была замечена сразу. Она действительно валялась почти у порога, смятая и укрытая пучком соломинок. А рядом с туникой лежало ещё кое-что.

Рики прищурилась и присела на корточки. Осторожно провела рукой по находке, чтобы убедиться, что зрение её не подводит и на дощатом полу лежит действительно то, что ей показалось изначально. Той странной вещицей было письмо. Обычное, составленное на дорогой бумаге, скреплённое печатью. Вот только Рики могла поклясться, что до того, как Стернс вломился в сарай, этого письма не было. Письмам среди сена не место — это знал каждый. Но Рики больше занимало не то, что письмо вообще оказалось в сеннике, а то, как оно тут оказалось.

— Ку-ку, — огорошили возбужденным шёпотом над головой, и Рики побелела от страха, резко вскочила на ноги и локтем врезалась во что-то мягкое.

— Ой, — простились тихонько и уже совсем не возбужденно.

Рики обернулась.

— Снова ты... — выдохнула она прямо в макушку скрючившемуся от боли Сэму.

— Снова я, — пробормотал тот. — Хоть бы извинилась. Больно же...

— Больно ему... Ишь! Не надо было подкрадываться и пугать. Я же сказала ждать меня в замке. Из-за какой кикиморы ты сюда приперся?

— Из-за тебя, — продолжал скулить Сэм.

— Какая я тебе кикимора?!

— Всё может быть. Не порядочная девушка точно. Порядочные локтями не машут.

— Говорила же: на надо пугать. И не ной. Мой хозяин, когда ты в драконьей шкуре его до мяса и костей покоцал, не ныл, а ты схлопотал немного в живот — и сразу сопли.

— Хочешь на себе испробовать, каково это?

— Не хочу. Хочу, чтобы ты убрался скорее обратно в замок и ждал меня там, где договаривались.

— Я же хотел как лучше.

— Что именно? До смерти меня напугать?

— Да нет же. Я про это. — Сэм кивнул на письмо у ног Рики. — Чтоб больше не говорила, что от меня пользы нет.

У Рики перехватило дыхание. И как она сразу не обратила внимание на печать? Ведь папоротниковый лист на ней столь огромен, что только слепой не заметил бы.

— Ты... у... ук... украл его? — Даже нужное слово с трудом срывалось с губ.

— Делов на пару секунд, — хвастал Сэм. — Старик так храпел, что не проснулся бы и от топота копыт. Что говорить о бесшумной мыши? Вскарабкался по одеялу к нему на постель, сунул нос под подушку, цапнул зубами бумажку и аккуратно вытащил. Потом просунул под дверь, сам пролез, чуть пузом не застрял кстати, а там уже обернулся человечком и — к тебе. Думал, ты обрадуешься, а ты — локтем. А у меня там, — Сэм ткнул себя пальцем в живот, — мясом все углы забиты.

— Какой запасливый, — съязвила Рики. — И вправду мышь.

Сэм кивком указал на письмо.

— Ты давай читай. А то надо ещё успеть до рассвета вернуть его на место.

— Читать?

— Ну да.

— Болван.

— Что опять не так?

— Мне, может, и интересно, что в том письме, но прочесть его я никак не могу.

— Почему?

Рики вздохнула.

— Ты печать видел?

— Эту блямбу?

— Именно. Чтобы узнать, что в письме, надо вначале сорвать печать.

— Так сорви. Или могу я.

Сэм нагнулся, но Рики перехватила его руку.

— Стой. Сорвать — ума не надо, но обратно мы печать уже никак не склеим. Старик проснётся, найдёт вскрытое письмо и что подумает?

— Подумает, что он так усиленно водил рукой под подушкой, что сам ту блямбу и сломал.

— А если заподозрит, что кто-то то письмо ночью выкрал и прочитал?

— Хм... Как всё сложно.

— И опасно. Не будем вскрывать. У меня предчувствия нехорошие.

— Но я так старался...

— А я не просила.

— И всё-таки ты невыносима.

— Ты, знаешь ли, тоже.

— Зато твой хмырь, наверно, идеален. Он, между прочим, стоит там, на улице, и дрожит. — И, уловив немой вопрос во взгляде Рики, Сэм добавил: — Там ветер поднялся.

— Ох, а я и забыла про милорда.

— Ах, он бедненький!

— Я пошла. А ты, — Рики нагнулась, схватила тунику Стернса и сунула её Сэму, — возьми это, затем отнеси письмо на место и возвращайся в обеденную залу. Я скоро к тебе приду.

Рики дотронулась до двери и уже было почти открыла её, как Сэм вдруг преградил девушке путь и резким движением закрыл дверь.

— Ты чего? — удивилась Рики.

— В голову одна мысль пришла.

— Потом скажешь. Дай выйти.

Рики снова попыталась открыть дверь, но Сэм снова оказался проворней и снова её захлопнул.

— Нет, сейчас.

— Сейчас меня ждут.

— Знаю. Но то, что хочу сказать, не менее важно.

— Ну?

— Предлагаю сделку.

— Сделку? Мы её заключили вчера ночью, ты забыл? Я кормлю тебя и одеваю, а ты исчезаешь навеки, и мы о тебе больше не вспоминаем.

— Другую сделку. Старая меня больше не устраивает.

— Ты хозяйского вина перепил?

— Не исключено. Но настроен я серьёзно.

— Потом расскажешь.

— Нет, я хочу сейчас. Давай договоримся, что я не высовываюсь, не создаю проблем, не мельтешу перед носом твоего хмыря, веду себя неприметно и сижу тише мыши, а ты...

— Пока что ты ведёшь себя, как слон, а вот тише мыши совсем не получается.

— Не перебивай.

— Ну?

Сэм открыл было рот, но подталкиваемая силой ветра дверь вдруг приоткрылась, и Сэм снова дал по ней со всей силы, захлопывая. Вышло чересчур громко и мощно, и вилы, стоявшие у входа, не выдержали, пошатнулись и грохнулись на пол.

Рики вжала голову в плечи.

— Ты что творишь? — зашипела она.

— Случайно же, — тоже шёпотом заскулил Сэм.

Однако что сделано, то сделано, и спустя некоторое время в дверь постучали, и до Рики с Сэмом донёлся голос Стернса.

— Рики?

— Ответь, — цыкнул на девушку Сэм и легонько пнул ногой, выводя из секундного замешательства. — Не молчи.

Рики молитвенно сложила руки.

— Не шуми. Прошу тебя.

— Рики! — Снова голос Стернса, в этот раз раздражённый и требовательный. — Что случилось?

— Всё хорошо, милорд, — зашебетала девушка тем самым тоненьким голоском, услышав который, становится безоговорочно понятно, что по ту сторону двери, стены или ещё чего всё совсем не хорошо и вмешаться следует незамедлительно.

Дверь в очередной раз приоткрылась, но Сэм тут же навалился плечом. Дверь тут же с хлопком закрылась и, кажется, зарядила Стернсу по носу.

— Болван! — Рики злобно плевалась на Сэма. — А ну, брысь!

— Не уйду, пока не договорим.

— Мы точно не договорим, если будешь продолжать вытворять пакости, потому что когда сюда ворвётся Стернс, то он свернёт тебе шею!

Сэм дразняще поцокал языком и придавил дверь уже всем телом и вовремя: та как раз заходила ходуном от попыток стоявшего по ту

сторону Гайларда её взломать и ворваться внутрь.

— Рики, что за шутки? — вопил Гай. — Открой немедленно, иначе я разнесу здесь всё!

— Сейчас, милорд, — пискнула Рики и чуть не заехала ухмыляющемуся Сэму по шее. — Засов заело.

По двери со всей силы долбанули кулаком, а после ещё и ногой. Сэм дёрнулся, но устоял.

— Живо становись мышью и шуруй отсюда, — злилась Рики. — И письмо с собой прихвати, и не глупи так больше. Об остальном поговорим позже.

— А точно поговорим? — спросил Сэм. Его спина и плечи придерживали хлипкую деревяшку и терпели удар за ударом.

— Точно. Я своё слово держу. И ты держи. Тогда и жить дольше будешь. Понял?

— Попробую тебе поверить... Но! — Сэм схватил Рики за руку, сжал и посмотрел девушке в глаза. Какого те были цвета, в лунном свете Рики не разглядела, зато боль на запястье почувствовала и слова запомнила хорошо: — Если опять меня обманешь и без меня начнёшь жрать мясо, то приду к твоему хмырю и всё ему выложу. Пусть лучше сдохну от его руки, чем от голода.

— Тогда тебе точно долго не жить. Стернс лично тебе голову открутит.

— Мы ещё посмотрим, кто кого, — протянул Сэм, разжал пальцы и обернулся мышью. Та махнула хвостом и зарылась в кучку сена, после чего или удрала на улицу через дырку в стене, или затаилась в углу, за остро наточенной косой, где её не было видно.

Лишившись подпорки, дверь распахнулась. В сенник влетел Гай. И Рики снова подумалось, что лорд Стернс (тот самый лорд Стернс, от одного имени которого трепетал не только простой, но и знатный люд) в эти минуты менее всего походил на господина, сравнимого разве что только с божеством. Зато на ревнивого мужа, застукавшего жену с любовником на сеновале, — вполне.

— Милорд, — проронила Рики и носом сапога протолкнула под кучку соломы тунику, выпавшую из рук и всеми забытую.

Стернс огляделся, прошарил взглядом по всем углам и даже по потолку.

— Ты одна?

— Конечно.

— Но я слышал голоса.

— Это ветер завывал в щелях.

— Я знаю, как воет ветер.

— Да? Ну, тогда я сама с собой разговаривала. Я, знаете ли, иногда болтаю сама с собой о том о сём. Вы разве не замечали? Нет? Ой, как много вы ещё обо мне не знаете!

— Почему ты мне не открывала?

— Так засов же заело.

— Рики!

Этот окрик не сулил ничего хорошо. Рики это чувствовала сердцем, кожей, кончиками пальцев и даже уголками губ. Когда Стернс произносил её имя таким тоном, значить это могло только одно — она окончательно завралась, и он её раскусил. Но выбора не было, и Рики скорчила невинную гримасу, подняла голову и уставилась чистым взглядом на Гая, пару раз глупо при этом взмахнув короткими ресницами. Эх, будь у неё чёрные и длинные, как у красавицы леди Мириан, она бы вмиг растопила лёд в сердце того, кто хмурился напротив, а так оставалось только уповать на небольшую передышку, а затем соображать, как быстрее делать ноги.

— Да, милорд?

— Рики, — всё тем же разоблачающим тоном повторил Стернс, — с этой стороны на двери нет засова. Он только снаружи.

Что же, заговорщик из Рики оказался никудышный.

— Я вам сейчас всё объясню, — смочив сухое горло слюной, выдавила девушка и зачем-то сделала шаг назад, словно пятилась в страхе к окну.

Стернс тут же сделал такой же шаг вперёд. И не один, а целых два, сократив расстояние. Сделал бы третий, если бы под сапогом что-то не хрустнуло и Стернс не убрал бы ногу, и не принялся щуриться, внимательно разглядывая во тьме то, во что он вляпался. А когда надоело путаться в догадках, то просто наклонился, провёл ладонью, словно смахивал крошки, поднял на свет, и Рики потеряла дар речи: пальцы Гая крепко сжимали письмо, которое стащил у старика Альгервильда Сэм и которое он забыл забрать, а сыпящиеся на доски крошки были ни чем иным, как раздавленной печатью папоротникового лорда.

— Что это? — недоуменно спросил Гай, сломал остаток печати и развернул лист.

Рики зажмурилась.

Перед глазами живо предстало выражение лица Гайларда, когда тот читает, что написал о нём «заботливый» старик. А ведь если взвесить, то что с того, что лорд Стернс поддался необдуманному порыву? Он, как и все, обычный человек и иногда допускает ошибки. Тем более он сам уже ту ошибку понял, и ему наверняка не по себе, что опустил столь низко и расчувствовался перед безродной девчонкой. От этих мыслей и не мог уснуть, и в окно пялился. Ему бы успокаивающего отвара из ромашки выпить, а не письма читать, которые только и могут что масло в огонь лить.

Окончательно уверовав в правоту собственных мыслей, Рики накинулась на Гайларда с криком:

— Отдайте!

Гай успел поднять руку с письмом высоко над головой. Хоть сто раз прыгай, Рики всё равно не под силу достать. Брат так же раньше издевался, не позволяя сестре дотянуться до сладких калачей или просто ароматной булки. Но с братом было проще: на помощь девушке приходила щекотка. Но Стернса же не будешь щекотать.

— В чём дело? — спросил Гай.

— Отдайте, милорд, — умоляла Рики. — Это моё письмо.

— На нём печать лорда Альгервильда. С какого перепуга оно твоё?

— Но и не ваше. Оно ведь не вам предназначено.

— По-твоему, это может помешать мне его прочесть? Может, я ещё и со стыда от такого поступка сгореть должен?

— Что вы, милорд! Но всё равно отдайте!

— Что-то мне всё это не нравится...

— Ой, и мне тоже... Так отдадите?

— Тогда ответь, как оно попало к тебе.

Рики тяжело вздохнула и опустила голову.

— Я его украла, — сверля взглядом усыпанный соломой пол, соврала она.

— Зачем?

— Не спрашивайте, милорд.

— Рики, я хочу знать всё. Если до лорда Альгервильда дойдёт, что ты рылась в его вещах, он тебе голову в тот же миг открутит. И я буду единственный, кто сможет это предотвратить. Ты понимаешь? — Рики кивнула. — Поэтому я должен знать всё.

— Мне так неудобно, милорд...

— Без головы, конечно, ходить будет удобнее.

— Но это всё из-за вас!

— Ты начала красть из-за меня?

— Когда вы оставили меня в обеденной зале, я случайно подслушала разговор лорда Альгервильда с его помощником. — Рики выкручивалась, как могла. — Старый лорд был очень расстроен тем, что ему не посчастливилось увидеть.

Гай наморщил лоб, вспоминая.

— Ты о...

— Только не произносите вслух! — вскрикнула девушка. — стыдоба-то какая! Я даже не знаю, с чего мне теперь краснеть больше: с того, что стала воровкой, или с того, что теперь не смогу смотреть в глаза ни почтенному лорду, ни его людям, ни тому человеку, для кого написано это письмо.

— Смотри в глаза только мне, — отрезал Гай. — А я уже буду иметь дело с остальными.

— Но ведь у вас из-за меня могут быть проблемы!

— Это не твоё дело.

— Будь по-вашему, милорд. Но всё же верните письмо.

Гай присвистнул.

— Теперь я тебе его и подавно не отдам. Всегда хотелось узнать, что обо мне сплетничают за спиной.

Рики с досады закусил губу.

Гай опустил руку. Это был шанс.

Прыжок удался, и ему позавидовала бы любая рысь. Четкий, стремительный, прямо на цель, вот только цель оказалась проворнее, и сильная рука снова взметнулась на головой, унося порядком измятый листок подальше от тоненьких пальцев и худеньких рук.

Удар пришёлся Гаю на грудь, а Рики — на правую щёку. Хорошо, что Стернс был в одной тунике, иначе Рики в ту же секунду ободрала бы кожу о металлические застёжки. Но если с лицом всё сложилось отлично, то вот со всем остальным — нет.

Потеряв равновесие, Рики судорожно принялась хвататься за всё, что было рядом. Однако выбор был невелик. Точнее, из всего выбора был только Гай, и Рики вцепилась в него со всей силы. И снова вышла осечка. Пальцы ухватили лишь тонкую ткань одежд Стернса, та затрещала, Рики с перепуга вцепилась сильнее, но падения было уже не миновать. Увлекая за собой Стернса, Рики рухнула прямо в сердце огромной кучи сена, и тысячи мелких сухих соломинок взметнулись к перекладинам у крыши, а затем принялись плавно оседать обратно, засыпая собой всё вокруг.

— Рики... — шипел Гай, отплёвываясь сеном. — Рики, чтоб тебя... Тьфу. Гадость.

Рики смахнула соломинки со своего лица и шеи, но несколько запало за воротник, и там сейчас всё неприятно чесалось.

— Простите, милорд, — бормотала девушка, выкарабкиваясь из вороха сушеной травы и думая лишь об одном. — Простите. Такое больше не повторится. Никогда. Обещаю. Только... — Рики шарила взглядом по иссушенным стеблям, запахом напоминавшим о горячем солнце и жужжащих пчёлах в поле. — Только отдайте... мне...

Оброненное письмо лежало совсем рядом, и Гай и Рики посмотрели в его сторону одновременно. Одновременно и дёрнулись к нему, но Рики плюхнулась на злополучную бумажку на секунду раньше и накрыла её всем телом.

— Не толкайтесь! — Рики фыркнула на Стернса. — Моё!

— Рики... — Гай снова сплюнул сеном. — Не упрямься.

— Уберите лучше соломинки с лица. Они у вас и над губой, и на щеках.

— Из-за тебя я сожрал этой гадости больше, чем мяса за ужином.

— Ай-яй-яй. Совсем не королевская еда.

— Не паясничай.

— Я даже слова такого не знаю.

— Не сомневаюсь. Вот же...

Гай склонился над Рики.

— Милорд, что вы делаете? — запаниковала та, продолжая, распластавшись, лежать на животе, всем своим весом прижимая письмо к дощатому полу и кучке соломы.

— Пытаюсь сдвинуть тебя, а ты что подумала?

Его горячее дыхание было прямо у мочки её уха, а колючая щека — у её щеки, гладкой и не привыкшей к подобному. Касания его рук доводили до мурашек, а низкий, с лёгкой хрипотцой, голос туманил рассудок и легко брал в плен любую женщину, тем более Рики, но только не в эту минуту.

— Милорд, я всё равно не встану и письмо вам не отдам, — выдавила девушка и зарылась носом в сено.

Гай сдвинулся в сторону.

— Тогда я подожду, когда ты уснёшь.

Рики подняла голову, помотала ей в стороны, смахивая прилипшую траву.

— Ха! Вы уснёте раньше. Вы за ужином столько вина выхлестали. Полчаса продержитесь, а потом вырубитесь — пушкой не добудишься.

— Ты, видимо, забыла, что я страдаю сильной бессонницей. Хм, в коем-то веке она мне пригодится.

— Когда я рядом с вами, вы храпите, как целый полк.

— Чего? — От удивления Гай приподнялся на локте.

— Да-да, я вам льстить не собираюсь. Говорю всё, как есть.

— Как целый полк, значит, — процедил Стернс. — Ну, хорошо...

— Ничего хорошего, потому что тогда от вашего храпа не могу уснуть я.

— Тогда так.

Рики услышала шевеление по правую руку и робко покосилась в ту сторону. Расслабляться было нельзя.

— Вы отодвинулись, что ли?

— Угу. Теперь ты не рядом, значит, я не усну. Значит, буду ждать, когда ты наконец выдохнешься.

— Вы всё равно слишком близко. Двиньтесь ещё.

— Да чтоб тебя... — Гай выругался.

— А теперь далеко. Я не вижу вашего лица.

— Зато я тебя хорошо вижу.

— И мы, что же, пролежим так до самого утра?

— Всё зависит от тебя. Я могу и до следующей ночи лежать.

— Всё равно не отдам! — безапелляционно выдала Рики и снова нырнула с головой в солому.

Рики возюкалась ещё долго: время от времени шмыгала носом, иногда выплёвывала крохотных жучков, решивших зачем-то перекочевать с сена к ней в рот, часто елозила на месте, глупо моргала ресницами, а потом всё же не выдержала и пару раз широко зевнула. И тут же вслушалась в тишину. Не заметил ли Стернс?

Но нет. С его стороны всё было тихо, и Рики позволила себе зевнуть ещё разочек. Потом ещё и ещё, пока окончательно, совершенно не отдавая себе в том отчёта, не обмякла.

А потом её волос нежно коснулись уже знакомые руки, заправили пару прядей за ухо, провели пальцами по шее. Знакомые тёплые губы дрогнули рядом со щекой. За первым поцелуем последовал второй, за вторым — третий. Они не прекращались и с каждым разом наполнялись всё большей нежностью. И Рики им не противилась. И на душе не скребли кошки от мыслей, что кто-то может те поцелуи подглядеть, а затем растрезвонить на весь Нолфорт. Сердце было спокойно, а если и билось бешено, то не от тревоги, а от дыхания одного-единственного человека, с которым ей посчастливилось быть вместе.

Рики перевернулась на спину. Стернс был рядом — она это чувствовала. Ведь он водил пальцами по её лицу, словно рисовал его, а затем тихонько позвал:

— Рики...

По телу разлилась приятная теплота. Отчего-то стало так уютно, что захотелось, чтобы это волшебство продолжалось вечно. Уголки губ растянулись в лёгкой улыбке, а реснички дрогнули, прогоняя из глаз несколько слезинок удовольствия. Рики зашумела соломой, повернулась к Гаю и... в страхе отшатнулась от него!

Его лицо было бледным, как у мертвеца. И пальцы на обеих руках тоже были бледными и холодными. Серебристая в лунном свете туника была залита чем-то мерзким и липким, по запаху напоминающим ржавые засовы на городской стене, а взгляд был стеклянным, и губы чуть слышно и на последнем входе шептали:

— Рики...

Рики забарахталась в соломе.

— Милорд... как же так... что произошло?

Сердце стучало быстро и громко, руки дрожали, страшась прикоснуться к чёрным лужицам на полу...

Рики бросило в жар, а в глаза вдруг ударил яркий свет. Настолько яркий, что Рики не выдержала и зажмурилась. А когда перестала щуриться, то первое, что увидела, было залитое солнечным светом сено. Вторым был почему-то капитан Шеллинг. Он стоял, склонившись над девушкой, чуть теребил рукав её куртки и тихонько повторял:

— Рики... Проснулась, наконец.

Холодным потом прошибло основательно. Рики попыталась сесть, но чья-то рука, обнимавшая её за талию, это сделать не позволила, и девушка шмякнулась обратно на солому.

Рядом сладко промычали. Рики повернула голову.

Стернс был жив, лежал, прижавшись, одну руку подложив себе под голову, а второй обхватив Рики, и даже коленом упирался ей в бедро. Его туника была цела и не запачкана, никаких лужиц и пятен крови нигде не было, да и сам лорд Гай был вовсе не бледен, дышал ровно, и его ресницы во сне подрагивали так, словно ему снилось что-то безумно увлекательное.

— Но... — промямлила Рики, — как же так?

Это был сон? Ночной кошмар, какие часто случаются, если на ночь переест? Бесстыдные поцелуи и истекающий кровью Гайлард ей приснились? Ну, мёртвый хозяин то точно, ведь сейчас он лежал рядом цел и невредим. А вот как быть с поцелуями? Судя по степени близости лорда Стернса, они вполне себе могли иметь место.

А письмо? Это тоже был сон? Рики в панике принялась водить рукой по селу, однако нащупать нужного листа нигде не смогла.

— Мы искали вас всё утро, — проронил капитан, переведя взгляд с Рики, перерывающей солому, на спящего Гайларда. — Стража с ног сбилась, лорд Альгервильд в панике. Как вы здесь оказались?

— Здесь... — Рики в замешательстве позабыла все слова и попыталась отдалиться от хозяина, но не вышло. Его рука обнимала её крепко, и ей было не выбраться, не разбудив его. — Мы здесь случайно... встретились. Не стоило волноваться. Лорд Стернс любит по утрам поспать подольше.

— Уже почти обед, — заметил в ответ Шеллинг, и Рики закусила губу.

Помощь пришла неожиданно.

— Ну, обед, и что?

Тяжёлая рука соскользнула с талии Рики. Гайлард потянулся, сел, тряхнул головой, освобождаясь от соломы, прицепившейся к прядям.

— Мы думали, с вами что-то случилось, — зачастил капитан, поклонившись. — Искали повсюду. Всё перерыли. Я в сенник случайно заскочил... А вы тут.

— Здесь крепко спалось, — отрезал Стернс, — пока ты не вломился.

— Простите, милорд, — выпалил Шеллинг, а сам снова оглядел господина и тут же сделал вывод, что одет тот был не подобающе. В таком виде скорее навевываются к любовницам, но сеновал как место встречи двух влюблённых не подходит Стернсу. Для простолюдинов сойдёт, для слуг тоже, но не для наследника престола и его пассии. Впрочем, если пассия — ещё та деревенщина, то... И капитан украдкой посмотрел на Рики.

— Надеюсь, причина, по которой меня разбудили, существенна? — проворчал Гай и поднялся, оперевшись на руку Эйдана.

— Жители из ближнего к замку поселения сказали, что видели в поле мальчишку. По описанию он очень похож на паренька, которого вы ищете. Мне об этом доложили привратники, и я поспешил донести вам. А вы...

— А я в сене валяюсь, — закончил за Шеллинга Стернс, и капитан почему-то смутился.

— Простите, милорд.

— Седлай лошадей, — отчеканил Гай. — Проверим, что за пацанёнок такой и откуда вылез. Но чую, опять осечка будет. Этот гад как сквозь землю провалился.

Капитан кивнул и заторопился на улицу. Солнце было уже высоко, и надо было успеть наведаться в деревеньку и до заката вернуться в замок.

Когда входная дверь скрипнула, затворившись, Стернс вытянул руку в сторону Рики и приказал:

— Письмо.

— Как вам не стыдно, — пробубнила девушка. — Стырили у меня письмо, пока я спала, а теперь ещё и притворяетесь.

Гай обернулся.

— Что я сделал?

— А разве нет? Тогда где оно?

Стернс поворочал носом сапога солому под ногами. Письма нигде не было.

— Говори, куда спрятала.

— Не прятала я! Лежала, как легла, а проснулась... — Рики прикусила язык, чтобы не краснеть от неловких воспоминаний. — Как вы оказались рядом? Вы же лежали вон там!

Рики ткнула пальцем в нужное место.

Гай пожал плечами.

— А я почём знаю? Как уснул, не помню, а потом, может, холодно стало, вот и придвинулся.

— Точно из-за холода?

— А из-за чего ещё?

Гай перевёл взгляд с соломы на девушку, и та не выдержала и всё же покраснела.

— Где письмо? — спросил Стернс.

— У меня его нет. — Рики принялась на коленях ползать по полу и водить руками по доскам. — И тут нигде нет. А капитан Шеллинг не мог взять?

— Тьфу! — Гай плюнул прямо в медовое сено и вышел на улицу, хлопнув дверью. Рики бросилась следом.

Они ещё долго препирались друг с другом на лужайке, потом на конюшне и даже по пути в деревушку. Щёки Рики багровели ещё не один раз, стоило ей вспомнить приснившиеся поцелуи, и бледнели, стоило памяти нарисовать перед глазами другую картину: страшную, полную тоски и печали, липких лужиц и запахов смерти. Не обошлось без споров и когда, так никого и ничего не обнаружив, возвращались в замок. Не услышали в тот день Гай и Рики только одного: как разъярённый лорд Альгервильд, в ночной рубахе, достающей до пят, и ночном колпаке, носился по своей спальне и громко ругался на всех, кто ненароком заглядывал к нему в комнату. Причиной гнева старого лорда были мыши.

Эти гадкие грызуны совсем обнаглели. Обглодав за ночь недюжинное количество свеч в замке, они так распоясались, что принялись жрать всё, до чего доставали их цепкие когти и острые зубы.

Одну такую нахалку лорд Альгервильд лично узрел утром у себя на постели. Она сидела в ногах и грызла написанное накануне письмо.

От именной печати остались крошки, а от листка бумаги — ошмётки, и те было не склеить. А если и склеить, то что подумает достопочтенный лорд Меггард, получив первое за так много лет приглашение порыбачить на озёрах, своим видом скорее напоминавшее мозаику, чем послание от не менее достопочтенного соседа?

Запутьнув подушкой в негодницу-полёвку, лорд Альгервильд конечно же не попал. Та сытно пискнула и успела скатиться клубочком по простыне на пол раньше, чем старик Рей выдохнул. А затем юркнула под гобелен и скрылась в извилистых ходах в стенах.

Старый лорд ещё долго негодовал, но испорченного было не вернуть. И хотя помощник Блаан был тут как тут с пером и бумагой, новое письмо лорд Альгервильд писать не стал. В конце концов, они никогда не были особо дружны с Меггардом — нечего и начинать.

Однако тема, на которую лорд Альгервильд так хотел закинуть удочку, не давала ровно дышать и с аппетитом обедать. А уж когда к старику Рею подоспел помощник с пикантной сплетней о молодом Стернсе, странной девчонке, что вечно вьётся при нём, и сарае, приютившем на ночь обоих, то лорд Альгервильд всерьёз и на этот раз без взрывных эмоций задумался. Пожалуй, в этот момент он был даже благодарен наглой мышке, что та сожрала письмо, потому что мусолить сложившуюся ситуацию выгоднее было не с соседом, а с совершенно другим человеком.

На этой мысли лорд Альгервильд довольно выдохнул, выпил травяного чая, обозвал к себе Бартла, снова попросил принести чернила и бумагу, снова написал краткую записку, запечатал и передал помощнику. К сожалению, в комнате в тот момент не находилось ни одной мышки, и о новом письме никто кроме хозяина замка и его верного слуги так и не узнал.

Глава 19. Аптекарские дела

В аптекарской лавке былолюдно. Все как с ума посходили и расхватывали лягушачьи шкурки. В народе ходил слух, что если их поджечь и оставить тлеть, то идущий от шкурок дым отпугнёт злых духов, которых последнее время развелось видимо-невидимо. Откуда взялись те слухи, никто не знал и в подробности не вдавался, но шкурки разбирали, и радостный аптекарь, ликуя от восторга, тут же повысил на них цену.

Лягушачья кожа Риона не интересовала, и в лавку он пришёл не за ней. Но прежде чем подобраться к аптекарю, ему пришлось маяться порядка часа, пока не ушёл последний покупатель и хозяин не перевернул вывеску на двери, извещая всем желающим, что заведение закрыто.

— Устал... — выдохнул еле живой аптекарь, вытирая влагу, скопившуюся над губой.

Рион снял с пояса флягу, откупорил и протянул.

— Выпей.

— Мёд?

— Розовый клевер. Настаивал более суток. Освежает.

— Тьфу ты. А я то думал, что-то посложнее.

— Я уже давно не экспериментировал с рецептами. Возможно, даже потерял хватку. Надо бы снова начать.

Рион завернул за прилавок и принялся скользить взглядом по травам и готовым снадобьям.

— Ищешь ингредиенты? — Аптекарь сделал жадный глоток из фляги. Сладковатый отвар действительно бодрил и придавал сил. — Спрашивай. Ты же знаешь, у меня есть всё. А чего нет на всеобщем обозрении, то всегда отыщется на чердаке или в погребе.

И аптекарь заговорщицки подмигнул.

— Мне нужна книга, — ответил Рион. — Ты раньше вроде хранил их здесь, под этой полкой с микстурами.

— Я всё перенёс. — Хозяин махнул рукой в сторону изношенной занавески, разделявшей аптеку на два помещения. — Их место заняли банки со шкурками.

Рион уверенно двинулся к занавеске.

— Хорошо расходятся? — бросил он на ходу.

— Ещё спрашиваешь. Толпу видел? Какая-то старуха на площади бормочет, что скоро настанет конец света. Мол, с неба на землю хлынет огонь, убьёт всё живое и выжжет всё вокруг. Настанет кромешная тьма. А нашлют тот огонь злые духи, одного из которых та старуха видела собственными глазами.

— Жуть какая, — заметил Рион и отодвинул шторку. — Куда ты их спрятал?

— У комода в ящике. Тебе о ядах?

— Чего я там не знаю?

— И правда. Тогда какую?

— О ящерицах. Была у тебя одна, тоненькая такая, страниц на триста.

— Сдались тебе эти твари... Или ты собираешься как-то по-новому использовать их в медицине?

Рион поморщился, подошёл к ящику, откинул крышку и стал перерывать книги.

— Просто хочу освежить память. С возрастом, знаешь ли, забывчив стал. То один вид не помню, то другой...

Аптекарь расхохотался.

— С возрастом? Рассмешил. Тебе сколько? Годков двадцать пять есть? Всегда удивлялся твоему кругозору. Ты с рождения в книгах сидел, что ли?

— Гол за десять трубил, — с улыбкой ответил Рион и выудил со дна ящика книгу в кожаном переплёте цвета охры. На обложке красовалась объёмная малахитовая ящерка с глазами из жёлтого цитрина. Рион бережно провёл рукой по зверьку. — Вот она. Отлично. Я возьму её ненадолго, — бросил он приятелю-аптекарю, уложил остальные книги обратно и поднялся, стряхнув похожую на муку пыль с колен.

— Бери хоть навсегда, — махнул рукой аптекарь, продолжая смаковать освежающую настойку из клевера. — Этому старью уже столько лет, а не пригодилась ни разу. Я даже подумывал выковырять из неё цитрины да продать подороже, но заработался и забыл.

— Взамен подарю тебе книгу о лягушках, — ответил Рион. — Может, найдёшь способ, как ещё больше обогатиться за их счёт.

Аптекарь гоготнул.

— Почему бы нет? Главное, чтоб та старуха не окочурилась раньше времени и продолжала страшить народца. Пока она там что-то завирает, моё дело процветает. Хорошо бы это длилось вечно.

— А что, говоришь, за старуха? Она же с площади?

— Ага. Сам не видел, но дочурка рассказывала, что она страшная, как тьма, про которую бормочет.

Рион задумался.

— И как часто она на той площади бывает?

— Да каждый вечер. Торгует бусами из ракушек и гадает на картах. Говорят, она и раньше была не в себе, а последние дни совсем спятила.

— Хм.

— Уж не хочешь ли ты с ней встретиться?

— Всегда с уважением и интересом относился к людям, у которых есть особое мнение. Так, значит, она появляется каждый вечер? — Рион глянул в окно. Солнце готовилось снижаться. — Что ж, пожалуй, прогуляюсь до площади. Знаю там одну забегаловку. В ней неплохое пиво подают. А ещё они ввели в меню новую закуску... Утощаю. Пойдёшь?

Аптекарь замахал рукой.

— Ты что! Мне открываться пора. Не откроюсь через пять минут — меня сожрут с потрохами.

— Тебя сожрут не с потрохами, а с лягушками, — хмыкнул Рион, заметив мнущихся с ноги на ногу покупателей на улице.

— Может быть и так, — вздохнул аптекарь и пошёл менять вывеску на входной двери.

* * *

Из закуской «Три моллюска» доносился такой сногшибательный запах, что равнодушным не остался ни один прохожий. Вдобавок, с ног сей аромат валит всех в буквальном смысле. Поэтому неудивительно, что с посетителями в «Моллюсках» было негусто — острая вонь разогнала даже самых стойких и непривередливых.

Оказавшиеся в тот день на площади жители, унюхавшие странное «благовоние», все как на подбор жалели беднягу хозяина, ведь на такой запах к нему никто не придёт — лишь мухи отовсюду слетятся. Однако хозяин лавочки (по совместительству главный повар) не зря слыл пройдохой: он всё просчитал заранее и стоимость нововведённого блюда умножил на десять, покрыв там самым упущенную выгоду. Так что заказавший закуску из морепродуктов дурак платил не столько за кулинарный изыск, сколько за отсутствие посетителей, распуганных вонью шедевра местной кухни.

Вечер выдался душным. Морской ветер долетал до площади, уже утратив добрую часть свежести и по пути напитавшись запахами варёной рыбы, печёных лепёшек и толчёного чеснока, и улетал дальше, в горы, добавив себе в копилку омерзительный запах деликатеса. Дышалось с трудом, поэтому Рион одним махом влил в себя половину прохладного пива из кружки, что была подана вместе с вытянутым блюдом, на котором ещё дышало нечто чернильного цвета, украшенное болотной-зелёной кашицей. Смотреть на это было противно, но Рион совладал с собой и сунул в рот небольшой кусочек.

— Ты извращенец, — прогнусавил сидевший на лавке напротив аптекарь, предварительно зажав пальцами нос. — Зачем только я дал себя уговорить сюда пойти?

Рион рассмеялся и поковырял тонкой рыбьей костью в зубах.

— Выпей пива и расслабься, — ответил он.

— Пива? Да эта мерзость отбила у меня всякое желание заказывать что-либо существеннее воды.

— Тогда я выпью за тебя.

И Рион потянулся к кружке приятеля. Сделав два жадных глотка, подцепил пальцем чернильный кружок несъедобного вида и с завидным энтузиазмом проглотил. Приятель скривился.

— Этим только помойку украшать... — выдавил он.

Рион отмахнулся.

— Ты, видимо, никогда не лазил по местным трущобам. По сравнению с их смрадом запах этого блюда подобен аромату цветов.

Аптекарь брезгливо закашлял.

— Если только те цветы воняют протухшим мясом...

— Хочешь прогуляться и понюхать лично? Могу составить тебе компанию.

— Не сегодня.

— Что так?

— Ты же хотел пересечься со старухой.

— Ну, вдруг она не появится.

— Появится. Безумцы любят постоянство.

— Хм. Интересно замечание.

— Ты ешь-ешь, — аптекарь кивнул на остатки на блюде. — И будь добр, съешь побыстрее, не то меня сейчас вырвет.

Рион ухмыльнулся.

— Слабак, — ответил он и сунул в рот ещё кусок.

Единственные посетители «Трёх моллюсков» сидели в закуской ещё три часа. За это время аптекарь успел не раз бросить в адрес Риона несколько ядовитых замечаний по поводу выбора места перекуса, а Рион раза три точно попросил повара повторить вонючее блюдо, чем окончательно разозлил приятеля. Последний, в конце концов, рассвирепел, вскочил на ноги и чуть не опрокинул от злости стол, вырываясь на улицу, как вдруг замер на месте и ткнул пальцем в окно.

— Старуха, — выдавил он.

Рион повернул голову в сторону, куда указывал друг.

В центре площади, на тонкой, потёртой циновке сидела седая женщина. Её лицо было в морщинах, губы иссохли, кожа завяла, взгляд был затуманен, а дрожащие пальцы перебирали колоду гадальных карт еле-еле, словно старуха готовилась вот-вот испустить дух, и всё вокруг было ей давно неважно. Её никто и ничто не интересовало, а молоденькие девушки, поначалу желавшие узнать своё будущее, разлетались кто куда пугливыми воробушками, стоило ей открыть рот и прокаркать пару нечленораздельных звуков.

— Ты уверен? — с сомнением в голосе спросил Рион и хрустнул на зубах очередной мерзкой по вкусу и запаху кругляшкой. — Уверен, что это она?

— Мне ли не знать?

— Хм. Тогда пошли.

— К ней?

— Надо кое-что выяснить.

— Уж не гадать ли ты собрался?

— В некоторой степени да.

Рион вытер рукавом жирные от масла и соуса губы, бросил на стол несколько монет, поднялся и, одарив лёгким кивком полного благодарности хозяина, вышел на улицу.

— Эй, — окликнул он старуху, как только оказался на расстоянии вытянутой руки от неё.

Приятель аптекарь поспевал следом, но из-за сильной толкучки застрял где-то между прилавком со специями и лотком с лягушачьими шкурками. Каково же было его изумление, когда в тех шкурках он узнал собственный товар, которого нахальный уличный торговец скупил так много, что теперь перепродавал втридорога тем, кто не успел попасть в аптеку до её закрытия.

Рион потряс старуху за плечо.

— Ты слышишь меня? Я знаю, что слышишь, не притворяйся старой глухнёй. И видишь ты хорошо. Меня сразу заприметила, ведь так?

Безобразная карга ударила картами по пальцам Риона и повернула к нему своё лицо, полное бородавок.

— Двуликий... — прошипела она, плюнула за край циновки, на камни, и растерла плевков мизинцем. — Как ты посмел коснуться меня?

Рион хмыкнул.

— Так ты меня насквозь видишь, старая.

— Такое страшилище и не увидеть? Каким же слепцом надо быть?

— А что ещё ты видела?

Старуха смерила Риона презрительным взглядом.

— Так ли это важно?

— Ты пугаешь народ рассказами об огне с неба, а теперь говоришь, что это не важно?

— Всё равно никто не верит.

— Лягушачьи шкурки раскупают охотно.

Старуха покачала головой.

— Они не помогут сдержать монстра. Рано или поздно он вырвется из клетки, и тогда... Лучше бы эти глупцы собирали вещи и бежали отсюда. В лес, в горы, за пять морей... Куда угодно.

Рион присел на корточки и еле слышно прошептал:

— Ты видела дракона?

Гадалка вздрогнула.

— Так ты знаешь? — прошелестела она губами.

Рион вытащил из мешочка на поясе золотой.

— Расскажи мне всё и постарайся не упустить ни одной мелочи.

— В ту ночь мои кости ныли сильнее обычного. И трясло меня не на шутку. Ознобы со мной случаются редко, а тут накатило — зуб на зуб не попадал.

— Ближе к...

— Не торопи, — огрызнулась старуха.

— Прости.

В руку безумной женщины лёг ещё один золотой.

— Так вот, било и колотило меня с такой силой, что думала, кишки наружу вылезут. На коленях подползла к двери да толкнула её, да выпала на улицу. А когда вдохнула воздуха и подняла глаза к небу, то камнем застыла на месте и сидела так до самого рассвета.

— Что ж ты там увидела?

— Луну.

— Луну?

— Её самую. А в лунном свете парящего в небе змея, напитанного ненавистью и жаждой крови.

— Звучит мурашечно. Так, значит, змей...

— А луна тебя разве не беспокоит?

— А должна?

— Она ведь в ту ночь раздвоилась, и младшая бросила тень на старшую. Теперь точно не миновать беды.

— Последний раз двойная луна появлялась на небе двадцать пять лет назад. Явление не частое. Сомневаюсь, что при нашей жизни ещё раз повторится.

Старуха зашлась сдавленным смехом.

— Ты не только двуликий, но ещё и без глаз. Кхе-кхе.

— Я бы обязательно заметил.

— Думаешь, ты такой важный, что двойная луна будет сиять на чёрном полотне ночи и ждать тебя? Болван, хоть и начитанный. — Гадалка покосилась в сторону книги, которую Рион держал подмышкой. — Луна никого не спрашивает, а делает так, как ей вдумается. Один раз мелькнул её двойник и погас, и этого было достаточно, чтобы зло ухватило за шанс выжить. Одним ударом

сердца обошлось. А долго сиять на небе второй луне ещё рано. Не созрела она ещё. Вот нальётся силой, тогда и схлестнётся насмерть со своим братом, и живым из того боя выйдет только один.

Рион наморщил лоб.

— Повтори-ка.

— Вот ж дурень! Не созрела ещё вторая луна, чтобы ярко светить...

— Да не это.

— А что тебе ещё от меня надо, остолоп несчастный? Ты точно слепой, раз дал чудищу мимо себя по небу проплыть. А ещё дурак, потому что жизнь дана тебе не для того, чтобы в ответственный момент, будучи в чужом теле, с девками кувыркаться.

Рион прищурился.

— Ещё немного, и я поверю, что ты знаешь обо мне больше, чем я сам.

— И не только о тебе. Карты могут рассказать многое, очень многое... Если, конечно, их правильно попросить.

— А ты о чём их просила сегодня?

Старуха бросила на Риона хитрый взгляд.

— А ты как будто не догадываешься?

— Обо мне? Увидела меня в «Моллюсках», и стало любопытно? И что же они тебе сказали?

— А то, что не один ты на свете ходишь с двумя лицами.

— А кто ещё? — вкрадчиво спросил Рион.

— Их как минимум двое. Только первый ничего пока не подозревает. А вот второй может тех лиц хоть сотню перемерить, но тоже дурак, как и ты, потому что не знает, что со своим даром делать.

Рион снял с пояса мешочек, развязал его и высыпал перед старухой всё золото, что было при нём в тот момент.

— Как мне их найти? Этих двоих?

— Ишь куда загнул, — пробубнила старуха, но золото сграбастала. — В Берлау не ищи, только время потеряешь.

— А где искать?

— Не где, а кого. Ищи девчонку, что носит при себе два оберега. Найдёшь её — найдёшь и остальных.

— Час от часу не легче, — проворчал Рион и поднялся. Поправил книгу, что держал подмышкой, и бросил тоскливый взгляд в сторону

замка, куда пора было возвращаться.

Открывавшиеся взору виды не радовали. Хотя день был солнечный и жаркий, к замку это почему-то не имело никакого отношения. Над ним, напротив, сгустились облака, и Рион был уверен, что прислуга в тот час вся с ног сбилась, открывая и приподнимая во всех комнатах шторы, чтобы хоть как-то согреть солнечным теплом камень. Сырость прокралась в замок незаметно, с годами лишь закрепилась в каждом уголке и на каждой стене, и теперь избавиться от неё было трудно. Окнами в большинстве своём замок выходил на север, и солнце не заглядывало ни в одно из помещений, будь то парадная зала, где всё блестело и сверкало, или обычная каморка, где чистили полные копоты котлы.

Взгляд скользнул вверх, на самую высокую башню. В памяти всплыла винтовая лестница и жуткая клетушка, в которую Рион не так давно имел неосторожность заглянуть. Контролируя всё и вся в замке, он каким-то образом упустил самое главное и сейчас корил себя за это. Бормотание старой карги с площади всё меньше походило на бред сумасшедшей, и у Риона остался всего один вопрос, ответ на который мог бы много чего прояснить. Выдохнув, Рион недовольно покачал головой и развернулся обратно к старухе.

— Послушай-ка, дух, о котором ты твердишь... Эй... — Рион растерялся. — Куда ты... пропала?

Нищенки рядом не было, как не было и циновки, на которой она сидела, и золота. Старая гадалка оказалась проворнее, чем считал Рион, и успела удрать прежде, чем её бы сцапали и отобрали подаренное. Последний вопрос так и остался без ответа, однако кое-кто ещё мог помочь пролить свет на запутанную загадку.

Крепко зажав книгу о ящерах, Рион направился в сторону замка. Ирис должна была маяться от безделья в одной из комнат, ранее принадлежавших её бабке, и именно Ирис была той, с кем Рион сейчас больше всего хотел поговорить.

Однако Рион ошибся. Привычным для замка бездельем и скукой в его стенах не пахло. Напротив, всюду царил суеда, которой древний камень не видел уже лет сто: сонные с ночи стражники в кои-то веке ожили и даже на проходившего мимо Риона смотрели с нескрываемым подозрением, словно недолгоблюдали его и одновременно подозревали в шпионаже, а охочие до сплетен слуги повылазили из всех углов и

перешептывались друг с другом, неизменно привирая, от чего разносимые ими слухи приобрели совсем уж гротескные очертания.

Перешагивая через ступеньку, Рион быстро поднялся по лестнице. Остановливаясь нигде не останавливался, хотя желание узнать причину суматохи было велико. Но и желание скорее встретиться с юной королевой было ничуть не меньше. Эта девчонка оказалась наблюдательней, чем он думал. А если к её наблюдательности добавить ещё и знаний, то смесь выйдет гремучая, не зря ведь говорят, что яблоко от яблони недалеко падает.

Юная королева была в тронном зале. И она была там не одна. Вокруг неё толпились советники, каждый из которых торопился выкрикнуть что-то своё, на его взгляд, неизменно важное, от того шум стоял невообразимый и сильно напоминал шум на базаре, откуда Рион только что вернулся.

— Ваше величество, — тихонько шепнул лекарь, пристроившись возле трона, — что-то произошло?

Ирис ответила, не поворачивая головы:

— Я за вами не посылала.

— Так я на вас за это не в обиде.

Ирис вяло улыбнулась нахальству.

— Всё до сих пор надеетесь, что я окажу вам такую же протекцию, какую оказывала моя бабка?

— А вы уже окончательно списали меня со счетов? Или ещё колеблетесь? Если последнее, то не торопитесь с решением. Возможно, я вам ещё пригожусь.

— Смело. Даже чересчур.

— Вы так считаете?

Ирис повернулась к Риону.

Впервые он видел её такой взволнованной. Равнодушная до власти и жизни островов, нынешняя королева взошла на престол, будучи к нему совершенно не готовой. Как ни желала Морвенна видеть на своём месте внучку, как ни вовлекала её в дела, разжечь нужный интерес ей так и не удалось. Наверно, поэтому она так настаивала на том, чтобы Рион всегда оставался рядом с Ирис, и если лекарь не перечил старой королеве, то внучка противилась её воле всей душой, однако телом до сих пор не переставала вспоминать о той ночи, что сделала её взрослой.

— Что здесь творится? — спросил Рион, не сводя с Ирис пристального взгляда. — К чему это сборище лысых брехунов?

— Держите себя в руках. Вы говорите о советниках королевы.

— Да пёс бы их всех побрал, этих советников, — проворчал Рион. — Они мешают мне говорить с вами. Орут друг на друга так, словно война началась.

— Мешают говорить? А чем тогда вы сейчас занимаетесь?

— Ирис... — Рион осёкся, поймав на себе недовольный взгляд, и тут же поправил себя: — Ваше величество, я хотел бы говорить с вами наедине. Это важно.

Рион огляделся и убедился, что их никто не подслушивает.

— Потому что это слишком личное. Помните ту ночь? Мы с вами тогда ещё слишком много выпили, и все границы были так легко стёрты...

— Молчите, — оборвала лекаря Ирис.

— Так вы помните?

— Я приказала молчать.

— А если помните, то должны помнить и луну. Вы ещё тогда сказали мне, что она раздвоилась, а я, кретин, был слишком увлечён вами, чтобы это услышать.

— А если бы слышали, то увлеклись бы луной?

— Я в какой-то степени учёный, поэтому... да!

— Тогда потрудитесь объяснить мне, учёный, почему на острове, про который вы так сладко пели, не оказалось ни одной золотой монетки, хотя вы обещали мне целую гору сокровищ? А ещё потрудитесь придумать, что мне делать со всей этой галдящей толпой, как их успокоить и заставить разойтись по местам?

Рион бросил хищный взгляд в сторону советников. Ни одного из них он не уважал и не любил, впрочем, те отвечали на неприязнь тем же.

— В двух словах — что произошло?

Ирис поманила к себе пальцем коренастого бородача. Рион вмиг узнал его. Это был капитан Треган, под начальством которого не так давно несколько кораблей вышли в море и направились к Вороньему острову в надежде отыскать золото и привезти его во дворец. Подобная находка сильно укрепила бы позиции Ирис в глазах

сыплющей песком, но обладающей сильным авторитетом, знати, и Рион откровенно надеялся на успех, однако его ждало разочарование.

— Капитан, — обратилась к бородачу Ирис, — повторите ваш рассказ, только на этот раз спокойно и без эмоций.

Капитан, который телосложением очень походил на шкаф, моргнул и, время от времени заикаясь и путая слова, начал:

— Мы сделали всё, как вы велели, ваше величество. Все корабли взяли курс на Вороний остров. Погода была прекрасной, и попутного ветра было достаточно, чтобы домчаться быстро, вот только всё это было ни к чему: нет на острове никакого золота, в пещерах чёрной горы одна вонь и песок, и даже ни одну ворону на суп не поймать — все куда-то разлетелись.

Ирис бросила победный взгляд на Риона. Впервые приближённый к трону и власти самый что ни на есть простой лекарь ошибся, и эта ошибка была на руку новой хозяйке крохотных островов.

— Вы хорошо смотрели? — спросил Рион. — Везде?

— Куда уж лучше?

— Золото от песка не отличит только идиот, — вставила Ирис, — а капитан Треган идиотом никогда не слыл.

Шкафообразный моряк поклонился.

— Благодарю, ваше величество.

— Но я чётко слышал...

Ирис перебила Риона:

— Вам так же чётко дали понять, что остров пуст и ничего ценного в себе не содержит.

— К чему тогда столько людей здесь? — пробормотал лекарь. — Или все обсуждают песок?

— А вот это уже другая история. Капитан, прошу, продолжайте.

Треган воспарял духом и с нескрываемым восхищением посмотрел на юную правительницу. Он помнил, с какой неуверенностью она отдавала приказ о высадке на острове, и её холодное спокойствие сейчас трогало бывалого морского волка до глубины души.

— Мы шли обратно, как вдруг марсовый заорал, что к северу от нас творится что-то неладное. Я распорядился сменить курс, и, скажу честно, от увиденного тело покрылось мурашками. Последний раз со мной такое бывало в детстве, когда отец...

— Не проще было пройти мимо? — перебил Рион, и его пальцы нервно затарабанили по спинке тронного кресла.

— Там были люди, — вставил капитан.

— И что? Мало ли рыбаков ежедневно гибнет в море?

— То не были рыбаки — то были люди Стернса.

— Гайларда Стернса?

— Именно. Его лучшие корабли — только морская каракатица знает, сколько их там было, но точно больше трёх, — были разнесены в щепки, и это при том, что на море и шторма в те дни никакого не было. Иначе нас тоже бы задело — расстояние-то небольшое. Почти все погибли, только несколько счастливицков умудрились повиснуть на досках да на шлюпках. Мы подобрали всех, кто на тот момент дышал, но кто-то помер по дороге, а кто-то до сих пор в бреду, что неувидительно — проведи я в ледяной воде столько времени, давно окочурился бы.

— Скольких людей удалось спасти?

— Всего двенадцать. Те, кто пришёл в себя, бормочут откровенный бред. Какие-то чёрные зубы, которые вылезли из воды... Брр.

Капитана передёрнуло.

— Зубы находятся во рту, а не в море, — съязвил Рион, — а морские чудовища живут только в рассказах старых бабок, которые врать горазды больше нас с вами.

— По-вашему, я всё это выдумал?

— Вы — нет, а вот спасённые вами люди — возможно.

— На кой им это? Врать-то?

— Чтобы скрыть что-то важное, разве нет?

Заданный вопрос поставил капитана в тупик. Он привык отдавать краткие и чёткие команды, но не привык к витиеватым рассуждениям и игре слов. Поразмыслив с минуту, капитан собрался с духом и выпалил:

— Все корабли потоплены, а люди мертвы... Такое просто так не случается. И если это не разбой на море, и не чьи-то козни, то я готов поверить и в сверхъестественное.

Рион усмехнулся.

— Вы моряк — вам можно, но я бы поискал ещё версии.

— Так может, вы сами их расспросите? Тех, кто более менее может говорить? Один из спасённых оказался важной шишкой. Я это и так подозревал, ведь одет он лучше остальных, а когда мы узнали его имя, то вообще все сомнения отпали.

— И как же он представился?

— Ферран Стенден, — ответил капитан и увидел, как Рион побелел.

— Вы шутите... — только и хватило сил лекарю что пробормотать.

Настал черёд Ирис ухмыляться.

— Теперь, надеюсь, вы поняли, с чего такая суматоха? — сквозь зубы процедила королева. — Не каждый день держишь в стенах своего замка военного командира соседа, с которым мы, мягко говоря, не в дружеских отношениях.

— Сосед будет вам благодарен, — тут же сообразил Рион. — Вы уже послали кого-то к Стернсу, чтобы известить о случившемся? Вы можете потребовать взамен солидное вознаграждение.

— Я уже сыта тем золотом, которое вы мне обещали, поэтому предпочитаю действовать осторожно и не хочу наломать дров.

— И всё же...

— Я ещё не отдавала никакого распоряжения.

— В таком случае позвольте мне поговорить со Стенденом, а затем быть вашим посланцем.

— Хотите бросить меня и навсегда удрать в Нолфорт?

— Не навсегда, а лишь для того, чтобы сообщить Гайларду Стернсу о том, что вы спасли его людей.

— И всё?

— Всё, — соврал Рион. — Что мне ещё там делать?

Ирис задумалась.

— Что ж, — произнесла она спустя некоторое время, — терпеть вас рядом я всё равно не намеревалась, а так от вас будет хоть какая-то польза. Мои советники подумают и подготовят письмо, объясняющее всю ситуацию, и передадут его вам. Ваша задача — как можно быстрее доставить его по назначению. Сами можете не возвращаться — ваш мерзкий характер я вынести не смогу.

Рион поклонился.

— Я всё сделаю, госпожа. Насчет моего невозвращения — не обещаю. Вдруг всё сложится так, что я вам ещё понадобится.

Королева фыркнула.

— Вот это вряд ли. Ваши пиявки мне надоели, а больше с вас взять нечего.

— А если будет что-то, что вас непременно удивит?

Ирис отвернулась и посмотрела вдаль, в окно, на небо, где летела стая птиц.

— Такого никогда не случится, — отрезала она.

Глава 20. Тень зверя

Её экипаж оказывался на внутреннем дворе всегда в тот момент, когда солнце поднималось над зубцами сторожевых башен. Стоило стражникам слышать топот копыт, они тут же, толкая и пихая друг друга локтями, свешивались отовсюду, чтобы лишний раз замереть от удовольствия лицезреть неземную красоту, а заодно и понаблюдать, как не без помощи Дуона Швидоу госпожа выходит из кареты и как они вместе идут к дверям в сторожевую. Каждый из дозорных прекрасно знал, зачем леди Стернс ежедневно являлась на стену. И каждый в глубине души завидовал тому раненому, для спасения которого прекрасная хозяйка привозила с собой целебные мази, и мечтал оказаться на его месте.

Это утро не было исключением, и с первыми лучами солнца леди Мириан была уже в пыльной караульне.

— Жар по-прежнему держится? — спросила она, как только встретила взглядом с капитаном Швидоу.

— Жар спал этой ночью, — ответил Дуон. — И дыхание стало ровнее.

— И он пришёл в себя?

— С час назад открыл глаза, но тут же опять вырубился. Я хотел дать ему воды, но пока крутился с кружкой, он уже заснул. И спит до сих пор.

— Он очень слаб, — задумчиво произнесла Мириан и подала знак служанке. Та вышла из-за спины хозяйки и протянула Дуону небольшую корзинку, накрытую тканью. — Сделайте отвар из этих трав и давайте ему каждый раз, как будет просыпаться. Пусть хоть ложку, но выпьет. В Ллевингоре это снадобье всегда помогало мне и брату при слабости.

Швидоу с поклоном принял корзинку.

— Хотите на него взглянуть? — спросил он.

— Если моё пребывание вам не в тягость...

— Как можно? — вспыхнул капитан.

Он старался угодить изо всех сил. Кланялся и улыбался Мириан по поводу и без и скрежетал зубами в сторону своих «болванов»,

изображая из себя грозного командующего. Последнее почему-то не производило на леди Стернс впечатления, зато её служанка при каждом случае не сдерживалась и хихикала, прикрывая рот ладонью.

В комнате, где лежал Дален, было душно.

Переступив порог, Мириан первым делом указала на окно — Швидоу и девчонка наперегонки бросились к нему. Девчушка оказалась проворнее, и в комнате вскоре повеяло утренней прохладой, богатой на ароматы сена и конского навоза.

Дален лежал на койке у стены. Укрытый прохуdivшимся серым покрывалом, он был как никогда бледен. Волосы на голове слиплись от влаги и жира, а лицо поросло неровной щетиной, и, не навевдывайся Мириан сюда каждый день, она бы трудом сейчас узнала в нём человека, с которым так случайно пересеклась в лабиринтах Торренхолла накануне важного ужина.

Вздохнув, Мириан посмотрела на Швидоу.

— Всё же надо было перевезти его в замок, — сказала она. — Зря я вас послушала. В замке он встал бы на ноги куда быстрее.

— Я не могу обременять вас и лорда Стернса, — ответил Дуон, вспомнив, как леди Стернс настаивала на своём не раз и не два.

Однако делала она это слишком мягко, и, возможно, это и послужило причиной, что капитан не принял щедрого предложения. Да и время от времени капитана посещала неловкая мысль, что лучше бы брат Рики очнулся здесь, на городской стене, в окружении дозорных и лично при Дуоне, чем в каком-либо другом месте, куда свободного доступа капитану уже не будет.

— Меня бы это не обременило, — ответила Мириан, — а лорда Стернса нет дома. Вы же знаете.

Мириан коснулась ладонью щёк и лба Далена. Жар опять подступал, и Мириан заскользила взглядом по сторонам в поисках тряпки, ранее служившей компрессом. Та быстро нашлась и была почти сухая.

— Милорд до сих пор не вернулся? — вкрадчиво спросил Швидоу, и Мириан показалось, что отсутствие лорда Стернса почему-то беспокоило капитана городской стражи больше, чем самочувствие раненого.

— Его задерживают неотложные дела... — Мириан промочила тряпку в миске с желтоватого цвета водой. — Но не волнуйтесь. Я

обещала вам, что поговорю с мужем насчёт сестры этого бедняги. И я это сделаю. Если чувства, в которых вы признались мне, искренни, то ни я, ни мой супруг не будем вам препятствовать. Ничто так не укрепляет власть короля как верность его слуг, а только счастливые слуги служат верно и долго.

— Лучше и не скажешь! — растрогался Швидоу.

Желая в знак почтительности поцеловать руку госпожи, он шаркнул сапогами в её сторону, но Мириан сделала вид, что не поняла его намерений, и принялась водить тряпицей по шее и лицу Далена, стирая капельки проступившего пота.

Здесь, на городской стене, Мириан было спокойно. Пусть место не блистало чистотой и красотой, и не было здесь привычного леди Стернс комфорта, но чувствовала она себя в этих стенах нужной, чего не могла сказать о стенах замка. Там она слонялась из угла в угол, мечтая, чтобы солнце скорее село и началась ночь, ведь ночью склонные к собирательству слухов служанки не наведываются каждую минуту к госпоже и не докучают вниманием, по назойливости способным переплюнуть даже муху, жужжащую над остатками обеда. А ещё ночь ставит точку на всех тревогах и заботах, что имели место днём, и, если те были не из приятных, даёт надежду на то, что с новым солнцем всё будет по-новому. Например, Гайлард Стернс вернётся домой, и Мириан попробует начать их отношения заново.

Как именно? Этого Мириан ещё не придумала. В вопросах любви она была не искушена, тем более если дело касалось не просто романтических вздохов, но ещё и физической близости. Но Мириан была уверена, что у неё получится. Сдаваться её не учили, хотя и быть во всём первой — тоже. Первенство всегда отдавалось брату, но проигравшей Мириан себя никогда не чувствовала. Вплоть до дня своей свадьбы. И соглашаться с внезапным проигрышем не собиралась.

От путаных мыслей Мириан отвлекла служанка.

— Кажется, ему лучше, — сказала она, пристально глядя в лицо Далену. Проверки ради накрыла его лоб ладонью. — Точно лучше. Когда мы приехали, он был таким бледным. А сейчас, гляньте, щеки порозовели.

Каким таким загадочным образом простая девчонка умудрилась разглядеть румянец на лице того, кто был на волосок от смерти,

Мириан так и не поняла. Но на Далена посмотрела и кроме выравнившегося дыхания ничего не заметила. Разве только пальцы на руках стали чуть теплее, а ведь были ледяные, когда Мириан случайно коснулась их утром.

Леди Стернс встала.

— Нам пора возвращаться, — проронила она служанке.

Та к приказам госпожи была очень внимательна и тут же бросилась справляться о готовности экипажа. Заодно нужно было найти усатого капитана. Кому как не ему провожать госпожу, хотя, если бы он этого не сделал, госпожа не расстроилась бы. Так казалось служанке. Однако проверять свои подозрения на деле девчушка не решилась, поэтому всё же быстро нашла капитана и передала, что хозяйка возвращается в замок.

— Приедете ли вы завтра? — Швидоу разлюбезничался перед леди Стернс, помогая той сесть в карету.

— Не могу обещать, — ответила Мириан. — Я убедилась, что этот раненый пошел на поправку. Это главное. Давайте ему отвар, о котором я говорила, и не забывайте про мази. И посетите нас, как только вернётся лорд Стернс. Я похлопочу о награде за ваши старания. Ну, и о том, о чём мы договаривались, не забуду.

В ответ Швидоу кланялся и ликовал в душе. Всё шло как нельзя удачно, хоть и не по плану. Но к мухам болотным планы, если желаемое близко.

За экипажем леди Мириан закрылись ворота, и через некоторое время сменился караул. Девятилетний мальчонка, подсоблявший повару и с носом, испачканным в золе, выбежал на улицу и дернул капитана за рукав. Поданный раньше обычного ужин стыл на столе, и малец беспокоился, что холодная капуста придётся Дуону не по вкусу. Но у Швидоу было такое прекрасное настроение, что он лишь потрепал поварёнку давно нестриженные кудри, а на капусту махнул рукой. Плевать. Плевать было на всё, ведь вот уже столько времени капитан просто стоял во дворе, глупо пялился на закрытые ворота и мечтал о своём будущем с Рики...

...Окно запереть забыли, и в комнату ворвался ветер. Швырнул на пол пару сухих листьев и с горсть песка и ринулся облизывать всё вокруг, будь то стол или чашка. С оставленного на стуле полотенца перекинулся на кровать и закружился над Даленом. Попробовал

взъерошить его волосы, но те были слишком липкие, и у ветра ничего не получилось. Зато вышло мазнуть холодным языком по заросшему щетиной лицу, и это помогло. Дален открыл глаза. С трудом отнял от постели руку, провёл по голове и тут же почувствовал дикую слабость во всём теле. Вместе со слабостью накатилась боль. Дышалось тяжело несмотря на свежий воздух. Сердце билось медленно и глухо. И было страшно как никогда.

Он совсем не помнил, что случилось. И уж совершенно не понимал, где он и как в этом месте оказался. Вокруг не было ни души, и ничьих голосов не было слышно. Только лошади фыркали где-то неподалёку. Одна вдруг громко и даже как-то испуганно заржала. Ей вторили другие, и вскоре Дален услышал голоса непонятных людей, вышедших успокоить животных и проверить, не перелез ли кто через стену или, может, лиса набралась храбрости и проникла через лазейку в надежде отхватить пару куриц. Потоптавшись, посветив факелами, поболтав о том о сём, люди вскоре ушли, и снова воцарилась ночная тишина.

Дален попробовал встать.

Все кости ныли, и тут же возникло ощущение, что тело собирали по кусочкам. Стиснув зубы, Дален приподнялся на локте. К горлу подступила тошнота, перед глазами всё поплыло, но Дален не сдался. Глубоко вдохнул, выдохнул. Стало легче.

Скинув с себя тонкое покрывало, Дален сел на кровати. Спустил ноги и коснулся голыми ступнями пола, как вдруг сознание снова заволкло пеленой боли, и Дален, задев рукой стул, вместе с ним грохнулся на холодный камень.

Едва слышный стон сорвался с бледных губ, и лицо безобразно скривилось. В горле проступил привкус крови, Дален зашёлся сильным кашлем. Его знобило и выворачивало наизнанку, а затем внезапно обдало таким пламенем, что сердце чуть не выпрыгнуло из груди. И в тот же миг всё прекратилось, а Дален, обессилев, распластался по полу и чувствовал себя абсолютно выпотрошенным.

Он и не сразу сообразил, что в тёмной комнате вдруг стало ярко, и не сразу услышал голоса над головой, как и не сразу ощутил, как его подхватили под руки, приподняли и усадили обратно на кровать. Сидел он с трудом и уже был готов повалиться на бок, как вдруг дыхание опять сотворило чудо и выровнялось, расплывчатая картинка

перед глазами вновь обрела чёткость, звуки стали яснее, и даже сердце успокоилось и забило в том самом прежнем ритме, в каком билось всегда, будто ничего не случилось и сейчас был обычный для Далена вечер, один из тех, которых прошло уже несколько тысяч со дня его рождения.

— Где я? — Слова дались с трудом.

Ответом ему было краткое:

— На городской стене. У центральных ворот.

— Что за... — пробормотал Дален, и снова всё, что он едва успел разглядеть, расплылось, превращаясь в одну сплошную яркую кляксу.

— Вам бы лежать, — проронили почти над ухом, и Дален почувствовал, как касается спиной жёсткой койки. По рукам прошла дрожь. — Я позову капитана, — добавили спешно.

Спустя пару секунд до Далена донёлся звук хлопающей двери. В комнате опять стало тихо. Затаившийся по углам ветер вылез из убежища и принялся гулять по полу и стенам.

Капуста с тушеной свининой были съедены и залиты вишневой наливкой, сохранившейся ещё с прошлого года, когда к капитану вдруг вломился детина и с отдышкой пробормотал:

— Очнулся. Тот странный тип... очнулся!

Дуон мгновенно понял, о ком речь. Вскочил с места, бросился к дверям, выскочил в коридор и заторопился в нужном направлении. Даже ослабленный на время ужина пояс не затянул как следует, а ведь раньше никогда не позволял себе выйти на люди в неподобающем виде.

Свечей не понадобилось — в комнате, где находился Дален уже стоял подсвечник с парой кривых, но вполне себе дышащих огнём, свечек.

Махнув рукой дозорному и дав тем самым понять, чтобы тот убирался к себе и ни в коем случае не вздумал болтаться рядом и подслушивать, Дуон кашлянул в кулак, прогоняя странное волнение, подобное волнению школяра перед важным экзаменом, и переступил через порог.

Брат Рики лежал на кровати, не шевелясь и уставившись в потолок. Швидоу видел, как ровно он дышал, и даже успел тому подивиться, так как полагал, что пришедший в себя после удара ножом в спину человек должен по меньшей мере чувствовать себя

прескверно, а по большей... Однако времени размышлять о большей мере не было, и Дуон ещё раз кашлянул. На этот раз робко. Дален медленно повернул голову в его сторону.

— Не поднимайтесь! — выкрикнул Швидоу, хотя Дален и не думал вставать. Он лишь открыл рот, чтобы выдать два-три слова, но и тут Дуон его опередил: — И говорить ничего не надо. Вы очень слабы. Вот. — Капитан схватил со стола чашку с давно остывшим отваром из трав, что привозила леди Мириан, и подскочил с той чашкой к кровати. — Выпейте это. Говорят, помогает. А если и правда поможет, и сил прибавит, то тогда и поговорим.

Дален несколько раз моргнул и поднялся. Принял чашку в руку, вопросительно посмотрел на Дуона и, заручившись его утвердительным кивком, осторожно пригубил мутное снадобье.

— Не лучше? — поинтересовался Швидоу, склонившись над кроватью.

Дален отдал чашку и сделал глубокий вдох. То ли воздух посвежел, то ли отвар и правда оказался чудодейственным, но с груди будто сорвали сковывающие сердце оковы, и то немного успокоилось. Задыхалось свободнее, и боль, до того покорившая каждую клеточку тела, куда-то исчезла.

Дален поднял голову и посмотрел на капитана.

— Кто вы? — спросил он и сильно удивился своему голосу. Тот в одночасье стал бодрее, и со стороны можно было решить, что то был голос абсолютно здорового человека.

— Капитан городской стражи Дуон Швидоу, — отчеканили с гордостью и пафосом.

Дален наморщил лоб.

— Капитан? — И эта фраза далась на удивление легко. Вот так отвар!

— Городской стражи, — вежливо добавил Дуон.

— Стражи?

— Городской стражи Торренхолла.

— Торрен... Погодите. — Дален мотнул головой. — Вы хотите сказать, что я в...

— Всё верно. Вы в Торренхолле, на городской стене, у центральных ворот. Вы в безопасности и среди своих. И скоро встанете на ноги.

— Да я уже...

Дален решил попробовать встать ещё раз, но Дуон ему помешал.

— Не стоит. Учитывая то, с какого света мы вас тут доставали, вы уж лучше лежите. Второй раз, боюсь, чуда может не случиться.

— Как я оказался в Торренхолле? Я же был... — Дален напряг память, вспоминая, что с ним произошло.

Та на удивление быстро нарисовала картинку да ещё в столь ярких тонах, что Далену стало страшно. Он словно заново ощутил на себе всю боль от удара в спину, пальцы сжались в кулаки, и всё тело запылало таким жаром, какого не было даже, когда Дален был в бреду. Но пара ударов сердца — жар отступил столь же внезапно, как и начался.

Голос капитана выхватил Далена из неприятных мыслей.

— Вы вспомнили, что с вами произошло?

Дален кивнул.

— Я всё вспомнил.

— Обещаю, мы найдём тех, кто это сделал. Я лично займусь поисками.

Дален вяло улыбнулся.

— Я жив, и это главное. Вы и правда сделали невозможное.

Дуон довольно крикнул.

— С такими ранениями, как у вас, долго не протягивают. Уж я-то знаю. Когда мои парни притащили вас из лесу, я удивился, что вы ещё дышите. И ещё больше удивился, когда пошли на поправку. Сколько видел подобных ударов — все бедняги не доживали до следующего дня. Вам повезло.

— Мне повезло, что я попал к вам, — с благодарностью в голосе выдохнул Дален. — Уверен, в любом другом случае был бы давно мёртв.

Швидоу расцвёл.

— Я должен был сделать всё, что в моих силах.

— Но вы ведь даже не знаете меня.

— И что с того?

— А ведь мне вас и отблагодарить нечем.

Швидоу махнул рукой.

— Какая ерунда! Спасти жизнь — вот, что было для меня важнее всего. Даже если ради этого приходится не спать ночами. А уж чью

жизнь спасаю — бедняка или богача — это не имеет никакого значения.

Дален восхищенно посмотрел на капитана.

— И всё же я у вас в долгу.

Дуон фыркнул.

— Не нужно ничего. А вот вам хорошо бы хоть бульона выпить, а лучше кусок какого мяса съесть. Схожу распоряжусь. Если повар ещё не уснул, то будет вам через час миска отварной курятины.

— Стойте! — крикнул Дален, когда Швидоу был уже почти в дверях. Капитан остановился и обернулся. — Простите, я забыл ваше имя...

— Швидоу. Капитан Дуон Швидоу, — было ему ответом, а затем хлопнули входной дверью.

Дален остался один.

— Швидоу... — протянул он и склонил голову вбок. — И почему это имя кажется мне знакомым?

Дален скользнул взглядом по стенам комнатки, остановился на столе у окна, а после — на склянках, тряпках, мисках, от которых шёл запах луговых трав. В одной из стеклянных баночек мази было почти на дне; другая ещё оставалась полной.

Сколько он тут пролежал? Несколько часов? Чушь! Несколько дней? Возможно. Или несколько недель? Тоже реально. И сколько же хлопот доставил этому чудесному человеку, капитану Швидоу!

Дален поёжился. Ему было неловко, ведь в кармане не было ни одной монеты, что можно было бы оставить взамен за заботу. Полученные от Стернса деньги, предназначавшиеся для всей деревни и, прежде всего, для семьи Рина, были самым наиглупейшим образом утеряны, а больше у Далена ничего не было.

И что теперь делать? Как возвращаться домой с пустыми руками? Идти снова к Стернсу, оправдываться и просить ещё денег? Как же жалко он будет выглядеть! Каким ничтожеством его будут считать! И что подумает сестра, когда узнает о случившемся?

Мысли о Рики приятно согрели ноющее от непонятной, хоть и едва ощутимой, боли в сердце. Как она? Где она? Что делает? Мечтала о Торренхолле и вот оказалась в его стенах. Но счастлива ли она, будучи совершенно одной в таком огромном муравейнике, где каждый борется за собственное счастье и не пускает ни одной букашки вперёд?

Что если с ней плохо обращаются? Что если Стернс изводит её своими прихотями и относится к ней даже хуже, чем к самой простой служанке? Разве такого будущего желал Дален своей сестре? Разве ради этого начал работать, едва научившись держать сети и лодочные тросы в руках? Ему всегда было плевать на себя, он мог лечь спать голодным, мог мерзнуть по ночам, но Рики... Рики не должна была знать ни голода, ни холода, и Дален всегда старался оградить сестру от всего самого неприятного, с чем она могла бы столкнуться в жизни. Как же в этот раз получилось, что он согласился отпустить от себя самое дорогое, что у него было?

Милая сердцу мордашка предстала перед глазами. Наивная улыбка, чистый взгляд... Что с ними сделает Торренхолл, в стенах которого выживает лишь хитрый и сильный? Обидит? Или закалит и наполнит жестокостью и безразличием? Дален не желал сестре ни того, ни другого. Он хотел для неё лишь лучшего, а лучшее, по его мнению, заключалось в тихой, счастливой семейной жизни, когда в доме пахнет варёной рыбой и рядом со столом играют и смеются дети. И Торренхолл не был тем местом, где всё это можно было бы получить.

Дален поёжился. Ночной ветер стал ледяным, и в воздухе запахло сыростью. Дождь был на подходе.

Но первой на подходе оказалась всё же курятина, а именно миска с куриным бульоном, в котором плавали крупно порезанные куски белого мяса. От бульона шёл легкий дымок, настолько он был горячий.

Встать Далену не пришлось: заботливый Швидоу, поставив миску на стол, подвинул его к кровати, так что оставалась только поудобнее усесться и взять ложку. Та тоже нашлась и была деревянная, без единого скола. Зачерпнув мутного бульона, Дален осторожно поднёс ложку к губам, сделал первый глоток и от наслаждения закрыл глаза.

Ощущение было странным. Случай в лесу Дален вспомнил полностью до мелочей, успел даже изумиться, насколько яркую картинку нарисовала память. Тело тоже помнило о боли: время от времени покалывало то с правого бока, то с левого, то в спине, то в груди. Однако прежнюю слабость как корова языком слизнула. Её словно стёрли и больше о ней не вспоминали. Зато с каждым новым ударом сердца крепчали мышцы, и, когда бульона в миске осталось

почти на дне, Дален вдруг почувствовал себя абсолютно здоровым человеком, как будто не было ничего или всё случившееся оказалось банальным сном, пусть и страшным.

Ничего не понимая и молча принимая всё то, что с ним творилось, Дален отложил ложку в сторону, сытно выдохнул и обратился к капитану, подпирающему спиной стену:

— Мне нужно повидаться с лордом Стернсем. Вы можете мне помочь и проводить к нему?

Дуон насторожился. Глаза забегали, а ржавые усы выпрямились и стали походить на натянутые на лютне струны. Он и не заметил, как изменился брат Рики, каким живым стал его взгляд и каким бодрым — голос.

— Могу ли я помочь? — невнятно повторил Швидоу.

— Я в Торренхолле больше никого не знаю.

Очередная приятность разгладила морщины на лбу капитана.

— Но зачем к Стернсу? Простой люд он не принимает, даже если использовать связи.

Последней фразой Дуон откровенно себе польстил. Даже если бы Стернс был снисходителен до толпы и лично выслушивал каждое прошение, посланника от капитана он точно принял бы в последнюю очередь. Дуон был в этом уверен. Или вообще перенёс бы слушание на следующий день, а тем следующим днём непременно бы заболел и всё отменил.

Дален горько усмехнулся.

— Я, идиот несчастный, растерял всё, что получил от милорда. Найти утерянное равно как искать иголку в стоге сена. Знаю, звучит самонадеянно и глупо, но к кому мне ещё идти, как не опять к лорду Стернсу?

Швидоу с трудом соображал, о чём речь, но внимательно слушал и строил в голове свою цепочку свершившихся прошлых и возможных будущих событий.

— Помочь не отказываюсь. И скажу прямо: вам повезло, у меня особое положение при дворе.

Последние слова Дуон произнёс важно. Сразу вспомнил о дне свадьбы Гайларда и неожиданно полученном приглашении побывать в замке на следующий день. Не суть, что то приглашение было брошено, как кость собаке, а встреча и вовсе не состоялось. Главное, что лорд

Стернс обратил на капитана внимание, и, будь хозяин сейчас дома, Швидоу не преминул бы воспользоваться роскошной «подачкой», чем непременно возвысился бы в глазах брата Рики, но... Вот невезение! И угораздило лорда Стернса именно в эти дни оказаться вне родных стен.

Дален цеплялся за последнюю надежду.

— Помогите, — снова попросил он. — Прошу. Мне очень нужно его увидеть.

Капитан скорчил грустную мину.

— Так я же не против. Вот прямо сейчас взял бы и бросился к милорду. Но только это бессмысленно. Лорд Стернс покинул Торренхолл, и никто не знает, когда он вернётся.

Отчаяние захлестнуло Далена. Он сидел на городской стене, среди незнакомых людей, спасших ему жизнь, обременял их своим присутствием и не мог никак отплатить за доброту. Он не мог и вернуться в Ланимор, ведь всё, что предназначалось для деревенских моряков, было сейчас в руках мерзких пройдох, с которыми Дален тоже не смог справиться.

— И всё же мне нужно попасть в замок, — выдавил он после недолгого молчания. — Там моя сестра. Хочу увидеть её. Хочу убедиться, что с ней всё в порядке и её никто не обижает. И она может знать, когда вернётся лорд Стернс.

Последние мысли воодушевили. Конечно! Кто как не Рики может это знать. Стернс намеревался всегда держать её при себе. Значит, она могла ненароком услышать, куда он поехал и когда его ждать обратно.

Однако Швидоу покачал головой, и Дален понял, что и в этом он допустил осечку.

— О планах милорда не знает даже его жена, что уж говорить о вашей сестре. На какой работе она в Торренхолле? Швея? Прачка? Может, кухарка? Я мог пересекаться с ней в замке.

Дален слегка растерялся.

— Не швея, не прачка и не на кухне. Даже слов не могу подобрать, чтобы объяснить. Она нечто вроде... — Дален замешкался, — ...щита.

Дуон непонимающе заморгал. Дален заметил смятение на лице капитана и добавил:

— Звучит бессмысленно, но другого слова не найдёшь.

Дуон закашлял, словно в горле стоял ком и нужно было от него срочно избавиться, и как бы невзначай обронил:

— Я хоть и знаю в замке почти всю прислугу, но не помню кого-либо, кто бы числился в такой роли. Как зовут вашу сестру? Может, по имени вспомню.

— Рики, — ответил Дален.

Дуону не составило труда изобразить на лице крайнее удивление.

— Рики? Я знал одну девушку с таким именем, но она работала не у Стернса, а у меня. Милое создание. Я в ней души не чаял. Всегда заботился о ней и работой особо не нагружал. Потом она отпросилась на пару дней домой, но так и не вернулась. Может, случилось что? Я весь извёлся и не знаю что думать. Хоть на поиски бросайся.

Про то, что видел Рики на свадьбе Гая, Дуон умолчал. Сердце подсказывало свою игру, и излишняя болтливость не приветствовалась.

То, что сейчас говорил его спаситель, было Далену знакомо. Точно! Сестра, сбежав из дома, нашла приют именно на городской стене Торренхолла, а письмо, которое она привезла с собой, было за подписью — Дален напряг память — капитана Дуона Швидоу!

Прозрение молнией ударило в голову. Дален поднял глаза на капитана, и Дуон увидел во взгляде моряка ещё большую благодарность, чем мог себе представить.

Воспоминания вызвали на лице улыбку. Дален резко встал, выпрямился во весь рост, уверенно шагнул к капитану, в который раз удивился взявшимся из ниоткуда силам и протянул для рукопожатия руку.

— Будем знакомы, — сказал мягко и по-свойски. — Ваше письмо я читал и теперь не сомневаюсь ни разу, что вы будете моей сестре хорошим мужем.

Про себя Швидоу праздновал победу, но внешне вёл себя по-прежнему недоуменно. Выдержав на своей руке крепость пальцев Далена, вкрадчиво спросил:

— Так вы и есть брат моей Рики? Мы точно говорим об одном и том же человеке? Ничего не перепутали?

— Зовите меня Дален. А по поводу Рики не сомневайтесь. Вряд ли в Торренхолле найдутся две пацанки, забредшие на городскую

стену и получившие предложение от самого капитана городской стражи. Да чтобы ещё и имя совпало!

— Имя у неё редкое...

— Да во всём мире не найдётся девчонки с ещё одним таким же именем и таким же дурным характером!

— Вы преувеличиваете.

— Насчёт имени?

— Насчёт характера.

— Ни капли. Вот узнаете её получше, убедитесь, что я прав.

— Мне она кажется ангелом.

— Я рад это слышать. Даже не верится, что это всё про мою сестру. Теперь мне просто необходимо её увидеть. Нужно сказать ей, чтобы быстрее заканчивала маяться дуростью и начала жить нормальной, достойной честной женщины, жизнью.

— Так вы не против моего предложения?

— Буду с вами честен: когда прочитал письмо, не поверил. Подумал, кто-то таким образом над ней потешается. А теперь вижу, что опасения были напрасны. Так что я не против. Мне всегда хотелось, чтобы сестра связала жизнь с человеком верным, заботливым, добрым и ответственным. В вас я вижу такого человека и с легкостью в сердце отдаю вам сестру.

Дуона распирала гордость за самого себя. Он всё сделал правильно, рассчитал каждый ход и каждое слово, а госпожа удача ему немного помогла, и желаемое пришло в руки само собой. Теперь его оставалось лишь лелеять и беречь. Однако следующие несколько минут охладили страсть капитана и показали, сколь далеко в тот момент было от него его счастье.

— Раз Стернса нет в замке, — засуетился вдруг Дален, — то нет и препятствий увидеться с Рики. Она, должно быть, ничем сейчас не занята. Мы сможем сегодня к ней попасть? Ещё не поздно? Мне намного лучше, и я без проблем смогу идти.

Швидоу рванул вперёд, останавливая Далена.

— Я вам и шага не позволю сделать! Вот пройдёт дня два-три, тогда пожалуйте.

— Но Рики...

— Я пошлю своего человека в замок, чтоб справился о ней и привёл сюда, — тут же выкрутился Швидоу, хотя уже прекрасно знал,

с каким ответом вернётся посыльный, поэтому аккуратно ввернул мысль вслух: — Но думаю, Рики нет в замке.

— Нет в замке?

— Я слышал от знакомого кузнеца, что Стернс взял с собой только самых близких ему людей. Среди них капитан Эйдан Шеллинг. Не слышали о таком? В народе его называют мечом лорда Гайларда. А к мечу всегда полагается щит, ведь так? А если тем щитом служит ваша сестра...

Дуон задумчиво поскрёб подбородок, а Дален с досады сплюнул на пол.

— Этого я и боялся, — выдавил он.

— Чего именно?

— Что он будет таскать её с собой повсюду, и плевать, хочет она сама того или нет. И в дождь, и в снег, и в жару. Она так долго не протянет.

— Но зачем он это делает?

Дален стиснул зубы, вспоминая, с чего началась вся эта неприятная история.

— Не могу объяснить. Хотел бы, но обещал молчать.

Сказанное звучало интригующе.

— Так это не прихоть Стернса держать около себя Рики? Уф, а я уж было подумал, что она ему приглянулась.

— Рики-то? Не смешите меня. Она милая и добрая, но во многом наивная и ещё такой ребёнок. Красоты в ней нет, и Стернсу она нужна лишь на время. Я бы даже назвал это сделкой. Но, боюсь, за это время он изведёт её настолько, что она совсем зачахнет. Скорей бы объявилась та тварь... Я готов второй раз против него выйти, только бы он показался, и моя Рики, наконец, начала новую жизнь.

Последнее было произнесено негромко и больше про себя, но слух у Дуона был отменный, и даже если бы слова были сказаны шепотом, он всё равно услышал бы как минимум половину.

— Я всё же отправлю в замок завтра своего человечка, — вымолвил Швидоу. — А вдруг Рики на месте и никуда не уехала. Всё может быть. Надо удостовериться.

— Это так великодушно с вашей стороны.

— Это полнейший пустяк.

— Но это ещё раз показывает, как вы к ней относитесь.

— Я люблю её и сделаю всё, чтобы она была счастлива.

— Тогда берите её и сделайте то, что обещаете. Я противиться не буду. Мне надоел её мальчишечий образ жизни. И мне обидно, что ни один мужчина, кроме вас, не увидел в ней женщину. Но в том виноват я сам: не смог воспитать её как подобает. Уверен, что и у Стернса с ней обходятся не очень. Наверняка спит в одной комнате с мужланами, ест что попало, слушает брань и таскает тяжести. Если с вами её жизнь изменится, то я смогу наконец спать спокойно.

Швидоу выглянул в окно.

— Уже поздно, — сказал он, закрывая створки. — Я принесу вам одеяло потеплее, а то на улице сильно похолодало. Видимо, ночью будет дождь. Много их что-то в этом году, дорога просыхать не успевает. У вашей двери поставлю караульного. Если что понадобится, зовите его. Если вновь станет плохо, тоже зовите. Вам нужно поправиться побыстрее. Вряд ли Рики будет рада увидеть вас слабого и больного, так что уж постарайтесь.

Капитан был прав. Хоть состояние улучшалось словно по волшебству, после сытного ужина неожиданно разморило, и Дален уже мечтал вновь коснуться головой подушки. Поэтому соглашался со Швидоу во всём. В конце концов, тому можно было доверять полностью, и если повезёт и Рики окажется в замке, то завтра они увидят её, и Дален должен выглядеть свежо и здорово, чтобы и Рики прониклась тем, что сделал для него капитан, и, возможно, тогда в каком-то веке непослушная сестра выслушает брата и согласится с ним.

* * *

Прошло около недели, прежде чем Гайлард Стернс решил покинуть Папоротниковую впадину.

Настроение было прескверным.

Во-первых, утро выдалось сырым, и вода, скопившаяся в низинах после двух ночей проливного дождя, громко хлюпала под копытами лошадей.

Во-вторых, дочь лорда Альгервильда вернулась из Торренхолла прошлым днём и всё время за ужином трещала о том, как же прекрасен юг и какими милыми беседами её занимала леди Мириан по

вечерам. Старику Рею это нравилось; он сидел в кресле, сложив руки на пузе, и млея от удовольствия, в то время как Гай давился беконом, от которого почему-то несло мышами.

В-третьих... Вот третье раздражало больше всего: гадёныша так и не нашли. Почти каждый день из той или иной деревни кто-то прибегал и с пеной у рта клялся, что именно его родители только что поймали разыскиваемого пацана, но стоило Стернсу прибыть на место, как он уже издали видел, что ничего общего у пленённого паренька с Сэмом не было.

Где искать поганца — было не понятно. Как долго ещё искать — тоже. Может, он давно мёртв и стоило бы успокоиться? Но как успокоиться и перестать вздрагивать от каждого шороха по ночам, если закрываешь глаза, и тело начинает гореть, а воображение рисует пламя, поедающее всё, что дорого?..

Время тянулось медленно, а дорога была трудной. Присоединившийся к ночному дождю ветер повалил много деревьев — пришлось делать крюк, и на лесную тропу вышли только после полудня, порядком устав.

— Остановимся здесь!

Капитан Шеллинг услышал приказ, кивнул и потянул на себя поводья. То же самое сделали и остальные всадники. Каждый из них про себя желал быстрее добраться дома, но вместе с тем каждый был не прочь на какое-то время протянуть ноги и подремать, прислонившись спиной к широкому дубу.

Рики тоже начала останавливать лошадь, но та была с характером и пару раз дёрнулась, чуть не скинув с себя неопытную всадницу. Помог Стернс. Быстро спешившись, он оказался рядом, тут же успокоил лошадь и протянул руку девушке. Смутившись, но приняв помощь, Рики решила быстренько спрыгнуть на землю, но запуталась ногами в стремях, и приземление вышло неуклюжим и совсем не таким, какое бывает у красивой леди, когда ей помогает спешиться знатный господин.

Гай ничего не сказал, только хмыкнул, развернулся и прошёл к поваленному дереву, около которого уже сутилась стража, собираясь разводить костёр.

Заставить сырую древесину всколыхнуться огнём оказалось ещё той задачей, но капитан Шеллинг позаботился захватить из

Папоротниковой впадины сухой коры, и спустя некоторое время в небо взметнулись мошками оранжевые искорки. Жар принялся высасывать влагу из поленьев, и вскоре пламя выровнялось. Стало тепло.

— Вы так и не поймали того, за кем охотились?

Вопрос не требовал ответа, ведь Эйдан Шеллинг и так прекрасно знал положение дел. Сев на поваленное дерево напротив Гая, он поправил широкой деревяшкой дрова в костре, проверяя, достаточно ли будет углей для запекания картошки, или надо ещё подождать.

— Поймаю, — ответил Стернс, снимая с пояса меч, мешавший поудобнее устроиться у костра. — Не сегодня так завтра, но обязательно поймаю.

— В чём провинился тот мальчишка, что ему столько чести? Раньше вы никогда лично не занимались поимкой тех, кто преступил черту.

— Он хотел меня убить.

Рука капитана на какое-то время замерла над костром, но пламя было тут как тут. Укусило, и Эйдан мигом отдёрнул руку.

— Вы так спокойно об этом говорите...

— Да? — Гай дотянулся до крохотного кустика, которому от роду было не более полугода, сорвал две крохотные ягодки, хрустнул ими на зубах. Те оказались незрелыми и кислыми. — Наверно, уже свыкся с мыслью.

— Если кто-то смеет вам угрожать, то скажите мне. Я сам найду его и выпотрошу; вам не следует рисковать своей жизнью.

— Если уж я не могу его найти, то ты и подавно не справишься.

Гай потянулся, тряхнул головой и посмотрел по сторонам.

Привязанные к деревьям лошади топтались на месте; некоторые щипали траву. Стражники занимались каждый своим делом: одни вытряхивали картошку из мешка, другие соревновались между собой в метании ножа, третьи просто сидели, ничего не делая.

— А где Рики? — внезапно спросил Гай, и только сейчас до него дошло, что последний раз он видел её ещё до того, как разожгли костёр.

Эйдан выпрямился.

— Я отправлял её с Элараном и остальными найти веток посуше. Разве она до сих пор не вернулась? Эларан! — окликнул он паренька, зад и спина которого ещё помнили жгучую крапиву. — Поди-ка сюда.

Мальчишка Стенден востепенелся, перепрыгнул через пару изящно выгнутых коряг и вырós перед Шеллингом и Стернсом.

— Ты же с Рики вместе уходил? Где она?

— Э-э-э, — протянул тот и покрутился на месте, — а её нет? Действительно. Нет.

Взгляд, которым обдал Элара́на Гай, заставил паренька икнуть от страха. Судорожно сглотнув, он зачистил:

— Мы пошли в ту сторону. — Элара́н махнул рукой. — У меня в руках были ветки, у неё тоже. Потом она повернула вправо, а я — влево. А дальше я кружил от одного дерева к другому, а потом к костру вышел. С Рики больше не виделся. Думал, она давно тут, картошку уминает.

Стернс схватил с земли меч и поднялся.

— Ещё раз, в какую сторону она ушла?

Элара́н показал направление.

— Стойте, милорд. — Капитан Шеллинг схватил Стернса за руку, но тот дёрнулся, вырываясь. — Я с вами.

Стернс спорить не стал, но и дожидаться, пока Эйдан его догонит, тоже. Ринулся в чащу леса, и капитан Шеллинг чуть не потерял хозяина из виду.

* * *

— Где же, где же, где же... — бормотала Рики, ползая от куста к кусту, приподнимая упавшие ветки и вороша листву. Ладони были все грязные, и даже к подбородку каким-то странным образом прилип дубовый листок, но желаемое так и не встретилось.

Осмотрев всё вокруг в третий раз, Рики села, обхватила руками колени и задумалась. Где же она могла её потерять?

На развилке? Там, где ещё из-за трухлявых деревьев ничего не видно? Нет. Рики тогда ехала верхом, поводья держала уверенно и точно знала, что кожаная верёвочка с нефритовым камушком охватывала запястье крепко и слетать не собиралась.

Или когда Элара́н окликнул и позвал собирать ветки в лесу? Рики тогда шла, без умолку болтала, сильно размахивала руками и пару раз зацепилась рукавом за колючие кусты. Если так, то где теперь искать

те кусты? В какую сторону идти, если всё перед глазами перемешалось и слилось в одно зелено-коричневое пятно?

А может, это случилось минут двадцать назад, когда, кряхтя, как старая бабка, Рики тащила охалку отсыревшего хвороста, запнулась о пень и свалилась, всё рассыпав да ещё и штаны на коленке продрав? Если так, и верёвочка слетела с руки именно в тот момент, то она должна быть где-то рядом. Ведь всё рассыпанное валяется тут, между деревьев. Но, с другой стороны, это всё рассыпанное уже переворошено по три раза, так почему дорогой сердцу вещицы там нет?

Рики всхлипнула и вытерла нос выпачканной в грязи ладонью.

Она костерила себя мысленно не одну минуту и не две. Даже один раз зарядила себе кулаком по лбу, но толку от того было кот наплакал: подарок Стернса как валялся где-то, укрытый мхом и засыпанный влажной землей, так и продолжал валяться. Слезы не помогали, на душе становилось грустно, а осознание того, что лишилась единственного, что связывало её с Гаем и напоминало о ночи, полной загадок и откровений, приводило в странное отчаяние, словно Рики лишилась не просто кожаной нитки, а частички своей жизни.

— И почему со мной всегда так?..

Тяжёлый вздох на вопрос не ответил, но на миг стало легче.

— Твоё? — раздалось звонкое над головой.

Перед Рики заходил маятником тот самый кожаный шнурок! И даже нефрит посередине был тот же самый, хоть и грязный, и с крохотным муравьишкой, не понимавшим, как он сюда попал и как теперь отсюда выбраться.

Рики почти схватила шнурок, но тот резко дёрнули вверх, и пальцы поймали воздух. Пришлось оборачиваться и одаривать гневным взглядом того, кто вздумал шутить, а уж Рики сразу поняла, кто это был.

— Отдай. — Рики смотрела на Сэма, насупив брови. Его лицо было перепачкано грязью не меньше нефрита. — Это принадлежит мне. Где ты её нашёл?

Но Сэм сунул руку с верёвочкой за спину и отпрыгнул от Рики подальше — просто так не достать.

— Поговорим? — предложил он.

— Мы уже всё обсудили.

— Мне не понравился наш последний разговор.

— А по мне так отличный разговор вышел!

— Мы не договорили, и ты это знаешь. Сказала, что сдержишь слово и выслушаешь меня, а сама...

— Я выполнила свою часть договора. Будь добр, выполни и ты свою.

— Уйти и больше около тебя не крутиться?

Рики кивнула.

— Именно. Я достала то, о чём ты просил. Одежду, еду... и даже сапоги! Взамен прошу лишь исчезнуть, сбежать, раствориться... Уходи туда, где тебя никто не знает, никогда не поймают и никогда не приведёт к моему хозяину.

— Я сгрыз то пакостное письмо, — вдруг выдал Сэм.

— И что?

— Я чуть не подавился им, между прочим. Знаешь, как потом болел живот?

— Думаешь, проникнусь? Пожалей тебя? Вот ещё.

— Да я уж понял, что жалости от тебя не дождёшься, как и благодарности. Не зря же ты меня так старательно избегала все последние дни. Знала, что просто так я не исчезну, и брала измором? Специально нигде не оставалась одна, чтобы я к тебе не подошёл? Думала, что мне надоеет и я сдамся, ведь так? Но я упёртый.

— Много ты о себе возомнил, — фыркнула Рики, не сводя глаз с кулака, в котором был зажат шнурок.

— Ты и признавать, что я прав, не хочешь. Вот же гадюка...

На секунду Рики всё-таки отвлеклась от верёвки.

— Кто?

— Гадюка. Другого слова не подберёшь. Я поначалу принял тебя за ангела, а ты — змеюка, каких свет не видывал!

Рики чуть не захлебнулась от переизбытка эмоций.

— Ты кого змеюкой назвал, вор?

— А ты кого в вору записала, трусливая курица?

— Ты...

Сэм вдруг уверенно шагнул навстречу к Рики, обхватил её за плечи и заглянул в глаза. Та поёжилась, вспомнив, какими янтарными они были на острове и как хищно сужались продолговатые зрачки, больше присущие змеям или кошкам, но не человеку. Стало страшно.

— Ты меня боишься? — Сэм говорил вполголоса. — Или ты мне не веришь?

— Я просто не понимаю, что тебе от меня нужно. Ты получил всё, о чём просил. Знал бы ты, чего мне стоило всё это добыть.

— А я знаю.

— Взамен ты должен был уйти. А что ты делаешь? Продолжаешь охоту? На меня? Или конечная цель — мой хозяин, а я всего лишь способ подобраться к нему поближе?

— Сто раз уже говорил, что он мне не нужен!

— А что тогда нужно? Чего ты хочешь?

Сэм опустил руки и ответил на выдохе.

— Хочу разобраться в себе. И хочу, чтобы ты мне в этом помогла. Об этом я и собирался тебя просить.

Рики недовольно посмотрела на Сэма.

— И как ты себе это представляешь? Что именно я должна делать?

Сэм пожал плечами.

— Этого я не знаю, но с чего-нибудь да начнём. Я тебе доверяю. Ты находчивая. Штаны для меня вон как ловко отработала!

— Я лишь выполняла то, что должна была. И да, мне доверять можно. В отличие от тебя я уговор не нарушила.

— Я тоже не собираюсь.

— Ты уже это сделал! Ты сейчас маячишь у меня перед глазами и шантажируешь вещью, на которую не имеешь права, а должен быть далеко-далеко, где-нибудь на краю света, а лучше — на льдине посреди океана.

— Что сложного в моей просьбе?

— А ты не понимаешь?

— Я ж не прошу тебя камни таскать или каждый день воровать мясо со стола твоего хмыря. Всего-то...

— Всего-то? — возмутилась Рики. — Просишь помочь понять, кто ты, и называешь это «всего-то»? Неужели ты не догадываешься, что твоя просьба значит для меня лишь одно — ты всегда будешь мельтешить рядом, и рано или поздно Стернс тебя схватит. Даже если я поверю в то, что ты не представляешь опасности для моего хозяина, я никак не могу допустить, чтобы ты слонялся поблизости! Вот никак!

Прости, но моё положение в Торренхолле мне дороже твоего стремления докопаться до правды.

— Он меня не схватит. Обещаю. Ты же знаешь, как я умею. Реагирую мгновенно на каждый шорох. Такой мухой притворюсь — ни один поварёнок не поймает.

— Ага, а потом еду отравой для насекомых посыплют, ты на неё мухой сядешь да в тот момент и окачужишься.

— Так ты только рада будешь. Не буду мелькать у тебя перед глазами.

— Ну, если ты в теле мухи помрёшь, то да. А вот если обратно собой обернёшься...

— Хм, — Сэм задумался, — об этом я как-то не сообразил. Не умирал же ни разу. Интересно ты придумала.

Рики фыркнула.

— Ничего не придумала. Просто вспомнила, как брат в дракона попал. Убил вроде как зверя, а на песке мы обнаружили человека. Как это понимать?

Сэм поднял вверх указательный палец и важно произнёс:

— Вот давай и выясним это! Неужели тебе не интересно?

— Нет, — откликнулась Рики, — не интересно. Даже думать об этом не хочу. И без тебя забот хватает. Сейчас вот надо найти способ забрать обратно шнурок и отыскать дорогу к костру. Куда вот мне идти? — Рики повернулась лицом к большому муравейнику. — Вправо или влево?

— согласишься помочь — подскажу, — ехидно вставил Сэм.

— Сама определюсь.

— А с моей подсказкой дойдёшь быстрее.

— А мне и идти не надо будет. Закричу громко — кто-нибудь услышит и прибежит.

— Да видел я всех тех, кто, как ты надеешься, к тебе прибежит. Сидят, уминают печёный картофель за обе щёки и травят байки. О тебе никто не вспоминает. Спорим, тебе даже уголька поесть не оставят?

— Врешь ты всё.

— Твой хмырь, кстати, тоже, вытянув ноги, у костра лежит. Смотрит на мошек и почти дрыхнет. Никому ты не нужна...

— Вот же... — Рики развернулась к Сэму и сделала шаг вперёд. Её лицо покраснелось от злости, а руки были готовы обхватить шею

этого гадёныша и сдавить со всей силы.

— Ага! — Сэм ловко отскочил назад. — Я тебя разозлил. Не нравится правда? А если согласишься помочь, то я могу стать тебе другом. Настоящим другом. Не то что все эти... Ты не смотри, что я такой тощий и хлипкий. Я — худой, но жилистый. И силы во мне — троих таких, как твой хмырь, с одного удара уложу.

— Вот же врун...

— Доказать?

— И как ты это сделаешь? Кролику или мыши такое не под силу. Или драконом опять станешь? Ты же говорил, что больше так не умеешь. Так когда ты врал: тогда или сейчас?

— Не веришь? Так я тебе покажу. Только в штаны от страха не наделай.

Рики скептически хмыкнула.

— Лучше бы показал дорогу... Ой.

Со стороны кустов, полных лесной малины, там, где секунду назад стоял Сэм, на Рики смотрел здоровенный свирепый кабан. Такой, если пойдёт в лобовую атаку, одной только своей массой сшибет любое заграждение, сколь крепким бы то ни было. Гора мускулов, пучок тупой силы и ярости — вот, что в один удар сердца выросло перед девушкой и напугало противным хрюканьем, больше похожим на хрип.

Рик робко шагнула в сторону. Один шагок, второй... Кабан повернулся в её сторону, и его глаза недобро блеснули.

Третий шаг, четвёртый... Рики упёрлась спиной в ствол дерева. Кабан же топнул копытом, чуть опустил голову, и клыки, торчавшие из пасти, нацелилось на тоненькое девчачье тело.

— С... Сэм... — с трудом прошептала Рики. В горле пересохло, руки и ноги онемели от страха. Про висевший на поясе нож она позабыла и мысленно уже попрощалась с жизнью.

В воздухе просвистела стрела и наконечником врезалась в россыпь поганок, слегка оцарапав кабаньей бок. Зверь взвизгнул, повернул морду в другую сторону и принялся озлобленным взглядом выискивать среди кустов обнаглевшего хабреца. А Рики схватили вдруг за руку, резко дёрнули, что чуть ту руку не оторвали, и следующее, что девушка увидела, была широкая спина Гайларда Стернса, об которую Рики тут же стукнулась подбородком. В руке Гая

был меч, и Стернс был напряжен как никогда. Не отрываясь, смотрел лишь в одну точку — на недовольного кабана.

— Беги, — не поворачиваясь, шепнул Гай. — Быстрее. Мы с ним разберёмся.

Рики запаниковала. Страх отступил, и память вернулась. Теперь Рики смотрела на кабана не как на дикое животное, не успевшее растерзать жертву, а как на Сэма, желавшего всего лишь удивить и переманить на свою сторону и неожиданного столкнувшегося с препятствием.

Рики посмотрела вправо. Неподалёку стоял капитан Шеллинг и тоже был готов отразить нападение зверя. Влево — там прятался Эларан и уже ставил на лук вторую стрелу.

— Нет! — вскрикнула Рики, ловко обогнула Гая, выпрыгнула из-за дерева и рванула прямо по поганкам, нещадно втоптывая те в землю. Встала между кабаном и остальными и широко раскинула руки.

— Рики! — Гай рванул вперёд, а следом за ним и Эйдан.

— Стойте, милорд! — взмолилась девчушка и, всхлипнув, бросила через плечо зверю: — Живо уходи. Они же от тебя места живого не оставят.

Послышался треск веток. Кабан попятился назад, в тень, где начинались папоротниковые заросли.

Оберегаемый худенькой девчушкой, он был надёжно защищен от метких стрел и острых мечей. А Рики стояла и тяжело дышала, про себя отсчитывая секунды, когда Сэм скроется в чаще и она выдохнет с облегчением. Все мысли были только о Сэме, и Рики даже не заметила, каким паническим взглядом на неё смотрел Стернс и сколь бескровно было его лицо, на котором застыл ужас.

Шаги затихли. Рики опустила руки и села на траву. Закрыла глаза и попыталась всё забыть.

Она слышала, что Эларан шмыгнул в заросли, пробуя преследовать кабана. Эйдан Шеллинг ещё крикнул бестолковому мальчишке, чтобы тот немедленно остановился, однако тот не послушал. Но Рики была спокойна: она знала, что Эларану ни за что не найти Сэма — тот наверняка уже стал мышкой-полёвкой и ползает сейчас где-то у ног, насмехается.

Рики чувствовала и дыхание Стернса рядом и ощущала на себе тепло его тела. Его меч валялся на траве, а объятия были так крепки, что Рики даже было немного больно. От его одежды пахло костром и лесом, и он нежно гладил девушку по волосам, как обычно делают, что успокоить ребёнка, перепуганного до смерти.

— Больше так не делай, — прошептал Стернс, и Рики по себе кивнула. — Это ж надо было до такого додуматься... Дурочка. А если бы он тебя растерзал?

— А если бы вас? — пробормотала Рики, только сейчас осознав, что не только Сэм был в опасности. Гай тоже. — Нашли кого за спину прятать.

— Замолчи, — вымолвил Стернс, снова прижал к себе Рики и едва ощутимо коснулся губами её лба.

— Он скрылся, — звонко крикнул Элاران, возвращаясь из зарослей. — Нигде не нашёл.

— Ещё один болван, — проворчал Стернс, отстранился от Рики, поднялся и протянул руку. — Экий храбрец. Попёр с кабаном в чащу один на один отношения выяснять. Чтобы больше далеко от костра не отходили. Понятно? К огню ни один зверь не посмеет сунуться. А это что?

Гайлард поворочал носом сапога поганки, нагнулся и поднял с земли верёвочку с нефритом.

— Потеряла, что ли? — спросил он Рики.

Та кивнула.

— Из-за неё и не возвращалась, — ответила она. — Искала.

— И так больше тоже не делай, — сказал он, закрепляя шнурок на руке Рики. — Она не стоит твоей жизни.

* * *

Ланимор встретил Далена запахом водорослей, убаюкивающим шумом волн и бледным светом луны, что висела низко над морем.

Было давно за полночь, и жители деревни крепко спали. В доме старосты, где, как известно, свечи жгли допоздна, гадая на всём, что под руку попало, тоже было темно и тихо. И даже кошки, любящие

прогуляться по холодку, дремали кто в дровах, кто в сене, уютно свернувшись клубочком.

Родной дом был по правую руку, дом Коногана — по левую. Дален свернул влево. Как бы ни хотелось обнять Адель и зарыться носом в её мягкие волосы, вначале нужно было избавиться от камня на сердце.

Кулаком в дверь постучали раз пять, когда заспанная помощница — старая дева с пучком седых волос на затылке — сообразила доковылять до засова.

— Кого ещё принесло в такой час? — проворчала она, шумя замком.

Отворив, выпучила глаза и громко икнула.

— Я войду? — негромко спросил Дален. Не дождавшись разрешения, переступил через порог.

Староста выбрался из постели быстро. Сначала тоже не поверил своим глазам и даже пару раз ущипнул Далена за плечо, на что тот лишь вяло улыбнулся, а после начал свой рассказ.

Рассказывал он недолго и только то, что нужно было знать старосте. Про пережитые ужасы, как и было наказано Стернсом, умолчал.

Староста слушал внимательно, иногда снимал ночной колпак и приглаживал жиденькие волосёнки на лысеющей голове. Всё, что он услышал, было печально, но в же время ему было радостно, что помощник, которого он ценил больше всех людей в деревне и которому доверял больше чем самому себе, вернулся целым и невредимым.

— Так, значит, обе лодки того... в щепки? — протянул Коноган, когда Дален закончил рассказ и перевёл дыхание.

— Обе.

— А поговаривали, возле острова тишь да гладь и никаких скал.

— Они со всех сторон. Я обошёл весь остров и всё видел.

— А вы не могли ошибиться курсом? Хотя что я такое несую? Чтобы ты и Рин ошиблись...

— Ошибки не было.

— Верю, мой мальчик. Ну, а лорд Стернс? Много денег дал?

Дален сглотнул.

— Много.

— И всё... того?

— Всё, — виновато ответил Дален, но тут же вскочил со стула, на котором сидел, похлопал себя руками по груди и бокам, вытащил из потайного кармана монеты и протянул Коногану. — Вот. Всё, что у меня есть. Пять медяков. И те не от Стернса, а от человека, который выходил меня. А со Стернсом я встречусь. Обязательно встречусь. Как только он вернётся в Торренхолл, мне пришлют весточку, и я в тот же час отправлюсь к нему. Лорд Гай обязательно поможет нам ещё раз — я уверен.

— В противном случае нам всем будет очень худо зимой, — подытожил Коноган. — Буду с тобой честен, я и сам хотел просить его принять меня.

— Вот как?

— Он вернулся, а вы — нет. Вот мы и решили всей деревней, что, может, какая беда с вами приключилась. В Торренхолл я собирался третьего дня. Сапоги начистил. А в ночь перед отъездом как спину прихватило! Я и слёг. Так и валялся все эти дни в кровати с плющом на поясице. И ведь некого было послать заместо себя! Тебя нет, а остальным я не доверяю такое важное поручение. Ляпнут ещё чего... перед лордом-то... Стыдоба будет!

Дален взял трясущуюся руку старосты в свои, крепко сжал, согревая, и сказал:

— Обещаю, что договорюсь со Стернсом. А если не получится, то сам верну все деньги чего бы это мне ни стоило. Мерзавцев тех из-под земли достану, но верну!

— Вот про мерзавцев лучше забудь, — поспешил охладить пыл помощника староста. — А ну как снова от них отхватишь? А ты мне живой нужен.

— Тем не менее найду их — прибью!

Коноган добро улыбнулся.

— Тебе никогда не убить человека, мой мальчик. В тебе слишком много хорошего...

Беседа длилась ещё долго. Когда старосте стало невмоготу сидеть, он попросил проводить его до комнаты и, договорившись встретиться вновь завтрашним днём после полудня, довольно вытянул ноги и долго лежал, глядя в потолок и думая о том, что услышал.

Из дома Коногана Дален вышел быстро. Разбуженная во второй раз помощница заперла за ним дверь, и Дален заторопился в сторону родного дома. Он столько времени ждал этого дня! Столько раз видел любимую жену во снах, думал о ней, в мыслях гладил её по длинным волосам и нежно целовал, что сейчас даже не верилось, что он вот-вот её увидит. Слишком долго и сложно было его к ней возвращение. Даже выйти из Торренхолла оказалось ещё той проблемой.

Казалось бы, что проще? Ноги есть, двигать ими труда не составляет. Стена тоже рядом — рукой можно в камень упереться, а капитан Швидоу — добрейший человек, которому ничего не стоит отдать приказ отворить ворота и опустить мост через ров. А дальше взору открывались поля, за которыми начинался лес, за лесом — дорога к морю и на родную деревню. Добраться — проще, чем рыбу разделать! Однако на деле всё оказалось не так.

Дуон Швидоу упорно отказывался признавать, что Дален поправлялся не днями — часами. Настаивал на пребывании в казармах ещё с недельку-другую, а то и с месяц. Уговаривал дождаться приезда какого-то именитого лекаря, который должен был появиться в Торренхолле ещё вчера, но что-то его задержало. В конце концов, Швидоу вскользь упомянул Рики и забормотал, как же довольна будет сестра встрече с братом.

Но Дален хотел уйти.

Стеснять Дуона Швидоу, ожидая возвращения Стернса, было не под силу. И это была первая причина. Во-вторых же, хотелось увидеть близкие сердцу лица, успокоить тех, кто волновался за его жизнь и жизнь Рина, обнять Адель и немного отдохнуть от кошмарных мыслей.

А ещё где-то в глубине души теплилась надежда, что потерянное золото найдётся. Вдруг судьба сыграла с жадными подлецами злую шутку, и они валяются где-нибудь в яме, укрытые еловыми лапами, и деньги вместе с ними. Нарваться на грабителей во второй раз Дален не боялся: теперь воровать было нечего, а о Рики было кому позаботиться. Но прежде чем идти на поклон к лорду Гайларду, хотелось попробовать исправить ошибку. Вдруг получилось бы?

На третий день споров и уговоров Дуон Швидоу пал, как падает крепость, гарнизон которой уже не в состоянии держать оборону, и приказал подготовить чистую одежду, флягу с водой и вяленого мяса в дорогу. Заодно распорядился дать лошадь и несколько монет медью.

Последние могли пригодиться на тракте: тяжёлое ранение в любой момент могло дать о себе знать, а в придорожных трактирах за ночлег брали втридорога.

Из Торренхолла Дален выехал поутру.

Дорога была лёгкой, и солнечный свет в глаза не бил: небо затянулось сероватыми тучами, и местами на горизонте виднелась стена дождя. Пройдёт ли тот мимо, Дален не стал гадать, да и ветер часто менял направление, оттого полные влаги тучи метались туда-сюда, словно лодки в море, потерявшие курс.

В лесу ветер стих, но идти стало тяжелее: света в лесной чаще было так мало, что о желании отыскать ту самую тропу пришлось забыть. Не разглядеть ничего было в таких-то сумерках. Вдобавок лошадь нервничала весь путь, начиная с той самой минуты, как Дален сунул ноги в стремяна. Пугливая кляча, видимо, учуяла непогоду и испугалась надвигающегося ливня.

Сумерки постепенно сгущались — вечер готовился наступить раньше положенного. Солнце очень редко проглядывало из-за облаков, и Дален понял, что надо торопиться. О поисках места, где получил нож в спину, пришлось забыть. Да и от лесной сырости пробрало так, что по рукам пошли мурашки, и в горле непонятно засвербело.

Желание увидеть дом усиливалось с каждым шагом. Мысли о домашнем уюте, запахе жареной рыбы и улыбке Адель наполняли сердце радостью. Семья была тем, ради чего Дален жил. Не хватало, пожалуй, только детского смеха из каждого угла.

Дален тряхнул головой. Решено. Нужно завести ребёнка как можно скорее. Затем второго и, если боги будут благосклонны, третьего и четвёртого. Раз судьба дала ему второй шанс на жизнь, то нужно посвятить всё оставшееся время близким: жене, детям... И обязательно позаботиться о сестре. Больше близких у Далена не было.

Когда лес расступился и впереди завиднелось море, у Далена приятно кольнуло в груди. В родных местах ничего не изменилось — так, по крайней мере, казалось. И это грело душу. Оставалось надеяться, что и сам он не изменился после всего, что пришлось пережить.

Калитка тихонько скрипнула, и Дален в который раз за ночь улыбнулся. Знакомый звук, родной. Не стал ни тише, ни громче. Всё, как всегда.

У деревянного крылечка — крупный камень, вокруг которого россыпью цвели незабудки. И он лежал на том же месте, не сдвинут ни на дюйм, не перекатан.

Все окна в доме были закрыты: Адель всегда, когда оставалась одна, плотно запирала ставни. Боялась глупышка, что кто-нибудь залезет. Хотя лучше бы она боялась духоты: летом, пусть и поздним, ночи тоже бывают жаркими, а если и на море штиль, то полночи будешь маяться, весь вспотеешь, голова разболится, но так и не уснёшь.

И Дален снова улыбнулся.

Всё в Ланиморе осталось таким же, каким было до его отъезда. Всё напоминало о прежней, размеренной жизни. Здесь, в этой тиши, нарушаемой лишь звуком прибоя, совсем не думалось ни об острове, ни о крови под ногами, ни об изуродованных телах лучников, растерзанном Рине и драконе. И этому нельзя было не радоваться, ведь от тех воспоминаний потряхивало и выворачивало так, как не было во время самой первой в жизни Далена морской качки.

Но он знал, что пережитое просто так не отпустит. Ещё не раз и не два навестит в ночных кошмарах. Вот и сейчас напоминает о себе странным покалыванием в груди: вроде и лёгким, едва уловимым, но в то же время таким навязчивым и неприятным, будто кто-то сидит внутри и тихонько скребется, спрашивая разрешения вылезти наружу.

Дален присел на ступеньку и зачерпнул пальцами горсть земли. И она была родная, знакомая и дорогая сердцу. Сколь ни величественны были каменные стены Торренхолла, ни богаты золотом и прочими искушениями дальние земли, ни одно из тех мест не могло заменить Далену места, где он родился и вырос.

Где-то что-то глухо ударило то ли стену, то ли дерево.

Дален вздрогнул и посмотрел на дверь, ведущую в дом. Шум шёл изнутри. Видимо, Адель не спала. Пыталась, но так и не смогла заснуть. Снова сцепилась с женой старосты и теперь волнуется, что та при встрече будет фыркать в её сторону? Или работала много днём, и в ночь разболелась спина? Или просто вспоминает мужа, думает о нём, оттого и бессонница? Каково же будет её удивление, когда на его стук она откроет дверь...

Однако первым удивился Дален: дверь оказалась не заперта. От одного лишь касания легко отворилась и позволила хозяину

переступить порог.

В доме было темно, во всех комнатах знакомо пахло рыбой и травами. Но был ещё один запах: до тошнотворного кислый, идеально новый и в то же время хорошо знакомый. И вкупе с тем запахом шли звуки: ритмичные и граничащие с незабываемым удовольствием.

Далена бросило в жар. Он понимал, что слух его не обманывает, но верить в то, что слышал, упорно отказывался. Горло сдавило, будто его крепко обхватили и начали душить, а руки задрожали. Ещё немного — Дален бы упал от нахлынувшей слабости, соревнующейся с нарастающей в груди злостью.

Правая рука сама собой нащупала стену. Однако вместо камня пальцы легли на гладкое древко и крепко обхватили его. То был старый гарпун, с которым некогда ходили на крупную рыбу. С годами он затупился и теперь висел на стене, не надеясь на то, что когда-нибудь пригодится.

До поворота в спальню оставалось два шага. И хоть за окном было темно, а в комнатах ещё темнее, в своём доме Дален знал каждую щелку. Память никогда его не подводила, зрение — тоже. В эту ночь, напившись картинками, что рисовало воображение, сходявшее с ума от ревности и ослепившей сознание ярости, оно даже стало вдруг на порядок острее и не уступало зрению ночной птицы.

Любимая жена была дома. Однако она не ждала мужа, не ходила из угла в угол, выглядывая любимого в окно, и даже не дремала, просыпаясь на каждый скрип. Всего этого не было. Зато она лежала на узкой кровати, извивалась под потным мужским телом, устало дышала и бесстыдно постанывала.

Обжигающим пламенем охватило всё тело — Дален буквально горел. Он ненавидел то, чему стал внезапным свидетелем. Ненависть крутила его, душила, разливалась по телу лавой, заполняя то неведомой ранее силой: мощной, разрушительной, не поддающейся контролю. Мозг не слушался, и каждая его частичка требовала от крепких рук лишь одного — смерти.

Гарпун вонзился в широкую мужскую спину стремительно и безмолвно, и так глубоко, что пробил кости насквозь и ворвался тупым остриём в грудь Адель. Оба любовника не успели даже вскрикнуть, а их сердца в один миг перестали биться, и кровь, намочив собой грязную простыню, чёрными струйками брызнула на пол.

Резко затошнило. Дален ринулся к дверям, потом — на улицу. Опрокинул на себя кадку с дождевой водой, отплевался и глубоко задышал.

Он ненавидел Адель. Ненавидел её любовника, в котором без труда узнал Ги́ла. Но больше всего он ненавидел себя.

Он до сих пор не верил в то, что сделал. Его снова крутило, ему было плохо, но теперь уже по другой причине. Куда-то испарилась вся злость, и её место заняло отвращение к самому себе. Жар, столь внезапно овладевший им, тоже куда-то отступил. Глаза перестали различать каждого паука в темноте, а руки ослабли и вновь зашлись мелкой дрожью — сейчас они не удержали бы даже удочку, в то время как минутой ранее в один удар забрали сразу две жизни. А ещё в сердце начал закрадываться непонятный страх... Страх быть пойманным.

Ещё никогда прежде Далену не было так страшно. Сколько помнил себя, он всегда без колебаний готов был ринуться в море, на любую глубину, лишь бы спасти человека. Сейчас же ради спасения чужой жизни он не ступил бы и на мелководье. Все мысли были только о себе. Видел ли, слышал ли кто, как он убил жену и Ги́ла? Если да, то что дальше? Его поймут, с ним согласятся? Или его будут бояться и обходить стороной? Или поймают и разнесут лицо в кашу? Ответов было ждать не от кого и некогда.

Жадно глотая воздух, Дален пнул от себя калитку и выскочил на дорогу. Он бежал из родных земель куда подальше. Бежал долго и без остановки, пока в конце концов не запнулся о камень и не упал, перекатившись несколько раз и собрав на одежду колючий чертополох. Когда же поднялся, то сел, обхватил колени руками и затрясся от слёз.

Глава 21. Третий лишний

Усталость от долгой дороги почувствовалась сразу, как въехали во двор, передали лошадей кучеру и вошли в замок. Однако всех слуг было приказано не будить — подняли только человек пять, чтобы те нагрели воду в купальне и принесли туда немного еды. Можно было даже холодной — Гайлард был не требователен.

Когда и это было сделано, и над водой в купели начал клубиться пар, а чистая одежда для лорда и полотенца были аккуратно сложены рядом, Рики совсем размякла. Глаза закрывались, было тепло и уютно, на губах оставался привкус печёного яблока, недавно съеденного, и тело просило покоя. Хотелось прилечь, вытянуть ноги и закрыть глаза.

Из приятной полудрёмы выдернул Стернс. Сняв меч с пояса, он расстегнул походную куртку и бросил её на кресло около низкого круглого столика. Металлические застёжки ударились друг о друга, и Рики приоткрыла один глаз. Стернс в этот момент стягивал тунику.

— Свежее белье вон там, милорд, — произнесла Рики, предусмотрительно отвернувшись. — Вода уже горячая — я проверила. Отдохните хорошенько. Вы очень устали.

— А сама? — тут же последовал прямой вопрос. — Сама вымыться не хочешь? Посмотри на себя. Ты вся в пыли и песке. Чумазая до невозможности.

Рики понюхала рукав куртки и потёрла нос. На кончиках пальцев осталась дорожная грязь.

— Я позже оботрусь. По утру попрошу на кухне кувшин воды. Или из колодца наберу.

— В ледяной мыться будешь? А потом лекарей к тебе вызывать? Нет уж. Пыльную одежду брось в угол. Завтра её почистят и вернут. А пока походишь в этом.

Стернс кивнул в сторону полотенца. Там, рядом с его чистой туникой, лежала ещё одна. Меньше размером, но для Рики как раз. Довольная, Рики схватила тунику и распрямила перед собой. Даже пошита она была из совсем другой ткани: мягкой на ощупь, гладкой, почти воздушной. Совсем непохожей на то, к чему Рики привыкла.

— Это мне? — довольно пропела она. — Вы меня прямо как принцессу одеваете.

— Ну, допустим, до принцессы тебе так же далеко, как от Нолфорта до Дейерли, но находиться рядом с тобой и дышать пылью у меня нет желания. Раздевайся.

— Прямо сейчас?

— Нет, потом. Когда вода остынет. Рики, я очень устал, чтобы с тобой пререкаться.

— Простите, милорд, но я и правда потом.

— Как скажешь.

Гай пожал плечами, скинул сапоги, развязал пояс и разделся окончательно. Рики зажмурилась.

Тёплая вода успокаивала и клонила в сон. Напряжение от долгой дороги рассеивалось, и раздражение сходило на нет.

— Ты ещё здесь? — пробормотал Гайлард. Он сидел к Рики спиной, наслаждался теплом, закрыв глаза и откинув голову на скатанное валиком полотенце, закреплённое у края купели. — Не сбежала?

— А чего мне сбегать? — отозвалась девушка.

— Мало ли... Я всегда думал, ты храбрая и боевая. А порой смотрю на тебя, а ты дрожишь как осиновый лист. Подойди-ка.

Рики встала с кресла, в котором сидела, и в несколько неуверенных шагов оказалась около Стернса. Тот открыл глаза и взглядом указал на край купели.

— Сядь.

Рики присела. Правая штанина тут же напиталась водой выше колена.

— Снова боишься? — спросил Гай, продолжая полулёжа сидеть и вдыхать травы и горячий пар.

— Чего мне бояться? Вы не волк, не укусите.

— А ты, значит, только волков опасешься?.. У тебя пальцы холодные?

— Пальцы?

— Надави-ка мне на виски. Голову что-то схватило.

— Это потому что вы мало отдыхаете, — ответила Рики и коснулась лица хозяина. Его губы тут же тронула лёгкая, красивая улыбка.

— Тебя спасаю, — съязвил Гай. — От кабанов. Теперь вот, видимо, и от волков придётся, раз ты при мыслях о них дрожишь.

— Да не дрожу я! Вот навьдумывали.

— Выходит, ты у нас храбрая.

— Вовсе нет.

— Что-то я ничего не понял.

— Нет человека без страхов, милорд, и вы как никто другой это знаете. Ведь даже у вас... они есть. А у меня тем более. Но это не значит, что я буду пищать и вздрагивать от каждого чиха.

Пальцы скользнули с висков на лоб, прошлись по неглубоким, но уже заметным, морщинкам, разглаживая их, перешли на волосы и, перебирая прядь за прядью, снова вернулись к вискам.

— И кто та скотина, которая заставляет тебя испытывать страх? Ткни в него пальцем — завтра же он будет болтаться на виселице.

— С чего вы взяли, что это живое существо?

— А смысл бояться не живых? Что они могут сделать?

— Многие боятся воды: в ней можно захлебнуться. Другие — огня: можно заживо сгореть.

— Рики, бояться следует только людей. Ни вода, ни огонь не предадут тебя и не перережут горло, пока ты спишь. Даже зверь и тот нападет лишь потому, что голоден и защищает детёныша. И если в твоей жизни есть человек, при котором тебе становится не по себе, скажи мне. Я разберусь.

Рики снова нырнула пальцами в густые волосы Гая. Засаленные и пыльные от дорожного песка, те были густые и едва заметно вились. Наверно, пора было уже остановиться и отойти, но Рики не замечала времени и продолжала сидеть у края купели как приклеенная, а лорд Стернс тоже её не прогонял и даже не заикался о том, что порой тоненькие пальчики упирались в крохотные, запутанные узелки, и тогда Гайлард молча морщился от боли.

— Да нет такого человека, — протянула Рики.

— А если честно?

— Ну, если только один... От его взгляда мне всегда становилось не по себе.

— Имя?

— Чьё?

— Того козла. Я же сказал, что разберусь, и больше он тебя беспокоить не будет.

— Вам будет неприятно узнать, кто это.

Гай хмыкнул.

— Даже так? Тогда вдвойне любопытно. Говори.

— Не-а.

— Рики!

— Тогда потом меня не вините. — Рики набрала в лёгкие побольше воздуха и выпалила: — Это король, милорд. Его величество Риккард Стернс!

И от страха резко отняла руки от головы Гая. Тот тут же взвыл. Рики разжала пальцы — в них осталось несколько тёмных волос. Рики ойкнула, а Гай обернулся к ней. Его лицо было влажным от пара, а ресницы слиплись, и выглядел он совсем не недовольно, а по-домашнему мило, — даже взгляда было трудно отвести.

— А чего его бояться?

— Вам легко говорить. Вы — его племянник. А я никто.

— Тогда тем более. Король в лицо помнит лишь своих врагов.

— И вот мне кажется, что меня он точно запомнил. Он невзлюбил меня, ведь так? Вспомните его слова за ужином.

Гай равнодушно пожал плечами.

— Да он забыл о тебе давно. И о том твоём фееричном выступлении.

— А сердце мне подсказывает, что не забыл. Его взгляды и слова в тот день были столь суровы. Если бы вы не вступились...

— Рики.

— А?

— Теперь-то зачем о нём вспоминать? Он уехал и вернётся точно не скоро. Скорее меня к себе вызовет, чем ещё раз в Торренхолле появится.

— Ага. Вызовет и будет вас мучить расспросами обо мне? Выгнали вы меня или сжалились надо мной?

— И пусть спрашивает. Но мои слуги — это моё дело и уж никак не короля.

Рики готова была растаять и от красивых слов, и от тепла, наполнившего просторную комнату.

— Вода между тем стынет... — как бы невзначай заметил Гай, снова повернулся к девушке спиной, зачерпнул пригоршню воды и плеснул себе в лицо. Затем ещё одну — на волосы. Этой ночью они будут пахнуть травами, а не дорожной пылью.

— Я после вас, — проронила Рики и, шмыгнув к полотенцам, пододвинула их ближе к выходу из купели.

— Как знаешь, — ответил Гай и добавил: — Мазь приготовь. Эти царапины так чешутся.

— Мазь? — Рики посмотрела в сторону столика, на котором стояло что угодно, включая душистую воду, только не мазь. — А мази нет.

— У тебя же была с собой банка.

— Так мы её всю в Папоротниковой впадине истратили.

— Хм, — протянул Гай, взял черпак, полный воды, и облился из него.

— Я принесу ещё одну, — выкрутилась Рики. Находиться рядом с обнаженным хозяином было выше сил, хоть Рики и старалась не смотреть в его сторону.

— Старикана собираешься будить? Не стоит. Вытерплю как-нибудь... этот зуд.

— Так я в вашей спальне возьму. У вас же две стояло. Одну мы с собой брали, а вторая должна была там и остаться. Полная.

— А ты внимательная, — оценил Стернс. — Иди. Нет. Лучше давай бегом. Одна нога — тут, вторая... тоже тут.

— Я мигом! — радостно подхватила Рики, потянула тяжёлые двери и выпрыгнула из прогретой комнаты в холодный, тёмный холл.

Гай в ответ только покачал головой, а затем вылил на себя ещё один черпак.

Тёплая вода почти полностью рассеяла тревогу. И боль в висках прошла то ли благодаря той же воде, то ли пальчикам Рики. Прикосновения этой хрупкой девчонки были так приятны, что Гаю хотелось ещё. Слушать её непринужденную болтовню он мог часами, а любоваться милым личиком — вечно.

Поднявшись, Гай вышел из купели и взял полотенце. Обернул вокруг бёдер и взял второе. Подсушил им влажные волосы и, оставив болтаться на плечах, прошёл к столу, оставляя на полу мокрые следы.

Торренхолл спал мирным сном, и Гайлард впервые за много дней почувствовал себя спокойно. Здесь был его дом. Здесь каждый уголок согревал сердце, и даже рутинные дела доставляли скорее радость, чем раздражение. В этих стенах Гай был хозяином, его слово было законом, и никто более здесь был не властен.

Старого лорда Стернса похоронили в крепости в том же месте, что и его жену. И хоть флаги оставались до сих пор приспущены, а женщины до сих пор носили траур, по-настоящему Торренхолл горевал недолго: в мыслях юг уже давно смирился со смертью старого хозяина (оставалось лишь дождаться конкретной даты) и давно привык, что в землях всем заправляет его сын.

Гай вынул из канделябра свечу и поднёс её к пяти другим. Пламя мигом облизало фитильки, и в комнате стало намного ярче. Можно было даже еду разглядеть, которую впопыхах сообразили слуги, и даже след чьих-то зубов на затвердевшей булочке. Гай вспомнил чьих и снова слегка улыбнулся.

Рики как раз пыталась отхватить кусок хлеба, когда он позвал её. Он это видел, а вот она и не заметила, что, даже сидя спиной к ней, он всё время за ней наблюдал. Помогало ростовое зеркало у стены, в котором прекрасно отражалось всё, что происходило позади, и Гай просто не сводил с Рики глаз. Видел, как она зевала, как набивала щёки едой, как наблюдала за ним и как смущалась при виде его обнаженного тела. Всё это было так забавно, что Гай в какой-то момент даже фыркнул. Вёл ведь себя, как мальчишка! Безголовый, беспечный, глупый мальчишка! Совсем не король...

Узнай Риккард Стернс, чем заняты мысли племянника, прибил бы его на месте, не раздумывая. Узнай другие лорды — не только бы с укоризной покачали головой, но и отказались бы признать в хозяине юга нового правителя. Впрочем, один уже знал, и Гай почему-то пустил всё на самотёк. Испугался? Пожалуй, так и было, хоть вида он не подал. Но и прояснить с лордом Альгервильдом ситуацию не пожелал.

Отец, будь он жив и в сознании, тоже не одобрил бы нового увлечения сына. Перед смертью он просил Гая завести семью и жить её интересами, и Гай твёрдо намеревался выполнить эту просьбу. Так что же пошло не так?

Дверь простонала, открываясь.

— Наконец-то, — пробурчал Гай, копясь в еде на столе. Хотелось надкусить чего-нибудь солёного. — Я заждался.

Ответ прозвучал неожиданно.

— Я пришла так быстро, как могла. О вашем прибытии никто не сообщил. Мне повезло, что я мучилась бессонницей, иначе мы увиделись бы только утром.

В дверях стояла Мириан. В ночном платье, доходившем до щиколоток, в пепельного цвета накидке, наброшенной на плечи, с распущенными волосами, она была похожа на фею.

Небольшой помидор выпрыгнул из пальцев обратно в чашу с рассолом, разбрызгав тот по столу. Гай поморщился и вытер руку о полотенце, повязанное на бёдрах.

— Я вас не ждал, — произнёс он.

— Но вы только что сказали другое.

— Я говорил о прислуге.

Мириан обвела взглядом комнату.

— Здесь есть всё, что нужно, но если чего-то не хватает, я могу принести.

— Вы моя жена, а не горничная; хозяйке не следует уподобляться слугам.

— Но это же для вас... Мне не трудно — даже приятно.

— Вы и в Ллевингоре всё всем подносили?

Мириан стерпела колкость. Она явно уже начала жалеть, что набралась смелости спуститься и заглянуть в купальню, и совсем не знала, какую беседу вести дальше.

— Идите спать, — решил за неё Гай, прошёл к чистой одежде и, сняв с плеч полотенце, взял тунику.

Однако просунуть руки в рукава не успел: Мириан испуганно вскрикнула, и Гай повернул голову в её сторону.

— Вам плохо?

Мириан бросилась к мужу.

— Эти раны... Откуда они?

Гай стусевался и поспешил развернуться так, чтобы скрыть спину от взволнованного взгляда жены.

— Они старые.

— Ничего подобного. Они свежие! Что произошло?

— Вы только это хотите знать? Если я отвечу, то обещаете сразу уйти?

— Я хочу знать о вас всё.

— И это обязательно делать в третьем часу ночи?

— А когда ещё, если я не имею ни малейшего понятия о том, где вы и что с вами. Я — ваша жена, но кто угодно в этом замке знает о вас больше, чем знаю я.

— Я даю слово, что мы с вами обязательно пообщаемся и хорошенько узнаем друг друга, но только завтра. Сойдёт?

— А сейчас вы меня прогоняете?

— Забочусь о вас. Вы — моя будущая королева. От вас требуется быть внимательной к своему здоровью, а вы расхаживаете по холодным коридорам почти нагишом.

— От меня требуется родить вам здорового наследника, ведь так? И я готова, и хочу это сделать, только не отталкивайте меня, как делаете это сейчас.

С этими словами Мириан смело шагнула вперёд, к мужу, обняла его и прижалась головой к его груди.

— Вы... ошибаетесь, — несколько оторопело произнёс Стернс и неуверенно провёл рукой по шелковистым волосам жены. — Я вас не гоню и не избегаю. Я просто сильно устал и сейчас не рад никому, даже собственному отражению в зеркалу.

— Это правда? — шёпотом спросила Мириан.

Гай сглотнул. Выпить бы прохладной воды, но вокруг был только горячий пар, пусть и постепенно сходивший на нет.

— Это правда.

— Тогда не буду вам мешать, — сказала Мириан и отстранилась. — Мой лекарь позавчера сказал мне, что ближайшие дни очень благоприятны для того чтобы... вы понимаете...

Гай мотнул головой.

— Чтобы зачать наследника, — смущенно пояснила Мириан. — Вот я поторопилась прийти. Мне всегда казалось, что вам это крайне важно. Простите, что не подумала как следует.

— Мне это и правда важно, — тихо произнёс Гай и снова провёл рукой по волосам Мириан. Мягкие и волнистые, они пахли цветочным лугом после дождя. И запах манил, дразнил, увлекал за собой.

Его горячие руки легли ей на плечи — воздушная накидка плавно скользнула на пол и распласталась у ног. По рукам Мириан прошла лёгкая дрожь. Сердце замерло, когда платье вдруг поползло вниз и составило компанию накидке. Оставалось лишь перешагнуть через грудь лежащей на полу одежды, и Мириан сделала это.

* * *

Торренхолл спал. Весь. От самого своего верха до самого потайного подвала, где стояли бочонки с вином и ютились сытые крысы.

Рики старалась идти неслышно, чтобы никого ненароком не разбудить, но сапоги как назло гроыхали подобно раскатам грома в летнюю жару. Или это просто в замке было так тихо, что любой шорох, даже самый маломальский, был сродни грохоту пушек? Рики сошлась на втором, но и сапогами тоже была недовольна, поэтому просто сняла их, крепко зажала в руках и заторопилась к спальне Гайларда.

Дверь в нужную комнату оказалась не заперта. Рики прошмыгнула в узкий проём, поставила сапоги у входа и на цыпочках прокралась к столу. На нём почему-то стояло блюдо с инжиром и финиками и кувшин с тёмной жидкостью. Рики сунула нос в кувшин, втянула ноздрями воздух — странная жидкость оказалась самым обычным вином. Вероятно, молчаливые слуги позаботились о хозяине и принесли всё это, после того как управились с водой в купели. Рики удивлённо повела бровями и отметила про себя, что ей тоже не помешало бы научиться так же ловко и незаметно справляться со всеми просьбами лорда Стернса, а то сейчас получается чересчур громко и даже местами криво.

От переживаний за неуклюжесть Рики разволновалась. А ещё перед глазами неожиданно всплыло лицо Гая, когда тот столь внезапно обернулся в купальне и влажным дыханием обдал ей щёки. От этого воспоминания те мигом затеплились. Рики коснулась их ладонями и неодобрительно покачала головой.

Всё это походило на сон: прекрасный сон, который может сниться только знатным особам. Ну, или глубоко романтичным девушкам, какой была, например, дочка старосты из Ланимора, но никак не таким

дурёхам, как Рики. Всё, что происходило с момента отъезда с острова, было пугающим, но с каждым днём изменялось до неузнаваемости. Если поначалу Стернс доводил своими придирками, то теперь Рики было плохо без него, пусть и прошло всего несколько минут. Характер хозяина уже почему-то не казался противным, его вредные привычки легко поддавались управлению, а сам он был теперь для Рики самым красивым мужчиной на свете, самым заботливым и самым... любимым. Всё это действительно слишком сильно походило на сон, и Рики, отняв руки от щёк, взяла баночку с кремом и, пристально глядя на неё, тяжело вздохнула:

— Эх...

Надо было прекращать витать в облаках и возвращаться. Подхватив сапоги, Рики выбежала из комнаты всё в тот же холодный, каменный коридор и поспешила обратно. По дороге в темноте запуталась — пришлось основательно попетлять, прежде чем снова выйти к лестнице, ведущей на этаж с купальной. А когда впереди замаячили знакомые двери, через щелку дарившие холлу тёплый свет свечей, разволновалась не на шутку и принялась готовить оправдания своей медлительности.

Перед дверями Рики остановилась. Опустила на пол сапоги, сунула в них ноги, выпрямилась, выдохнула и уже почти взялась за ручку, как вдруг чьи-то руки обхватили её за плечи, и сердце мигом ушло в пятки.

— Не ходи туда, — услышала Рики шёпот. — Тебе не стоит это видеть.

По спине прошёл холодок: это был голос Сэма.

Следующие слова дались с трудом. Воображение рисовало ужасную картину.

— Что ты сделал? — задыхаясь и не оборачиваясь, прошептала девушка.

— Ничего.

— Тогда почему держишь меня? Почему не даёшь пройти?

— Потому что тебе лучше быть здесь.

— Что ты болтаешь? Пусти! Живо пусти, кому говорю!

Но Сэм ещё сильнее сдавил плечи. Отпускать Рики он явно не собирался.

— Он там не один.

— И что? Мне нужно смазать ему раны.

— И ему сейчас точно не до своих ран.

— Да откуда ты такой умный взялся?! — взвинулась Рики, а Сэм в ответ развернул её лицом к себе и зажал ей рот ладонью.

— Не вопи. Лучше прислушайся — тогда сама всё поймёшь.

Рики затихла и даже кусать пальцы Сэма не стала, как собиралась секунду назад. Так и стояла, не имея возможности даже пискнуть, и слушала, как по ту сторону стены двое любили друг друга.

Сэм осторожно отнял ладонь от губ Рики.

— Она появилась здесь сразу, как ты ушла, — зачем-то начал объяснять он. — Твой хмырь даже вздрогнул от удивления: тебя ведь ждал.

На последних словах Сэм криво усмехнулся.

— Она?

— Его жена. Услышала, что он вернулся, и прибежала. Они и разговаривали-то не долго, сразу это...

— Его жена... — тихим эхом отозвалась Рики и медленно осела на холодный пол, только сейчас сообразив, что пропасть между ней и лордом Стернсом была гораздо больше, чем она себе надумала. Заполненное светлой радостью сердце в один момент опустело, и Рики вернулась с небес на землю.

Сэм сел рядом и внимательно посмотрел на Рики. Её лицо было бледным, почти бескровным. Хотя, может, всему виной был лунный свет, сочившийся через единственное поблизости окно. В таком свете не то чтобы румянец — своих рук не разглядишь.

— А она красивая, — внезапно начал Сэм, переведя взгляд с Рики на пол. Там, прямо у его ног, пробежал крохотный паучок. — И добрая. Не сравнить с тобой. Ты — одни сплошные иголки.

Рики вскинула голову и вперилась в лицо Сэма сердитым взглядом.

— Ишь, какой всезнайка. Мнишь себя знатоком людей? А ведь совсем недавно ты тупо разрывал тех людей на части. А сейчас, значит, знаешь о них всё? Кто — колючка, а кто — ангел?

— Знаю, — уверенно ответил Сэм.

— Интересно, откуда?

— И мне интересно. А тебе разве нет?

Рики цокнула языком.

— Ах, да! Зачем же ещё ты мог здесь появиться?! Вот я дура! Послушай, в прошлый раз я ясно дала тебе понять, что рассчитывать на меня нечего.

— А мне в прошлый раз показалось, что я сильно напугал тебя. Вот и пришёл извиниться, а заодно попросить подумать ещё раз.

— Сэм, моё дело — заботиться о моём господине и помогать ему. Я нужна ему и только ему, а не кому бы то ни было.

— Знаешь, тут ещё надо проверить, кто кому нужен на самом деле. — Сэм махнул рукой в сторону дверей. — Он вот прекрасно справляется со всем и без тебя. Может, это он нужен тебе, а не наоборот?

— Вот же...

— Можем даже проверить. Давай я сейчас заявлюсь перед ним во всей красе — пусть ловит и на кол сажает! Зато ты убедишься, что я прав.

Рики вспыхнула.

— Ты... ты просто...

— Ну, скажи! — подначивал Сэм. — Выскажи мне всё, что обо мне думаешь. А я действительно сейчас возьму и выйду к нему, если только ты не перестанешь воспринимать меня как муху, отравляющую своим присутствием чудесный обед.

— Смотри-ка, как заговорил! — съязвила Рики. — И не страшно тебе? Головы-то сразу лишишься, стоит только тебе морду высунуть.

— Ни капельки. Зачем мне та жизнь, если я о себе толком ничего не знаю?

Оба внезапно замолчали, и вновь Торренхолл утонул бы в сонной тишине, если бы не звуки, доносившиеся из-за щелей в дверях.

— Может, уйдём отсюда? — неожиданно предложил Сэм, встал и протянул руку. — Ты и я здесь точно лишние, не находишь?

Рики стушевалась.

— А как же это? — В руках она вертела мазь.

Сэм снова криво усмехнулся, выдернул баночку из холодных ладоней и поставил рядом с дверью.

— Оставим здесь и пойдём. Я знаю в замке одну укромную комнатёнку. Туда никто никогда не заглядывает. Там тепло, и я припас там немного сыра и воды. Там и поговорим.

— Снова будешь капать мне на мозги?

— А как же иначе? Буду уговаривать тебя изо всех сил. На кол-то я всегда успею. А так, глядишь, ты мне поможешь, я много о себе узнаю — может, и жить захочу.

Рики неохотно поднялась. Уйти очень хотелось, но одной, чтобы побыть наедине со своими мыслями и своей грустью, и, возможно, даже лишний раз ударить себя по лбу за глупые выдумки и непозволительные мечты. Однако Сэм не отпускал. Стоял рядом и не отходил ни на дюйм. Не сводил взгляда, не давал сбежать и был той единственной причиной, почему Рики ещё держалась и не давала волю слезам.

— Так идём? — снова вкрадчиво поинтересовался Сэм и острожно взял Рики за руку. Его ладонь оказалась тёплой и мягкой, по-настоящему человеческой.

Рики смахнула со щёки одну слезинку, всё же сумевшую прорвать оборону.

— Идём, — выдохнула она и тут же пригрозила: — Но учти. Если в моё отсутствие с моим хозяином что-то случится... Хотя если я буду с тобой, значит, могу быть уверена, что лорду Стернсу никакая опасность не грозит, ведь так?

— Железно! — подтвердил Сэм. — Я для него и так никакой угрозы не представляю — говорил тебе, кстати, уже раз сто, — но если тебе так будет спокойнее...

— И ещё: в мышей при мне не превращаться! Я их боюсь. Увижу — сразу нож в брюхо воткну.

— Не буду. Что-то ещё? Какие-то ещё условия?

— Самое главное я сказала.

— Вот и договорились. Кстати, король мне тоже не понравился.

Сделавшая несколько шагов по коридору Рики остановилась и с укоризной посмотрела на Сэма.

— Ты и этот разговор подслушал!

— Без подслушиваний очень трудно было бы выжить. Зато много узнал о людях. Теперь осталось разобраться в себе.

— Его величество на самом деле очень хороший. Просто он... того... король. Мы для него мелкие мошки. Он даже укусов наших не чувствует, отсюда такое резкое отношение. Но к лорду Гаю он относится совсем по-другому: заботится о нём, переживает и желает ему только самого лучше.

— И всё же он мне не понравился. Вот в его шею я бы с удовольствием вонзил зубы. А твоего хмыря укусить не за что.

— Перестань, — обрубил Рики и заторопилась вперёд.

— Молчу-молчу, — буркнул Сэм, догнал Рики, снова схватил за руку и потянул за собой.

Когда их шаги стихли, длинный и холодный коридор снова погрузился в тишину и покой. И только служанка явилась минут через десять узнать, не нужно ли убрать за хозяином или, может, сменить воду. Но, заглянув в комнату, тут же как ошпаренная подалась обратно и заспешила туда, откуда пришла, надеясь, что её присутствия не заметили и наказана она поутру не будет.

Глава 22. Меч короля

У короля Риккарда министров не было, зато имелся один ловкий казначей и с дюжину советников, из которых по делу чаще всего высказывались только двое. Остальные же постоянно поддакивали то одной стороне, то другой, но охотнее всего самому королю Риккарду Стернсу.

Советники выбирались тщательно. Эта роль отводилась либо тем людям, которым его величество относительно сильно доверял, либо сыновьям лордов, чьи земли входили в состав Нолфорта и чьи прадеды в своё время поставили семейство Стернсов во главу. Но кто бы ни находился по правую и левую руку короля, кто бы ни шептал на ухо и ни писал разоблачительных посланий, король Риккард всегда знал о нём всё.

Очередной летний день не должен был быть чем-то особенным для Риккарда Стернса: он уже с вечера был осведомлён о всех тех, кто жаждал с ним встречи, а с утра — обо всём том, что ему хотели на тех встречах сообщить. Но сегодняшним днём ему было суждено удивиться дважды, и первым был миг, когда вошедший в залу мужчина в чёрном, дождавшись ухода слуг и проверив, плотно ли притворены двери, в ответ на немой вопрос подошёл к его величеству и прошептал на ухо всего каких-то пять слов. Лежавший у ног хозяина огромный чёрный пёс тут же востроился и злобно зарычал, но Риккард цыкнул в его сторону и продолжил жадно внимать каждому слову говорившего.

Ещё пятого дня его величество получил прекрасную новость: его младшая дочь уже восьмую неделю как носила дитя под сердцем. Её положение подтвердили сразу три лекаря, и всем троим было приказано держать язык за зубами, как, впрочем, и всему прочему двору, кто мог по той или иной случайности оказаться в курсе столь пикантной новости. Неудачи с наследниками научили короля раньше времени не трубить о скором пополнении в семье, но всю неделю его сердце переполнялось радостью, а сейчас к ней присоединились ещё и блеск наживы во взгляде и довольная ухмылка.

— Это всё? — спросил король, когда человек в чёрном закончил шептать и, поклонившись, сделал шаг назад.

— Да, господин, — ответил тот, пряча лицо под широким капюшоном.

Риккард встал с креста, в котором сидел, прошёл к одному из окон, выглянул во двор, словно проверял, не нашёлся ли сумасшедший, кто на высоте в пятьдесят футов рискнёт подслушивать важный разговор, никого не обнаружил, но от накатившего волнения так и не избавился. После скрестил руки за спиной, заходил из стороны в сторону и тяжело засопел.

— Когда приплывает корабль? — выдавил он.

— Посол королевы отплывает послезавтра. Сколь часто его корабль будет заходить в другие порты, мне не известно, но у южных берегов Нолфорта он может оказаться в любую минуту.

— В том-то и дело, — задумчиво сказал король. — Значит, и мы должны быть готовы в любую минуту... Сколько людей у тебя на юге?

— Пятнадцать человек, ваша милость. Ни один друг друга ни в лицо, ни по имени не знает.

— Нам хватит пятерых, но самых неприметных и сильных. Пусть явятся в порт, ждут прибытия корабля и следят за псом этой девки. Дайте ему сойти на берег, пожрать даже где-нибудь и спокойно отправиться в Торренхолл. А дальше уже берите его на какой-нибудь глухой дороге. Оглушите, но чтоб не до смерти только. Он нам ещё живой нужен. Умереть успеет, когда к Гаю явится, и тот сшибёт ему башку в один удар, как только развернёт послание.

— Да, ваша милость, — послушно ответили королю.

— И ещё одно: от всех, кто выжил, нужно будет избавиться. Я скажу, когда именно.

— И от командира?

— И от него. Его смерть разозлит Гая настолько, что его будет уже не остановить. Он ничего и никого не будет слушать и, сам того не понимая, сделает всё так, как мне и нужно.

— Будет сделано, ваша милость.

— И чтобы никто ничего не заподозрил.

— Конечно, ваше величество.

— За новыми бумагами приходи на закате. А дальше действуй ровно так же, как было перед заварушкой в Ллевингоре. Золота

получишь вдвое больше, если и в этот раз всё пройдёт по маслу. Понял?

Верный слуга низко поклонился и попятился к дверям. Секунда-другая — его уже не было ни в одном помещении замка. Подобно тени, он умело скрывал себя, когда в его услугах необходимости не было, и показывался, когда звал хозяин.

Чёрный пёс поднялся и прошлепал к его величеству. Уткнулся квадратной мордой тому в ногу и преданно посмотрел. Потрепав пса за ухом, Риккард прошёл несколько шагов к креслу, обитому пурпурного цвета тканью с золотой вышивкой, и, опустившись в него, задумался. Пёс сел рядом и положил морду хозяину на колени.

— Как думаешь, Клык, — обратился король к собаке, — игра стоит свеч?

Пёс разинул пасть и громко гавкнул.

— Вот и я так думаю, — с довольной ухмылкой ответил Риккард. — Королева ещё такая девчонка. Хочет прослыть мудрой, благородной, честной, а на деле не способна видеть дальше своего носа. И этим надо воспользоваться. А мой племянник чересчур горяч, и этим тоже надо воспользоваться. Ведь если я буду каждый раз окатывать его ледяной водой из ушата, то кто будет добывать мне земли и золото? Если я снова сделаю так, что два меча скрестятся, чей меч одержит победу: мой или этой глупышки?

Риккард вопросительно посмотрел на пса, словно тот был его лучшим советником. Хотя, возможно, именно так и было, ведь такой помощник был безмолвен, ни разу не спорил и не предавал сомнению ни одно решение хозяина.

— Это ж надо было додуматься отправить послом аптекаря! — возмущённо воскликнул его величество. — Грамотные правители присылают военных, а эта девчонка — пиявочника. Жаль, не удастся взглянуть на его рожу. Её ведь в кашу превратят, стоит этому зельевару ступить в лес.

Риккард деланно вздохнул, как если бы ему было жалко того человека, с которым он решил расправиться, но горевал он не долго. Пёс широко раскрыл пасть, равнодушно зевая, и Риккард зевнул вместе с ним. Затем пододвинул к себе квадратный столик на высоких изогнутых ножках и взял фигуры с шахматной доски. Повертел в пальцах чёрного ферзя и водрузил его на ближний к себе ряд, так, что

ферзь оказался ровно меж двух королей, величаво стоящих друг против друга. Защищая одного, ферзь напал на другого, и наоборот.

— Забавно, — озвучил свои мысли Риккард. — Не находишь?

Пёс в ответ проскулил.

— Удивительно, сколь люди похожи на эти костяные фигуры, — продолжал Стернс. — Ими управляет всего одна рука, а они даже не думают, а слепо подчиняются высшей воле. И пока будет так, пока я буду той рукой, щелчку пальцев которой повинуются, в моём государстве будет порядок. Все эти Лими, Гилморы, Меггарды, Альгервильды... кого я там ещё забыл? Все они глупы, недалеки, слабы и трусливы. Им налей сладкого киселя — они тают от восторга и клянутся в безграничной верности; немного припугни их — они все дрожат и смотрят на меня, как на одного из богов, способного защитить их. И вот уже который год я успешно практикую и первое, и второе... Ведь так, Клык?

Обращаться к собаке король Риккард мог сколько угодно. Пёс был лучшим хранителем тайн, какого Стернс только мог себе представить. Пожалуй, шахматные фигуры или даже колонны в замке тоже могли бы превосходно справиться с этой ролью, но у них не было глаз, а, значит, не было и живого взгляда, в котором царила одна лишь преданность. Фигуры не виляли хвостом, не откликались на голос и вообще были бездушны, а потому малоинтересны. Другое дело — пёс, которому можно доверить что угодно, даже самое сокровенное, касающееся чьей-либо жизни или даже смерти.

— Вот смотри, животина ты этакая, — довольно произнёс король, сгребая все фигуры в сторону и расчищая доску, чтобы поставить на клетки лишь те, которые ему понадобились. — Это Ирис. Безмозглая девчонка, из которой лепить можно всё, что в голову взбредёт.

Его величество поставил на белую клетку белого короля.

— А это мой племянничек. У этого мозгов побольше, но нрав такой, что управлять его страстями очень легко.

И Риккард поставил чёрного ферзя. Обе фигуры с ненавистью взирали друг на друга.

— А это офицер. Фигура крупная, но всё же разменная, — добавил Риккард, ставя ближе к белому королю чёрного слона. — Впрочем, и ферзь не важен. Важен лишь король. А король здесь я. И

победа будет моя, потому что что мой меч сильнее, и разменных монет мне не жалко.

С этими словами его величество щёлкнул пальцами по чёрному слону, заставив того упасть и покатиться по доске. Клык посмотрел в сторону фигуры, наделавшей немало шума, и опять гавкнул.

Риккард громко рассмеялся.

— Ты, я вижу, ничего не понял. Эх, глупая голова... Смотри, дурачок. Смотри, слушай и запоминай. Тебе-то я могу всё сказать, так ведь? Ты-то никому не растреплешь. Есть одни земли на юге, которые мне давно нравятся. Острова Берлау. Слышал? Ну, конечно, не слышал. Ничего... скоро прогуляешься по их дворцовым залам и погрызешь гобелены! Дед мой был круглым дураком, потому что обфыркал возможность заполучить эти земли без боя. Да-да. Удивлён? Старую королеву Морвенну, которая недавно сдохла, в юности сватали за моего деда, а он, болван, свысока на неё смотрел. Теперь вот пришло время мне исправлять его ошибки. Правда действовать придётся уже не сладкими речами, а острыми стрелами и пушечными ядрами. Их юная королева, внучка той самой Морвенны, сделала большую ошибку — спасла моего военного командира и нескольких его людей и привезла к себе во дворец. Глупышка. Лучше бы оставила их подыхать в море, ведь теперь, стоит только перехватить её посла, обстряпать на Лисьем перевале разбойничье нападение, надавать ему тумачков да в неразберихе вместо нужного письма подложить другое, как всему Берлау конец! Пшик — и нет королевства. И никто ведь из лордов не воспротивится, потому как в письме будет говориться, что дурёха Ирис не спасла нашего командующего, а взяла в плен, что она не подарила вторую жизнь тем, кто был на волосок от смерти, а своим флотом разнесла наш в щепки. Представь себе, Клык, как рассвирепеет Гай, когда об этом узнает. Из-за каких-то там пешек он бы и пальцем не повёл, но Ферран Стенден не пешка, а достойная фигура, чтобы из-за него развязать войну. Гай, конечно, тут же начнёт просить меня одобрить его решение, и я, конечно, племяша поддержу, а меня поддержат лорды Нолфорта. Всё пойдёт по тому самому привычному сценарию, по которому шли прочие войны, включая Ллевингор. Чего ты так удивлённо на меня смотришь? Как будто не помнишь, что Ллевингор был моей затеей, а Гай лишь её реализовал. А как поставим на всё жирную точку, я и верну меч в ножны, где ему и место.

С этими словами Риккард заговорщицки подмигнул внемлющему его речам псу и обернулся на шум тяжёлой двери.

— К вам Бартл Блаан, ваше величество, — объявили с пафосом. — Из Папоротниковой впадины и с посланием от лорда Рея Альгервильда.

Король насупил брови.

— Сегодня? Он же присылает доклад о делах в начале месяца, а не в середине... Ну, зови. Видать, что-то срочное, раз сегодня своего помощничка пригнал. Затопило у него там всё, что ли? Дожди-то шли... всем дождям дожди.

В столицу королевства Бартл Блаан приезжал с каждым годом всё чаще и чаще. А всё потому, что если раньше лорд Альгервильд ещё мог позволить себе прокатиться в экипаже или верхом за несколько миль от своих владений, то в последнее время по причине здоровья делать это стало совсем не под силу. Но, хвала богам, у него был Бартл. Иначе хозяину впадины пришлось бы крайне туго.

— Как там Рей? — спросил Риккард, как только Блаан показался в дверях и согнулся в поклоне. — Не помер ещё?

— Со здоровьем у лорда Альгервильда неважно, — ответил Бартл. — Ноги отнимаются, и боли в спине участились.

— Он старик крепкий, ещё лет десять точно продержится.

— Да услышат боги ваши слова, ваше величество.

— Услышат-услышат... Кого ж ещё им слушать, если не меня? — Риккард зашёлся мелким смешком. — Что привёз? Давай уже. Не томи.

Помощник лорда Альгервильда сунул руку во внутренний карман серой куртки и вытащил сложенное в несколько раз письмо, скреплённое печатью хозяина, с поклоном протянул то письмо королю, сделал шаг назад, выпрямился по струнке и замер.

Риккард Стернс сорвал печать, развернул листок и вперился в написанное цепким взглядом, жадно глотая каждое слово. По мере того как тек к прочтению становилось всё меньше, лицо короля серело всё больше и к моменту, когда взгляд дошёл до подписи старики Рея, тоном сровнялось с цветом куртки Бартла Блаана.

— Вот, значит, как, — произнёс Риккард, скомкав письмо и сжав в кулаке. — Значит, все эти дни он провёл в Папоротниковых землях

вместе с этой пигалицей, вместо того чтобы быть рядом с женой и на похоронах отца?

— Лорд Альгервильд просил на словах передать вам, что и сам удивился, когда лорд Стернс к нему пожаловал. Он-то рассчитывал, что приедет кто-нибудь из стражи или военных, но никак не сам...

Риккард перебил Бартла, не дослушав:

— А с какой стати Рей вообще кого-то ждал из Торренхолла? На то были какие-то причины?

Бартл Блаан подвоха в вопросе не уловил и ответил прямо:

— Нашим жителям показалось, что они поймали мальчишку, которого разыскивает лорд Стернс, вот хозяин и написал ему письмо.

Риккард сделал вид, что знает, о чём речь.

— Так поймали всё-таки того наглеца? Такого тёмненького и с выбитым передним зубом. Он ещё курей таскал со двора.

— Паренёк по описанию вроде как светленький, ваша милость, но вам, конечно, виднее. Вы-то его, возможно, в глаза видели, раз про куриц знаете. Мы в Папоротниковой впадине понятия не имеем, за что лорд Стернс так на него осерчал. Видать, действительно куры. Его что ж — застучали с ворованным, а он сумел удрать?

— Так и было, — хмыкнул король и наморщил лоб.

За дни, проведённые у племянника в гостях, ему ни разу не довелось услышать ни одного шепотка про мальчишку, разозлившего Гая. Пожалуй, впервые за несколько десятков лет случилась ситуация, когда Риккард Стернс чего-либо не знал из жизни своих вассалов, тем более близких по крови, когда какая-то часть их жизни прошла мимо его ведения, и сейчас ему ничего не оставалось делать, как ловко изворачиваться, притворяясь, что давно в курсе происходящего, и то успело порядком надоесть.

— Лорд Гай был сильно раздосадован, когда обнаружилось, что наши обознались, — распинался Бартл. — Мы думали, он тут же уедет, а он, пока все окрестности не объехал, не успокоился. И девчонка та вечно была при нём. И днём, и ночью. И никто, даже капитан Шеллинг, не знает, откуда она взялась. Как бы не подослал кто... за лордом Гаем следить.

Его величество бросил на помощника папоротникового лорда такой взгляд, каким обычно смотрят на душевнобольного или человека, страдающего манией преследования. Заподозрить в

невзрачной пигалице шпионку было последним, о чём подумал бы Риккард. Нет, правда крылась в другом, и его величество это прекрасно понимал.

— Что ещё просил передать Рей? — хмуро спросил король. Подобные вопросы всегда служили отличным намеком на то, что если больше нечего сказать, то пора уходить.

— Лишь то, что он обеспокоен будущим Нолфорта, ваша милость. Все лорды с нетерпением ждут, когда лорд Гай обзаведётся законным наследником, и подобные игры с его стороны могут их сильно смутить. Это и беспокоит лорда Альгервильда, поэтому он решился вам об этом сообщить. Больше никаких распоряжений не было.

— Тогда от меня передай, чтобы он спал крепко и не беспокоился. Нолфортом будет править лишь тот, кому я это позволю. Ни один бастард к трону и на милю не подойдёт. И ещё передай старику от меня это. — Риккард стянул с мизинца перстень, украшенный сапфировой крошкой, и протянул Блаану. — Это за верную службу и бдительность. И вот ещё: путь у тебя был неблизкий, и ты, верно, устал. Я распоряжусь, чтобы тебя накормили как следует и дали отдохнуть. Как наберешься сил, можешь отправляться обратно.

Последнее было столь удивительно, что Бартл даже потерял дар речи. Сколько ездил с письмами от лорда Альгервильда к королю, никогда не достаивался ничего кроме кружки воды. Лошадь и та получала больше внимания, поэтому сейчас Бартл Блаан стоял как вкопанный и, когда оцепенение прошло, тут же бросился целовать королю руки.

— Ну... — протянул тот, отстраняясь от Бартла. — Полобызал и хватит. Ступай. Нет у меня столько времени, чтобы с тобой тут рассиживаться. Служи Альгервильду верно, а если ещё что заметишь интересное, то не жди, пока хозяин сообразит мне доложить, — сам приезжай. Всегда приму и выслушаю. Усёк?

Бартл Блаан был вне себя от счастья. Так высоко он ещё никогда не поднимался. Теперь ему хотелось расправить обретенные крылья и парить в небе, ощущая себя важным и нужным. И Бартлу совсем не приходило в голову, что те крылья могут с любой миг подрезать.

Когда и помощник лорда Альгервильда покинул комнату, в которой его величество предавался игре в шахматы с самим собой, Риккард вмиг помрачнел, и расставленная на шахматной доске партия

уже не казалась гарантированно выигрышной: действия одной из фигур вдруг стали непредсказуемы, и объяснить их простой физиологической потребностью Риккард, хоть и пытался, но до конца не мог.

— Или я совсем не знаю вкусы своего племянника, или он сбрендил у себя там в Торренхолле... — промычал король, когда более менее переварил в голове прочитанное и услышанное. — Уж лучше б по мужикам пошёл... я бы даже это понял и принял. Но чтобы увлечься такой каракатицей... Дурак дураком. А ведь я предупреждал его, а он даже на мои слова плевал, как и на всё остальное. Что же нам делать, Клык?

Риккард посмотрел в сторону пса, однако взгляд его на морде собаки долго не задержался, а проскользнул к дальнему окну, через которое виднелись лысые макушки деревьев.

— Молчишь? — продолжал беседовать с собакой Стернс. — А я скажу тебе, что меч, на который я возлагал такие большие надежды, затупился. Вот я и думаю сейчас, стоит ли точить его заново, или лучше будет переплавить на металл для новых лопат и заклёпок в хомуты лошадям. Что скажешь? Выбор так сложен и одновременно так очевиден.

Выдохнув последние слова, Риккард разжал пальцы правой руки, в которой до сих пор находилось смятое письмо.

Превратившаяся в кашу бумага хлопьями оседала на пол, а взгляд короля всё так же был устремлён в сторону леса и высоких холмов, за которыми прятались полные сочной зелени долины, молчаливые озёра и быстроходные реки.

Там, далеко-далеко, в нескольких днях езды верхом, начинался Торренхолл, чей хозяин твёрдо стоял на ногах и строил собственные планы по поводу своего будущего. Острый меч, который собрались списать со счетов, резал всё так же чётко и быстро, но тому, кто перепутал рукоять с клинком и, схватив не за тот конец, поранился, этого было уже не понять...

Конец!